

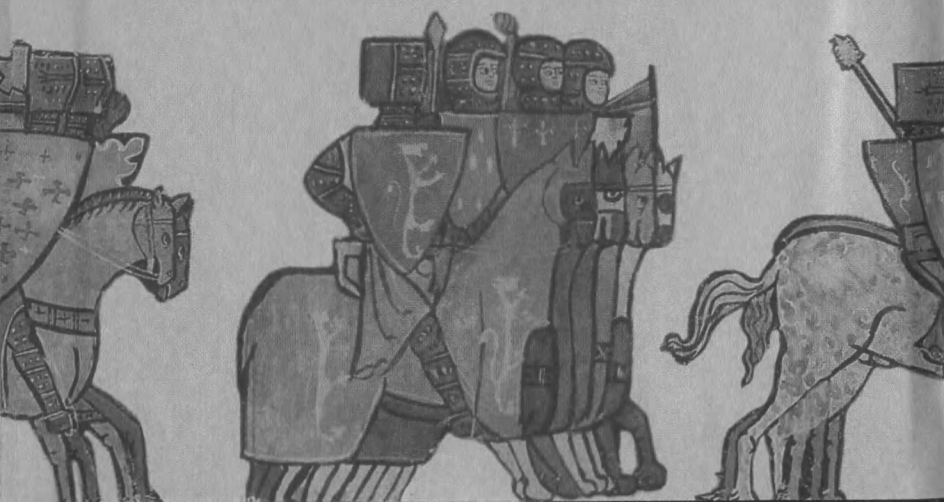
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

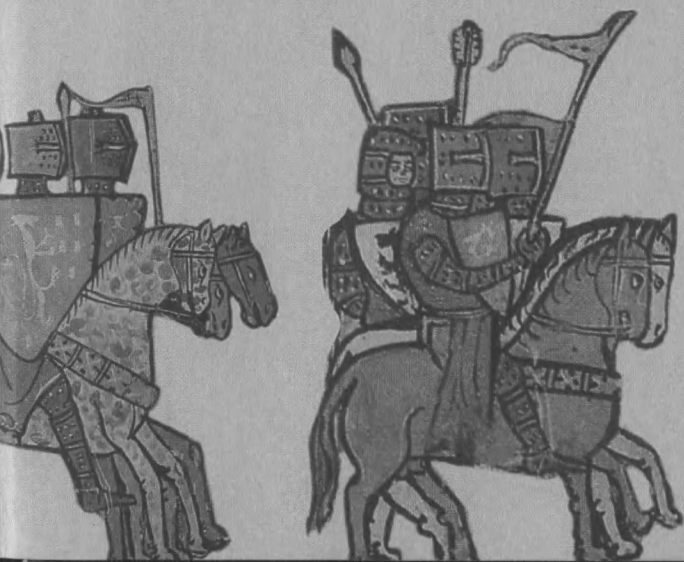
Ж. Брюнель-Лобришон • К. Дюамель-Амадо

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ВО ВРЕМЕНА ТРУБАДУРОВ • XII—XIII ВЕКА

Quom de dien ure scabo
Queres fons quies amos
Et es leuco come lano
Et ses si fca y lano
leferbuna per arfo
a veli et alie et o

C
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Женестьева Брюнель-Лобришон
Клоди Дюамель-Амадо

Geneviève Brunel-Lobrichon

Claudie Duhamel-Amado

Au temps

des troubadours

XIIe-XIIIe siècles

ЖИЗНЬ

ВО ВРЕМЕНА
ТРУБАДУРОВ.
XII—XIII ВЕКА

УДК 882-1(4)
ББК 84-5(4Фра)
Б 89

*Перевод с французского,
предисловие и составление приложения
Е. В. МОРОЗОВОЙ*

*Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА*

*Перевод осуществлен по изданию:
Geneviève Brunel-Lobrichon, Claudie Duhamel-Amado
Au temps des troubadours XIIe—XIIIe siècles.
Paris, Hachette Litteratures, 1997.*

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre*

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры
(Национального центра книги)*

*Ouvrage réalisé avec le soutien
du Ministère des affaires étrangères français*

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции*

- © Hachette Litteratures, 1997
- © Е. В. Морозова, перевод, предисловие, составление приложения, 2003
- © Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2003
- © «Палимпсест», 2003

ISBN 5-235-02477-X

Digitized by Dok-57

Трубадуры — певцы Любви и Прекрасной Дамы — возвысили любовное переживание до степени искусства. И хотя поэзия трубадуров, яркой звездой сверкнувшая на небосклоне Средневековья, быстро скрылась во мраке военных гроз и затем померкла окончательно, уступив место новой литературе, зародившейся на севере страны, слава великих окситанских поэтов пережила века. Никогда не угасал интерес к творчеству трубадуров; благодаря этому интересу не погрузилась в забвение и средневековая культура юга Франции, некогда значительно опережавшая в своем развитии не только северных, но и южных соседей. В наше время слово «трубадур» со значением «певец любви» вошло во многие языки мира. Однако, когда речь заходит о подлинных, исторических трубадурах, неизбежно возникает множество вопросов, ответов на которые значительно меньше.

Встает вопрос определения: трубадуры окситанские или провансальские? Издавна все, что связано с историей и культурой юга Франции, в русской научной литературе традиционно именуется «провансальским», в том числе язык, на котором говорили и писали трубадуры, сама лирика трубадуров...

Однако Прованс — всего лишь одна из провинций Южной Франции, поэтому, стремясь преодолеть неко-

торию двойственность определения «провансальский», во Франции стали активно использовать определение «окситанский». Термин этот исторический: впервые он был употреблен в XIV веке в составленных на латыни документах Парижской канцелярии. В них язык, на котором говорило население недавно присоединенных к владениям французской короны южных провинций, именовался *lingua occitana*, «окситанский язык». Соответственно, за землями юга Франции закрепилось название «Окситания», то есть край, где говорят на «языке ок» (*lenga d'oc*), или окситанском. В настоящее время во французской литературе определение «окситанский» используется применительно к специфическим историко-культурным феноменам юга Франции, а определение «провансальский» осталось за всем, что имеет непосредственное отношение к Провансу. В обиход российской научно-популярной литературы также начинает активно входить понятие «окситанский», хотя когда речь заходит о творчестве трубадуров, многие по-прежнему отдают предпочтение определению «провансальский». В настоящей книге, принадлежащей перу французских исследовательниц Женевьевы Брюнель-Лобришон и Клоди Дюамель-Амадо, разумеется, есть все основания сохранить используемый авторами термин «окситанский».

Итак, поэзия и повседневность. Эпоха трубадуров, продолжавшаяся почти два столетия, условно берет свое начало с рождения «первого трубадура», знатного сеньора Гильема IX, герцога Аквитанского и VII графа де Пуатье (1071—1126), и завершается уходом со сцены «последнего трубадура», Гираута Рикьера, творческая деятельность которого приходится на 1254—1292 годы. Впрочем, отдельные исследователи полагают, что трубадуры были и до Гильема IX, только стихи их исчезли в вихре исторических катаклизмов. Но это замечание, скорее, к слову, ибо убедительных доказательств настоящей гипотезы пока нет.

За сравнительно небольшой для истории срок — около двух сотен лет — трубадуры, имена и стихи (или упоминания о них) которых сохранились, ус-

пели создать рифмованную лирическую поэзию на новом романском языке, наметить основные направления и формы европейской поэзии, а главное, определили модель любовного переживания, ставшую неотъемлемой частью европейской «культуры чувств». «Все мы вышли из куртуазной любви трубадуров», — вполне могут сказать о себе современные влюбленные, расточающие комплименты своим очаровательным возлюбленным. Трубадуры научили мир любить и славить Даму, создали свой собственный куртуазный универсум, где царила женщина — Дама, Донна, прекрасная и недосыгаемая.

Новое куртуазное мировоззрение, выработанное трубадурами, кардинально изменяло взгляд на женщину, внушаемый церковью. Из «сосуда греха», существа нечистого, чье тело Дьявол сделал своим излюбленным местопребыванием, женщина превращалась в высшее существо, служение которому составляло цель жизни куртуазного рыцаря. В куртуазном универсуме трубадуров правил Amor, бог любви. Однако он значительно отличался от своего античного предшественника, ибо вел влюбленного не столько к любви-обладанию, сколько к любви, возвышающей и совершенствующей душу. Эта идеальная любовь находила свое выражение в *служении*, одном из главных понятий средневековой ментальности. Не было ни одного сословия, которое не было бы охвачено служением — властелину земному или небесному. Вилланы служат феодалу, работая на его полях, вассал с оружием в руках служит своему сеньору, король служит опорой Церкви, Церковь служит Господу. Люди делились на служителей Господа, *milites Dei*, и служителей мирских, *milites mundi*. Трубадур — служитель Донны, *miles dominae*.

Несмотря на всю свою новизну, искусство и мировоззрение трубадуров вполне вписывались в идеологические постулаты Средневековья. Повседневная жизнь трубадуров также мало чем отличалась от повседневной жизни их современников. Трубадуры-знатные сеньоры жили в замках, как подобает сеньорам, трубадуры-бедные рыцари, равно как и

трубадуры-простолюдины, проводили жизнь в странствиях, стремясь найти богатого и щедрого покровителя. Для многих из них поэтическое искусство являлось единственным способом заработать себе на жизнь. Знатные трубадуры могли разориться, поддерживая своих неимущих собратьев по искусству. К таковым принадлежал, например, Раймбаут Оранский. А сын скорняка Пейре Видаль, прославившийся своими сумасбродствами (например, влюбившись в даму по имени Лоба, что на окситанском означает «волчица», он в знак своего ей служения бегал по горам, натянув на себя волчью шкуру), но более всего блистательным трубадурским талантом, напротив, возвысился, «держал великолепных коней, носил роскошное оружие» и имел слуг. Не будучи объединенными в корпорацию, трубадуры тем не менее обладали определенной профессиональной выучкой, получаемой ими, видимо, уже в процессе «работы» в рыцарско-куртуазной среде, которую они одновременно и формировали, и воспитывали. Возможность существования «школ трубадуров» авторы настоящей книги не отрицают, однако прямых доказательств этого им отыскать не удалось.

В целом — и авторы это подчеркивают — сведений о собственно повседневной жизни трубадуров сохранилось немного — возможно, потому, что современников интересовали прежде всего стихи (вспомним установку средневековой литературы на подражательство и анонимность), а не личности поэтов. Сами трубадуры также не слишком заботились об увековечении себя в «повседневной истории». Составление жизнеописаний «древних и наиславнейших провансальских пиитов» началось только в середине XIII столетия, когда имена многих из них стали легендарными, а факты из их жизни основательно подзабылись. Поэтому авторам, решившим воссоздать повседневную жизнь трубадуров, пришлось прибегнуть к источникам, имеющим лишь косвенное, прежде всего хронологическое, отношение к знаменитым поэтам. Видимо, на этом основании

они и книгу свою назвали «Повседневная жизнь во времена трубадуров XII—XIII веков».

Впрочем, разве трубадуры не сидели за пиршественными столами, не плыли крестовыми воинами в Святую землю, не носили роскошного платья? Наверняка они также давали религиозные обеты, совершали паломничества к христианским святыням, пользовались «божьем перемирием», совершая свой путь от замка к замку... Изобилие приводимых в книге исторических источников погружает нас в мир средневековой повседневности, в центре которой находится фигура трубадура. Но трубадур — персонаж своего рода знаковый, олицетворяющий собой средневековую культуру прежде всего Южной Франции, самобытный уклад жизни которой отличался от Франции Северной.

Через Окситанию, родину трубадуров, пролегали наиболее важные дороги средневековой Западной Европы. На ее территории оформлялись маршруты паломников, направлявшихся поклониться святому Якову Компостельскому, папе в Рим или ехавших в Святую землю. Корабли с паломниками и крестоносцами отплывали из Марсея и порта Сен-Жиль, расположенного между Арлем и Нимом. В средиземноморские порты купцы привозили предметы роскоши, тотчас входившие в моду среди знати и богатых горожан. Развитие торговли способствовало развитию коммуникаций, росту ремесла и, как результат, развитию городской цивилизации. Многие окситанские сеньоры, включая могущественных графов Тулузских, подолгу жили в своих городских жилищах, нередко соседствовавших с жилищами простых горожан — торговцев и ремесленников. Города управлялись муниципалитетами, состоявшими из чиновников (консулов), избравшихся из уважаемых горожан и нотаблей. Близость арабской Испании, Востока, разношерстные массы людей, постоянно передвигавшиеся по дорогам Окситании, способствовали созданию в средневековом окситанском обществе атмосферы веротерпимости и своеобразного социального согласия. К примеру, до альбигойского

погрома евреи в Окситании могли исповедовать свою веру и занимать любые должности в тогдашней системе управления.

Без сомнения, «воздух вольности» не мог не сыграть своей роли в жизни трубадуров, этих, по определению авторов настоящей книги, первых представителей «коммуникативного» ремесла. Принадлежность к славной когорте куртуазных поэтов ставила на одну доску и аристократа, и простолюдина. Тем не менее и общество с его проблемами, и даже губительные альбигойские войны получили в поэзии трубадуров лишь второстепенное отражение. Говоря словами Жерара де Седа, окситанские поэты на протяжении двух столетий воспевали недостижимую любовь и жаловались на отказ неумолимой красавицы. То есть являлись, как сказали бы сейчас, проводниками куртуазной идеологии рыцарства (воинов).

Рыцарство эпохи трубадуров активно включилось в борьбу с неверными. Двухсотлетняя эпоха окситанской лирики почти в точности совпадает с эпохой Крестовых походов: в 1097 году начался Первый крестовый поход, а в 1291 году пали последние владения крестоносцев в Сирии и Палестине; в 1071 году родился «первый трубадур» Гильем Аквитанский, а в 1292-м — ушел со сцены «последний трубадур» Гирут Рикьер. В истории обычно не бывает ни однозначных, ни случайных совпадений. «Божий мир», который стремилась установить Церковь, определенная стабилизация общества шли вразрез с интересами многих сотен молодых сеньоров, весь талант которых заключался в умении владеть мечом. С распространением майоратного права таких сеньоров — младших отпрысков дворянских семей — становилось все больше, а средств к существованию у них — все меньше. У многих сеньоров были боевые дружины, состоящие из вассалов, которых они были обязаны кормить и снаряжать. Энергию воинского сословия надо было направить в «мирное» русло.

Забываясь о поддержании порядка, папа Урбан II в 1095 году в Клермоне поведал рыцарям о страданиях

христиан на Востоке и призвал их освободить Гроб Господень, оскверненный нашествием мусульман, пообещав отпущение грехов и рай тем, кто погибнет в сражениях за веру. За море хлынули сотни рыцарей — знатных и безвестных, оруженосцев, слуг и простолюдинов, надеявшихся заслужить не только царствие небесное, но и толику земных благ.

Пока рыцари воевали в Святой земле, оставшимся дома женщинам пришлось взять на себя бремя забот управления — домом, слугами, хозяйством. Таким образом роль женщины в обществе, возросла, по сути, сама собой. Об этом пишет ряд авторов, посвятивших себя изучению быта Средневековья, и среди них известный архитектор, историк и эрудит Эжен Эмманюэль Виолле-ле-Дюк. Досуг знатной дамы, оставшейся полновластной хозяйкой замка, располагал к поэзии, а многие дамы-южанки были достаточно образованы, чтобы в полной мере оценить искусство трубадуров. Недаром среди окситанских поэтов было немало (разумеется, относительно!) женщин, и все они, как отмечают авторы настоящей книги, были знатного происхождения и принадлежали к высшей аристократии юга. Такая ситуация вполне способствовала созданию легенды о том, что куртуазную любовь можно питать только к замужней женщине, а следовательно, в основе ее лежит адюльтер. Однако один из крупнейших исследователей творчества трубадуров Шарль Кампру убедительно показал, что подобная трактовка любви средневековых окситанских поэтов появилась значительно позднее, чем жили и творили трубадуры. По его мнению, средневековые окситанские поэты воспевали любовь мужчины и женщины, влюбленной пары, вне зависимости, была ли дама связана брачными узами или нет. Церковный же брак изначально освящал не столько соединение двух влюбленных, сколько прагматические интересы, преследуемые породнившимися семействами.

Крестовые походы стали для многих рыцарей своеобразным открытием «другого мира», непохожего на их собственный, привычный мир. Прежде они сра-

жались с «неверными» сарацинами на европейской земле, территории христианства, и подвиги наиславнейших из них — Роланда, Гильома Оранжского — были воспеты в эпических поэмах Средневековья. В Святой земле крестоносцам, по сути, пришлось воевать на чужой территории, защитники которой были готовы оборонять до последнего и ее, и свою веру. На Востоке перед глазами европейских рыцарей предстала неведомая им прежде культура, у них появилась возможность познакомиться «на месте» с эзотерическими учениями Востока. Предание гласит, что в Святой земле Раймон де Сен-Жиль, IV граф Тулузский (один из предводителей Первого крестового похода) познакомился с учением манихейцев, лежащим в основе учения катаров, еретиков, сыгравших трагическую роль в судьбе Окситании. Согласно тому же преданию Раймон де Сен-Жиль одним из первых начал тайно исповедовать доктрину катаров, что стало одной из причин массового распространения катаризма во владениях графов Тулузских — крупнейших феодальных сеньоров юга Франции. Графу де Сен-Жилю приписывают также находку Священного копья, наконечник которого был обгажен кровью Христовой. В отличие от других христианских реликвий копьё это впоследствии было утеряно.

Куртуазное учение трубадуров выступает в роли своеобразной рыцарской идеологии, востребованной обществом, пребывающим в состоянии непрерывной войны, преподносимой как война за веру, то есть за духовные ценности. Но наверняка многие из отправившихся за море рыцарей столкнулись там отнюдь не с тем, что они ожидали увидеть, исходя из речей призывавших к крестовому походу проповедников. Куртуазное учение трубадуров не только облагораживало грубые нравы рыцарей-воинов, но и давало им новые духовные ценности, новую веру — в возвышенную любовь, очищающую и совершенствующую душу. Ведь если судить по распространившимся в это время еретическим учениям (катары, вальденсы, патарены...), многие в ту по-

ру искали иную духовную опору, нежели та, которую традиционно предоставляла им католическая церковь. Правда, в среде еретиков было больше представителей будущего третьего сословия, нежели рыцарей.

Куртуазность, отраженная в лирике трубадуров, в отличие от куртуазности, пропагандируемой рыцарским романом, позднем современнике окситанской поэзии, расцветшем в Северной Франции, не содержала понятие рыцарской авантюры, испытания. Ведь те, для кого пели свои кансоны трубадуры, в основном и не нуждались в рассказах о вымышленных чудесах и сражениях, ибо виденное ими превосходило любой вымысел. Не стал ли куртуазный универсум трубадуров своего рода духовным пристанищем для испытавшей немало потрясений души крестового воина? Тем более что символом нарождавшегося нового общества, очевидно, становилась женщина, амбивалентность которой получила свое выражение в культе Святой Девы — Богородицы и культе возлюбленной.

Разумеется, настоящие рассуждения не претендуют на научно обоснованные истины, они всего лишь порождены прочтением книги, которую вы сейчас держите в руках. Несмотря на сравнительно небольшой объем, она выстроена на прочном и глубоко заложенном фундаменте предыдущих исследований, посвященных трубадурам и их эпохе. Отсюда частые библиографические отсылки не к одному, а сразу к нескольким источникам. Авторы говорят с читателем на равных и, предполагая его осведомленность в основных вопросах рассматриваемой ими темы, побуждают его к дальнейшим размышлениям. Тем же, для кого эта книга станет первым знакомством с трубадурами, они дают путеводную нить для продолжения знакомства.

Действительно, литература о трубадурах более чем обширна. Список работ, помещенный в данной книге, лишь малая ее часть, представленная в значительной степени работами французских авторов. Поэтому есть все основания сказать несколько слов о

«русской провансалистике». На русском языке специальных работ (включая переводные), посвященных средневековым окситанским поэтам, немного, и практически все они (за исключением статей в периодических изданиях) указаны в библиографии, предпосланной основной, авторской. Исследований средневековой лирики в целом несравнимо больше, однако подробно перечислять их здесь было бы вряд ли целесообразно, ибо проблемы, в них затрагиваемые, зачастую не связаны напрямую с вопросами, которые ставит перед исследователем поэзия трубадуров. Тем не менее нам кажется необходимым назвать ряд имен замечательных русских филологов, благодаря которым провансальские (окситанские) трубадуры прочно вошли в наш культурный обиход: это В. Ф. Шишмарев, А. Н. Веселовский, Е. В. Аничков, Р. А. Фридман, наш современник М. Б. Мейлах.

Виртуозная игра слов, сложные строфические построения делают кансоны трубадуров крайне сложными для перевода, поэтому во многих зарубежных работах их цитируют в оригинале или в прозаическом подстрочнике. Мы имеем счастливую, на наш взгляд, возможность цитировать многие стихотворения в блистательных переводах В. Дынник и А. Наймана, а также Ф. Батюшкова и В. Брюсова. Недавно Игорем Белавиным осуществлен перевод «Песни о крестовом походе против альбигойцев» (9582 стиха, разделенные на 214 неравных лесс), отрывки из которой впервые публикуются в настоящем Приложении.

О трубадурах, поэзии и прозе средневековой жизни написано множество трудов. Книга Женевьевы Брюнель-Лобришон и Клоди Дюамель-Амадо принадлежит к тем из них, о которых можно говорить долго, ибо она дает основания для размышлений на самые разные темы, так или иначе связанные с трубадурами и их эпохой: «трубадуры и катары», «трубадуры и церковь», «куртуазия и служение»... Каждый читатель, без сомнения, сумеет отыскать в ней то, что представляет интерес именно для него. Но так как книги о трубадурах на русском языке появляются до-

статочно редко, а издания лирики трубадуров практически стали раритетами, было решено дополнить работу французских исследовательниц Приложением, поместив в него переводы из староокситанской поэзии, а также ряд текстов, характеризующих «Повседневную жизнь во времена трубадуров XII—XIII веков». Таким образом, читатель получает своеобразный путеводитель в мир средневековых окситанских поэтов. Успехов ему на этом увлекательном пути.

Е. Морозова

Памяти Жоржа Дюби

ВВЕДЕНИЕ

«Трубадур» и «двор»: неразрывное единство

Трубадуры явились создателями куртуазного кодекса поведения, во главу угла которого было поставлено искусство любви; в XII—XIII веках новая модель поведения прочно утвердилась при дворах сеньоров Южной Франции. Творчество трубадуров наложило неизгладимый отпечаток на два века южнофранцузской истории и во многом способствовало консолидации аристократического сословия южан.

Трубадур (от староокситанского *«trobador»*, что буквально означает «изобретающий», «находящий новое») — поэт, слагающий стихи о мирской любви на окситанском языке; одновременно он сам сочиняет к своим стихам музыку и, чаще всего, сам же и исполняет свои произведения как перед знатной аудиторией, так и перед друзьями, равными ему по положению, как это происходило в случае герцога Аквитанского Гильема IX, традиционно именуемого первым трубадуром. Трубадур пел свои кансоны перед гостями сеньора, а потом внимал восторгам публики; впрочем, иногда ему приходилось выслушивать советы и даже упреки. Говоря современным языком, окситанский поэт, певец и музыкант, называвший себя трубадуром, был интеллектуалом, сочинителем и актером в одном лице; еще он исполнял

функцию средства массовой информации, связующего звена между дворами сеньоров, где он не только демонстрировал свое искусство, но и рассказывал последние новости, сообщал о новинках моды и сплетни из придворной жизни. В XII веке в Окситании дворы сеньоров не только многочисленны, но и подвижны, ибо нередко меняют свое местопребывание, отчего их даже называют «бродячими».

В старых книгах с картинками и современных фильмах трубадур и его слушатели прогуливаются по просторному, с высоким потолком, залу средневекового замка, обогреваемому огромными каминами и освещенному лучами солнца, льющимися из многочисленных стрельчатых окон. Хрупкие томные дамы в высоких остроконечных головных уборах, именующихся энненами, флиртуют с мужчинами в узких штанах-чулках, называемых шоссами. Вокруг длинных столов снуют виночерпии и слуги, разносящие на вытянутых руках сосуды с водой для мытья рук и блюда с жареными кабанами и косулями; они стараются не наступить на борзых, растянувшихся на каменных плитах пола. Очаровательная и слащавая картинка, которую увлеченные Средневековьем романтики сфабриковали в XIX столетии. Оставив в стороне прочие анахронизмы, скажем только, что эннен и шоссы вошли в моду значительно позже — в эпоху «больших замков», строительство которых началось около 1400 года к северу от Луары...

Во времена трубадуров не было подобной роскоши. Окситанские поэты пели свои кансоны в тесных сумрачных залах высящихся на скалах замков, более напоминающих крепости, или в немногим более комфортабельных жилищах, принадлежавших их покровителям в городах или укрепленных селениях, именуемых «бастидами». И есть им приходилось чаще всего из деревенских горшков, куда наливали мясную похлебку или накладывали вареного турецкого гороха; восседать за праздничным столом сеньора, где подавали различные сорта мяса и изысканные соусы, мастерски приготовленные поварами на кухне замка, доводилось далеко не многим и доста-

точно редко. Жилища, где трубадуры демонстрировали свое искусство, отличались большим разнообразием: от роскошного замка до простого деревенского дома, ибо само дворянское сословие было далеко не однородно, и различия между аристократами на имущественном и культурном уровнях были достаточно велики. Впрочем, в своей повседневной жизни тогдашние аристократы были привычны к резким переходам от изобилия к скудости.

Мы не имеем оснований говорить о специфическом образе жизни трубадуров, каких-то особых манерах, им присущих, или особом платье, их отличавшем. Объясняется это тем, что, во-первых, они никогда не объединялись в профессиональную группу или корпорацию, имеющую устав или определенные правила, специальные костюмы и знаки отличия, ритуал посвящения. Во-вторых, сами трубадуры происходили из различных общественных сословий. В жилах одних текла благородная кровь, другие были выходцами из семейств зажиточных горожан или селян. Трубадуры из дворянских родов и зажиточных семейств имели постоянный источник дохода, собственное жилище и использовали любую возможность поучаствовать в праздниках, устраиваемых сеньорами; они прекрасно понимали, что многие гости приедут специально для того, чтобы их послушать, и, желая стяжать славу, ездили от замка к замку, не слишком заботясь о том, прольется ли на них золотой дождь. Но были и другие трубадуры, не имевшие ни наследных владений, ни собственного угла; все их богатство заключалось только в их таланте и отваге. Таким поэтам сначала приходилось добиваться приглашения в замок, потом изо всех сил стараться заслужить награду кастеляна или могущественного сеньора — герцога Аквитанского, короля Арагонского, графа Тулузского, графа Овернского, графа де Фуа, виконтессы Нарбоннской или других не менее знатных властителей, а потом попытаться заручиться предложением погостить в замке. Немало трубадуров — и далеко не самых захудалых — вели кочевую жизнь, перемежая короткое пребывание в

роскошных замках с долгими периодами ожидания новой удачи, нередко впадая в крайнюю нищету, особенно когда приходилось покидать теплое жилище и в слякотное время года пускаться в путь наугад, слушая голодное урчание собственного желудка и согреваясь лишь надеждой вновь обрести утраченный рай:

Теперь, когда свирепствует холод, / И все дрожат от него и зябнут, / Светские развлечения, ухаживания за дамами / И песни, равно как и любовные утехы, / Ценятся гораздо больше, чем в то время года, когда на свет появляются листья и цветы. / Но тот, кто отважен и бодр, / Не должен зависеть от привычных нам времен года и от общества. / Ведь только от своего благородного сердца следует ему ожидать помощи (1).

Но если дела и поступки крестьянина или монаха вписываются в размеренный ритм часов и дней, то жизнь трубадура полна превратностей: заказ, выполнение заказа, устный «перформанс» — все это зависит от его энергии, способности преодолевать расстояния и приспособливаться к новой обстановке. Его повседневный образ жизни, его личная жизнь крайне нестабильны, полны неожиданностей и являются собой череду контрастов между веселой — как добровольной, так и принудительной — жизнью при дворе сеньора и существованием в бедной хижине, где каждый день начинается с заботы о хлебе насущном, между путешествием на сытый желудок и голодным бродяжничеством, между опасными дорогами войны и не слишком безопасными тропами паломников; не заказан трубадуру и путь за море в рядах крестоносного воинства. Поэтому дорога занимает в повседневной жизни трубадуров не менее важное место, чем жилище сеньора.

Из-за недостаточной сохранности рукописного наследия трубадуров мы вряд ли можем в полной мере оценить их вклад в культуру средневекового Запада. Однако недавние работы историков и литературоведов, музыковедов и антропологов с уверенностью позволяют делать выводы о действительно край-

не важном значении *trobar*², новой поэзии, воспевавшей на народном языке мирскую любовь, получившую название *fin'amor*³, «куртуазная любовь». В бурную эпоху Крестовых походов латинское, христианское и даже клерикальное воздействие церковной музыки (*tropator*, «сочинитель тропов», неканонических вставок в литургические тексты, превратился в *trobador*) столкнулось с влиянием поэтической культуры арабов-мусульман. Военной добычей сеньоров-южан, помимо оружия, тканей и модных одежд, становились прекрасные рабыни, получившие образование при андалусских дворах. Вслед за Робером Лафоном, не стоит удивляться, что «песенное исполнение стихов, будь то в Окситании, на юге Испании или на Востоке, всегда являлось неизменным атрибутом придворного празднества. В то же время любовь становилась признаком утонченности нравов» (2). Повинуясь распространившейся повсюду моде, мирскую любовь воспевают в стихах на народном языке, и дерзкое искусство *trobar*, с самого своего возникновения подрывающее моральные устои порядка, установленного латинской Церковью, стремительно завоевывает популярность. Однако, говоря о становлении «целостной цивилизации, как на высоком интеллектуальном уровне, так и на уровне повседневной жизни» (3), нельзя забывать о той большой роли, которую сыграли в этом процессе окситанские и испанские евреи, переводчики и коммерсанты (4).

Археология, история искусств, изучение родовых аристократических родов юга, литературные изыскания — вот передовые рубежи штудий, посвященных Средневековью в Южной Франции. Руины крепостей или городских жилищ XII—XIII веков, раскопки на кладбищах, фрагменты настенных росписей, миниатюры, украшающие рукописи, комментированные издания куртуазных романов на окситанском языке, короткие отрывки стихотворений, архивные документы, нотариально заверенные описи, редкие книги записей, сохранившие для нас описания жилища, еды, поведения за столом, одежды и

украшений — вот те источники, которые специалисты в области различных дисциплин учатся читать «по-другому» и использовать их все без исключения. Ничто не остается без внимания. Еще несколько десятилетий назад историки считали «Книгу Чудес» Гервасия Тильберийского (5), составленную в конце XII века, слишком субъективным памятником литературы, чтобы на его основании можно было делать объективные выводы, и слишком фантастическим, чтобы воспринимать его всерьез. Сегодня они с энтузиазмом изучают его, дабы определить место чудесного, место легенды в ментальности южан, ибо тексты так называемого практического характера (завещания, брачные контракты, купчие...) дают картину, искаженную юридическим рационализмом. Впрочем, теперь считается, что все источники — в том числе и законодательные акты — носят субъективный характер и, следовательно, представляют особый интерес. Привлекая тексты генеалогий и жизнеописаний, исследуются метаисточники, способствующие расширению базы данных, полученных историками-документалистами и литературоведами. Таким образом, уже получены первые, неизвестные прежде сведения о передвижениях трубадуров, о связях, существовавших между жителями Лимузена, Оверни и Лангедока. Мысль о «связующей» — в прямом и переносном смысле — функции трубадуров в исследуемых нами двух веках находит, таким образом, новые подтверждения.

*Земля в окружении морей и гор, ее согревает солнце
и овевают ветры*

Пространство, на котором жили и творили трубадуры, занимало примерно половину нынешней Франции; в этих краях прежде говорили на языке «ок» (так в нем звучала утвердительная частица «да») и его диалектах; отсюда пошло название «Окситания», а язык стал именоваться «окситанским». Земли Окситании простирались между Атлантическим океаном и

Средиземным морем, между Пиренеями, Центральным Массивом и Альпами; ее южные границы проходили по Пиренейским горам, затем следовали вдоль средиземноморского побережья и далее, совпадая с границами графства Прованского, соседствовали с Итальянским королевством. На севере окситанские земли граничили с краями, где во времена трубадуров говорили на старофранцузском языке, именуемом также языком «ойль» (так в нем звучала утвердительная частица «да»), однако эта граница не имела четкого выражения. С запада на восток окситанский рубеж, вобрав в себя провинции Сентонж и Пуату, отчетливо изгибался к югу, обходил аббатство Гранмон, захватывал Марш, оставляя северянам Берри и Бурбоннэ, затем Клермон-Ферран и Овернь, оставив в стороне Сент-Этьенн, пересекал Рону между Романом и Валансом, обнимал Дофинэ, а потом сливался с границей, отделявшей графство Прованское от Ломбардии.

Аквитания отличалась мягким климатом: близость океанских вод умеряла воздействие палящих лучей солнца; в средиземноморской части Окситании хватало и жарких солнечных дней, и яростных ветров, и ливневых дождей с градом, наступавших после изнуряющих недель засухи и жары. Климатические контрасты, от которых станут тяжко страдать уроженцы Северной Франции, те, кому предстоит отправиться в военную экспедицию, известную под названием Крестового похода против «альбигойских еретиков», оказывали большое влияние на формирование темперамента и воображения жителей юга.

Раймбаут Оранский, родившийся среди пустыней, окружавших Монпелье, а затем обосновавшийся в Провансе, воспел «цветок перевернутый», зимний цветок, переверот чувств, когда зло порождает веселье, холод — жар, а все вместе является метафорой чрезмерного и пылкого любовного чувства:

Все в мире перевернул я, / Стали долиною скалы, /
Гром отзывается трелью, / Покрылись листьями прутья,
/ Цветком прикинулась наледь, / Стуже — тепла не ужалить,
/ И так моя жизнь весела, / Что больше не вижу я зла (6).

Важную роль в жизни окситанских крестьян играл ветер; любой земледелец знал все названия ветров и ветерков, дующих в его крае. В каждой долине свои ветерки, их много, и все они вносят свою, пусть даже крохотную, лепту в формирование местной розы ветров. Ветра делали жизнь человека более суровой, они не щадили природу и порождали множество историй и легенд. Явившись в конце XII века с берегов туманного Альбиона, Гервасий Тильберийский собрал немало преданий о ветрах. В одном из них, к примеру, рассказывается о святом Цезарии Арелатском, который, поймав морской ветер в свою перчатку, выпустил его в одну из долин Прованса, дабы земля в этой долине стала плодородной.

В чьих руках власть

В конце XI века, то есть как раз в то время, когда началось формирование куртуазного универсума, политическое пространство христианского Запада делилось между четырьмя полюсами притяжения: императорские владения в Германии, владения французской королевской династии Капетингов в центре Парижского Бассейна, владения английских королей, включающие в себя, помимо владений в Британии, герцогство Нормандию, и разрозненные, не связанные между собой владения, по которым пролегали маршруты трубадуров. Пространство, занимаемое этими владениями, в свою очередь, делилось на четыре политических объединения: Аквитанию, Лангедок, Прованс и Каталонию.

Герцог, резиденция которого находилась в Пуатье, владел наиболее обширной территорией. В середине XII века в результате брака наследницы герцога Аквитанского провинция перешла под непосредственное управление короля Англии, стала его доменом. Первые знаменитые трубадуры были родом из Аквитании.

Второе территориальное образование незадолго до 1300 года получило название «Лангедок»; именно

так канцелярия короля Франции станет называть политическое единство, сформировавшееся из владений графов и виконтов, находившихся в вассальной зависимости от династии графов Тулузских; после смерти последнего графа Тулузского подвластные ему земли были присоединены к королевскому домену. Значительная часть трубадуров являлась уроженцами Лангедока; там же долее всего сохранялись поэтические традиции трубадуров.

Прованс, третье большое политическое единство (в нем объединились епархии Арля, Экса и Амбрёна) в период становления искусства трубадуров никак нельзя назвать краем поэтов; однако в XII веке роль Прованса как питомника, где процветает поэтическое искусство трубадуров, неизмеримо возросла. На владение Провансом претендовали два влиятельных семейства — графы Тулузские и графы Барселонские, им даже приходилось делить между собой управление этим краем. Поэтому накануне XII столетия Прованс оказался разделенным на две части, граница между которыми пролегла по реке Дюранс, являющейся притоком Роны. В то время, когда в Аквитании и Лангедоке устанавливалось господство французских королей, Прованс, с X века входивший в состав королевства Бургундского, присоединился к Священной Римской империи германской нации.

Во времена Гильема IX, герцога Аквитанского (1071—1126), первого из известных нам трубадуров, из дюжины небольших графств, расположенных по ту сторону Пиренеев, образовалось сильное княжество, территория которого впоследствии получила наименование «Каталония»; политическим центром княжества стала Барселона. В середине XII века Каталония входила в состав домена короля Арагонского. Являясь частью ареала распространения окситанского языка, Каталония также внесла свою лепту в расцвет искусства трубадуров.

В период, когда окситанская поэзия достигла своего наивысшего расцвета, судьба края оказалась в руках трех королей и одного императора. Конкурируя за право владеть окситанскими землями, они явля-

лись на них то с миром, то с мечом: для короля Англии в его аквитанских владениях, для короля Арагонского и графа Тулузского в Лангедоке верховным сюзереном считался король Франции; верховным сюзереном графов Тулузских и Барселонских в их владениях в Провансе являлся германский император; местные владетельные сеньоры, издавна возглавлявшие мелкие территориальные образования в Аквитании, Лангедоке и Провансе, пребывали в сложных вассальных отношениях с властью королей и императора.

Трубадуры служили суверену, князю или владетельному сеньору, славили его, слагали песни о его деяниях, распространяли его воззрения, передавали его послания. Отсутствие жестких властных структур и взаимосвязей между отдельными областями и, в частности, между областями обширного графства Тулузского сыграло свою негативную роль в большой политической игре, результатом которой стало неизбежное присоединение Окситании к Французскому государству.

КУРТУАЗНЫЕ ДВОРЫ ОКСИТАНСКИХ СЕНЬОРОВ

Хороший двор и куртуазная служба

Власть сеньора

Для трубадура двор сеньора является единственным источником благосостояния и почестей.

Власть сеньора над своими людьми безгранична. Подобно королю в своем королевстве, он решает участь «своих людей» и их имущества, судьбу рыцарей, крестьян и ремесленников, живущих на его земле. Он кормит и одевает своих домочадцев, ближайших родственников, родных и слуг, которые, словно астероиды, вращаются вокруг сеньора и его жены, «дамы», на которую устремлены взоры всех мужчин, а особенно трубадуров.

Если господин обладает могуществом, если у него в подчинении имеются другие знатные сеньоры, он обычно ведет кочевую жизнь, разъезжая по замкам своих подданных, где по случаю его приезда устраивают различного рода увеселения. Рожер, виконт Каркассонский, например, долго гостил в замке Галлар, что возле Фанжо; там он тяжело заболел и, не будучи в силах вернуться к себе во дворец, так и скончался в гостях. Но обычно Рожер собирал свой двор в своем «дворце» в Каркассонне, в «круглом зале», стены которого были расписаны фресками в романском стиле; на них и по сей день еще можно различить изображения рыцарей-христиан, вступивших в

смертельную схватку с арабами; правда, сегодня стенная роспись стерлась более чем наполовину.

Сеньор наделен властью над словами. Прежде чем принять решение, он созывает совет, состоящий из родичей (кровных родственников и родственников со стороны жены) и «верных рыцарей» (связанных с ним клятвой верности). Он выслушивает их мнение в самых различных ситуациях: когда надо рассудить ссорящихся, решить вопрос о браке или о пострижении в монахи кого-либо из членов рода, когда надо набрать военную дружину или отправиться в паломничество или крестовый поход, когда приходит нужда оставить владения под надежным присмотром.

Судебные разбирательства или семейные советы, в которых принимают участие лица исключительно благородного происхождения, плавно переходят в торжества; тогда слово предоставляется трубадурам и всем тем приглашенным, кто дерзнет бросить им вызов или составить конкуренцию. Известность таких праздничных ассамблей и громкие имена выступавших на них сочинителей способствуют укреплению престижа дома. Нет такого сеньора, который не хотел бы прослыть меценатом. Но если на дороге, ведущей к владениям знатного феодала, в один прекрасный день непременно заметят группу жонглеров, направляющихся к замку, то, разумеется, есть немало мест, куда никогда не ступает нога трубадура. Это жилища мелких сеньоров, слишком бедных, чтобы прокормить сочинителя и вознаградить его за труд, уединенные замки, стоящие в стороне от проторенных путей, а также дома сеньоров, имеющих, на свое несчастье, завистливых соседей: заполучив в гости трубадура, завистники задерживают его у себя, не давая ему возможности побывать у своего соседа.

Двор переменчивый и непостоянный...

Современник трубадуров классического периода, англичанин Уолтер, или, на французский манер, Готье Мап в 1173 году сопровождает Генриха II в Лимож, где

в то время располагается королевская резиденция. Точными и верными словами, которые пришлось бы по вкусу даже современному социологу, Мап сравнивает королевские дворы Англии и Аквитании:

Этот двор является образованием временным, переменчивым и непостоянным, он может пребывать на месте, а может и кочевать с места на место, поэтому он никогда не бывает одинаков... Впрочем, собственно двор остается прежним, меняются те, кто при нем пребывают (1).

Двор Генриха II в Англии является стабильным центром сосредоточения власти, где вокруг личности монарха и тесного круга домочадцев — родственников, рыцарей, трубадуров и клириков, принадлежащих к его дому, — формируется совет, в который входят самые знатные вассалы, прелаты и военачальники, состоящие на королевской службе. И все эти лица составляют двор. В Лиможе же, где Гютье со свойственной ему проницательностью наблюдает за тем маленьким обществом, что приняло его в свои ряды, королевский двор, очевидно, малочисленней; по сути, он сводится к родственникам — аквитанцам или англичанам (тем, кто вслед за Генрихом решил пересечь Ла-Манш) и нескольким вассалам — лимузенцам и аквитанцам, преимущественно крупным феодалам и военачальникам. Кроме того, состав придворных меняется день ото дня, в зависимости от количества прибывающих гостей, друзей, попрошайек и артистов.

То же самое можно сказать и о дворах владетельных сеньоров, к которым относится, например, граф Тулузский, живущий то у себя в городе, то в своих замках в Сен-Жиле или Бокэре, неподалеку от Арля. В Тулузе при дворе также собираются родственники, рыцари, трубадуры, клирики, знатные вассалы и военачальники; однако здесь к ним присоединяются еще и местные муниципальные советники, выходцы из среды зажиточных горожан; они придают этим собраниям особую, городскую, зачастую даже грубоватую окраску, привносят дух предприимчивости и деловитости (наряду с торговцами среди советников

много юристов и врачей). В Сен-Жиле или в Бокэре графское окружение более разнообразно, ибо к нему, по собственной воле и прихоти, сменяя друг друга, присоединяются знатные лангедокские и провансальские сеньоры; однако общество это менее гетерогенно: тамошние дворы имеют ярко выраженный аристократический характер.

Двигаясь вниз по иерархической дворянской лестнице и добравшись до владельцев замков, мы обнаружим, что дворы их во многом соответствуют описаниям Готье Мапа. Однако в отличие от короля денежные ресурсы мелких феодалов значительно скуднее, и достойное содержание двора может быстро разорить хозяина замка. Известно, что после 1150 года задолженности сеньоров резко возрастают.

Двор щедрый и веселый

От сеньора прежде всего ожидают проявлений «щедрости». На севере и на юге Франции при дворах исповедуют одни и те же ценности, разница лишь в оттенках: хороший сеньор везде непременно должен быть щедрым и мудрым. Он без счета раздает лошадей, оружие, украшения и одежду, оказывает приезжающим достойный прием, окружает себя музыкантами и поэтами и вознаграждает их щедро и по достоинству.

Увы! Отважный король, что станет / теперь с ристаниями и боевыми турнирами, в которых принимало участие столько рыцарей, / с богатыми дворами и щедрыми и дорогими дарами, / коль нет вас больше, вас, кто был над всем этим господином? / Что станет с несчастными, / поступившими к вам на службу / и ожидавшими от вас достойного вознаграждения? / И что станут делать остальные — те, которым сейчас впору убить самих себя, — / кого вы возвели в самый высокий ранг? (2)

Однако расточительность также не вызывает доверия. Щедрость надо проявлять только по отноше-

нию к тем, кто хорошо служит. Сеньор наделен благородным сердцем, а рассудок позволяет ему распознать и удалить от себя ревнивцев — тех льстивых и лицемерных придворных, которых называют «льстецами» (*lauzengiers**); эти подхалимы оговаривают верных друзей сеньора, чтобы отвлечь от них поток его щедрот:

Клеветники, чьи языки остры, — / И да невзлюбит их
Господь и покарает! — бросают тень на доблесть / И
вперед себя пускают Злобу (3).

Сеньор должен по-доброму проявлять свою власть. Он любезен и обращается со своими людьми без надменности. Таков идеальный сеньор.

При дворе хорошего сеньора царят «радость и веселье». Оба этих качества, непосредственно, как мы увидим ниже, характеризующие дворы сеньоров-южан, не взаимозаменяемы, хотя они и кажутся очень близкими по смыслу. Мы к ним еще вернемся. Под высокими сводами большого зала замка, где живет сеньор, должны звучать смех и одобрительные возгласы, поощряющие словесные поединки между трубадурами и их слушателями. Слово «отрада» (*solatz*) напоминает об удовольствии, доставляемом куртуазным общением. Гираут де Борнель старался «пробудить» это искусство приятного общения в придворном кругу (4).

Импровизированные или всесторонне обдуманые, словесные поединки являются южным эквивалентом конных сражений — турниров, излюбленным зрелищем тогдашнего аристократического общества Иль-де-Франса и Нормандии. Полагают, что благородные дамы и рыцари юга могут соперничать с поэтами в искусстве вести словесные баталии. «Ибо приятная беседа, где уместен и смех, и отрадные речи, является истинной любовной приманкой», — говорит Гарен ло Брюн даме, посвящая ей свое «назидание» (*ensenhamen**) (с. 333—335) (5). Признаком достойного двора является умение вести любезные беседы. Чтобы совершенствоваться в своем искусстве,

нравиться и создавать себе репутацию, трубадуры бросают вызов аудитории, складывая «тенсоны» (*ten-sos**) (диспуты на заданную тему), или предлагая собеседнику создать совместно с ним «партимен» (*partimen**) (именуемый также «джок партит» (*joc partit**), диалог-спор, в котором позиции участников заданы изначально).

Когда трубадуры живописуют в своих стихах идеальные куртуазные собрания, в голосе их всегда звучит горечь утраты или тоска ожидания. Однако не стоит безоговорочно верить в реальность этого идеала. Наряду с образцовыми дворами в Вентадорне, Барселоне или Бокэре, которые они поочередно, друг за другом, успели посетить, сколько еще мест, где нет ни куртуазности, ни приятных бесед! И, разумеется, есть дворы, где полно обманщиков, завистников и мошенников; не стоит также забывать и о достойных осмеяния жеманных придворных, старающихся выслужиться перед сеньором, равно как и о беспутных сеньорах, что зачастую бывают несправедливы, жестоки и скупы. Наконец, наряду с несколькими дамами, утонченными и достойными всяческих похвал, сколько еще есть смешных жеманниц, изо всех сил, однако совершенно безуспешно, пытающихся подражать куртуазным манерам! А сколько еще женщин по-прежнему невежественны, сколько из них подвергаются жестокому обращению?

«Развлечения, радость и песни теперь забыты» (6), — жалуется Гираут де Борнель.

Двор юных

Лимузенский кастелян Бертран де Борн доверяет жонглеру Арнауту отнести свою «сирвенту» (*sirventes**) Ричарду Львиное Сердце, своему сеньору и покровителю (7). Развивая тему «старости» и «юности», он прославляет «юность», аристократическую добродетель, чрезвычайно ценимую повсюду в рыцарском мире, добродетель, без которой нет ни ис-

тинного благородства, ни блистательного двора, ни покровителей, ни дам, в которых влюбляются рыцари. Ибо речь тут идет не о возрасте, а о моральных ценностях и стиле поведения:

Юным считается тот, кто не дорожит своей жизнью и кто добро свое раздает без счета; юным будут считать того, кто расточительствует в честь гостя, а также того, кто делает дорогие подарки. Тот остается юным, кто готов растратить все деньги, что лежат у него в шкатулках и сундуках, кто всегда готов сражаться и принимать участие в турнирах и поединках. Будет юн тот, кому нравится ухаживать за дамами и кому по сердцу жонглеры... и пусть мою сирвену, адресованную и старости и юности, жонглер Арнаут отнесет Ричарду, дабы она стала для него путеводной; и пусть Ричард никогда не зарится на богатство старости, ибо с богатством юности он сможет достичь чего пожелает (8).

Без «радости» и «юности» не было бы ни духа авантюры, ни странствующих рыцарей и поэтов, ни ночевков в замках и празднеств. Да и дворов и меценатов тоже не было бы.

Дворы и меценаты

Чтобы составить приблизительную карту проживания меценатов в Окситанском крае, последуем за английским историком Линдой Паттерсон (9).

В начале XII века первые меценаты появились в Пуату и Лимузене. Однако лирика вскоре вышла за пределы мирной и любезной сердцу ласковой Аквитании. В 1130-е годы лирическая поэзия достигла Тулузы и Пиренеев, а затем, в 1140-е годы, — Кастилии, Каталонии, Оверни, Прованса и Италии.

Пуатье и Лимузен

Пуатье считается колыбелью лирической поэзии, а герцог Аквитанский Гильем IX — первым трубадуром. Следом за ним песни начал слагать Эблес II Вентадорнский, прозванный Певцом (ок. 1096 — ок. 1147) и Джауфре Рюдель (ок. 1125 — ок. 1148), про-

ведший свою жизнь при дворе в Пуатье, обучившийся слагать стихи во времена Гильема X, который хотя сам и не слагал стихов, как его отец, зато содержал двор, частыми гостями которого были трубадуры Маркабрюн (ок. 1130 — ок. 1149), Серкамон (ок. 1137—1149) и сам Эблес II. Альенора Аквитанская, дочь Гильема X, выросла в атмосфере радостной и изобретательной учености. После ее отъезда ко двору ее первого супруга, короля из рода Капетингов, Пуатье утратил славу просвещенного города, но затем вновь — дважды! — обрел ее: в 1165—1166 годы и между 1168 и 1174 годами, когда Альенора, став королевой Англии, вновь избрала Пуатье своей резиденцией.

Лимож, Вентадорн, Комборн и Тюренн, равно как и Юссель, лимузенские города, пользующиеся славой культурных центров, сохраняют свою притягательность вплоть до 20-х годов XIII столетия. Дом виконтов Вентадорнских славится своим двором, где процветает поэзия; при этом дворе слагают свои песни принц-трубадур, меценатствующие сеньоры и две женщины, ставшие символами куртуазной любви. Принц-трубадур Эблес II, виконт Вентадорнский, даже создает свою «школу», к ученикам которой, в частности, принадлежит Бернарт Вентадорнский (ок. 1147 — ок. 1170) (так как Бернарт сильно любил Маргариту, супругу Эблеса III, ему пришлось отправиться в изгнание). К женщинам, вдохновлявшим трубадуров на стихи и нежные чувства, принадлежит также Мария Вентадорнская, активные годы жизни которой приходятся на рубеж XII—XIII веков. Но Мария не просто прекрасная дама, она еще и «трубадурика» (*trobairitz**), поэтесса, сочиняющая стихи. Ей, супруге Эблеса V, принадлежит тенсона, в которой она полемизирует с Ги д'Юсселем; она вдохновляет поэтов, в частности Гаусельма Файдита, и выступает арбитром в спорах, возникающих между певцами, славящими куртуазную любовь. По соседству с замком Вентадорн проживали сеньоры д'Юссель; все мужчины в этой семье владели трубадурским искусством.

Дворы, при которых процветает поэзия, несмотря на их удаленность друг от друга, постоянно поддер-

живают связь между собой. Так, самый знаменитый из четырех сеньоров д'Юсселей, Ги, влюбляется в Раймонду, супругу Дофина Овернского. Этот последний сеньор тоже трубадур, он покровительствует Гаусельму Файдиту, трубадuru незначительного рода, пылко влюбленному, но отвергнутому Марией Вентадорнской... Ги д'Юссель любит и другую даму, некую Гидасу де Монпелье, родственницу Гильема де Монпелье. Совпадения? Сестра Гильема VII, вышедшая замуж за Эблеса Вентадорнского, является троюродной сестрой трубадур Раймбаута Оранского. Эти отношения свидетельствуют о сложной сети родственных связей и культурного родства, существовавшей около 1200 года и незримо опутывавшей всю Окситанию, от одного конца до другого.

Тулуза и Тулузский край

Любой трубадур в своих странствиях непременно — не сегодня, так завтра — придет к воротам замка графов Тулузских. Многие трубадуры превозносят щедрость и достоинства владельцев Тулузы (10). Начало этому положили гасконцы Маркабрюн (он славит графа Альфонса Жордана, «умело правящего Авиньоном, Провансом и Бокэром») и Серкамон (для него Альфонс Жордан является воплощением куртуазных и рыцарских доблестей), а также Джауфре Рюдель, который в 1147 году вместе с графом Альфонсом и его сыном Бертраном держит путь к Иерусалиму.

Среди приближенных Раймона V (1148—1194) мы видим уроженца Тулузы Пейре Видаля, сына зажиточных горожан; он и граф влюблены в одну даму, известную под именем «Вьерна»; правда, в конце концов граф решает изгнать соперника. Ссора, отъезд, примирение... и вот мы уже видим Пейре среди сопровождающих Раймона V в последний путь (на страницах, посвященных смерти графа, мы увидим, что он необычайно долго и упорно носил траур по ненавистному и одновременно дорогому его сердцу покровителю, которому при жизни посвящал стихи, подписывая их многозначительным псевдонимом «наказанный» /*castiat*/). Еще одним приближенным к графу Тулузскому трубадуром, менее склонным к

публичным выражениям как преданности, так и недовольствия, является Бернарт де Вентадорн. В его жизнеописании (*vida**) говорится, что, покинув двор Альеноры Аквитанской, которая, выйдя замуж за короля Английского, уехала в Англию, он удалился, «опечаленный и удрученный», к доброму графу Раймону Тулузскому, при котором оставался до самой его смерти. Не один Бернарт славил и защищал графа Тулузского; среди его сторонников были овернец Пейре Овернский (ок. 1149 — ок. 1168), поэт и жонглер, поддерживавший своими стихами графа в его борьбе против Генриха II Английского; он также посвятил властелину Тулузы талант композитора... воспел знатного тулузца и руссильонец Беренгьер де Палазоль, успешно творивший в период между 1160 и 1175 годами. Еще один овернец, Пейре Роджьер, расцвет творчества которого приходится на третью четверть XII века, сначала служил великой Эрменгарде Нарбоннской, затем перебрался в Прованс и поступил на службу к Раймбауту Оранскому; потом он прославлял Альфонса Арагонского и, наконец, стал воспевать графа Тулузского. Гаусельм Файдит (ок. 1172 — ок. 1203) предлагал свои услуги многим дворам, прежде чем окончательно посвятил свое перо графу Тулузскому; среди почитателей графов Тулузских были и аквитанский сеньор Бертран де Борн (р. в 1140, ум. до 1215), и каталонец Гильем де Бергедан (ок. 1138 — ок. 1192).

Ко двору Раймона VI, где в тревожной атмосфере надвигающейся грозы уже звучат проклятия в адрес еретиков, предвещающие, подобно отдаленным раскатам грома, страшную грозу, которая в истории станет известна под названием «крестового похода против альбигойцев», между тем продолжают прибывать трубадуры. Раймон де Мираваль, чей замок находится неподалеку от Каркассонна, станет самым преданным рыцарем Тулузского графа; творчество этого трубадура приходится на период между 1185 и 1213 годами; из этих лет он двадцать будет состоять на службе у графа. В самом начале XIII века Адемар Негрский явится одновременно протеже Раймона VI и короля Педро II

Арагонского, двух владык, наконец примирившихся после почти вековой семейной распри. Между 1180 и 1225 годами тулузский двор покидает трубадур Пейре Раймон Тулузский; он перебирается ко двору арагонскому, но вскоре вновь возвращается в родной город, чтобы воспеть прекрасную графиню, а затем окончательно удаляется в Италию. Между 1204 и 1238 годами Раймона VI славят провансалец Каденет, а также Аймерик де Беленой, трубадур из Бордо. Все они воспевают добродетели графа и красоту его последней супруги, «прекрасной Элионор», «королевы Тулузы», иначе говоря, Альеноры Арагонской, с которой граф сочетался браком в 1204 году.

Гасконь и Пиренеи

Уроженцами Гаскони являются Маркабрюн и Серкамон, которых в начале XII века мы уже видели при дворе Гильема X. Покровителем первого был юный Пейре, виконт Беарнский и Кабаратский. Позднее графы де Фуа Раймон Рожер (1118—1223) и Рожер Бернарт (1265—1302) станут опорой трубадуров в грозное время Крестового похода против альбигойцев; их примеру последуют некоторые из их вассалов, такие, как графы де Комменж Бернарт V (1181—1226) и Бернарт VI (1241—1295).

Кастилия и Леон

Среди первых трубадуров Маркабрюн и Алегрет первыми зачастили к Кастильскому двору; Маркабрюн погиб, участвуя в Реконкисте на стороне короля Альфонса VII (ум. в 1157). Альфонс VIII принимает у себя при дворе Гаваудана, Пейре Видаля, Гильема де Бергедана, Аймерика де Пегильяна, Гираута де Калансона.

Каталония

Двор графов Каталонских стал привечать сочинителей-трубадуров значительно позднее; период интенсивного посещения трубадурами Каталонского двора совпал с экспансионистской политикой Каталонии, начатой после 1150 года и направленной на территории по другую сторону Пиренеев. Королевство Арагон в лице Альфонса II объединилось с графством Барселонским, и граф его (он же и король) те-

перь чувствовал себя как дома не только в Испании, но и в Каркассонне, Эксе и Марселе. Половина его владений говорила по-окситански; сам он, увлекаясь поэзией и повсюду возя за собой трубадуров, тоже сочинял стихи на этом языке. Каталонские и провансальские дворы Альфонса II и Педро II стали подлинными очагами блистательной поэзии трубадуров. Мартен Орель описал тесные связи, существовавшие между владетельными сеньорами и трубадурами, которым эти сеньоры покровительствовали, подчеркнув активную роль поэтов, ревностных сторонников каталонско-окситанского политического единства (11), в пропаганде этого единства.

Прованс

Самым выдающимся трубадуром, представляющим эту провинцию, является Раймбаут Оранский (ок. 1143—1173), поэт и меценат, державший двор в Куртезоне, где частыми и желанными гостями были трубадуры Ги раут де Борнель, Пейре Овернский, Пейре Роджьер, а также жонглеры. Следуя примеру многих своих соседей, таких же любителей изысканных словесных ристаний и щедро одарявших поэтов, Раймбаут часто устраивал празднества и, раздавая богатые подарки направо и налево, быстро «промотал» часть родительского наследства. Столь же расточительными слыли Раймон д'Агут, виконты Марсельские, сеньоры де Бо и родственник последних, меценат и трубадур Блакац, сеньор д'Опс (ок. 1144—1236), являвшийся в глазах друзей истинным воплощением куртуазных добродетелей «юности» и «щедрости». Подобно другим провансальским сеньорам, Блакац часто бывал при блистательном дворе графов Барселонских, что располагался в Экс-ан-Провансе.

Среди трубадуров, обличавших несправедливый Крестовый поход против альбигойцев, были трое провансальцев. Во-первых, это Ги де Кавайон, знатный сеньор, с 1200 по 1209 год проживавший при дворе Альфонса II Арагонского (он поставил свою подпись под брачным контрактом королевского сына, Педро Арагонского, а также выступил гаран-

том Альфонса). После смерти своего покровителя он удалился к себе во владения, и, по свидетельству автора «Песни о Крестовом походе против альбигойцев», покинул их только для того, чтобы сражаться на стороне графа Тулузского против французов; рыцарь и поэт вступил в бой во славу Достоинства (Pretz*) и Благородства (Paratge*), Доблести и Чести, подвергшихся угрозе со стороны вторгшихся захватчиков.

Томьер и Палази также адресовали свои негодующие строки крестоносному воинству, явившемуся завоевывать юг Франции. Оба рыцаря, уроженцы города Тараскона, сочинили три сирвенты: первую — в 1216 году, по случаю осады Бокэра (крепости, занятой французским гарнизоном) и первого поражения Монфора, а последнюю — летом 1226 года, желая поддержать дух окситанских воинов в Авиньоне, осажденном войсками французского короля Людовика VIII; по словам Мартена Ореля, три стихотворения, написанные этими двумя трубадурами, являются «живым напоминанием о поэзии сопротивления французским захватчикам» (12).

Овернь

Хотя Центральный массив находится в стороне от основного пути трубадуров, пролегавшего из Пуатье в Барселону через Лимож и Тулузу, овернские сеньоры не устояли перед соблазном насладиться искусством окситанских поэтов и стали зазывать их к себе в замки. Впрочем, сами сеньоры, равно как и их супруги и родственницы, нередко занимаются сочинительством. В южной части Центрального Массива, в Жеводане (нынешний департамент Лозер), Гарен ло Брюн (ум. ок. 1156), кастелян замка Вейак, увлекается сочинением тенсон. Гарен, сеньор д'Апшье, творит во второй половине XII века. В 1230 году Бернарт Сикарт де Марведжольс, специально для Жауме I Арагонского, наследника Педро II, пишет стихи, где выражает тревогу и печаль своих друзей, наблюдающих, как повсюду — в Тулузе и Провансе, в Безье и Каркассонне — прямо на глазах рушится куртуазный мир.

Немного повернув на север, можно прибыть ко двору, процветающему в Пюи-ан-Велэ. Среди гостящих при нем трубадуров находится резкий на слова Бернарт Марти, насмешник и моралист середины XII столетия; воспевая в своих стихах любовь, он тем не менее нисколько не разделяет куртуазных взглядов на это чувство. Часто гостит при этом дворе и Монах Монтаудонский, сначала возглавлявший приорат, а потом поступивший на службу к Альфонсу II Арагонскому, который приказал ему, «чтобы он мясо ел, ухаживал за дамами, кансоны слагал и пел»... (13) , и тот ему тотчас подчинился. Конец XII века уже не за горами.

Могущественный овернский сеньор, трубадур и меценат Дофин Овернский доживет до 1235 года; пока же он становится обладателем титула графа Клермонского.

Средиземноморский Лангедок

Виконты из рода Тренкавелей, имеющие свои дворы в Безье и Каркассонне, великая Эрменгарда, чей двор находится в Нарбонне, Гильемы, сеньоры де Монпелье принимают у себя трубадуров и оказывают им покровительство на протяжении всей второй половины XII столетия. Подражая высшей знати, сеньоры помельче также, по мере сил и возможностей, оказывают поддержку трубадурам. Раймон де Мираваль и особенно Арнаут де Марейль слагают песни в честь прекрасной графини де Бурлац; под этим именем скрывается дочь графа Раймона VI Тулузского Азалаис (Аделаида), ставшая супругой виконта Безьерского Рожера II. Раймон де Мираваль находит покровительницу в лице Эрменгарды Нарбоннской, вдохновляющей его на сочинение стихов в ее честь; тем временем в Эрменгарду влюбляется трубадур Пейре Роджьер.

Италия

Мы уже имели возможность последовать за Гаусельмом Файдитом к Монферратскому двору. Многие рады были видеть у себя трубадуров: в начале XIII века окситанские поэты были желанными гостями Савойского двора, их охотно принимали при дворе маркизов д'Эсте в Ферраре, при дворах Падуи и Ве-

роны... После альбигойского погрома Италия и Испания станут пристанищем для еретиков и трубадуров, гонимых инквизицией и королевскими шпионами; в этих странах знатные сеньоры Южной Франции станут искать спасения от уготованной им жестокой участи.

Куртуазная служба

В XII веке теплое время года делится между воинственными вылазками и куртуазными празднествами. Феодальная служба, рыцарские доблести предоставляют обширное поле для любовного служения и выработки кодекса куртуазных отношений, которые постепенно насаждаются дамами и трубадурами. «Я стану ее вассалом, ее другом и ее рабом», — заявляет Бернарт де Вентадорн (14).

На юге Франции при дворах сеньоров-мирян постепенно утверждается новое искусство жить, согласно которому жизнь не мыслится без пения и танцев; радость, не исключаящая ни любовной тайны, ни любовной тревоги, получает свое выражение в лирических стихах, воспевающих ценности, не имеющие ничего общего ни с супружеской моралью, освященной Церковью, ни с плотской верностью. В самом деле, куртуазный поклонник всегда выбирает объектом своих вздыханий замужнюю даму; впрочем, когда попытка соблазнения происходит вне пределов двора и объектом ее является, к примеру, пастушка, в таком случае речь обычно идет о юной деве. Ответом на дидактические трактаты Северной Франции, известные под названием «Искусство любви» (15), становится искусство жить, принятое у южан. Искусство жизни на юге Франции по-своему интерпретирует реальность и с помощью правил куртуазного поведения идеализирует адюльтер со стороны дамы, порицаемый как Церковью, так и обществом мирян.

«Сеньяль» (*senhal**), или псевдоним, позволяет скрыть настоящее имя возлюбленной, которой в лю-

бовных отношениях отводится роль феодального сеньора. Мужчина поступает на службу к даме (супруге владельца замка), то есть становится ее вассалом. Тайна, принадлежащая двоим, доверенная посланцу и известная соглядатаю, также является непременным условием куртуазной любви, равно как и тревога, ибо согласно правилам игры, установленным в куртуазном обществе, одним из участников куртуазной ситуации обязательно является «клеветник» (*lauzengier*), персонаж, всегда готовый навредить влюбленным, которым так редко удается «остаться одним на целом свете», особенно если принять во внимание, сколько знатного народу всегда толпится в замке сеньора. «Радость» (*joï**) — состояние экстаза, практически недостижимое, обозначает высшую ступень куртуазной любви и одновременно творческого состояния, порождающего стихи. «Я влюблен, значит, я сочиняю кансону», — мог, в сущности, сказать любой трубадур.

Так, может быть, следует, наконец, признать, что так называемые «суды любви» являются всего лишь позднейшей выдумкой французов с севера? Тем не менее в жизнеописании Монаха Монтаудонского речь идет о поэтическом состязании в Пюи, где герою была дарована привилегия вручать победителю главный приз — сокола (16). Быть может, эти состязания и были предшественниками Цветочных игр, этих ежегодных поэтических состязаний, устраиваемых с 1323 года в Тулузе для поддержания традиций трубадурского искусства?

«Куртуазность — это любовь»

Данная формула Маркабрюна (17) требует объяснения. Мы далеки от смешения понятий куртуазности (*cortezia*) и куртуазной любви (*fin'amor*). Можно быть куртуазным, но не быть влюбленным, однако южнофранцузское общество XII века дурно посмотрит на влюбленного даже благородного происхождения, если тот не будет следовать правилам куртуа-

зии. Если он не знаком с этими правилами, значит, он невежда и мало чем отличается от «виллана», чуждого изящных манер. Название «виллан» характеризует целый социальный класс. Иногда трубадуры вкладывают в него моральный смысл. «Куртуазная» крестьянка Маркабрюна так и остается пастушкой, однако ее ум и душа возвышают ее до положения благородной дамы. Куртуазные манеры являются признаком внутренней красоты, ибо: «Куртуазность... порождена главным образом *fin'amor*, истинной любовью, посредством которой «человек обретает достоинство и подлинное свое значение», — пишет Бернарт де Вентадорн (18). Любовь «облагораживает человека», — также утверждает он... (19) «Человек без любви ничего не стоит» (20). Куртуазность неотрывно связана с «мерой» (*mezura**), поддерживающей равновесие между эмоциями и разумом, между тем, что нравится самому человеку, и тем, что пришло обществу, где этот человек живет.

Трубадуры поют во славу Женщины

Дочери Евы

В мире мужчин, каковым является Средневековье, названное Жоржем Дюби (1) «мужским» временем, женщины исполняют две основные функции: функцию искушения, ибо они — дочери Евы, и функцию продолжения рода, ибо по «природе» своей (в физиологическом смысле) они созданы для деторождения. Соблазнительницы и матери, они притягивают и пугают мужчин; они и покровительницы и совратительницы; их надо восхвалять и в то же время остерегаться. Матери и одновременно немного колдуньи, они в тайне от всех изготавливают мази, исцеляющие ужасные раны, которые мужчины так часто получают на войне; однако с помощью таинственных зелий можно и напустить на мужчин любовные и иные чары; собираясь вместе в женской комнате, дамы нашептывают друг другу на ухо рецепты этих снадобий. Отправив-

шись на кухню, они могут состряпать зелье, от которого мужчины потеряют свою мужскую силу, или же, наоборот, удвоят свое рвение. И хотя клирики (мужчины, по статусу своему обязанные обходиться без женщин) называют женщин «слабым» полом, они тем не менее наделяют его некой двойственной властью, над которой надобно одержать верх.

Феодалное общество Запада сформулировало несколько правил, выработанных одними мужчинами для других мужчин — как равных по положению, так и стоящих на более низкой ступени общественной лестницы; как равных по возрасту, так и более младших. Правила эти предназначены для обуздания темных (то есть женских) сил, обладающих абсолютной властью в сфере отношений между полами. Средневековые мыслители (исключительно мужчины!) возлагают на противоположный пол ответственность за первородный грех и винят в нем всех женщин без разбора, начиная с Евы. Согласно их толкованию, центральное место в истории занимает Мария, женщина-девственница, девственная мать Христа, символ спасения рода человеческого. В Средние века любят игру слов EVA—AVE, часто повторяют их и кладут на музыку (2). В XII столетии, в период расцвета куртуазности, культ Девы Марии прочно завоевал свои позиции на Западе: Мария может спасти не только душу, но и тело, погрязшее в плотском грехе, вокруг которого выстраивается теология зла. В XII веке брак становится церковным таинством, а супружеская измена сурово карается: виновников нагими выставляют на всеобщее поругание, причем любовника нередко подвергают кастрации; напомним также, что суд бывал чрезвычайно снисходителен к мужьям, в порыве гнева убившим изменницу-жену или ее любовника.

Куртуазный кодекс поведения, разработанный на юге Франции, обуздывает желание и превращает запретную любовь к замужней даме в повод для морального усовершенствования влюбленного. «А если это грех, мы отправимся в ад вместе», — пел современный трубадур Жорж Брассенс. Женская красота манила и вдохновляла трубадуров XII века, мужчин, умевших

«находить» («находить» — прямое значение слова *trobar*) слова и образы, способные выразить страсть, сжигающую тело и душу. Главной героиней лирики трубадуров является женщина, царящая в сердце трубадура. В одной из рукописей, хранящихся в наше время в Нью-Йорке, есть миниатюра, по технике исполнения чем-то напоминающая современный комикс: изображенное на ней лицо дамы помещено на груди трубадура, на том месте, где находится его сердце.

И женщина становится дамой

Согласно новым правилам достойного поведения, которыми теперь руководствуются при феодальных дворах сеньоров-южан, роль соблазнительной и прекрасной женщины теперь сводится к роли «дамы», которую воспевают трубадуры; поэты часто ищут покровительство «богатых» хозяек замков, чьи мужьями являются могущественные сеньоры...

В окситанском языке дама именуется «донной» (*domna*), от латинского *domina* («госпожа»); название это вскоре сокращается до почетной частички *Na*, которую трубадуры в своих песнях ставят перед именем дамы, когда хотят оказать ей особое почтение. Имени феодального сеньора предшествует частица *En/Ne* или *N'*, производная от латинского *dominus* («господин»). «Мой господин» (*midons*, от латинского *meus dominus*), обращение к мужчине, трубадуры используют для обращения к даме-госпоже и возлюбленной. Вот что говорит Пейре Видаль:

«И возлагаю я на вас все свои надежды, всем сердцем и душою я уповаю на вас, ибо для меня вы являетесь и моей дамой, и моим господином» (4).

Донна-сюзерен становится аналогом феодального сеньора-мужчины; отныне власть делится между двумя ипостасями феодального господина, различия между полами сглаживаются и устраняются, а сексуальность загоняется в узкие рамки иносказания. Впро-

чем, не все трубадуры полностью отказываются в своих песнях от эротических намеков; некоторые из них, включая первого трубадура Гильема IX, сочиняют весьма игривые кансоны, пародируя возвышенные мотивы куртуазного служения.

Куртуазная любовь

С XII века и до наших дней *Fin'amor*, куртуазная любовь трубадуров, оказывает огромное влияние на формирование западной модели любовного переживания. Однако следует отметить, что сам термин «куртуазная любовь» был изобретен историками французской литературы XIX столетия для характеристики искусства любви, описанного в средневековых текстах различных жанров.

Fin'amor, «утонченная игра с противоречивым желанием», как определил ее Пьер Бек (5), покоится на трех основных постулатах: «мера» (*mezura*), «юность» (*joven**) и радость (*joi*). *Mezura* соизмеряет отношения между людьми и между чувствами, руководит куртуазным порядком в мире. *Joven* указывает на возрастную критерий и — что гораздо важнее — свидетельствует о наличии совокупности качеств и наклонностей, присущих определенной социальной группе, а именно, согласно теории Эриха Кёлера (6), холостым молодым людям, не имеющим земельных владений и проводящим время, свободное от войны или приключений, в залах дворцов знатных сеньоров. *Joi*, согласно утверждениям критиков, можно определить как состояние экстаза, пребывая в котором, влюбленный воображает, что желание его уже свершилось; таким образом происходит сублимация любовной страсти, перевод ее в высшие, духовные и даже мистические сферы; *joi* также может выражать эротическую радость влюбленного после «получения добавки». Оба значения не исключают одно другое. Всему свое время; трубадуры тоже читали Библию, где напоминает, что есть «время обнимать и время уклоняться от объятий» (Екк., 3:5).

Суть куртуазной любви (*fin'amor*) состоит в подмене желанья, в незавершенности завоевания; именно эта незавершенность становится основой лирической кансоны. На Западе искусство куртуазной любви является также уникальным искусством прославления любви субъективной. Трубадур заявляет от первого лица: «Я люблю, значит, я пою»; этот своеобразный способ выразить свою сущность зарождается в стране, которая в будущем подарит миру Декарта. *Fin'amor* предполагает отсрочку исполнения любовного желанья; это неосуществленное желанье реализуется в том, что принято называть «великой куртуазной песней».

Кто изобрел куртуазную любовь? Каковы ее истоки? Насколько она обязана влиянию арабо-андалусской поэзии, пришедшей из мусульманской Испании? Влиянию мистической философии Авиценны? Ни одно из этих предположений не может быть ни опровергнуто, ни безоговорочно доказано. Гипотеза, выдвинутая известным исследователем Рето Беццолой (7), приписывает «изобретение» куртуазной любви Гильему IX. Согласно его версии, куртуазная любовь была ответом мирян на религиозный соблазн, нашедший свое воплощение в аббатстве Фонтевро, основанном в начале XII века Робером д'Арбрисселем (8); здания аббатства предназначались для проживания как монахов, так и монахинь. Монахи и монахини-затворницы находились под руководством аббатисы, которая непременно должна была быть вдовой, то есть женщиной, познавшей мужчину; такая женщина была наделена правом осуществлять руководство сразу несколькими дюжинами лиц противоположного пола.

Словно утонченная субстанция, полученная неведомым алхимиком, куртуазная любовь, несомненно, явилась продуктом соединения различных материй, произошедшего на основе христианского феодализма, впитанного опаляемой солнцем и овеваемой ветрами землей юга и претерпевшего изменения при дворах тамошних сеньоров. Среди этих материй и мистическая драма любви Бернара Клер-

восского, утверждавшего в своих проповедях, что «мера любви заключена в любви без меры», и восточная роскошь, пришедшая из Испании и увиденная во время Крестовых походов, и чувство греховности в христианской культуре, ведущее к восхвалению аскетической жизни; это и продолжительное отсутствие мужей, отправившихся в Крестовый поход, и повышение роли женщины, оставшейся дома и получившей в свое распоряжение огромные владения, и притягательность и одновременно боязнь земель, лежащих за далекими морями, откуда везут дурмящие своими ароматами пряности, и тяга к торговле для скорейшего и верного обогащения, для обретения благосостояния и почета, и музыкальные изыски лимузенских монахов, и музыкальные инструменты, привезенные очаровательными пленницами-мусульманками... Разного рода влияния должны были сыграть свою роль, внести свою лепту, чтобы в результате прозвучал гармоничный, неслыханный прежде аккорд, получивший за свое совершенство название *fin'amor* (букв.: «изысканная», «истинная», «утонченная любовь»); *fin'amor* подобна острому концу меча, которым посвящают в рыцари молодого оруженосца, изысканна, словно легкий восточный шелк, в который закутываются очаровательные мусульманки, чиста, словно совершенная любовь, соединяющая тех, кто любит телом и душой, любит той любовью, которая сама есть Бог. Ибо, если верить святому Иоанну, наиболее почитаемому — в соответствии с новыми тенденциями в христианстве — евангелисту, «Бог есть Любовь», даже когда любовь эта, приходя к своему завершению, оказывается вполне плотской.

Дама в комнате и в саду

В куртуазном мире природа вполне цивилизована и ничем не отличается от той, что существует в реальном времени и пространстве. Об этом свидетельствуют как живописные изображения, так и ли-

тературные описания. Сад, обнесенный высокой стеной, представляет собой своего рода зеленую раму, обрамляющую портрет дамы, которая по весне прогуливается в нем среди цветущих деревьев, сулящих в будущем богатый урожай любимых всеми плодов: яблок, груш, слив, а также миндаля и оливок, для произрастания которых словно специально создана залитая солнцем земля Южной Франции; без миндаля и оливок не мыслится окситанская кухня.

Сады, где растут фруктовые деревья, и огороды, где царствуют целебные и ароматические травы, собираемые как для использования в пищу и украшения стола, так и для исцеления недужных тел, вполне можно считать предшественниками садов приятных развлечений и аллегорических обрядов; на закате Средневековья сады эти стали располагать к северу от Луары, как, например, в «Романе о Розе», где «искусство любви окружено оградой».

Трубадур, влюбленный в далекую даму — а такая любовь всегда больше, чем просто влюбленность! — «находит» слова для молитвы и мелодию для жалобного напева, чтобы выразить свою страсть.

«С Творцом, создавшим тьму и свет, / Любви не позабывшим дальней, / Я в сердце заключил завет, / Чтоб дал свиданье с Дамой дальней, / Чтоб стала комната и сад / Роскошней каменных палат / Того, кто ныне на престоле», — поет Джауфре Рюдель (9).

Арнаут Даниэль мечтает насладиться радостью любви (*joï*), ожидающей его «в саду или же в светелке», где он будет принадлежать своей даме, будет находиться так близко к ней, как плоть прилегает к ногтю! Таков смысл его знаменитой «секстины» (*sestina**); создавая изощренную по форме композицию стиха, поэт в полной мере испытал муки творчества, источником которых он сам называет любовь к даме, заставляющей его испытывать страдания гораздо более тяжкие, чем муки пахаря, возделывающего иссушенную ветрами почву.

Трубадур Гильем де Сант Лейдьер, могущественный кастелян из Веле, творивший в последней четверти XII века, описывает свою грезу не столько в эротической, сколько в аллегорической форме: ему видится сад любви. Деревья и цветы в том саду олицетворяют дам, самая прекрасная из которых — «чудесный белый цветок, сияющий со всех сторон, отчего он и краше всех» (10); этот единственный цветок, невиданный и недоступный, и является предметом желаний трубадура (11).

Как осуществить мечту, приблизиться к даме, «укрывшись за занавесом тонкой работы» (12), как это делает Бернарт Марти, а затем проскользнуть «руками к ней под плащ» (13), как того желает влюбленный Гильем IX? Каждый находит способ утолить свое желание и даже — когда речь идет о герцоге Аквитанском — удовлетворить сразу двух пылких женщин (14).

Женщина среди дикой природы

Несмотря на раскорчевку делянок и использование леса и луга для выпаса скота, дикая природа составляет неотъемлемую часть повседневного пейзажа средневекового человека и является для трубадура источником вдохновения, где действуют законы куртуазной авантюры.

«Пастурель» (*pastorela*), жанр любовного спора между пастушкой, стерегущей свое стадо, и рыцарем-поэтом, пытающимся соблазнить ее, происходит в обстановке дикой природы, где женщины — в основном юные простодушные крестьянки — принадлежат к низшему сословию, а следовательно, находятся за пределами куртуазного мира. Этот песенный жанр имеет народные истоки и, в отличие от трубадуров, обращавшихся к нему достаточно редко, снискал огромную популярность у труверов (лирических поэтов Северной Франции). Самая старая из сохранившихся пастурелей, сочиненных трубадурами, принадлежит перу Маркабрюна:

Как-то раз на той неделе / Брел я пастбищем без цели,
/ И глаза мои узрели / Вдруг пастушку, дочь мужлана:
/ На ногах чулки белели, / Шарф и вязанка на теле,
/ Плащ и шуба из барана (15).

Костюм крестьянки описан с большой точностью: время года явно не слишком теплое, и ветер продувает девушку, пытающуюся спрятаться от него за невысокой изгородью, единственным убежищем среди широкого луга, где она пасет своих овец. Итак, декорация готова, рыцарь может предлагать девушке свое общество, что он и делает со все большей настойчивостью. Девушка остроумно отвечает на красноречивые предложения говорливого сеньора, желающего приручить ее «сердце, загадочное и дикое». Решительно и вместе с тем чрезвычайно изящно, что удивляет, ибо речь идет о простушке, она ставит на место «безумца, впавшего в безумие», напоминая ему пословицу, правила, заведенные в мире, к которому они оба принадлежат, и которые следует соблюдать:

«Дон, но следствие с причиной / Связано, дурь — с дурачиной,
/ И с мужланом — дочь мужлана» (16).

Несмотря на окружающую дикую природу и уединенную местность, куртуазная ситуация оправдывает грубое желание рыцаря, поэта, жаждущего любви. Но пастушка ведет себя, как «куртуазная мужланка», и искусство любовного обольщения входит в определенные рамки, выработанные правилами *fin'amor*.

Декорации сельского пейзажа помогают поэту создать картину всеобщего примирения: традиционные жалобы на обманутую любовь в результате завершаются ко всеобщему удовольствию — утлением желания и сеньора, и крестьянки. Ги д'Юсселю даже удается найти способ «превратить неудовольствие, кое познали оба, в радость и удовольствие». Он доволен, ибо прибыл «к ждущим его воротам», в то время как она весела от того, что «исцелилась от своей тоски» (17). В этом случае трубадур сумел оставить в неприкосновенности и надлежащую мо-

раль, и риторику, а главное, правила куртуазной любви! Однако совершенно ясно, что каноны построения пастурели не позволяют этому литературному жанру развиваться в «великую куртуазную песню» XII века. Только на закате лирики трубадуров жанру этому суждено претерпеть существенное обновление. Уроженец Нарбонна, Гираут Рикьер, взяв за основу шесть пастурелей, даже попытается создать небольшой роман, главным персонажем которого станет пастушка, в чьей жизни последовательно будут происходить различные перемены; образ пастушки станет эволюционировать не только во времени, но и в пространстве Лангедока, однако речи ее, обращенные к поэту, всегда будут отличаться размеренностью и скромностью, как если бы они были заимствованы у «куртуазной мужланки» былых времен (18).

Трубадурку (trobairitz).*

Термина, обозначающего женщин-поэтов, писавших свои стихи на окситанском языке, нет ни в их собственных песнях, ни в их жизнеописаниях (*vidas*) и комментариях к ним (*razos*). Впервые слово «трубадурка» (*trobairitz*) появляется в 4577-м стихе анонимного романа XIII века «Фламенка» (19). Трубадуркой называют Маргариту, одну из двух служанок героини, когда та «находит» слово, состоящее из двух слогов, с помощью которого можно продолжить диалог, начавшийся в церкви между ее госпожой и прекрасным клириком. Вскоре Фламенка впадает в «смертный грех», о котором говорится в стихотворении Гильема IX, где трубадур утверждает, что любовь дамы предназначена рыцарям, а если дама берет в любовники монаха или клирика, то она заслуживает костра (20):

Дама не впадает в смертный грех, / Коли любит доблестного рыцаря; / Но если она любит монаха или клирика, / Она поступает дурно: / По закону надо бы сжечь такую даму / На раскаленных угольях.

Однако романическая интрига «Фламенки» завязана в XIII веке, и к тому же речь идет об истинном рыцаре, всего лишь переодевшемся клириком.

Ревнивец-муж держит взаперти Фламенку и двух ее прислужниц; женщинам дозволяется посещать только церковь и бани, да и то под надзором бдительного супруга. Однако благодаря удачной выдумке рыцарю Гильему удастся поведать даме о своей любви. Согласно замыслу на время он становится клириком; теперь каждый раз в конце мессы он подходит к ней «с миром», и пока она целует псалтырь, он произносит слово или же внимает ее ответу. Этот растянувшийся на много недель диалог, начавшийся со вздоха «Увы!», вырвавшегося из груди Гильема, завершается словами Фламенки: «Мне нравится», что означает ее согласие встретиться с возлюбленным в банях, куда к этому времени он проложил подземный ход из своего дома.

Из жизнеописаний (*vidas*) трубадурок (*trobairitz*) следует, что все женщины-поэты были знатного происхождения и принадлежали к высшей аристократии юга. Анонимные авторы «Жизнеописаний», составленных в XIII и XIV веках, рассказали о жизни едва ли четвертой части трубадуров (девятьюстами четырьмя жизнеописаниями, тогда как имен трубадуров известно более четырех сотен), но в то же время сохранили нам биографии более половины трубадурок (восьми из шестнадцати или двадцати-двадцати одной)! Впрочем, вряд ли стоит принимать во внимание пропорции, когда общее число столь различно. Биографы женщин-трубадурок подчеркивают, что все восемь дам отличались высоким уровнем культуры.

Вот имена этой восьмерки: Альмуэйс де Кастельноу, Изольда де Шапью, Азалайда де Поркайрагес, Кастеллоза, графиня де Диа, Ломбарда (сохранились два «куплета» (*coblas*) тенсоны, которыми она обменялась с неким Бернартом Арнаутом), Мария Вентадорнская (сохранилась единственная песня-тенсона, написанная совместно с Ги д'Юсселем) и Тибор. Об этих поэтессах рассказывают *vidas* или *razos*, при

этом о трех из них говорится, что они умели только «находить слова» (*trobar*), то есть сочинять лирические стихи. Следовательно, для обозначения их искусства используется тот же термин, что и для искусства трубадуров-мужчин. Тексты, содержащие биографические сведения об этих женщинах, имеются только в пяти средневековых рукописных песенниках, выполненных в Италии; в сущности, это единственные источники, откуда мы можем почерпнуть наши знания о них. Всего же сохранилось около четырех десятков рукописных песенных сборников с текстами на окситанском языке.

Общее число стихотворений, написанных в стиле трубадуров и подписанных женскими именами, превосходит десяток, однако не достигает пяти десятков; Ангелика Ригер, недавно подготовившая издание «женской» поэзии трубадуров, насчитывает сорок шесть стихов (21). Тексты эти плохо поддаются классификации. Однако Пьер Бек выделяет в них три типа песен (22).

Во-первых, это самостоятельные «кансоны» (*canzos**) «поэтесс, личность которых можно считать установленной»; к ним относятся одиннадцать песен, подписанных шестью трубадурами (Азалаидой де Поркайрагес, Бьейрис де Роман, Каstellозой, Кларой Андусской (д'Андюз), графиней де Диа и Тиббор из Серанона). Во-вторых, тринадцать тенсон (*tensos*), приведенных в издании Ангелики Ригер. Три из них представляют собой диалоги между женщинами (в двух случаях из трех собеседницы известны); далее следуют диалоги между женщиной и женщиной, в которых известны оба собеседника (если не идентифицированы, то хотя бы по именам). К этой категории относят также тенсоны, где указано только имя мужчины, которым обычно является известный трубадур, тогда как имя дамы покрыто мраком. Не исключено, что здесь речь идет не о текстах, реально сочиненных двумя поэтами, а всего лишь о литературной игре. Эта гипотеза основана на получившем широкое распространение приеме использования «сеньяля» (*senhal**), то есть зашифрованного

имени обожаемой дамы, ибо настоящее ее имя, согласно требованиям *fin'amor*, следует хранить в секрете, из опасения, что оно станет известно злоязычному клеветнику (*lauzengier*), также непременно персонажу куртуазного универсума. Вопрос об имени затрагивает фундаментальную проблему авторства в средневековой литературе: является ли имя автора подлинным или он избрал его для того, чтобы скрыть свою личность? В нашем случае проблема усложняется присутствием различия между «биологической» женственностью, то есть когда автором является реальная женщина, и женственностью «текстовой», когда лирическое «я» принадлежит женщине, но сам текст написан мужчиной. У многих возникают сомнения в «биологической» принадлежности к женскому полу окситанских поэтесс, ибо, действительно, трудно себе представить, откуда они взялись в средневековом мире, где исполнение всех общественно значимых функций было рассчитано исключительно на мужчин. Отстаивая «мужскую» принадлежность поэзии трубадуров, ее сторонники приписывали стихотворения, подписанные женскими именами, мужчинам, пожелавшим выдать себя за женщин; отсюда остается всего один шаг, чтобы провозвести их в гомосексуалисты; впрочем, шаг этот в тогдашнем мужском мире было сделать чрезвычайно просто.

И наконец, в-третьих, стихи, принадлежащие перу авторов-поэтесс и написанные в самых различных жанрах: несколько сомнительных сирвент, куплет (*cobla*) из тенсоны или фрагмент кансоны донны Тиббор и письмо в стихах Алазаис из Алтье, предназначенное для декламации, а не для пения, но при этом использующее приемы стихосложения, присущие трубадурам (23). Этот последний текст является единственным образцом поэтического любовного послания, отправленного одной дамой другой, возможно даже Кларе Андусской, с целью попытаться помирить двух поссорившихся влюбленных. В данном случае автор выступает посредницей и одновременно женщиной...

Есть ли резон говорить здесь об особом, женском письме? На наш взгляд, такой проблемы не существует. Корпус текстов слишком мал, чтобы на его основании делать выводы: весомыми доказательствами их не подкрепишь. К тому же и темы, и поэтическая техника, используемые трубадурами, ничем не отличаются от тем и техники трубадуrows-мужчин, варьируются только детали. Принятая женщинами-трубадурами поэтическая система не отличается от общепринятой, однако мотивации к стихотворчеству у них иные. И об этом имеет смысл поговорить.

Во всем, что касается отточенности формы и изысканности рифмы, трубадурики достигли тех же высот, что и их собратья-мужчины. Однако в своих *кансонах* они в большинстве своем избавляются от традиционно звучащего в начальной строфе приветствия весне (весеннего зачина) и без лишних слов погружаются в лирические излияния, радостные или печальные. Они прекрасно владеют куртуазными кодами и литературной техникой, проявляя истинное пристрастие к данной форме выражения, в которую они, отбросив сомнения, облачают интересующие их как женщин темы. И в этом состоит основное отличие их стихотворчества. Мужчина-трубадуrow создал систему ценностей и формальных структур, соотношенную с придворным обществом, куда он вписывается как лицо подчиненное. Трубадуrow, являющийся одновременно и автором, и сочинителем музыки, и исполнителем, сознает свою принадлежность к группе людей, именуемых поэтами; в совокупности эти люди составляют своего рода корпорацию с неписанным уставом. Именно на этом основании можно говорить о творчестве трубадуrows как о «ремесле». Женщина-трубадуrow никогда не упоминает про свой статус поэтессы. Она остается куртуазной дамой, повелевающей своим возлюбленным даже в том случае, когда сама умоляет его о любви. Она говорит только о чувствах и не пишет ни политических, ни назидательных стихов.

В контексте куртуазной любви лирическим именуется стихотворение, положенное на музыку. Могли ли дамы-аристократки — а трубадурки относятся именно к таковым — сами исполнять свои произведения? Среди средневековых рукописных источников только одно стихотворение, приписываемое женщине, сохранилось вместе с музыкальным текстом; это знаменитая кансона графини де Диа, самой известной среди трубадурок; из наследия этой поэтессы сохранилось целых четыре стихотворения — настоящий рекорд, который она делит с донной Кастеллозой. Но кто на самом деле была графиня де Диа?

Графиня де Диа добрая была дама и собой прекрасна, жена Гильема Пуатевинского. Полюбила она эн Раймбаута Оранского и сложила в его честь множество прекрасных кансон (24).

Вот и все, что говорится о ней в жизнеописании. Специалисты выдвинули множество гипотез, связанных с упомянутыми здесь прославленными именами, известными каждому трубадуру, но, может быть, они приведены здесь только для того, чтобы польстить даме?

Даже если красота ее в свое время (конец XII или начало XIII века?) была удостоена множества похвал, истинная слава пришла к ней благодаря четырем любовным стихотворениям, оставшимся после нее и принадлежащим к наиболее прекрасным и страстным стихам, когда-либо сочиненным женщинами-трубадурами. Как и трубадуrows-мужчин, неудовлетворенное желание уносит поэтессу в воображаемый мир. Дадим же женской страсти поведать о своей мечте, своем идеале:

Вернитесь, мой прекрасный друг! / Мне тяжело ночь
за ночью ждать, / Чтобы в лобзанье передать / Вам
всю тоску любовных мук, / Чтоб истинным, любимым
мужем / На ложе вы взошли со мной, — / Пошлет
нам радость мрак ночной, / Коль мы свои желанья
сдружим! (25)

Музыка к этой *кансоне* не сохранилась, однако мы уже видели, что женщины принимали участие в устном перформансе трубадуров, выступая в роли певиц, танцовщиц или музыкантов; например, на миниатюрах в рукописных книгах часто встречается изображение женщины, играющей на тамбурине (26).

Сохранилось более пяти десятков средневековых миниатюр, где представлены женщины, чувствующие себя в мире трубадуров как рыбы в воде: это трубадурки, *trobairitz*. Они сочиняют стихи, слушают пение жонглеров и выступают партнерами мужчин в диалогах-тенсонах. Большинство таких миниатюр встречается в рукописях, выполненных на севере Италии. В частности, в одной из них, а именно в провансальском песеннике Н, хранящемся в Ватикане (Reg. lat. 3207) (27), на миниатюрах изображены только женщины. Возможно, этот сборник был составлен специально для какой-нибудь знатной дамы. Но пока это остается тайной. Во всяком случае дамы, представленные в нем, все как одна одеты в длинные, волочащиеся по полу и богато украшенные платья, свидетельствующие о занимаемом ими высоком общественном положении. Графиня де Диа, например, облачена в плащ, подбитый горностаем, что позволяет говорить о ее принадлежности к аристократической верхушке тогдашнего общества.

Дамы-меценатки

Среди этих дам есть трубадурки — «любезные, красивые, приятные и ученые» и просто знатные дамы, супруги могущественных и, как гласят тексты, «богатых» сеньоров.

Мария Вентадорнская известна как покровительница Ги д'Юсселя, Гаусельма Файдита, Понса де Капдейля, Монаха Монтаудонского, Саварика де Малео-на и Гираута де Борнеля. Трубадур Элиас де Бард-жольс, пользующийся покровительством Гарсенды, графини Прованской, обращается к своей покровительнице с такими словами: «Вы — дама, наделенная

выдающимися достоинствами и юностью, вы — поводырь самого Амора и вершина мудрости» (28). Примерно такими же достоинствами наделена и графиня де Диа: «Милосердие, куртуазность, красота, выдающиеся достоинства, ум, благородство [то есть благородство сердца], безупречная отвага» (29).

Альенора Аквитанская, состоя в браке с французским королем Людовиком VII, насаждала при французском дворе, где она провела пятнадцать лет, куртуазные манеры и культуру Южной Франции. Вместе со своей дочерью Марией, графиней Шампанской, и виконтессой Эрменгардой Нарбоннской, она наряду с другими знатными дамами участвует в судах любви, где за ней всегда остается последнее слово; во всяком случае, именно ей загадочный Андре Ле Шаплен (Андрей Капеллан) в своем латинском трактате «О Любви» (написанном между 1181 и 1186 годами) (30) приписывает вынесение приговоров на этих судах. Звучащие парадоксально и в устах матери, и в устах дочери, эти гипотетические приговоры, по крайней мере, дают основание утверждать, что определенные модные литературные веяния добрались и до двора Филиппа Августа, где они в то время были в новинку. Меценатство, присущее Альеноре и в еще большей степени ее дочери Марии, о деятельности которой на этом поприще сведений сохранилось значительно больше, придает женщине-аристократке особый статус; определенная «культурная власть», которую получает женщина-меценат, позволяет ее «тихому голосу» высказываться и быть услышанным; окситанский голос Альеноры звучит в полную силу: ее семья «сыграла большую роль в развитии литературы Западной Европы» (31). И роль эта принадлежит прежде всего женщинам, дочерям Альеноры, прекрасно образованным и наделенным недюжинными литературными талантами: Марии Шампанской и Аэлис де Блуа, отцом которых является Людовик VII Французский, а также Матильде Саксонской, Альеноре Кастильской и Жанне Сицилийской, впоследствии прозванной Тулузской, отцом которых является

второй супруг Альеноры, Генрих II Английский. Среди сыновей внучки первого трубадура только Ричард Львиное Сердце наделен поэтическим талантом.

Дочерей Альеноры с полным правом можно называть меценатами, ибо все они любили читать и помогали создавать книги (32), которые затем, подобно трубадурам, этим полноправным посланцам культуры и любви, кочевали от двора к двору.

Призрачная власть женщины: история Эрменгарды

Красноречие трубадуров, завораживающее воздействие которого продолжает ощущаться и по сей день, воспоминания о дамах, сочинявших стихи, о благородных *trobairitz* поддерживают миф о владычестве женщин в Средние века. Но как с этим обстоят дела на юге Франции в XII веке?

Стоит только женщине высунуть нос за пределы дома или принять решение, касающееся ее собственной судьбы или судьбы ее дочерей, как тотчас появляется мужчина, власти которого она вынуждена подчиниться. И хотя еще в X и начале XI века положение женщины на большей части территории юга было вполне благоприятно, в дальнейшем множество факторов способствуют снижению роли женщины в обществе, и это снижение закрепляется юридически (33). На протяжении XI и XII веков происходит укрепление сеньориального владения, строятся родовые замки, решаются вопросы, связанные с наследованием родового достояния; все эти процессы способствуют формированию брачного кодекса, согласно которому все права на имущество передаются мужчине, а женщину всеми способами стараются отлучить от дележа наследства. Разве можно сохранить достояние предков неделимым, не усилив власть мужчины? Однако против неделимости вотчины протестуют даже некоторые наследники мужского пола, в частности младшие братья, которые оказываются обделенными в пользу старшего.

Во времена трубадуров любая женщина, к какому бы социальному слою она ни принадлежала (знатная дама, крестьянка, горожанка), зависела от мужа или сына, а незамужняя женщина — от брата или дяди. «Независимые» женщины в современном смысле этого слова были поистине исключениями, точнее, легендарными исключениями, ибо в действительности таковых не было вовсе. Чтобы получить право на известную свободу действий, женщине надо было стать вдовой, располагать весьма существенной вдовой долей (дар со стороны мужа) и не менее солидным приданым (дар со стороны родных, который возвращался к ней в случае вдовства), а также обладать поистине выдающимися личными качествами, дабы вновь не оказаться под властью какого-либо мужчины, и быть полностью лишеной предрассудков.

Рассмотрим случай Эрменгарды Нарбоннской, часто приводимый в качестве примера женского неподчинения и сопротивления мужской воле. С точки зрения историков, ее величественная фигура выделяется на фоне современников, могущественных сеньоров-южан; появление ее в их окружении кажется столь же дерзким, как в наше время появление на групповом фото ведущих политиков женщины-президента. Родившаяся около 1129 года, а в 1134 году ставшая наследницей огромных владений, Эрменгарда, наделенная всеми способностями, необходимыми хорошему руководителю, решает не ждать, пока она превратится в солидную матрону, и, унаследовав виконтство Нарбоннское, она с 1143 по 1189 год самостоятельно хозяйствует на своих землях. В 1143 году, когда ей едва исполнилось четырнадцать лет, она вышла замуж за дворянина из старинного рода (благородного семейства из Андуза), ставшего при ней принцем-консортом; однако он, в отличие от своей супруги, не оставил ни малейшего следа в истории.

В случае Эрменгарды все говорит о том, что мы имеем дело с уникальной женской биографией. Тем не менее недавние исследования показали, что в жизни этой знатной дамы мужчины занимали не последнее место (34). Кто были эти мужчины? Во-первых,

владельцы сеньоры из соседних уделов — Монпелье, Безье и Каркассонна, за которыми угадывается фигура графа Барселонского. Они вырвали девочку-подростка из-под власти графа Тулузского, пожелавшего жениться на ней, чтобы присоединить ее владения к своим. Они же подыскали ей не слишком обременительного мужа, а потом поставили во главе обширных наследных владений, которые ни один родственник мужского пола не имел права затребовать. Братя же Эрменгарды умерли в раннем детстве.

Она управляла умело, уверенно удерживая на расстоянии от своих владений даже тех, кто помог ей стать во главе своего княжества. Но к концу жизни она попала в ловушку, расставленную ей мужчинами из ее собственного рода. Не имея прямого наследника, она решила доверить виконтство одному из двух своих племянников, сыну сводной сестры, и опрометчиво уведомила молодого человека об этом намерении. Однако племянник не захотел ждать и начал отравлять жизнь одинокой даме и преследовать ее. Автор, исследовавший эту страницу истории, выявил неприглядную картину: едва в 1189 году стареющая знатная дама предложила племяннику править вместе с ней, как неблагодарный тотчас силой заставил одинокую родственницу удалиться от дел и, желая предупредить любое сопротивление, вынудил ее отправиться на жительство в командорство тамплиеров, расположенное на территории, прежде принадлежавшей Каталонии (сегодня это местность Труйа в деп. Восточные Пиренеи), где она в конце концов и умерла (в 1196 или 1197 году). Так, к большому облегчению ее современников, завершилась жизнь Эрменгарды Нарбоннской, бросившей вызов своему времени.

Женщина в повседневной жизни

Вне брака нет спасения. Женщина попадает под власть мужа, или же, если не выходит замуж, стареет, опекаемая братом или дядей. Волею судьбы женщи-

ну изначально ожидает унылая и однообразная участь, которой не избежать ни аристократке, ни простолюдинке: всем представительницам слабого пола суждено покорно склоняться перед волею мужчины. Однако в XII веке дама-аристократка получает определенные привилегии, во всяком случае, тогдашнее ее положение нельзя сравнить с тем бесправием, которое ожидает женщину в последующие века (35). Главная привилегия состоит в том, что, хотя согласно установленному брачному праву женщина полностью отстранена от управления чем бы то ни было, она тем не менее имеет право на гарантированное достойное материальное обеспечение. После смерти супруга вдова вправе унаследовать значительную часть его состояния. Во-первых, она получает право распорядиться своим приданым, которое было вручено покойному ее родными в день их бракосочетания. Приданое, обычно выразившееся непосредственно в звонкой монете или движимом имуществе, переходило по наследству к потомкам или, в случае смерти супруга, большей частью возвращалось к вдове. Во-вторых, она получает право на «вдовью долю», ту часть имущества, которую муж закрепляет за супругой при подписании брачного контракта; эта часть, равная примерно половине имущества мужа, переходит к ней в случае ее вдовства. Меры, направленные на жизнеобеспечение вдовы, могут быть значительно расширены и дополнены; например, может быть официально оговорено место жительства вдовы: она, если желает, имеет право остаться жить в доме покойного мужа, даже если тот по наследству перешел к сыну, или же избрать себе иное жилище. Монастырь пока еще не является для безутешных вдов единственной альтернативой одиночеству и семейным неурядицам, и пострижение в монахини — по крайней мере на юге Франции — принадлежит к решениям духовного порядка, определяется внутренним выбором женщины. Следует также отметить, что женских монастырей и монастырских учреждений в это время не так уж и много, и только в XIII и XIV веках наблюдается резкое их увеличение (36).

Жизнь женщины улучшается после 1150 года. Жилища патрициев, помещения в домах-усадебках (мануарах) и замках сеньоров становятся более просторными и комфортабельными; особенный прогресс наблюдается после 1200 года. Интимная сторона семейной жизни, женская стыдливость, равно как и общительность, наконец получают возможность уединиться, отгородиться от постоянного многолюдья (главным образом мужского), характерного для жилищ знати. Прежде в замковой башне была всего лишь одна комната, служившая и спальней, и местом сбора дружины, и парадным залом, и трапезной; в этом единственном жилом помещении все, и мужчины, и женщины, принадлежавшие к небогатому дворянству, теснились вплоть до 1110 года! Однако последующие улучшения налицо: появляются супружеская спальня, женская комната для дружеских посиделок, прежний зал в башне используют под комнату для больных или рожениц, в новом просторном парадном зале выгораживают уголки, где можно уединиться и спокойно побеседовать... Пространство в новопостроенных зданиях начинает интенсивно обживаться, и частная жизнь становится значительно более приятной. Улучшение бытовых условий изрядно способствует расцвету куртуазности: желанная, обожаемая, почитаемая, дама имеет возможность укрыться от нескромных взоров, и устремления мужчин, питаясь воспоминаниями, переносятся в сферу чистого и возвышенного.

Окруженная свитой девушек-прислужниц, юными бедными племянницами, родственницами и служанками, дама много часов проводит в «женском обществе», в апартаментах, расположенных всего в нескольких метрах от парадного зала или от зала оружейного, где развлекаются мужчины. В урочное время мужчины принаряжаются, и все встречаются вместе, чтобы попить и поболтать. В феодальных замках женская комната (по-окситански *cambra*) является своего рода убежищем, куда имеет доступ только хозяин дома; впро-

чем, нередко дверь в женский покой приоткрывается, пропуская в святая святых очередного фаворита. В зависимости от планировки замка дамская половина может представлять собой небольшой дом, построенный в центральном дворе замка. В укрепленных поселениях, которых с начала XII века (37) в Лангедоке становится все больше, складывается обычай, согласно которому сеньор предоставляет своей новой супруге дом, расположенный в селении, господином которого он является; потом дама передаст дом своей старшей дочери, которая сохранив его за собой, в случае вдовства сможет уединенно жить в нем.

Подтверждено документально (век спустя официально оформленные бумаги будут называть «нотариально удостоверенными»), что в совместной жизни знатной супружеской пары время от времени наступают перерывы, тогда жизнь супругов протекает отдельно. В документах можно найти описания сценок из обыденной жизни и, в частности, периодов временной разлуки владельца замка со своей половиной: тогда все женщины, что есть в доме, объединяются вокруг оставшейся за хозяина жены сеньора и принимают в свой узкий круг только отдельных представителей мужского пола (обычно это капеллан, жонглер и несколько слуг). Тем временем вокруг сеньора тоже группируется свой круг преданных людей, состоящий из клириков и рыцарей; многих из них нередко можно встретить в сельской церкви или же на рынке, где они прогуливаются и предаются праздной болтовне. Жизнь врозь может длиться несколько недель или даже месяцев, в зависимости от того, куда отправляется мужчина — в крестовый поход, на войну или же инспектировать свои владения. В жаркое время года сеньор большую часть времени проводит в поле, под палящим солнцем, охраняя посевы и виноградники и надзирая за сбором урожая. В это время его супруга и дочери в одиночестве сидят у себя в замке, уединенно высыащемся на одном из многочисленных утесов.

Сражения и игры

Власти и война в XII столетии

Поступая на службу к сеньору, трубадуру приходится поддерживать своих покровителей во всех их расприх. В XII веке война часто сводится к стремительному разбойничьему набегу, несколькими маневрами, рассчитанным на устрашение врага, временному перемирию, недолгим переговорам и краткосрочным обязательствам, которые берут на себя обе стороны. Во время такого «веселого» — по словам трубадура Бертрана де Борна — блиц-похода отряды рыцарей вступают в схватку и обмениваются яростными ударами, нанося друг другу жестокие раны, зачастую неисцелимые.

Мне пыл сражения милей / Вина и всех земных плодов.
/ Вот слышен клич: «Вперед! Смелей!» — / И ржание,
и стук подков. / Вот, кровью истекая, / Зовут своих:
«На помощь! К нам!» / Боец и вождь в провалы ям/
Летят, траву хватая, / С шипеньем кровь по головням /
Бежит, подобная ручьям... (1)

Потом, подсчитав потери и трофеи, соперники расходятся. Мир подписан, однако ни для кого не секрет, что уже через несколько месяцев он наверняка будет нарушен. Новых союзников обычно находят в процессе переговоров; наиболее прочными узами считаются узы родства, поэтому союзники стремятся подкрепить соглашение заключением выгодного брака; иногда прочный союз может быть основан на чувстве соперничества. Во время набега люди сеньоров убивают друг друга, берут заложников, вытаптывают крестьянские поля, угоняют скот, разрушают хижины крестьян (2). Льется кровь, гибнут невинные люди; феодальные распри возмущают нашу современную чувствительность. Однако ужасы грядущего века, когда войны по своему характеру приблизятся к современным, оставят далеко позади страх перед набегами отрядов разбойных сеньоров. Люди перестанут запоминать имена погибших, ибо они станут

исчисляться сотнями и тысячами: в июле 1209 года никто не сможет проехать по улицам Безье, ибо они заполнятся трупами жителей города; в пламени костров, разожженных правоверными захватчиками-северянами в Минерве, Лаворе и Монсегюре, сгорит весь цвет аристократии и крестьянства юга Франции; после битвы при Мюре, «этом втором сражении при Бувине» (3), огромное поле будет усеяно телами рыцарей и арбалетчиков. Титулы и имена рыцарей, павших от меча в этой битве, станут достоянием жест (*chansons de geste*), хронисты старательно впишут их в свои фолианты, но большинство погибших так и останутся безымянными трупами, превратятся в простые цифры.

Где и какие тлеют угли, подогревая южнофранцузские конфликты еще до начала Крестового похода, получившего название Альбигойских войн, какой ветер в 1209 году раздул это пламя? (4)

Два замужества Альеноры превращают Аквитанию в очаг напряженности. Оба её брака втягивают аквитанские земли в орбиту двух влияний, пересечение коих создает опасные очаги волнений. Первая траектория пролегает вокруг двора короля Франции Людовика VII, с которым Альенора заключила брак 25 июля 1137 года, а 21 марта 1152 года расторгла этот союз. Вторая пролегла вокруг двора короля Англии Генриха II Плантагенета, который женился на Альеноре спустя два месяца после ее развода или, точнее сказать, бегства. Но Альенора — внучка Гильема IX. В апреле 1137 года она наследует от отца герцогство Аквитанское и графство Пуату, а также герцогский титул, который будет поочередно переходить к трем ее сыновьям, рожденным ею от второго супруга, английского короля Генриха II Плантагенета: «королю-юноше» Генриху, Ричарду Львиное Сердце, Иоанну Безземельному. Ложь, воинственность, дух реванша, заговоры с целью устранения отца или братьев, постоянная угроза угодить в темницу... такова повседневная жизнь семейства Плантагенетов, вечно раздражаемого распрями по причине поистине необъятных владений, которые невозможно поделить поровну.

Тем, кто шел из Аквитании к берегу Средиземного моря, откуда корабли с крестоносцами отплывали в Святую землю, приходилось пересекать владения графов Тулузских. Вековая мечта герцогов Аквитанских — править всем югом, восстановить Аквитанию в ее прежних границах начала XI века, — тогда территория ее омывалась двумя морями, ее окружали три горных массива... При поддержке каталанского графа Раймона Беренгария (Беренгьера) IV английский король идет войной на графа Тулузского и в 1159 году осаждает столицу графства. Только вмешательство французского короля спасает город.

Другой очаг военных действий разгорается в Лангедоке и Провансе; запальной искрой для него стал заключенный в начале века брак графа Барселонского Раймона Беренгария I с Дус, наследницей графов Прованских. Союз этот положил конец тулузскому владычеству в восточной Окситании. Образовались два противоборствующих клана, в один из которых вошли сторонники Барселоны, в другой — Тулузы; случилось это как раз в то время, когда граф Альфонс Жордан (сын Раймонда IV, графа Тулузского) отправился в Иерусалим; отъездом графа воспользовались герцог-трубадур Гильем IX де Пуатье и его жена Филиппа, которые в 1113 году заняли Тулузу и в течение шести лет удерживали ее под своим контролем.

В 1118 году виконт Безьерский, заключив союз с владельческими средиземноморскими сеньорами Испании, выступил на стороне Альфонса Арагонского, прозванного Воителем, в его войне с арабами за возвращение захваченных ими испанских земель. Сказочная Испания — земля, исполненная изобилия и мусульманской роскоши... Рыцари из Южной Франции нередко станут пересекать горные хребты Пиренеев, чтобы принять участие в сражениях христианского воинства против неверных (5).

Между тремя главными политическими центрами — Аквитанией, Тулузой и Каталонией — постоянно происходит перераспределение союзников, формируется соотношение сил, которое после 1150 года породит «великую южную войну» (6), а на рубеже

XIII века — Крестовый поход против альбигойцев. Находясь в самом центре узла противоречий, между склонами океанских и средиземноморских скал, окружающих Окситанию, Тулуза ведет гибкую и опасную игру, лавируя между двумя лагерями — английского и французского королей. В 1152 году Альнора расстается с Людовиком VII, выходит замуж за Генриха II и приносит ему в качестве приданого Аквитанию и Гасконь. Спустя четырнадцать лет воссоединение королевства Арагонского и графства Барселонского изменяет расстановку сил вокруг Тулузы, ибо Безье и Барселона вновь вспоминают о своих прежних союзнических отношениях, традиционно направленных на ослабление влияния графства Тулузского. И вот, пока Плантагенеты ссорятся между собой, а король Франции исподволь готовится к реваншу, между Лангедоком и Провансом начинается полоса раздоров и скоротечных конфликтов, прерываемых кратковременными перемириями, заключенными очередных непродолжительных союзов и не слишком успешными переговорами. Основной состав противоборствующих сторон в целом остается неизменным: партию графов Тулузских поддерживают сеньоры Кастра (чьи владения расположены в графстве Каркассонском), графы де Бо (Прованс) и сеньоры Сабрана (Нимуа), партию графов Барселонских — сеньоры Монпелье, виконт Безьерский и виконтесса Нарбоннская.

Начиная с 1150 года региональные конфликты следуют один за другим, порождая друг друга, словно куклы в русской матрешке; противостояние владельцев сеньоров-южан начинает приобретать общеевропейское значение, в него вовлекаются император Фридрих Барбаросса, правители Генуи и король Франции (ставший шурином графа Тулузского, так как в 1154 году Раймон V женился на сестре Людовика VII Констанции), выступающие против Плантагенетов, заключивших союз с королем Арагона и графом Барселонским, а также с их союзниками из Лангедока и Прованса. Трубадуры вдохновенно комментируют сражения: воинственные песни слагают ли-

музенец Бертран де Борн, каталонец Гильем де Бергедан, тулузец Пейре Видаль, провансальцы Раймбаут де Вакейрас и Гильем Райноль из Апта. Журналисты, тайные агенты и посланники в одном лице, трубадуры разносят слухи, комментируют происходящие события, предостерегают и высмеивают. Они информируют публику и одновременно дезинформируют ее.

Но постепенно давняя вражда между Тулузой и Барселоной стихает, и юный Раймон Рожер Тренкавель, виконт Безьерский и Каркассонский, утратив своих южных союзников, окажется в одиночестве перед лицом северян, которые вскоре соберутся в крестовое воинство и отправятся в поход против альбигойцев. Мир 1198 года, заключенный между графом Тулузским и королем Арагонским на встрече в Перпиньяне, мог бы стать одним из этапов формирования двух больших южноевропейских государств, процесс создания которых, замороженный из-за продолжительной дуэли Тулузы и Барселоны, теперь получил новый толчок; однако времени для его завершения уже не остается.

Слишком поздно... Начиная с 1160-х годов ересь все чаще дает о себе знать; возрастающая активность еретиков заставляет Рим постоянно возвращаться к мысли о вторжении в земли, «зараженные злом». Папа Иннокентий III убеждает короля Франции Филиппа-Августа стать организатором Крестового похода, впервые направленного против внутреннего врага. Поначалу предложение папы находит весьма сдержанный прием, однако в конце концов король соглашается поднять своих вассалов на Крестовый поход против еретиков — вальденсов и катаров и их покровителей. И в июне 1209 года армия крестоносцев выступила в поход.

Отныне история Южной Франции тесно сплетается с историей Крестового похода и королевских завоеваний; события эти до основания изменили образ жизни трубадуров и оказали большое влияние на их поэзию. Мы к этому еще вернемся в связи с творчеством Бернарта Сикарта де Марведжольса (и его стихотворением «о тяжком унынии»), Раймона де

Мираваля, ставшего изгнанником, и клирика Пейре Карденаля, для которого дворы любви окутались мраком и превратились в места обитания безумцев.

Куртуазность и рыцарство

Выше мы уже упомянули о некоторых куртуазных добродетелях, таких, как щедрость, радость, молодость, мера... Еще одной добродетелью, из числа составляющих куртуазный идеал, является храбрость. Храбрец (*pros*) проявляет мужество сверх всякой меры, его отвага доходит до крайности, исключает осторожность и осмотрительность, являющиеся прерогативой престарелых сеньоров и горожан — вне зависимости от их возраста. Храбрость рыцарь проявляет на войне, поэтому Бертран де Борн, упиваясь азартом битвы, с восторгом воспевает жестокое сражение:

Лишь тот мне мил среди князей, / Кто в битву ринуться готов, / Чтоб пылкой доблестью своей / Бодрить сердца своих бойцов, / Доспехами бряцаю. / Я ничего за тех не дам, / Чей меч в бездействии упрям, / Кто, в схватку попадая, / Так ран боится, что и сам / Не бьет по вражеским бойцам (7).

В XII веке посвящение в рыцари становится практически неизменным ритуалом, символизирующим переход молодого человека из подросткового возраста в возраст мужчины, переход юного воина в сословие рыцарей. Рыцарское сословие представляет собой особый орден, члены которого исповедуют добродетели, которые в основном сродни доблестям куртуазным: истинные рыцари, равно как и благородные куртуазные сеньоры, наделены храбростью, благородством (*paratge*), юностью, верностью и умеют соблюдать меру. Куртуазный и рыцарский кодекс имеют целью воспитать, цивилизовать и научить вести себя в обществе грубых и заносчивых воинов благородного происхождения. Необходимо организовать этих задиристых вояк, заставить их объединиться под началом крупного феодального сеньора,

обладающего реальной властью, собраться под знаменами владетельного князя, дабы тот твердой рукой, соблюдая заведенный иерархический порядок, направил в нужное русло разрозненную и бесполезно растрачиваемую энергию мелкого служилого дворянства, то есть воинов-рыцарей (8).

Фрески конца XII века на стенах часовни Крессак-Сен-Жени (деп. Шаранта), а также более поздний фрагмент барельефа в соборе Святого Назария в Каркассонне изображают рыцарей в полном боевом снаряжении, на боевых конях, с копьями наперевес и развевающимися на ветру златоткаными вымпелами; эти рыцари готовы ринуться «в пыл сражения», как сказал бы трубадур Бертран де Борн.

Печати сеньоров Южной Франции, выполненные до второй трети XIII века, достаточно малочисленны, и практически на всех владельцы их, главным образом могущественные сеньоры, изображены верхом. На печатях герцоги и графы обычно сидят в седле боевого скакуна, идущего шагом или мчащегося галопом; всадник, облаченный в боевой доспех, развернут влево или вправо, одной рукой он заносит для удара меч, другой держит щит, обороняясь им от ударов противника. Итак, в течение короткого, но блистательного периода, когда при дворах равно в почете были и куртуазность, и рыцарство, сформировался тип благородного героя, в котором образ трубадура и образ рыцаря слились воедино. Так, на оттисках вислой печати, удостоверяющей подлинность хартии от 1168 года, владелец ее, Бертран II, граф Форкалькьерский, чьи владения были расположены в Провансе, с одной стороны изображен сидящим на табурете и играющим на виоле, а с другой стороны — в рыцарском облачении (9). На печати 1192 года, принадлежавшей Гильему VIII, сеньору де Монпелье, владелец ее изображен сидящем на табурете, покрытом ромбовидной подушкой; туловище его развернуто в профиль, лицо с короткой, по последней тогдашней моде, бородой, смотрит прямо; на нем надет плащ, застегнутый на плече пряжкой; сеньор играет на арфе. На обороте той же печати сеньор изображен уже в кольчуге, шле-

ме и со щитом овальной формы, заостренным с обоих концов, что позволяло втыкать его в землю; подобные щиты были характерны для XII века; в воздетой правой руке сеньора меч с широким основанием и круглым набалдашником; конь сеньора движется шагом, сеньор сидит в седле, закрепленном подпругою, и свободной рукой держит поводья; ноги его вдеты в стремена (10): и трубадур, и рыцарь одновременно!

«Мой друг конь»

Боевые скакуны, всадники, мчащиеся вдаль... война, въезд в город могущественного графа, парадные кортежи, эскорт, сопровождающий пустившегося в дорогу князя церкви или барона, инспекционные поездки окруженного отрядом верных вассалов сеньора, пожелавшего посмотреть, как работают крестьяне на его полях и виноградниках — все эти передвижения делают коня одним из главных действующих лиц любых предприятий: без коня не обойдутся ни война, ни праздник. Конь постоянно присутствует в нотариально заверенных актах, жестах (*chansons de geste*), кансонах. Породистый скакун в те далекие времена был самым ценным подарком. Благородные сеньоры оставляли коней в наследство. После смерти Раймона VI Тулузского трубадур Пейре Видаль, желая, чтобы все узнали о его великой скорби, разыграл настоящий спектакль, приказав отрезать хвост и уши всем своим коням, которых он, без сомнения, получил в качестве подарков от своих покровителей, и теперь пользовался случаем, чтобы лишний раз продемонстрировать свои трофеи:

Пейре Видаль весьма был огорчен смертью доброго графа Раймона Тулузского и впал в великую печаль, и облачился он в черное платье, а всем своим коням обрезал хвосты и уши, обрил себе голову и слугам своим приказал сделать то же самое... (11)

У другого трубадура, согласно легенде, была лошадь поистине необыкновенная, «которая умела танцевать

и обо всем имела свое понятие». История о необычной лошади и ее хозяине была записана Гервасием Тильберийским. Гираут де Кабрейра, совершенный рыцарь из Каталонии (он умел сочинять кансоны и сражаться), прозвал сию чудесную лошадь «Добрый Другом». Он велел кормить ее только пшеничным хлебом, который клали в серебряную миску, а также приказал набить ее подстилку пухом. Добрый Друг давал своему хозяину разумные советы, втайне ото всех разговаривал с ним, спасал его от многих преследователей. Гервасий Тильберийский совершенно уверен в правдивости этой истории, тем более что поведали ему ее очевидцы, полностью заслуживающие доверие: люди из свиты Альфонса Арагонского, графа Прованского, а также весьма высокопоставленной дамы, мачехи самого императора Оттона IV. В Арле, во дворце Гервасия Тильберийского, пожалованного ему императором, гости имели возможность видеть, как во время танцев, устроенных дамами, Добрый Друг прыгал, проделывая невообразимые фигуры в такт мелодии, исполняемой его хозяином на виоле:

В юности рыцарь этот был живым, веселым, отлично владел музыкальными инструментами и пользовался завидным вниманием знатных дам. [...] ...перед сеньорами окрестных мест и на глазах у многих высокопоставленных лиц вышеназванный рыцарь часто брался за виолу; сеньоры пели при этом хором, а конь под звучание струн, следуя за размером исполняемой музыки, прыгал, проделывая невообразимые повороты (12).

Конь был так предан своему хозяину, что в тот день, когда хозяина предательски убили, он перестал есть и сам покончил счеты с жизнью, сломав себе шею.

Праздники, календарь, времена года

Религиозные и светские праздники скрашивают однообразие повседневной жизни и помогают коротать время. Трубадуры ждут праздников и готовятся к

ним, ибо это превосходный повод для веселья, а их занятие, как никакое иное, обязывает всячески этому веселью способствовать. Во время праздников трубадуры главным образом и зарабатывают себе на жизнь.

Каждому календарному месяцу (13) соответствует своя картина, изображающая сельские работы, приходящиеся на данный месяц. В соборах сезонные работы представлены скульптурными группами, созерцать которые может каждый прихожанин; люди состоятельные могут любоваться календарными миниатюрами у себя дома: каждая из картинок представляет один из двенадцати месяцев года. На миниатюрах изображают не столько тяжкий крестьянский труд, сколько собранный крестьянами богатый урожай зерна, винограда, приплод скотины; все это изобилие селяне несут сеньору, который требует свою долю. Начало года приходится в основном на январь, хотя иногда в христианскую датировку вмешивается календарь римский и гражданский. После XI века в различного рода практических документах, потребность которых в повседневной жизни неуклонно возрастает, начинают указывать цифру, обозначающую тысячелетие, к коему относится искомый год; однако датам по-прежнему нельзя доверять, ибо начало года в средневековых текстах колеблется: в одних оно приходится на 1 января, в других — на 25 декабря («к Рождеству»), 1 марта или на еще какой-нибудь из церковных праздников с переходящей датой, например на Пасху, наступление которой исчисляется, согласно унаследованной от евреев традиции, по лунному календарю, не совпадающему с календарем солнечным. Числа месяца часто называют по дням святых и праздникам; долгое время сохраняется и римская система исчисления — по календам, идам, нонам и т. д.

Согласно средневековому календарю на месяцы апрель и май падает приход весны, символизирующий торжество любви; приход весны — излюбленная пора трубадуров и благородных сеньоров. Зима — время охоты, привилегированного занятия сеньоров, время пиров в больших залах, где жарко топятся ка-

мины, куда усердные слуги то и дело подбрасывают дрова. Год, таким образом, делится на две части: с одной стороны, это время мечтательное и созерцательное, время, когда, укрывшись от суровых зимних бурь за крепкими стенами замков, надо наслаждаться теплом и благополучием, на смену которым придет время куртуазных празднеств и радостей чудесного сезона любви. С другой стороны, нельзя обойтись без времени уплаты повинностей, времени, ради которого крестьянин трудолюбиво возделывал землю, подрезал лозы, сеял зерно, стриг овец, косил сено для скота, гонял свиней пастись и наедаться желудями, дабы откормить их для хозяйского стола. В сезонном делении времен года нет никакого намека на литургический календарь. Однако очень часто тематика сельских работ сопрягается с определенным знаком зодиака; тем самым подчеркиваются цикличность времени, связь хода времени с движением звезд и влияние звезд на природу. Сельские работы отличаются продолжительностью и цикличностью; трубадур с тревогой вспоминает о временах года: куда ему податься, когда настанут холода, и куда, когда настанет весна, а с ней радость и время распевать любовные кансоны? В лирике трубадуров властвуют зима и весна, два противоположных сезона, времена года, находящиеся в постоянной оппозиции. Они символизируют горе и радость, два основных чувства, оспаривающих друг у друга сердце влюбленного.

Прекрасно, что природа то расцветает, то вновь замерзает от холода, однако влюбленный воистину торжествует только с наступлением весны; с присущей ему утонченностью Бернарт де Вентадорн воспекает сию банальную истину:

У любви есть дар высокий — / Колдовская сила, / Что
зимой в мороз жестокий / Мне цветы взрастила. / Ве-
тра вой, дождя потоки — / Все мне стало мило. / Вот
и новой песни строки / Вьются легкокрыло (14).

Но когда в этом мире у тебя нет возлюбленной, к чему тогда весна и цветы? — в отчаянии вопрошает Джауфре Рюдель; ведь тогда кругом царит постоянная зима:

Длиннее дни, алей рассвет, / Нежнее пенье птицы
дальней, / Май наступил — спешу я вслед / За сладостной любовью дальней. / Желаньем я раздавлен,
смят, / И мне милее зимний хлад, / Чем пенье птиц и
маки в поле (15).

Церковные праздники

Есть ли место трубадурам на праздниках, установленных Церковью? Время повседневной жизни на средневековом Западе определяется сменой времен года, наступлением очередных календарных месяцев и церковными торжествами, к которым относятся особые временные периоды — Рождественский пост, Рождество, Великий пост и Пасха, во время которых постные дни чередуются с днями сытости и веселья; есть еще праздники святых. В целом каждый день имеет своего святого покровителя; также в литургическом календаре имеется немало праздников в честь Святой Девы. Надо сказать, что религиозные чувства редко встречаются в поэзии трубадуров; когда в кансонах начинают звучать религиозные мотивы, чаще всего происходит смешение галантности и набожности, причем последняя оказывается в подчинении у первой! Так в лоне христианства происходит формирование светской литературы. В ранних стихотворениях трубадуров Святая Дева упоминается крайне редко, и только во второй трети XIII века, после Крестового похода против альбигойцев, появляется поэзия, полностью посвященная восхвалению Девы Марии. Но к ней мы еще вернемся.

Жизнь трубадуров, как и всех людей того времени, подчинена определенному ритму, заданному церковным колоколом, звон которого раздаётся каждые три часа, но церковные праздники, вписанные в языческий цикл смены времен года, не находят откликов в творчестве трубадуров. Поэзия трубадуров носит исключительно светский характер, хотя сами окситанские поэты не чужды клерикальной культуре; многие из них по своему статусу принадлежат к людям Церкви — например, Монах Монтаудонский. Но

ни одна из кансон трубадуров, будь она даже вполне благочестивого содержания, как, например, кансона Фолькета де Люнеля, обращенная к Святой Деве, или пропитанная религиозным духом альба Фолькета Марсельского «Истинный Бог, во имя Ваше...» (16), не была использована для песнопений во время религиозных торжеств. Любые кансоны, даже те, что содержат адресованные мирянам призывы к благочестию, исполняются вне стен церковных зданий и мест отправления культа.

Однако ничто не мешает устроить торжество в день, расположенный по соседству с тем днем, который объявила праздничным Церковь, или приурочить торжество к одному из тех христианских обрядов, что связаны с главными событиями в жизни человека, например к свадьбе; на таком торжестве, устроенном в частном жилище в городе, селении или деревне, трубадуры всегда желанные гости, одна из основных приманок для соседей хозяина: послушать кансоны трубадуров съезжаются со всех сторон.

Чудесный сезон мирских праздников

В мае, в радостное время Пасхи, или, точнее, в воскресное литургическое время, грядущее следом за Пасхой, начинается радостный праздник весны. Приход весны — всенародная радость, все выходят из домов на улицу, чтобы там, в обновленных природой декорациях, попеть и потанцевать среди цветущих лугов. В честь нового пробуждения природы сочиняются ободы и серенады, — утренние и вечерние песни, адресованные юным девушкам. В праздник наступления весны хозяин замка может пригласить весь свой двор, и старых и молодых, и мужчин и женщин, на парадную трапезу, однако при этом потребовать гостей одеться во все зеленое.

Сохранилось не менее пятнадцати сочиненных трубадурами песен, относящихся к жанру альбы (*alba**); в этих песнях сторож предупреждает влюбленных о наступлении дня, а с ним и печального ми-

га разлуки, коим завершается ночь любви. Самая знаменитая альба принадлежит перу Гираута де Борнеля; в ней трубадур без колебаний взывает к всемогущему Богу, чтобы тот пришел на помощь его товарищу по галантному приключению:

— Мой добрый друг! Ах, если бы навек / Продлилась
ночь любви и сладких нег! / Моя подруга так сейчас
прекрасна, / Что, верьте мне, пугать меня напрасно /
Ревнивцем в час рассвета (17).

Серенада (*serena*), своего рода калька с альбы (*alba*), приобрела известность в конце XIII века благодаря Гирауту Рикьеру; трубадур вывел в ней обуреваемого страстным желанием влюбленного, ожидающего наступления ночи, чтобы соединиться со своей дамой (18).

Юные девушки украсили окна гирляндами из зелени, посадили майские деревья. Они выбрали «апрельскую королеву» (*regina avrilhosa*), которая замужем за старым и ревнивым мужем, распорядителем танцев вокруг майского дерева; вместе с ревнивцем хоровод ведет «молодой король» (*rei de joven*), юноша, в которого влюблена королева. Это своеобразная пародия на куртуазный треугольник из мира куртуазной любви (*fin'amor*). Над ревнивым мужем традиционно все смеются, «апрельская королева», ни от кого не прячась, участвует в танцах вместе с молодым королем и ведет хоровод, увлекая за собой всех девушек и юношей:

Все цветет, вокруг весна! / Эйя! / Королева влюблена,
/ Эйя! / И, лишив ревнивца сна, / Эйя! / К нам пришла
сюда она, / Как сам апрель, сияя (19).

В XV веке Церковь решит поставить всех апрельских королев под знамена Святой Девы и сформировать из них «Легион Марии», которой отныне посвящается месяц май.

А на другом конце календаря, перед праздником Рождества, 21 декабря, начинается праздник «дураков». И снова речь идет о пародии, однако теперь эту

пародию разыгрывают в стенах соборов, ибо на дворе стоит зима. В одном из соборов, например, Эксан-Прованса или Арля из числа мальчиков, поющих в церковном хоре, избирается «дурацкий епископ». Остальным мальчикам из хора каноники предоставляют возможность занять их место и вместо них вести службу... (20)

Праздники по случаю бракосочетания — первого или же очередного, повторного (ибо в те времена смертность была очень высока: женщины умирали от родов, а мужья часто были значительно старше своих жен) — предоставляли множество поводов для веселья — как куртуазного, так и площадного. Начиная с 1205 года консулы города Тулузы вынуждены были установить определенные правила, согласно которым жонглеры имели право входить в частные дома и оставаться в них только на время свадебных торжеств и непременно в присутствии хозяина дома (21). Тут можно вспомнить об обычае музыкантов устраивать жуткую какофонию для тех, кто вступал в брак повторно; можно также вспомнить и о том, как после бракосочетания Арчимбаут делал приготовления, необходимые для «вступления» его юной супруги Фламенки в город Бурбон: вдоль улиц были расставлены столы с едой, всюду высились горы пряностей и пахучих трав, которых припасено было так много, что на каждом углу их сжигали в котлах, дабы в воздухе растворялось благоухание. В XV веке Жан Фуке в рукописи «Больших Французских Хроник» нарисует парадные «вступления короля», церемониал, отныне превратившийся в светский, гражданский праздник; однако на этом празднике не видно бьющего через край южного изобилия!

Сеньор на празднике; щедрость сильных мира сего

Как заметила Линда Паттерсон, самые пышные праздники, устраивавшиеся на христианском Западе, приходятся на десятилетие с 1170 по 1180 год; торжества эти проходили при аристократических

дворах Окситании и отличались поистине королевской и княжеской роскошью. (22)

В хронике тех лет, написанной монахом Жоффруа де Вижуа, в юности получившим образование в монастыре Святого Марциала в Лиможе, рассказывается забавная история, случившаяся в конце предшествующего века при дворе Гильема IX, герцога Аквитанского (23). Эблес II, виконт Вентадорнский, прозванный трубадурами «Певцом», был другом и одновременно вассалом Гильема, ибо его владения находились в одном из четырех виконтств, расположенных на территории домена, принадлежащего графу де Пуатье.

Однажды Эблес прибыл ко двору в Пуатье в обеденный час, и граф без всякого предупреждения отдал распоряжение устроить по такому случаю пир. Однако приготовления к празднеству затянулись, и Эблес в нетерпении воскликнул: «Не стоило идти на такие большие расходы, чтобы доставить удовольствие столь ничтожному сеньору, как я!» Спустя некоторое время граф де Пуатье неожиданно явился в замок Вентадорн; сопровождало его, как утверждает хронист, более сотни всадников. Эблес сидел за столом. Поняв, что его сеньор пожелал испытать его, он тотчас приказал принести прибывшим гостям воды для омовения рук и принял их как должно, то есть проявил щедрость и широту души. Всем окрестным крестьянам было отдано распоряжение живо нести в замок на кухню побольше съестных припасов. Крестьяне собрали все, что имели: кур, уток, пернатую и иную дичь, так что вполне хватило бы даже на пир по случаю княжеской свадьбы. А вечером в замок, без ведома его хозяина, пришел крестьянин, ведя за собой повозку, запряженную быками; приблизившись, он громко, будто исполняя обязанность глашатая, объявил: «Подойдите сюда, товарищи графа де Пуатье! Взгляните, как развешивают воск при дворе сеньора Вентадорнского!» Продолжая выкрикивать свои слова, крестьянин забрался на телегу и топором разрубил обручи на стоявших в повозке бочках: оттуда посыпались свечи чистейшего воску. Затем он повер-

нулся и отправился к себе в деревню Мальмон. Граф де Пуатье не поскупился на похвалы находчивости и смелости виконта Вентадорнского. Эблес наградил крестьянина, одарив его фьефом Мальмон с правом передачи его по наследству, дабы потомки крестьянина могли беспрепятственно владеть им. Сумев проявить щедрость (*largueza* — одна из куртуазных добродетелей, воспетых трубадурами) по отношению к своему сеньору, Эблес обязан был поступить вдвойне великодушно, награждая своего вассала, который, принимая во внимание свое низкое положение, проявил поистине верх остроумия. Если верить этой истории, можно прийти к заключению, что в то время куртуазный кодекс уже оказывал свое облагораживающее влияние на отношения в обществе.

Один из наиболее пышных праздников, воспоминание о котором сохранилось до наших дней, был устроен 18 апреля 1176 года в Бокэре (24), точнее, на острове Жарнег, расположенном посреди Роны, между Тарасконом и Бокэром. Бокэр, наряду с Сен-Жилем, опорой графских владений в землях д'Аржанс, был основан около 1080 года Раймоном де Сен-Жилем, дабы соперничать с Тарасконом, построенным на другом берегу Роны, во владениях Дус Прованской, принадлежавших к домену каталонских графов. И по сей день две башни — одна в Бокэре, другая в Тарасконе — горделиво, подобно двум непреклонным соперникам, высятся на берегах разделяющей их реки. Очевидец этого праздника, все тот же лимузенский хронист Жоффруа де Вижуа описал его в своем труде. Поводом для торжества послужило примирение графа Раймона V Тулузского с Альфонсом II Арагонским и графом Барселонским (самым знаменитым покровителем трубадуров), произошедшее при посредничестве Генриха II Плантагенета, короля Англии и супруга Альеноры, внучки первого трубадура Гильема Аквитанского. По словам Жоффруа, в тот день в стенах Бокэра разместились десять тысяч рыцарей (то есть сто отрядов по сто рыцарей) со свитой. Десять тысяч — цифра, скорее всего, вымышленная, магическая, взятая из волшебных сказок.

В архивах сохранились документы, свидетельствующие о существовании нескольких проектов мирного соглашения, предложенных по случаю праздника. Так, известно, что в апреле 1176 года, то есть весной, в сезон, располагающий как к войне, так и к мирным торжествам, обе враждующие стороны достигли договоренности соблюдать границы о разделе Прованса, зафиксированные в договоре от 1125 года. Чтобы компенсировать своему противнику территориальные потери, король Арагона пообещал заплатить ему тысячу тридцать марок серебром.

Согласно Жоффруа, на всем протяжении торжеств, устроенных по случаю заключения мирных соглашений, граф Тулузский щедро раздавал дары: к примеру, один из его приверженцев, Раймон д'Агут, «великолепный рыцарь» и покровитель лимузенского трубадура Гаусельма Файдита, получил сто тысяч солей, чтобы дать достойное приданое своим пяти дочерям, ибо приданое, которое в те времена на юге и прилегающих территориях положено было давать за графской дочерью, равнялось двадцати тысячам солей. Каждый, кто на этом празднике хотел выступить в роли покровителя, большого либо малого, сумел завербовать себе новых сторонников. Ходили слухи, что некий Гильем Гро де Мартелло, прибывший с тремя сотнями рыцарей, сжег «просто так» несколько связок восковых свечей, не посчитав нужным пустить их на освещение или же пожертвовать какому-нибудь святому... А Раймон Вернуль, если верить слухам, сжег тридцать лошадей, животных, являющихся неотъемлемой частью рыцарского снаряжения и свидетельством богатства их владельца! Какой скандал! — возмущается Жоффруа, вконец обескураженный подобным расточительством.

Все дни, что продолжался этот небывалый праздник, сильные мира сего, казалось, соперничали в расточительстве. Говорили, что «добрая» графиня д'Уржелъ, в которую влюбился трубадур Раймбаут Оранский, отправила в подарок некоему Гильему Мита, преданному человеку из свиты своего друга, корону стоимостью сорок тысяч солей! Разумеется,

Жоффруа де Вижуа возмущен столь бессмысленными тратами владетельных сеньоров. Почтенный клирик, он в своих оценках ориентируется на комментарии проповедников и моралистов Северной Франции, где отнюдь не одобряются вольные нравы и мотовство южан.

Под звуки музыки: танцы и баллады

Сохранилось крайне мало письменных свидетельств о тогдашних танцах, занятии, интересующем нас прежде всего как исключительно придворное развлечение. Если судить по многочисленным запретам, можно с уверенностью сказать, что церковники питали подлинное отвращение к этому виду искусства, сохранившемуся с языческих времен, искусству, явно доставлявшему удовольствие не только духу, но и телу. В 1209 году на соборе в Авиньоне Церковь устанавливает регламент на танцевальные увеселения, ограничивая их практику определенными местами и датами, а также сделав их составной частью торжественного обрядового действия на праздниках святых.

Похоже, однако, что танцевальные напевы с самого начала обладали литургической функцией; вплоть до XIII века это подтверждается документальными источниками. Как указывает Робер Лафон, влияние танцевальной культуры можно обнаружить в самых ранних текстах на окситанском языке, в частности в «Песни о святой Вере», предназначенной для песенного исполнения; к сожалению, музыки к ней не сохранилось. Это самая ранняя поэма, построенная на рифме, то есть написанная в манере трубадуров; она датирована последней третью XI века (25).

Каролу, знаменитый танцевальный мотив Средневековья, умели исполнять все: движения повторялись к такт нехитрому мотиву, который можно было напеть или наиграть на самых разных музыкальных инструментах. Баллада (от глагола *balar*, «танцевать») является, как указывает само название, песней,

под которую танцуют. Сохранилось крайне мало баллад на окситанском языке, и все они имеют много общего с песнями, написанными на популярный «сюжет о девушке, выданной замуж за немилого», как, например, баллада об «апрельской королеве».

Танец, названный эстампидой, требует от исполнителей уже определенных навыков, ибо фигуры его достаточно сложны. Танец этот возник в Окситании. Танцоры звонко, в такт, притопывали, переставляя ноги под аккомпанемент сначала только одного инструмента, средневековой смычковой виолы. Как пишет П. Бек, музыкант, исполнявший эстампиду, обычно сидел на стуле или скамье, держа инструмент в левой руке и локтем ее упираясь в слегка приподнятое левое колено; левую ногу музыкант ставил на низенькую скамеечку (26). Для этого танца, обладавшего отчетливо выраженным ритмом, впоследствии сочинили слова, и он стал сопровождаться пением; сохранилось шесть *эстампид* на окситанском языке, но только одна дошла до нас и со словами, и с музыкальным текстом. Эту эстампиду, начинающуюся словами «Начало мая...» (*Calenda Maia*), сочинил в конце XII века Раймбаут де Вакейрас; ее сложное ритмическое построение не имеет аналогов в окситанской лирике (27). Однако мелодия этой эстампиды, скорее всего, имеет северофранцузское происхождение. Раймбаут де Вакейрас был первым трубадуром, привившим итальянской аудитории вкус к окситанской лирике; его песни вызывали восхищение у самого Данте.

Танцевальных песен, особенно принадлежащих перу великих трубадуров классического периода, не сохранилось. Только Гираут д'Эспанья, тулузский трубадур конца XIII века, сделал танцевальную песню своим любимым жанром. К этому же времени восходят несколько анонимных танцевальных песен, самой известной из которых является хороводная песня об апрельской королеве: «Все цветет! Вокруг весна!» (*A l'entrada del temps clar*), состоящая из моноримных строф, исполнявшихся солистом, и припева, который подхватывал хор (28). Веселые

танцевальные песни звучали на свадьбах и торжествах, подобных тем, что последовали за бракосочетанием Фламенки. Танцевальные мелодии исполнялись главным образом на колокольцах, турецких колокольчиках, цимбалах и кастаньетях. Рассматривая нарисованные и скульптурные изображения, мы убеждаемся, что на музыкальных инструментах играли не только мужчины, но и женщины.

Светские игры: шахматы, кости, триктрак

Очень модной игрой считалась игра в кости (29). Археологические находки показали, что сами кубики изготавливались из дерева или кости. По каким правилам играли в эту игру в Средние века, нам неизвестно, однако из жизнеописания трубадура Гаусельма Файдита следует, что игра шла на деньги. В 1215 году IV Латеранский собор осудил игру в кости, а в 16-м статуте запретил клирикам играть в эту игру. Святой Людовик активно выступал против изготовления игральных костей. Используя систему нумерации, просуществовавшую вплоть до XIII века, числа в определенной последовательности наносили на противоположные грани кубика. В Тулузе, в квартале Дорад, где издавна селились ремесленники, сохранилось изображение двух игроков, сидящих друг против друга. Совершенно очевидно, что азарт охватил обоих, однако мы не можем слышать той брани, которой, без сомнения, обменивались они в пылу игры; об этом упоминает Монах Монтаудонский, составляя вперемешку список «того, что невыносимо», этот своеобразный перечень «недостатков» своего времени (30).

Не менее высоко ценилась на юге и игра в шахматы, изобретенная в Индии и в XI веке завезенная арабами в Европу. В музее Барджелло (прикладного искусства) во Флоренции хранится шахматная фигурка — рыцарь из слоновой кости, выточенный в конце XII века на юге Франции; это одна из шести видов фигур, задействованных в игре. Рыцарь изображен

готовым к сражению, в полном воинском облачении, характерном для эпохи трубадуров: на нем боевая кольчуга, поверх которой надето обшитое галуном сюрко. Голова и нижняя часть лица полностью защищены кольчужным капюшоном, под которым надет цилиндрический шлем — сервельер. Игра в шахматы воспроизводит поединок, участники которого, подобно бойцам на турнире, попадают в ситуации, сходные с боевыми. Названия основных фигур переводятся с арабского: «шах» стал «королем», «визирь», к великому курьезу, превратился в «королеву» (совр. «ферзь»), «скала» стала «башней» (совр. «ладья»), «рыцарь» («всадник») сохранился (совр. «конь»), а «офен» позднее стал «слоном» (31).

В Средние века игра в шахматы пользовалась таким огромным успехом, что даже нашла свое отражение в ученой литературе; так, в XIV веке появилось сочинение, озаглавленное «Шахматы влюбленных» (32), в котором молодой человек и юная дева разыгрывают партию в шахматы, являющую собой аллегорическую модель человеческой жизни, где каждому возрасту соответствуют свои ходы. Весна — время удовольствия и проигрыша: девушка угрожает поставить молодому человеку «мат», ведь во время игры он потерял свое сердце. Годы и шах королю делают молодого человека более зрелым, начинается время активной жизни, которую следует посвятить учению и женитьбе... Игра завершается, подступает старость, «зима жизни», она должна побудить человека к мудрости, подтолкнуть его на путь созерцания и размышлений...

Найденные во множестве шахматные фигуры, изготовленные из вполне обычных материалов, таких, как кость и дерево, свидетельствуют о том, что во времена господства куртуазной любви шахматы были игрой повседневной. Почему в шахматы играли каждый день? Как объяснить новые роли ферзя и слона в игре, где, кроме них, есть еще король, рыцарь и ладья? Ответ напрашивается сам: игра в шахматы олицетворяет феодальный мир (сеньор, рыцарь-вассал и замок) в период, когда в нем воцаряется

fin'amor, знаковыми фигурами которой являются дама и трубадур; в игре оба эти персонажа выходят на сцену...

Эротические намеки, связанные с игрой в кости или шахматы, встречаются в стихах трубадуров довольно часто. Так, во второй половине XIII века Бернарт д'Аурьяк пишет, что хотел бы сыграть со своей дамой «у нее в доме партию в шахматы, и чтобы никто не мешал бы их игре».

«А еще мне хотелось бы, — добавляет он, — побыстрее и напрямик объявить ей шах: ведь именно в этом и состоит вся прелесть игры! Но также хотел бы я дождаться конца нашей партии, ибо желательно мне увидеть, как она одержит победу, и настанет мой черед получить шах и мат» (35).

ТРУБАДУРЫ И ИХ ИСКУССТВО

Роль трубадуров в жизни общества юга Франции

Феодальная лестница

Если верить трубадурам, аристократическое сословие является достаточно гомогенным, какое-либо расслоение в нем отсутствует. Ценности, которые оно защищает, а именно юность, щедрость, благородство (*paratge*, «благородное происхождение», ставшее «благородством сердца»), ставят людей достойных на одну ступень с самыми знатными сеньорами. Феодальное общество с его четко выраженной социальной иерархией трубадуры подменяют обществом вымышленным, идеальным, обществом избранных:

В делах любви язык мольбы и пеней / Пристойнее
сеньора повелений, — / ... Богач, бедняк — все перед
ней равны (1).

Аристократическое сословие представляет собой жестко организованное, иерархическое сообщество (деление по возрасту и по признаку пола лишь подчеркивает уровневую структуру), состоящее из различных стратов.

На самой вершине находятся благородные из благородных, принадлежащие к знатнейшим и древнейшим родам, потомки каролингской знати. «Князья» (герцоги, графы, некоторые виконты) обладают вла-

стью над целыми регионами. Среди них есть и выдающиеся трубадуры, например Гильем IX или Дофин Овернский.

Затем идут «владельцы» сеньоры, люди, наделенные властью; из своих укрепленных замков, расположенных на стратегически важных высотах, они управляют богатыми сеньориями; замки чаще всего строят на холмах и скалах: отсюда удобнее держать под контролем вверенные им территории графства или виконтства. Владельцы замков являются вассалами герцогов, графов и виконтов, они именуются «баронами». Среди них также есть трубадуры: это Раймбаут Оранский, Бертран де Борн.

Третий страт составляет «среднее дворянство», к нему относятся владельцы более скромных жилищ, люди, чья власть не простирается за пределы их небольших владений; из среднего дворянства вышло немало прославленных трубадуров, и в частности Джауфре Рюдель.

Последний страт, также подаривший миру славную когорту трубадуров, представляет мелкое городское и сельское дворянство... Архивные документы свидетельствуют о постоянных материальных проблемах, осаждающих бедного рыцаря, о его долгах, о том, как порой ему бывает сложно поддерживать свое дворянское звание. Этот рыцарь живет бедно, ему приходится довольствоваться скромными доходами, получаемыми от доставшейся ему доли семейного наследства — небольшой земельной ренты, скудного городского жилища или нескольких комнат в замке. Таким бедным дворянином был трубадур Раймон де Мираваль; в его жизнеописании говорится, что был он сеньором четвертой части замка Мираваль (то есть имел право на четвертую часть доходов, приносимых владением):

Раймон де Мираваль родом был бедный рыцарь из Каркассонна. Владел он четвертой частью замка Мираваль, а весь замок вмещал человек не более сорока. Однако ради трубадурского художества, коим он владел превосходно, и словесного дара его [...], ради всего того был он в чести и почете у графа Тулузско-

го, с коим прозвали они друг друга «Аудьярт». И граф его жаловал платьями, лошадьми и оружием, по нуждам его (2).

К этому последнему, четвертому страту мелкого служилого дворянства принадлежит основная масса рыцарства. Чтобы выжить, бедные рыцари поступают на службу к кастелянам или к занимающим высокие посты клирикам.

Куртуазная идеология пропагандирует рыцарские идеалы, и трубадуры, значительная часть которых родом из небогатых дворянских семей, выражают чаяния прежде всего мелких рыцарей, стремящихся продвинуться как по социальной лестнице, так и в культурном и духовном плане. При поддержке меценатов, князей и баронов трубадуры получают образование и нередко становятся истинными рыцарями, достойными служителями куртуазного кодекса; посещая дворы, они чувствуют себя на равных с придворной знатью.

Ранние биографии

Всем, кто хочет восстановить в деталях жизнь трубадуров, приходится обращаться к документальным источникам, разрозненным и неравноценным. В хартиях, завещаниях или хрониках обычно упоминаются аристократы, но нигде не говорится о людях безродных или малоимущих. На заре Средневековья возникла привычка поддерживать христианское соревнование в благочестии и стимулировать пыл неопитов, рассказывая им легенды о великих деяниях их предшественников. Сначала благочестивые авторы составляли жития святых на латыни. Затем, когда стремление к подражанию проникло во все сословия общества, а чтение перестало быть занятием исключительно клириков, жития стали переводить на народные языки. По многократно апробированной модели житий святых создаются и «жизнеописания» (*vidas*) трубадуров, новых героев, востребованных обществом; *vidas* — своего рода эмбриональные био-

графии в прозе, составленные чаще всего неизвестными авторами; первые жизнеописания появляются в середине XIII века, то есть достаточно поздно. Каждое из этих небольших по объему повествований открывает собой серию «избранных произведений», песен какого-либо трубадура, включенных в рукописный сборник. Таким образом, жизнеописания создавались именно в расчете на песенники; они были написаны в тот период, когда расцвет искусства трубадуров уже принадлежал истории, и «последний трубадур» Гираут Рикьер горько сетовал на то, что он родился слишком поздно...

Известны биографии почти сотни трубадуров — из четырехсот шестидесяти, чьи имена сохранились для истории; в это последнее число входят как мужчины, так и женщины-поэты. Составители жизнеописаний руководствовались двумя моделями: либо укладывали жизнь трубадура в несколько лаконичных строк, как это видно на примере биографии Серкамона, либо составляли вполне законченный, самостоятельный рассказ, иногда более напоминающий художественный вымысел, нежели документальное повествование. Авторы подобных рассказов, уснащенных множеством перипетий, возможно, не во всем придерживались исторической достоверности, зато весьма выразительно живописали картину того мира, в котором жили трубадуры.

Серкамон-жонглер был родом из Гаскони, и слагал он песни и пастурели на старинный лад. И обошел он весь белый свет, куда только мог пойти, и за то прозвали его «Серкамон» (3).

Жизнеописание трубадура Аймерика де Пегильяна, составленное на основе его собственных песен, напротив, достаточно подробно излагает биографию своего героя. Из него можно узнать о том, какие уловки изобретал трубадур (воспользовался отсутствием мужа, отправившегося в паломничество к святому Якову Компостельскому) и к чьей помощи прибегал (обратился к своему покровителю, королю Кастилии), чтобы привлечь к своему ложу возлюблен-

ную даму и получить от нее желанный поцелуй. Однако ни один из фактов, приведенных в этой биографии, не находит подтверждения.

Тем не менее эти отчасти вымышленные истории по-своему рассказывают о том, как жили трубадуры. Тщательно проверив все упомянутые в жизнеописаниях подробности, а именно даты, совершенные путешествия и паломничества, имена покровителей и друзей трубадуров, исследователи пришли к выводу, что в деталях биографии не отступали от истины.

Трубадуры принадлежали к самым различным классам общества. Среди них были и клирики, и миряне; в число последних входили также женщины. И все они обитали в единой культурной среде, сформировавшейся под доминирующим влиянием христианского мировоззрения, в среде, где ритм жизни задавали церковные колокола и чередования литургических празднеств; трубадур мог соглашаться с таким образом жизни или отвергать его, но изменить он его не мог.

Высшая ступень социальной лестницы: Гильем IX, первый трубадур

Несмотря на обрывочный характер сведений об образе жизни трубадуров, о самом раннем из них, Гильеме IX, много говорили и писали как его, так и наши современники (4). Годы его жизни укладываются между двумя датами: 1071 и 1126. IX герцог Аквитанский и VII граф де Пуатье был личностью яркой и неординарной; знатный сеньор, человек высокой культуры, он порой бывал настолько груб, что изумлял даже привычное ко всему свое окружение; его поэзия, толкователем которой становится иногда он сам, отражает обе стороны его характера. Хронисты подчеркивают его склонность к эксцентрическим поступкам, анонимный автор жизнеописания называет его «обманщиком женщин»; известно, что, не пожелав смириться с однообразным существованием знатного барона, он отправился в крестовый по-

ход; смельчак, пожелавший проверить свои силы и закалку, он потерпел поражение и несколько месяцев провел в сарацинском плену. В 1102 году, после растянувшейся на восемнадцать месяцев интермедии под названием «крестовый поход», Гильем, которому сравнялся тридцать один год, вернулся в Аквитанию, мирно процветающую под управлением его собственной супруги. И вновь потянулась размеренная и упорядоченная жизнь; вынужденный исполнять обязанности администратора, он постоянно занят улаживанием бесконечных дразг между епископами и аббатами, приорам и светскими сеньорами, а в перерывах развлекается, устраивая пышные охоты; однако подобная жизнь не увлекает этого воинственного Дон Жуана. Он любит войну, как любили ее его современники-рыцари, делившие свое время между управлением делами и яростными сражениями с отрядами своих знатных мятежных вассалов. Однако он не прочь и позабавиться. Хронисты сохранили воспоминания о его грубоватых проделках, а также обрывки песен, которые он, выучившись латыни, начал сочинять, подражая латинским поэтам: это ритмические стихи, положенные на шуточные мелодии. В то время когда пение было уделом монахов в церкви или распутников-жонглеров, этому похотливому развратнику, как характеризует Гильема английский хронист, доставляло удовольствие самому петь о собственных несчастьях, кои он претерпел в плену на Востоке. Эпатируя почтенных пэров и церковных сановников, он публично выступает со своими песнями перед королями, владельческими сеньорами и собраниями правоверных христиан.

О его яростном и необузданном характере ходили легенды: в отличие от большинства своих современников он постоянно вступал в конфликт с церковными властями, в нем всегда жила потребность сталкивать лбами Церковь и личность, Церковь и частную жизнь, святость и светскость.

В 1114 году его впервые отлучают от Церкви; отлучение происходит в соборе, резиденции епископа Пуатье, где, презрев сакральность сего места, герцог,

схватив прелата за волосы и угрожая ему мечом, требует отпустить ему грехи. Епископ делает вид, что уступает давлению силы, но едва Гильем отпускает его, быстро произносит формулу отлучения. Охваченный жадной мщеницей, Гильем бросает епископа в тюрьму, где тот вскоре умирает (5). В этот раз герцог не попадает под отлучение, в отличие от второго мужа его внучки Альеноры, короля Генриха II Английского, когда тот в 1170 году отдал приказ убить архиепископа Фому Бекета в его соборе в Кентерберии.

Вернувшись в лоно Церкви, Гильем на время утихомиривается. Но вскоре возникает новый скандал: он открыто, на глазах у всех, вступает в связь с виконтессой Шательро. Приказав поместить изображение виконтессы у себя на щите, он гордо заявляет, что теперь с тем же удовольствием станет носить ее на себе в бою, с каким она постоянно носит его на себе в постели! Папский легат, бывший, как утверждают современники, совершенно лысым, призывает распутника покаяться. Герцог отвечает прелату: «Я расстанусь с виконтессой не раньше, чем гребень наведет порядок в твоей лохматой шевелюре!» (6) Подобное упорство стоит ему повторного отлучения. Грубая шутка звучит непристойно в устах столь знатного сеньора. Однако этот сеньор не желает безропотно мириться со своим положением. В самом деле, он явно не чувствует в себе призвания к придворной жизни; ему бы, скорее, пришлась по вкусу жизнь бродячего торговца, странствующего от таверны к таверне, пирующего в сомнительных кабаках и всегда готового задрать юбку хорошенькой поселянке. Но поэзия этого трубадура считается образцовой.

В краю, которому впоследствии предстоит стать Францией, кансоны, сочиненные Гильемом IX, стали первыми стихами, автором которых явился не ученый клирик, а рыцарь, мирянин. До сих пор «любовная» поэзия была монополией клириков, единственного в те времена грамотного сословия, но клирики, как известно, писали на латыни. Следуя традиции, творения свои многие из них с почтением посвящали принцессам Анжуйским и Английским. Иногда

между клириками и дамами вспыхивала любовь. Современник Гильема IX, Абельяр славил свою любовь на латыни, но его песни до нас не дошли. Однако сохранилась латинская эротическая поэзия. Кому была она адресована? Была выдвинута гипотеза о гомосексуальных любовниках. Трубадур Гильем IX (который не был ни монахом, ни клириком!) писал на понятном всем языке, на котором говорили в его краю, а именно на лимузенском наречии; его любовные кансоны фривольны и нежны одновременно, словно создатель их, поистине, вдохновлялся прямо противоположными чувствами.

Знатный трубадур в семейном кругу: Раймбаут Оранский

К аристократическому сословию принадлежит также и Раймбаут, самый первый из известных трубадууров Прованса. От матери ему в наследство достались Оранж и Куртезон в Воклюзе; по отцу, Гильему д'Омела, он принадлежит к знаменитому семейству сеньоров Монпелье (7). Вдобавок он является дальним потомком славного Гильома, известного под кличкой «Короткий Нос», получившего ее из-за ужасной раны, нанесенной ему сарацинами. Тот Гильом прозывался Оранжским (Оранским), по названию земли, полученной им в награду. Некоторые исследователи полагают, что именно он был прототипом Гильома, героя известной *chanson de geste*, действие которой относится к эпохе Карла Великого. Согласно преданию, герой жесты стал отшельником и удалился в Желлонское ущелье, дабы оплакать кровь своих ближних, которую он пролил, когда был воином. С тех пор местность стала называться Сен-Гильом-ле-Дезер (Обитель святого Гильома); находится она на территории нынешнего департамента Эро.

В 1155 году, после смерти отца, Раймбаут, мать которого умерла еще раньше, около 1150 года, становится сеньором д'Омела. Новому сеньору, родившемуся, без сомнения, в этих краях примерно в 1144

году, еще нет и двенадцати; в своем завещании отец поручил защищать его и оборонять его владения своему троюродному брату, Гильему VII де Монпелье; теперь Монпельерский сеньор должен оказывать мальчику покровительство, защищать его «честь», то есть его титул сеньора д'Омела, и воспитать из него истинного рыцаря. Сыну же отец завещает ревностно служить сеньору де Монпелье. Однако, пока мальчик будет расти и мужать при дворе в Монпелье, отец, будучи человеком осмотрительным, завещает управление третьей частью его вотчины ближайшим родственникам. Доверенный человек станет управлять сеньориальным владением, а брат его вскоре станет аббатом в Аньяне, а затем епископом в Лодеве. Возможно, выбор управляющего был подсказан монахами, находившимися в тесной связи с домом д'Омела, ибо сделан он был исключительно из стратегических соображений: надо было сохранять дружбу сеньора Монпельерского и одновременно удерживать его на расстоянии от Омела. Так, временным хозяином Омела становится Пейре Раймон де Монпейру; ему надо дожидаться, когда подрастет Раймбаут.

Только в двадцать четыре года молодой человек сможет сам, не прибегая к помощи де Монпейру, управлять своей вотчиной. Согласно общему правилу будущий глава дома до четырнадцати лет считался ребенком; в четырнадцать лет он получал право приносить клятву своему сеньору и самому получать клятву от своих вассалов. В этом возрасте он мог взять в руки бразды правления и начать управлять своими владениями; в зависимости от семейных обстоятельств право полномочного распоряжения собственностью можно было отложить до тридцатилетия наследника; впрочем, точного возрастного порога установлено не было. Отец Раймбаута намеренно продлил сыну срок «взросления». Быть может, он считал его слишком большим мечтателем, не способным, по крайней мере в ранней молодости, управлять полученным от отца достоянием? Во всяком случае, как только у Раймбаута появляется воз-

возможность ускользнуть из-под опеки родственника, он тотчас отправляется жить в свои провансальские земли, доставшиеся ему от матери, а в 1171 году и вообще отказывается от отцовского наследства Омела.

Раймбаут, называемый отныне Оранским, сеньор Куртезона, прежде всего трубадур. То есть человек, наделенный богатым воображением, даром сочинять музыку и находить слова. В 1150—1160-х годах он, вслед за гасконцем Маркабрюном, разрабатывает новую и оригинальную манеру стихосложения, открывающую простор для индивидуальных формальных изысков, поэзию герметическую, именуемую *trobar clus**, то есть «темный», «закрытый» стиль, противоположный *trobar leu**, «ясному» (*plan**), «легкому», «простому» стилю, характерным представителем которого является, к примеру, Бернарт де Вентадорн. Различия между ними устанавливают тогдашние теоретики, осмысливающие современную им технику стихосложения и излагающие результаты своих размышлений в дидактических трактатах XIV века. Семь жителей города Тулузы, назвавшиеся трубадурами, становятся основателями Литературной Академии, иначе Консистории Веселой Науки (8); желая поддержать поэтические традиции прежних поэтов, они в 1324 году заказывают составительный свод правил стихосложения, получающий название «Законник Любви» (*Leys d'Amors*). «Любовь» (*Amors*) в данном случае выступает в качестве синонима «лирической поэзии».

Раймбаут Оранский распахивает ворота навстречу формальному поиску, а поскольку стезя эта весьма разнообразна, то он нашел множество желающих как в Провансе, так и за его пределами, вступить с ним в соревнование. Среди конкурентов его немало трубадуров значительно более скромного происхождения: Пейре Овернский, Арнаут Даниэль и Гирут де Борнель. Не обошло увлечение *trobar clus* и поэтов XX столетия: Луи Арагон использовал «темный стиль» в своей поэзии Сопротивления.

Раймбаут видит и описывает цветок, похожий на окутанную туманом звезду: это «наледь», цветок, на-

званный «перевернутым». И сам трубадур тоже чувствует себя «перевернутым»:

«Я словно был перевернут, блуждая в полях и скалах
[...], Я горевал, будто наледь» (9).

В Куртезоне, где находится его двор, он со свойственным ему великодушием принимает своих менее богатых собратьев, черпая для этого средства из отцовского наследства. С 1161 года Раймбаут медленно, но упорно распродает доставшиеся ему от отца земли. Мирваль и несколько других замков, расположенных неподалеку, он уступает своему кузену Гильему VII де Монпелье в качестве возмещения долгов; а задолжал он немало. Его родственник, Адемар де Мюрвьель в 1171 году берет у него под заклад окруженное крепостной стеной селение, вместе с которым к нему переходит и титул сеньора д'Омела. А через два года, 10 мая 1173 года, весной, Раймбаут умирает в комнате старого замка Куртезон. Он умирает молодым, как Моцарт, как поэт Рембо, не оставив потомства, но воспитав целую плеяду блистательных учеников, для которых он навсегда остался неповторимым учителем словесного и музыкального трубадурского искусства.

Трубадуры: короли и сеньоры

В конце XII века признанной знаменитостью в мире трубадуров становится Дофин, граф Овернский и Клермонский. Он так усердствует, проявляя свою щедрость, что едва не лишается половины принадлежащего ему графства Клермонского; к счастью, вскоре ему удастся возратить утрату. Двери его пышного двора всегда открыты для менее удачливых собратьев по поэтическому ремеслу. В распре между Филиппом Августом и Ричардом Львиное Сердце он активно выступает на стороне Ричарда, о чем свидетельствуют его песни, хотя сам король-трубадур в стихотворении, написанном им по-французски, и упрекает Дофина в том, что тот не поддерживает его так, как следует поддерживать своего законного сеньора.

Известно, что и среди королей были трубадуры. Ричард I Львиное Сердце (1157—1199) — король Англии, по линии матери Альеноры является графом Пуатье и герцогом Аквитанским. Следовательно, он — правнук Гильема IX, первого трубадура. По возвращении из Третьего крестового похода, где его победы позволили ему потребовать от Саладина привилегий для паломников, направлявшихся в святые места, он, проезжая через Австрию, попадает в плен, где томится до тех пор, пока за него не вносят выкуп. Воспитанный на культуре трубадуров, от рождения владеющий двумя языками, Ричард в тюрьме пишет окситанское стихотворение, близкое по жанру к сирвенте, в котором описывает свое пленение. Обращаясь к сводной сестре, графине Марии Шампанской, он жалуется на коварство короля Франции и его союзников и вассалов, позабывших о нем: а ведь он вот уже две зимы прозябает в темнице германского императора!

У пленных и у мертвых, искони / Известно, нет ни друга, ни родни. / Я брошен. Злата и сребра ни-ни, / Все ждуг. Но будут — даже извини / Я их — обвинены они одни, / Коль я умру в плену (10).

Несмотря на своенравный и тиранический характер, Ричард являет собой образец идеального короля-рыцаря XII столетия; его безрассудная храбрость и щедрость снискали ему прозвище Львиное Сердце, а после смерти он удостоился одного из самых красивых плачей во всей окситанской лирике Средневековья; плач (*planh**) этот сочинил лимузенский трубадур Гаусельм Файдит:

Умер тот, кто воистину был отцом и повелителем Дoblesti [...] умер король [...] и больше подобного ему уже не будет! (11)

Более века отделяют Гильема IX от прославленного Арагонского короля Альфонса II (1162—1196) и других владетельных князей и принцесс из Барселонско-Арагонского дома, сочиняющих на окситанском языке. Творчество этих знатных уроженцев Испании сви-

детельствует о том, что лирическое искусство трубадуров перешагнуло через Пиренеи. Меценат Альфонс II, чье имя трубадуры упоминают чаще всех прочих имен покровителей искусств того времени, хотя и не всегда в положительном контексте, играет одну из главных ролей в жизнеописании Гильема де Кабестаня и легенде о съеденном сердце, впоследствии получившей широкое распространение во французской средневековой литературе. Каталанский трубадур Гильем де Кабестань был влюблен в супругу Раймона де Капель-Руссильон. Ревнивый муж убил трубадура, вырезал его сердце, приказал его изжарить и подать на стол жене, а затем заставил жену съесть его. Узнав, что за еду она только что съела, дама выбросилась с балкона и умерла. Король, сеньор ревнивого мужа и несчастного трубадура, восстановил порядок согласно законам куртуазной любви (*fin'amor*) — прославил память о влюбленных и наказал пожизненным заключением убийцу-мужа, вменив ему в вину не только убийство, но и ревность (12).

Поэт Альфонс II стоит на позиции «богатых людей» его сословия, тех, у кого в руках власть и богатство. Тема богатства и довольства привлекала внимание многих трубадуров, вне зависимости от их происхождения и состояния, и в решении ее они были единодушны: все люди стремятся к одним и тем же благам, а те, кто их уже добился, мечтают лишь о том, чтобы сохранить их или приумножить.

Трубадуры, владеющие замками

Многие трубадуры, будучи происхождения благородного и владея замком или крепостью, тем не менее занимают весьма скромное положение. К ним относится Джауфре Рюдель, «сеньор Блайи», как именуется он в жизнеописании, составленном в XIV веке, автор которого черпает сведения в основном из песни трубадура о «дальней любви» (13). Текст песни повествует о сентиментальном путешествии Джауфре, отправившемся в 1147 году из своего маленького зам-

ка на берегу Жиронды за море, дабы лицезреть прекрасную графиню Триполитанскую. Из похода влюбленный трубадур не вернулся: согласно преданию, он умер в объятиях прекрасной графини. Тема «дальней любви», одна из самых романтических в мировой литературе, стала сюжетом, бесспорно, наиболее поэтичного стихотворения всей окситанской лирики; у Джауфре Рюделя будет множество подражателей и последователей; ни время, ни границы не получают власти над его кансоной, она будет вдохновлять Петрарку и Эдмона Ростана, Генриха Гейне и Роберта Браунинга, не говоря уж о Стендале с его трактатом «О любви».

Уроженец Верхней Луары Гильем де Сант Лейдьер, увидевший свет в последней четверти XII века, происхождения был также скромного. Самым же могущественным из рыцарей-сеньоров, владевших замком, равно как и самым воинственным, является, разумеется, Бетран де Борн; ему принадлежало два замка, один из которых, Аутафорт, чьи развалины все еще можно видеть в Перигоре, он оспаривал всю свою жизнь, и не только у собственного брата Константина, но и — в порядке очередности — у короля Франции и короля Англии. Поклонник и певец войны, постоянно раздувавший угли вражды между Генрихом II Английским и его сыновьями и междоусобицы между братьями, он незадолго до смерти удалился в цистерцианское аббатство Далон в Лимузене, где и скончался, приняв постриг.

Другой сеньор, Саварик де Мален (1180—1230), выступавший попеременно то в роли рыцаря, то трубадура, всю жизнь воевал на стороне Аквитании. «И воин-то он был, какого свет не видывал», — гласит его жизнеописание, составленное, скорее всего, другим трубадуром, Юком де Сент-Сирком в XIII веке (14).

Семейство трубадуров: Ги д'Юссель и братья

В конце XII века в Лимузене жил некий сеньор по имени Ги д'Юссель; у него были братья Эблес и Пейре, с которыми был дружен их кузен Элиас. Живя в

родовом замке, все четыре трубадура д'Юсселя поддерживали романтические отношения, подлинные или вымышленные, с благородными дамами из прилегающих окрестностей; среди этих дам выделялась Мария Вентадорнская, принадлежавшая к одному из четырех тогдашних крупных владетельных домов Лимузена.

Жена виконта Эблеса II, Мария Вентадорнская чудесным образом соединяла в себе все возможные функции дамы-трубадура, или, говоря иначе, *трубадурки*. Она являлась и автором стихов, и сочинительницей музыки, и вдохновительницей многих трубадуров, и вдобавок арбитром в придворных дебатах на темы, которые в XIII веке становятся наиболее актуальными в Лангедоке. Из обмена куплетами с Ги д'Юсселем родился поэтический диалог, или тенсона (*tenso*). В нем спорщики полемизировали о любви, причем дама защищала и превозносила любовь, исполненную взаимного уважения: по ее мнению, друг и подруга должны быть на равных. Умерла эта талантливая женщина в 1221 году.

Трубадуры из рода Юсселей являют собой примечательный образец интеграции знатного семейства в мир трубадуров; помимо знатности они привносят в него еще две свои особенные ноты: эротизм Элиаса и изощренную изысканность Ги, ставшего одним из великих лимузенских трубадуров золотого века.

Женщина-трубадур: изображение на миниатюрах

Несомненно, творчество женщин занимает полноправное место в лирической традиции трубадуров. Они внесли свой весомый вклад прежде всего в любовную поэзию и, подобно большинству мужчин, сочинявших в этом жанре, писали в манере *trobar leu*. Но кто были эти женщины? Какое положение они занимали, каково было их образование? Отличалось ли отношение к женщине-поэту от отношения к женщине в целом? Средневековые источники говорят об этом скупо или же опосредованно; уровень

информации зависит от жанра текста: юридического, теологического, житийного, философского... Средневековый взгляд на женщину был сформирован прежде всего церковниками, и взгляд этот сугубо отрицательный: женщина — орудие греха и гибель мужчины, женщина — существо нечистое и чувственное, и ей пристало занимать положение гораздо более низкое, чем мужчине. Она была создана для того, чтобы жить в подчинении у мужчины и от него зависеть. Однако что бы женщина ни делала, даже руководствуясь предписанной ей ролью, на каждом шагу ее поджидают препятствия, особенно если женщина эта принадлежит к благородному роду. Замужняя дама и монастырская затворница равно вынуждены соизмерять свои поступки с поведением мужчин.

Активная роль женщины в окситанской литературе может быть истолкована как своего рода реванш по отношению к окружающей их женоненавистнической среде.

Итак, женщины-трубадуры, иначе говоря трубадурки (*trobairitz*), два десятка имен которых дошли до наших дней, принадлежат исключительно к аристократическому сословию. И пишут они не слишком много, ибо число сохранившихся стихотворений не превышает четырех десятков, и делают это вовсе не для того, чтобы заработать на хлеб насущный, как многие из их собратьев по перу противоположного пола, также принадлежащие к благородному сословию.

Что известно о жизни женщин-трубадуров? Едва речь заходит о женщинах, как биографы XIII—XIV веков тотчас становятся на удивление немногословными — по сравнению с тем, когда они повествуют о трубадурах-мужчинах; тем не менее в их рассказах присутствуют стандартные фразы о красоте, куртуазных манерах и владении трубадурским искусством. Зато на миниатюрах в рукописных сборниках сохранилось более пятидесяти изображений женщин-трубадуров (15). В одном из известных песенников, составленном в XIII веке, а сейчас хранящемся в Ватика-

не, на всех миниатюрах изображены *trobairitz* (трубадуры), женщины, одетые в длинные платья, сшитые из цельного куска материи; платья некоторых из них украшены золотым шитьем. Рисунки отражают иерархическое расслоение аристократического сословия, к которому принадлежат все эти дамы; судя по богатой одежде, самое высокое место занимает графиня де Диа: ее плащ подбит мехом горностая; столь же высокий ранг и у Марии Вентадорнской.

Графиня де Диа, несомненно, самая знаменитая из женщин-трубадуров, хотя сведений о ее жизни сохранилось крайне мало. Она была влюблена (не исключено, что в Раймбауга Оранского) и, как никто иной, умела славить любовь; сохранилось четыре ее стихотворения, одно даже с мелодией — поистине, уникальный текст в песенном наследии трубадуры. Обрывочность биографических сведений определенным образом компенсируется относительно большим количеством ее предполагаемых изображений, на основании которых пытаются воссоздать ее портрет; попытки эти, иллюзорные по своей сути, породили настоящий миф, героиней которого она стала (16).

Трубадуры из неимущих и простолюдинов

На самой низкой ступени социальной лестницы располагаются трубадуры неимущие, бедные рыцари, а также простолюдины и трубадуры скромного или же вовсе неизвестного происхождения; но по мере роста городов многие незнатные горожане начинают постепенно богатеть.

К одним из самых первых и одновременно самых бедных трубадуров относится бродячий гасконский жонглер с характерным профессиональным прозвищем Серкамон («ходок по миру»); этот, в сущности безымянный, поэт является современником Гильема IX. Он бродит по свету в поисках средств к существованию и покровителей. Творчество его относится к первой половине XII века; жанровый репер-

туар его необычайно разнообразен: он сочиняет кансоны (*canso*), или любовные песни; сирвенты (букв.: «служебные песни»), или песни, написанные «по поводу» (любовь таковым поводом не является), плачи (*planh*), песни, в которых оплакивают и восхваляют умерших (первая песня в этом жанре была сочинена на смерть Гильема X, графа Пуатье, сына первого трубадура, умершего 9 апреля 1137 года); и, наконец, тенсоны (*tenso*) или перебранки между трубадурами по спорному вопросу. Тенсона чаще всего представляет собой диалог, в котором мнению мэтра противопоставляется мнение ученика, подмастерья-жонглера; подобная расстановка действующих лиц дает основания говорить о существовании школ трубадуров (17).

Когда говорят о Серкамоне, обычно ставят вопрос: был он мэтром или учеником? Такой же вопрос задают, когда речь заходит еще об одном гасконце, о Маркабрюне, подкидыше, прозванном поначалу «Пустожором». Моралист и женоненавистник, Маркабрюн внес в окситанскую лирику мрачную, назидательную струю. В период между 1130 и 1150 годами в песнях его постоянно звучат жалобы на всеобщий упадок нравов, возмущение повсеместным торжеством адюльтера и аморализма. Его ненависть к женщинам была общепризнанной уже в Средние века, а в одном из двух его жизнеописаний прямо говорится, что он «злословил женщин и любовь» (18).

Младшие дворянские сыновья, лишённые наследства на основании майората, также могут оказаться на большой дороге; однако если они талантливы, они могут ступить на стезю трубадуров, как это сделали, к примеру, Ригаут де Барбезье, каталонец Понс де ла Гуардия или лимузенец Гаусельм Файдит. Сын простого горожанина (как сказано в жизнеописании), а быть может, и мелкого дворянина, Гаусельм Файдит потерял состояние, играя в кости. Трубадур этот любил хорошую еду и отличался изрядной толщиной, однако это не мешало ему быть занятым путешественником и он умел в цветистых выражениях описать радость, испытываемую странником, вернувшимся в родные края:

Я должен Господу воздать, ибо желательно ему, чтобы я вернулся здоровым и живым в тот край, где каждый, даже самый малый сад стоит для меня во много раз дороже, чем все богатства и все великолепие чужой земли! (19)

Между дворянами и простолюдинами: Бернарт де Вентадорн

Трубадур Пейре Овернский назвал его Бернартом Вентадорнским; с середины XII века поэт Бернарт из Лимузена сочиняет дивные лирические стихи (20). Самые ранние его песни появляются в год смерти (1147) виконта Эблеса Вентадорнского, прозванного Певцом; к сожалению, до нас не дошло ни одного стихотворения Эблеса, этого знаменитого современника и вассала первого трубадура Гильема IX. Бернарт, скорее всего, родился где-нибудь в каморке замка Вентадорн, чьи руины до сих пор поражают своим величием; отец его «умел хорошо стрелять из лука», а мать «растопливала печь» (эротический намек?). Однако в точности ни о родителях его, ни о его рождении ничего не известно. Авторы новейших исследований выдвинули гипотезу, согласно которой трубадур Бернарт де Вентадорн (Вентадорнский), стал аббатом бенедиктинского монастыря Святого Мартина в Тюле (21). Но в Средние века простолюдин не мог рассчитывать занять подобную вакансию. Учитывая этот факт, а также место рождения трубадура, можно предположить, что Бернарт принадлежал к благородному семейству, однако рожден был вне брака; скорее всего, он был незаконным сыном виконта, имя которого он носил. В южнофранцузском обществе XII века отмечалась тенденция ограничивать число потенциальных наследников: женили старших сыновей, а младших старались посвятить Церкви; бастардов, разумеется, также ждал монашеский удел.

Применительно к Бернарту вопрос об образовании встает, быть может, в большей степени, чем к ка-

кому-либо иному трубадуру. Как мог в первой трети XII века сын подмастерья-булочника получить знания, позволившие ему стать одним из самых великих лирических поэтов, написать самые сладкозвучные песни? В стихах Бернарта нашли отражение все постулаты куртуазного кодекса. Если рассказ о том, что родился он при Вентадорнском дворе, верен, то следующим его двором, несомненно, стал двор Альеноры; он прибыл к ее двору как раз в то время, когда Альенора, не будучи более королевой Франции, сохраняла титул герцогини Нормандской, а вскоре стала королевой Англии, оставаясь при этом, разумеется, герцогиней Аквитанской, внучкой Гильема IX и покровительницей трубадуров. Возможно, именно к Альеноре он обращается в своей кансоне:

Дохнет ли стужа злая / От вашей стороны, / А мне ды-
ханьем рая / Ветра напоены, — / Так чувства, к вам
пылая, / Все преобразены. / Что донна мне другая! /
Мне донны не нужны, — / Одной посвящены / Душа,
мечта любая (22).

Устами Бернарта говорит сама любовь — условная или подлинная, значения не имеет, ибо взволнованные, исполненные музыки слова поэта посвящены несравненной даме, способной внушать и питать мечту.

Поистине велико искушение увидеть в лежащей фигуре, изображенной на надгробном камне Бернарта де Вентадорна, аббата из Тюля, изображение трубадура. Его личность — или его имя — бросает вызов жесткой социальной стратификации общества. Нет, пожалуй, неуловимый характер трубадура и является собой тот мост, который в Средние века нередко выстраивался между миром аристократов и миром ученых клириков, не исключая, разумеется, ни противоречий, ни кардинальных различий. Функция, исполняемая трубадуrom, соответствует состоянию временности, переходности, олицетворяет преходящий период в истории окситанской мысли, своего рода лирическое введение.

*Поэты, в старости ставшие монахами,
и почтенные клирики, вступившие на стезю
трубадуров*

В течение жизни человек может оставить одно сословие и вступить в другое, например, оставить поэзию и стать монахом, как это сделал лимузенец Бертран де Борн: сей воинственный кастелян завершил свои дни в рясе цистерцианского монаха. Оставив ученые штудии, перигорец Арнуат Даниэль решил посвятить себя прославлению любви к прекрасной даме; он сделался «ветробором» и теперь «травит [...] борзых быком / И плывет против течения» (23); Данте назвал его лучшим «ковачем родного слова» (24).

Подобных, документально подтвержденных переходов из одного сословия в другое немало; так, в XIII веке примеры такого перехода подают Фолькет Марсельский, с одной стороны, и Пейре Карденаль — с другой.

Прежде чем освоить трубадурское искусство, Фолькет занимался торговлей, имел жену и детей. Он начал сочинять куртуазные кансоны главным образом для жены своего сеньора, Барраля де Бо. Однако прожив почти пять десятков лет, он резко поменял свою жизнь, расстался с женой и вместе с двумя своими сыновьями вступил в монастырь Торонете. В 1205 году он стал епископом Тулузы. Парижский ученый Робер де Сорбон рассказывал, что когда Фолькету доводилось случайно услышать, как исполняют одну из кансон, сочиненных им в юности, его тотчас охватывали стыд и раскаяние, и он налагал на себя покаяние: садился на хлеб и воду. Имя этого епископа самым печальным образом связано с Крестовым походом против альбигойцев и с первым трибуналом Инквизиции. Устами графа де Фуа неизвестный автор (иначе Аноним), написавший вторую часть «Песни о крестовом походе против альбигойцев», обвиняет тулузского епископа в гибели более пятисот тысяч человек... Фолькет умер на Рождество 1231 года.

Наоборот, Пейре Карденаль, сын рыцаря из Пюиан-Велэ, в раннем детстве был отдан родителями местному канонику на воспитание. Он стал искушен-

ным в литературе, научился хорошо читать, писать и петь. В его жизнеописании не без кокетства сообщается, что когда он вырос, «то, чувствуя себя юным, прекрасным и веселым, поддался влечению к мирской суете». (25) Он покинул монастырь и начал странствовать от двора к двору, от короля к сеньору, сочиняя стихи на темы морали. Глубоко возмущенный погрязшими в грехах клириками, он всю свою долгую жизнь — а умер он почти в столетнем возрасте, в конце XIII века — посвящает бичеванию пороков церковников, остро и зло высмеивая их:

«Хоть клирик ядовит / И злобою смердит, / А в пастыри глядит. — / Он за одежды чтим» (26).

Можно найти примеры, когда жизненный путь трубадура превращается в замкнутый круг. Пейре Роджьер покинул свою должность каноника в Клермоне (Овернь) и отправился славить дам и странствовать от двора к двору по югу Франции; он побывал на Пиренейском полуострове и дни свои окончил вдали от мирской суеты, в монастыре Гранмон. Его современник Пейре Овернский, похоже, проделал тот же путь; тем не менее при виде своего собрата, сочиняющего любовные кансоны, его тотчас разбирает смех: «О любви своей песню Роджьер / На ужасный заводит манер — / Первым будет он мной обвинен; / В церковь лучше б ходил, маловер, / И тянул бы псалмы, например, / И таращил глаза на амвон» (27).

Знатные сеньоры, бедные рыцари, сыновья простых горожан, такие, как Пейре Раймон из Тулузы или Раймон де Лас Салас из Марселя, «трубадуры-для-собственного-удовольствия», или «трубадуры-чтобы-заработать-на-хлеб» — все они «профессиональные» поэты и музыканты. Их функции различны, как это бывает в различных ремесленных корпорациях, и их современники или их соперники по цеху в основном не ошибаются, когда определяют, кто есть кто. Один считается выдающимся изобретателем поэтических формул, великолепным рифмачом, другой слывет дурным музыкантом или отвратительным исполнителем. Мужчины и женщины, они в равной степени

образованны, умеют читать, писать на своем родном наречии, а иногда и на латыни и на других языках (каталанском, французском, португальском, итальянском), именуемых «простонародными», потому что на них говорит народ, и они не считаются языками культуры, то есть латинским языком клириков. Самые ученые среди них знают правила грамматики, логику и риторику. Они сами сочиняют музыку, играют на одном, а иногда и на многих музыкальных инструментах, и, наконец, начиная с Гильема IX, владеют искусством выступления на публике. Они возвращены христианской культурной средой, живут в обществе, выстроенном по образцу Римской Церкви, и знают Библию главным образом через призму сборников житий святых и переводов на окситанский церковных сочинений, начавших появляться со второй половины XII века; среди них нет и никогда не было выходцев из крестьянского сословия, хотя крестьяне, как повсюду в Средние века, находятся в привилегированных отношениях с землей, которая всех носит, кормит, а также дарит трубадурам восхитительные картины природы, питающие их вдохновение.

Ученичество и ремесло

Статус жонглера и трубадура

Прежде всего следует внести ясность в терминологию. Трубадур — автор-творец, он «изобретает», то есть сочиняет текст и музыку, тогда как роль жонглера ограничена исполнительскими функциями. Однако в текстах из-за отсутствия четкого разграничения терминов точные различия не всегда возможно установить. В своем жизнеописании Серкамон назван жонглером, который умеет сочинять, однако сам Серкамон никогда не называл себя жонглером. Находясь на службе при дворе и получая за свои выступления жалованье — натурой, конем, одеждой или деньгами, жонглер не является трубадуром-любителем. На этом уровне начинается основное раз-

личие. «Ремесло» трубадура будет рассмотрено с профессиональной точки зрения, ибо множество трубадуров жили за счет своего искусства, иногда совмещая его с другими видами деятельности.

Другая причина, отчего происходит терминологическая путаница, особенно когда речь заходит о первых трубадурах, заключается в том, что ремесло жонглера появилось значительно раньше «ремесла» трубадура. Слово «жонглер», восходящее к латинскому *joculator* («шутник», «забавник»), включает в себя целый ряд значений. Жонглер — человек, умеющий петь, играть на различных музыкальных инструментах, показывать фокусы, проделывать акробатические упражнения, принимая при этом не всегда пристойные позы, показывать клоунаду, рассказывать забавные истории и даже подражать пению птиц (возможно, поэтому жонглер Раймбаута Оранского получил прозвище «Соловей»). Это придворный шут, играющий своим телом, своим голосом, своим лицом; он строит гримасы или надевает маску и выступает в ней. Во время буйной оргии он может появиться голым и, ради смеха, начать извиваться всем телом или пуститься в пляс. Жонглер — своего рода деклассированный элемент, недалеко ушедший от вора: примером может служить Гильем Ауджьер Новела, успешно совмещавший оба одинаково презренных ремесла — жонглера и вора. Презрение это вполне соответствует принципам клерикальной морали, вещающей голосом проповедников и формулами исповеди. Статус сумасброда, стоящего вне любых законов, хорошо просматривается в жизнеописании трубадура Пейре Видаля, почитавшего достойным делать только то, что ему нравилось, и получать то, что ему хотелось иметь; жонглерское ремесло подходило ему как никому другому. В средневековой окситанской поэзии есть уникальный текст, представляющий собой своеобразную пародию на литанию, где перечислено почти восемьдесят ремесел! Этот шуточный монолог, составленный предположительно в XIII веке, приписывают некоему Раймону из Авиньона, бывшему, вероятно, по совместительству еще и врачом:

Я был слугой, был нищим, и теперь перечислю все, чем мне довелось заниматься. Я был арбалетчиком, разносил мясо и пиратствовал, был сутенером и контрабандистом, рыбаком и конюшим. Я прекрасно умею класть кирпичные стены, а в шитье мне поистине нет равных. Я часто развозил рыбу и подбил на охоте более сотни птиц. А еще я хороший и умелый трубадур, потому что умею слагать сирвенты и тенсоны; еще я могу быть жонглером... (1)

И так далее, в таком же роде, дабы позабавить публику.

Во многих кансонах реальность действительности преобразуется в реальность литературную: песня на народном языке приравнивается к песне, доступной всем. Исполняющий роль жонглера должен носить прозвище, например Алегрет, то есть «веселый», или Пистолета — «мелкая монетка», а возможно, и «тот, кто любит монетки»; Пистолета также может обозначать «письмецо», то самое, которое жонглер, исполняющий роль посланца между трубадуром и его дамой, относит по адресу. Но кто скрывается под этими прозвищами? Псевдонимы несколько не облегчают идентификацию личностей.

Чтобы наглядно показать, сколько различных видов деятельности могло исполнять лицо, именуемое жонглером, отметим также использование этого слова в качестве прозвища, данного возлюбленному: одна из дам, влюбленная в Раймбаута Оранского, дала ему сеньяль (*senhal*) «мой жонглер». Некоторые усмотрели в нем эротический намек.

Оставив в стороне неотесанных и сервильных жонглеров, скажем, что издавна существовали «хорошие» жонглеры, послушать которых советовали даже церковники. «Положительные» жонглеры ввели в моду кантилены о житиях святых, жесты (*chansons de geste*), назидательные рассказы, призванные возвышать душу и ум слушателей; в песнях, славивших рыцарские и христианские добродетели, аудитория находила себе героев для подражания. Примерно к

1150 году святой Бернар окончательно дистанцировался от традиционно критического отношения церковников к комедиантам и в своих проповедях без колебания сравнивал себя с царем Давидом, танцующим для Господа, то есть с жонглером. В XIII веке монахи нищенствующих орденов — доминиканцы и францисканцы — реабилитируют статус жонглера, заимствуя у этих специалистов зрелищных искусств различные приемы для привлечения внимания уличной толпы, собиравшейся на городских площадях и рынках, пространство которых странствующим проповедникам приходилось делить с жонглерами. Святой Франциск Ассизский подражает исполнителю на виоле и исполняет кансоны трубадуров, чтобы привлечь внимание толпы, а ученики его называют себя «жонглерами Господа». Сам святой Фома Аквинский отважится определить жонглерам место в христианском обществе, где умеренная игровая деятельность официально разрешена Церковью. Жонглеры, прежде гонимые со всех сторон, становятся необходимыми членами общества, их начинают ценить, особенно когда они полностью интегрируются в придворную среду и обосновываются при дворах владетельных князей и сеньоров. Эти кардинальные изменения в положении жонглеров происходят в XIII веке, однако на этом они и заканчиваются: ремесло жонглера медленно, но неуклонно начинает сходить с общественной сцены.

Трубадур же, исполняющий кансоны о мирской любви, идеальной в силу подчинения ее куртуазному кодексу, или сирвенты, политические или назидательные, напротив, с самого начала получил место как среди придворных, так и в среде жонглеров. Серкамон и Маркабрюн нашли пристанище при дворе герцога Аквитанского, сына первого трубадура. Но многим трубадурам, особенно начиная с середины XII века, приходилось странствовать от двора к двору, зарабатывая на хлеб насущный, создавая себе репутацию и одновременно содействуя славе сеньора и окрестных мест. Неустойчивое и зависимое финансовое положение, зачастую крайне неудовлетво-

рительное, заставляло трубадуров буквально бегать в поисках работы, если только у них в колчане не было «запасной стрелы», например второго ремесла: как отмечает Р. Харвей (2), Бернарт Марти, к примеру, был художником — умел писать миниатюры в рукописях. Некоторые трубадуры имели постоянный кров и стол, например, в приорстве — подобно Монаху Монтаудонскому; отпущенный в мир за свой песенный дар, он тем не менее продолжал числиться «монахом» Монтаудонской обители.

По своему статусу трубадур не принадлежал ни к одной социальной категории; определение «трубадур» включало понятия и артиста, и человека, получившего утонченное воспитание. Согласно новому идеальному видению, в обществе должны были царить знания, мера, храбрость, словом, ценности, взаимодействие которых составляло основу сюжета куртуазных кансон, однако весьма далекие от реализации в повседневной жизни. Трубадуры XII века не имели ничего общего с романтическими поэтами XIX столетия, поэтами, для которых поэзия была единственным занятием: иных функций, кроме сочинения стихов, у них в обществе не было. Мысль об особой роли поэта зародится только после альбигойского Крестового похода в период объединения литературы и политики перед угрозой утраты автономии югом Франции и присоединения его к королевскому домену Капетингов. В ситуации противостояния трубадур станет идеологом сопротивления. Его тексты приобретут политическую окраску, станут идеологически выдержанными.

В XII веке некоторые трубадуры, например Раймбаут Оранский или Гираут де Борнель, держат у себя на службе жонглеров; у Гираута их и вовсе двое. Жонглеры повсюду следуют за своими хозяевами, а когда те исполняют свои песни, аккомпанируют им на разнообразных музыкальных инструментах; нередко они сами исполняют хозяйские сочинения, а иногда, судя по изображениям на миниатюрах, даже танцуют. Жонглерами могут быть и женщины, в том числе и подружки трубадуров. Так, например, Гаусельм

Файдит долгое время возил с собой некую даму, прозываемую Гильельма «Монжа» («монахиня»), очень красивую и прекрасно образованную. Как она сумела получить образование? Без сомнения, совершенно самостоятельно, но также не исключено, что она училась в школе при монастыре, который она потом покинула, — откуда и ее прозвище. Надо сказать, что репутация у женщин-жонглеров чаще всего была дурная.

Как становились трубадурами

В XII—XIV веках появилось множество трактатов под общим заголовком «Наставления» (*Ensenhamens*), иначе говоря, сочинения, трактовавшие вопросы образования и воспитания, в числе которых были и трактаты, специально посвященные подготовке жонглеров (3). Похоже, что трубадуры изначально заботились об образовании тех, кому они доверяли славить себя и свою даму, то есть поручали исполнять свои песни. Читая самый ранний из этих трактатов, написанный около 1170 года и названный *Cabra joglar* (*Cabra* — «коза»; такое прозвище дают невежественному жонглеру, получающему урок стихосложения /joglar/), а также обращаясь к более поздним трактатам, не устаешь удивляться широте познаний, необходимых для занятия жонглерским ремеслом. Кроме умения петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах (барабанах, ситаре, мандоле), совершать акробатические прыжки и, разумеется, жонглировать яблоками и ножами, жонглер должен знать наизусть немало древних легенд и эпических песен, равно как и модных песенок; еще необходимо ему поступить в учение к знаменитому трубадуру, который научит его наилучшим образом употреблять дарованные ему таланты; такие рекомендации дает жонглерам каталанец Раймон Видаль де Безалу, живший в начале XIII века. Разумеется, в подобном предписании имеется некое эпическое преувеличение, однако ни один из талантов не указан в нем

случайно. Главенствующее место в подготовке жонглера занимает работа над развитием памяти и над исполнением текста в музыкальном сопровождении.

Есть основания полагать, что некоторые трубадуры довольно рано стали создавать школы для собственного образования — раньше, чем стали заботиться о воспитании жонглеров. Если верить источникам, Бернарт де Вентадорн изучал свое искусство в «школе Эблеса Певца» (4); «глава трубадуров» Гираут де Борнель, судя по его жизнеописанию, проводил каждую зиму в школе, где обучался наукам. Однако иных источников информации о «школах трубадуров» нет.

Трубадуры грамотны. Это означает, что они вместе с клириками под величественными сводами аббатства или кафедрального собора зубрили в монастырской школе латынь; также они могли получить образование в школе для знати, устроенной в замке какого-либо владетельного сеньора. На примерах произведений классической латинской литературы трубадуры изучали грамматику, риторику и диалектику; комплекс этих наук в курсе средневекового обучения назывался *trivium* («тривий»); также изучали они музыку, астрономию, арифметику и геометрию, четыре дисциплины, в совокупности составляющие *quadrivium* («квадривий»). В свою очередь, соединение дисциплин тривия и квадривия составляли семь свободных искусств (5). Данная система образования в основном сохранялась на протяжении XIII века. Разумеется, все вышеуказанные образовательные дисциплины дополнялись чтением Библии и отцов Церкви, не говоря уж о произведениях Августина и Боэция. Студенты-клирики, иногда бывшие по совместительству учениками-трубадурами, умели начертать стилетом буквы на восковых табличках, служивших им черновиками, или с помощью тщательно заточенного гусиного пера написать чернилами на пергаменте. Но до наших дней черновики их не дошли. Разрозненные листки, где они записывали свои ученические — любовные или сатирические — стихи, пропали. Более поздние грамотеи, сделавшие

переписывание текстов своим ремеслом, занесли сочинения трубадуров в большие книги, которые, к счастью, сохранились. Немало клириков, получив образование в школе, добровольно или вынужденно покидали ряды служителей Церкви ради мирской жизни, то есть подвергали себя ударам и превратностям судьбы: частые войны, праздники при дворах знатных сеньоров, любовь дам, странствия и крестовые походы. О различных сторонах образа жизни трубадуров мы узнаем — иногда в форме намеков — из жизнеописаний, составленных, когда многих из персонажей уже не было в живых. Эти тексты сообщают нам обрывочные, разрозненные сведения о трубадурах, обычно почерпнутые из стихотворений, сохранившихся после их создателей к XIII—XIV векам; но жизнь трубадуров, разумеется, не сводилась к их биографическим жизнеописаниям.

В начале XII века количество школ, а следовательно, и ученых клириков возросло. Похоже, что в конце этого столетия возник даже переизбыток интеллектуалов, и многие из них, оказавшись в положении безработных, вынуждены были отправляться бродяжничать в поисках средств к существованию, сторуясь грубых и некультурных, нищих и неотесанных жонглеров; мир, окружавший интеллектуальных странников, был несовершенен, в нем более всего ценились богатство и связи при могущественных дворах. Поэтому в стихах многих поэтов того времени звучало горькое разочарование.

«Инструменты» трубадуров и Церкви

подавляющее большинство трубадуров получили образование; система образования находилась в руках Церкви; следовательно, трубадуры так или иначе были связаны с Церковью. В период раннего Средневековья крупные клерикальные школы при монастырях Святого Марциала в Лиможе и Святого Илария в Пуатье являлись подлинными центрами интеллектуальной жизни; именно в них вырабатывалась

письменность на том народном языке, на котором тогдашние поэты сочиняли стихи мирского содержания. Монахи переписывали только латинские тексты, пели только богослужебные гимны и молитвы во время мессы. И все же именно один из монахов монастыря Святого Марциала сочинил светские слова на музыку латинских гимнов; подобным стихотворчеством монахи обычно развлекались в перерывах между работами. Не следует также забывать и голиардов, бродячих поэтов-клириков, этих завсегдаев таверн, азартных игроков и любителей поволочиться за девицами, не брезговавших даже проститутками. Отголоски поэзии бродячих школяров звучат в ироническом стихотворении Джауфре де Фойша, знатного князя Церкви и каталанского трубадура второй половины XIII века; приводимые ниже строки свидетельствуют о гурманских пристрастиях их автора:

Седло косули под острым соусом, свинину и свежий лучок, а также молодого жареного каплуна хочу я видеть у себя на столе, равно как и сливочный сыр; когда же настанет время Пасхи, не помешает бутылочка розового винца, а зимой я не прочь побаловать себя грибками (6).

Собор 1227 года запретил голиардам петь скабрёзные песни на мотив католических молитв *Sanctus* или *Agnus Dei*; запрет этот явно доказывает распространённость подобного сочинительства! Голиардическая поэзия, рожденная желанием сбросить ярмо латинской метрики, поначалу выступала как своего рода стилистическое упражнение, задачей которого являлось максимальное использование возможностей акцентного стиха. Латинская модель, построенная на длине слогов и чередовании долгих и кратких звуков, ощущалась явно устаревшей; латынь, отступая, освобождала место местному лимузенскому наречию. Другому языку — другую метрику. В основу нового стихосложения, основанного на количестве слогов, было положено место ударного слога в конце стиха; а вскоре была изобретена рифма. Латинская литургия, церковные гимны, стихи, «тропы» (слово,

от которого, возможно, произошло название *trobador*, «трубадур») стали плодородной почвой, позволившей укорениться различным поэтическим влияниям и, прежде всего, прибывшим из ближайшей мусульманской Испании вместе с прекрасными сарацинскими пленницами, исполнявшими любовные песни, аккомпанируя себе на музыкальных инструментах; влияние арабо-испанской поэзии на становление поэзии трубадуров до конца еще не исследовано. Торговцы прививали сеньорам, проживавшим в городах, пристрастие к восточной роскоши, пьянящим ароматам пряностей и дорогим вещам, о существовании которых прежде даже не подозревали; походы крестоносцев и путешествия паломников прокладывали все новые и новые пути в страны арабского мира.

Стих (*vers*) стал одним из основных «инструментов» трубадура; до конца XII века этот термин был эквивалентен понятию кансоны (*canso*), образцовому лирическому стихотворению на мирскую тему. Прославление любви в стихах, положенных на музыку, с использованием каждый раз новой метрической формы — вот тот оригинальный инструмент, изобретенный трубадурами и приспособленный ими для своего необычного ремесла. Все строфы кансоны построены по единой метрической схеме и имеют одинаковую мелодию. Ученый эрудит Иштван Франк насчитал более восьмисот различных размеров, приходящихся на почти две с половиной тысячи сохранившихся песен трубадуров (7). Если кансона — «инструмент», то другие жанры — скромные «приспособления», порожденные необычайной восприимчивостью трубадуров ко всем проявлениям жизни и гибкостью трубадурского стиха. Самые ранние производные от кансоны — сирвента и тенсона. Жанр сирвенты занимает подчиненное место по отношению к кансоне, заимствуя у нее и мелодию, и размер; однако говорится в сирвентах не о любви, а о предметах, достойных осмеяния, о морали или о политике; широкое распространение этот жанр получил в XIII веке. Можно вспомнить также

плач (*planh*), унаследованный непосредственно из латинской поэзии, особую форму стиха, принятую при сочинении песен, оплакивающих умерших. Жанр тенсоны представляет собой спор на определенную тему и строится в форме диалога между двумя или более участниками. Мелодия тенсоны обычно не оригинальна. Спорщики вполне могут быть лицами вымышленными, в числе их может оказаться сам Господь или даже какая-нибудь ожившая вещь. «Инструмент» позволяет высказываться на любую тему и использовать любые мелодии, от самых изысканных до самых примитивных. Чтобы пополнить жанровый арсенал совершенного трубадура, к трем вышеуказанным основным «инструментам» следует добавить список «инструментов» дополнительных, иначе говоря, популярных жанров, таких, как пастурель, альба, танец, баллада и других, а также значительно более редких поэтических жанров, например жанр *cossir* (сетование), своеобразной элегии, примечательной своими рифмами, варьирующимися от строфы к строфе.

Арнаут Даниэль заостряет инструмент настолько, что становится возможным изготавливать чрезвычайно сложные украшения; к ним можно отнести жанр секстины. Это поэма в шесть шестистрочных строф, где каждая строка оканчивается одним из ключевых слов, которое вновь повторяется в определенной позиции в остальных строфах; слово, стоящее в конце строфы, начинает следующую строфу; наконец, все шесть ключевых слов, объединенных попарно ассонансами, сконцентрированы в трех последних строках, называемых *tornada*, или посылка — так же, как и в кансоне. Столь сложное построение свидетельствует о виртуозном таланте автора, создавшего сей чудесный инструмент. Сохранилась и уникальная мелодия этого стихотворения. Секстина имела огромный успех, форма ее полюбилась Данте и Петрарке и еще многим поэтам, вплоть до современных потомков окситанских трубадуров (8).

Однако кансона, трубадурский шедевр, жанр, самой природой предназначенный для поэтических

изысканий, — словно в насмешку! — претерпит урон в плане техники стихосложения. В конце концов многие станут находить удовольствие в искажении его симметрии и уничтожении гармонии, в результате чего образуется *descort*, поэтический разнобой. Сохранилось десятка два дескортов, и все они представляют собой куртуазные любовные песни. Каждая строфа в них имеет свой размер и свою мелодию. Одно из таких стихотворений принадлежит Раймбауту де Вакейрасу; в нем каждый куплет (*cobla*) написан на своем языке: провансальском, итальянском, французском, гасконском, галисийском, а в последней строфе все языки собраны вместе — по две строчки на каждом (9). Это стихотворение является убедительным доказательством многоязычия жителей юга средневековой Европы.

О куртуазных добродетелях

Куртуазные добродетели превозносятся главным образом в кансонах. А кансоны воспевают прежде всего любовь. *Fin'amor*, любовь куртуазная, утонченная, любовь как добродетель, достоинство, заслуга, любовь, объединяющая в себя все ключевые понятия языка трубадуров. Разумеется, ни желание, ни чувство из понятийной системы не исключаются, однако реализация их переносится на более высокую ступень, в область духовного совершенства личности; любовь — своеобразная школа духовного роста индивида. Концепция любви у трубадуров стала первым этапом на пути становления субъективизма в литературе.

Трубадур поет, потому что он влюблен, хотя ему далеко не всегда отвечают взаимностью; однако он утверждает, что в любви главное любить (даже когда поэт жалуется, что не любим), ибо, как добавляет, к примеру, Бернарт де Вентадорн, от любви лучше становится и поэтическое мастерство, и сам человек! Ценность человека, который любит, возрастает; подобное утверждение звучит вполне гуманистически.

При дворах сильных мира сего — королей и сеньоров — всегда найдется место для людей, готовых содействовать славе хозяев этих дворов. Надо неустанно восхвалять воинские подвиги, чтобы поддерживать воспоминание о мужестве тех, кто совершил их, и превозносить щедрость былых времен, дабы заслужить награду и новые милости: кров на зиму, пищу, теплую одежду, коня или деньги, чтобы было с чем пуститься в путь.

Трубадуры отнюдь не считают бедность добродетелью; таковой она является, скорее, для церковников; однако и они молчат об этом вплоть до возникновения в середине XIII века нищенствующих монашеских орденов. Трубадуры воспевают «людей богатых», то есть могущественных, и причисляют к добродетелям юность (*jovent*). В творчестве Бертрана де Борна слово «юность» имеет сорок три контекстных значения. Оно обладает обширным семантическим полем, покрывающим весь комплекс куртуазных добродетелей, присущих классу молодых холостых рыцарей. Не имеющие средств к существованию, молодые рыцари постоянно пребывают в поиске, постоянно жаждут благодеяний; будучи зависимыми от сеньора, они ожидают от своего повелителя щедрых даров (*largueza*) в виде денег и земель; стремясь заслужить уважение дамы-госпожи, они также ждут от нее щедрости, не имея оснований надеяться на более ощутимые милости. Они чрезвычайно щепетильны, у них высоко развито чувство чести, и поэтому более всего они боятся клеветников (*lauzengiers*), злых завистников, стремящихся очернить их в глазах дамы и оговорить перед мужем: клеветник — персонаж, более всех подвергающийся поношениям. Молодому человеку надо жить в самой гуще придворной жизни, дабы учиться владеть своими чувствами, уметь подавлять их, стараясь не стать объектом насмешек со стороны старших, пытаться сдерживать свои порывы, то есть исповедовать добродетель *mezura* («мера») и являть пример самоотречения, терпения и самообладания. Подобно истинной радости францисканцев, наслаждение трубадуров также имеет

своим источником не-обладание. Словарь и система жестов, с помощью которых происходит ухаживание за дамой, куртуазные поэты заимствуют из ритуалов принесения оммажа, то есть установления феодальных связей, соединяющих их с сеньором, супругом дамы.

В XII и XIII веках каждый, кто мог получить образование и достичь культурного уровня клирика, имел возможность стать трубадуром. Конечно, при условии, что он умел сочинять стихи!

Музыка

Дошедшее до нас музыкальное наследие трубадуров достаточно скромно: на более чем две с половиной тысячи поэтических текстов приходится лишь около двухсот пятидесяти мелодий (зато мелодий труверов, писавших на языке ойль [иначе говоря, на старофранцузском], сохранилось около тысячи четырехсот) (10). Среди сохранившихся мелодий некоторые представляют собой вариации одного и того же мотива. Так, на двести сорок шесть стихотворений, дополненных музыкальными текстами, сто девяносто пять нотных записей являются версией одной и той же мелодии, и только к пятидесяти одному стихотворению сохранилось по несколько вариантов мелодии. Разумеется, у каждой мелодии была «оригинальная версия», специально сочиненная трубадуром, но она потерялась; по крайней мере, как она соотносится с сохранившейся мелодией, нам неизвестно. Поэтому говорить о музыке трубадуров гораздо труднее, чем об их поэзии, тем более что в рукописных источниках нередко обнаруживается, что стихотворение переписано одним скрибом, а нотная запись — совершенно другим. Есть основания предполагать, что сохранившаяся музыка была мелодиями наиболее популярных и чаще всего исполняемых песен.

В течение XII и XIII веков среди ученых клириков идет оживленная дискуссия о нотной записи, о том,

как сочинять музыку, о музыкальных жанрах и формах (11). В этот период можно также говорить о великой аквитанской полифонии, создававшейся в одном из крупнейших очагов средневековой культуры — монастыре Святого Марциала в Лиможе. Музыка, написанная для литургии, вполне вписывается в общеобразовательную программу наряду с философией и теологией. Соседствуя с наукой о числах, музыка рассматривается как число, ставшее слышимым. Следование семи музыкальных тонов, подобно семи планетным сферам, является отражением красоты Господа. Идеи Пифагора, Платона и Аристотеля, ставшие известными благодаря переложениям Блаженного Августина, выполненным в конце IV века, в Средние века получили широкое распространение; в немалой степени этому способствовали труды жившего в VI веке Боэция, великого теоретика и почитателя мудрости древних. Влияние философии Боэция присутствует на протяжении всего Средневековья, сочинения его очень рано стали переводить на народные языки и, в частности, на окситанский. Именно Боэций чаще всего цитируется в музыкальных трактатах, например в труде доминиканца Иеронима Моравского, написанном в XIII веке.

Как уже было отмечено, искусство трубадуров распространяется в той же среде, где создались необходимые предпосылки для рождения нового стиля паралитургического песнопения (*versus*), создание которого связано со школой монастыря Святого Марциала в Лиможе, а также «тропа», наиболее продуктивного изобретения, созданного в Окситании, и нашедшего применение как в литературе, так и в музыке (13). Троп, своего рода текстовая вставка в литургию, является собой разновидность средневекового комментария, экзегетического толкования текста Писания, согласованного с теологической точкой зрения и переложенного на уже существующий мотив. Репертуар тропов был очень популярен, равно как и паралитургические песнопения; особым успехом дополнения к литургии пользовались в средневековой Аквитании, на родине первых трубадуров. Клирики и труба-

дуры использовали новые принципы просодии, основанные уже не на чередовании долгих и кратких слогов, а на словесном ударении, числе слогов и рифме.

Музыкальные теоретики, такие, как Жоффруа де Венсоф или Иоанн де Гарландиа, рассматривают сочинение музыки как практическое искусство, основанное на симметрии и гармоническом созвучии души и тела (14). В сфере, где царствует сочинитель музыки, трубадур воплощает в звуковую реальность неосознаваемое присутствие божественной сущности. Один из лучших поэтов, Бертран де Вентадорн, утверждает, что посредством *musica humana* (музыки человеческой) сущность человеческой природы претерпевает благоприятные изменения; о музыке, ее сути и назначении написано много научных трактатов. На более низкой ступени лестницы, где расположились категории музыкального искусства, находится *musica instrumentalis* (инструментальная музыка), относящаяся к сфере исполнительской, как инструментальной, так и вокальной; здесь основное место отводится певцу и объекту — музыкальному инструменту. Выдвигая настоящее различие, теоретики объясняют особую роль каждой музыкальной функции.

Иоанн де Гарландиа, бывший в 1229—1231 годах «главой грамматистов» в университете Тулузы, писал, что «рифмованная поэзия является отраслью музыкального искусства» (15). Но в течение XIII века происходит утверждение поэзии как самостоятельного жанра искусства, поэзия перестает быть одной из подкатегорий искусства музыкального и начинает сотрудничать с музыкой на равных. В XIV веке авторы трактатов о поэтическом искусстве, или об «искусстве *trobar*» (находить слова), каталонцы Раймон Видаль и Джауфре де Фойша уже пишут не о музыке, а о грамматике и стихосложении (16). Для трубадуrows классического периода музыка и стихосложение, бесспорно, идут рука об руку, для них это очевидно. Лирическое стихотворение трубадура перебрасывает мост между риторикой и музыкой, между тривиумом и квадривиумом, между теорией и практикой. На закате трубадурского искусства музыка и поэзия

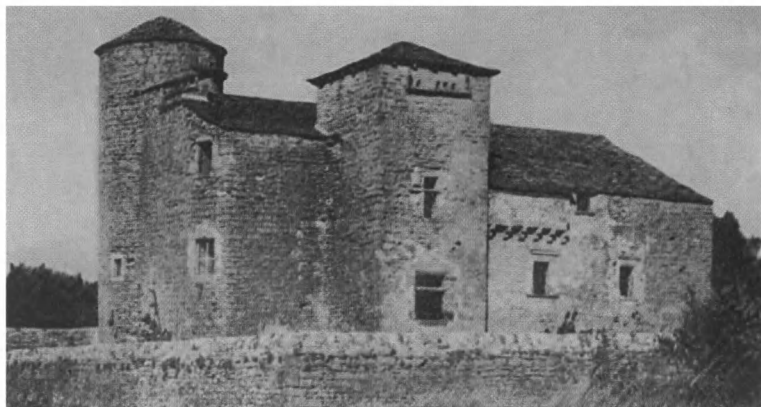
стали расходиться в разные стороны, поэт перестает быть композитором и наоборот, в то время как функции трубадура и жонглера по-прежнему остаются практически нераздельными. В последней четверти XIII века Гираут Рикьер пишет королю Кастилии Альфонсу X длинное прошение в стихах, суть которого сводится к следующему: он предлагает королю закрепить звание «трубадура» за тем, кто сочиняет стихи, а звание «жонглера» — за исполнителем этих стихов; иначе происходит сплошной обман, отчего трубадур и просит короля во всеуслышание поддержать его предложение (17). Во второй половине XIII века трактаты по музыке неуклонно множатся. В них отражаются многочисленные изменения, происходящие как в музыкальной теории, так и в практике. Появляется множество новых обозначений — *discantus* (дискант, форма двухголосого пения, когда к основному голосу добавляется подголосок или музыкальная фраза, повторяющая основную мелодию), *organum* (органум, свободный распев верхнего голоса для укрепления многоголосия), *conductus* (кондукт, латинское одноголосие, предназначенное для сопровождения процессий, превратившееся в певческой школе при соборе Парижской Богоматери в многоголосие), мотет (жанр литературный и жанр музыкальный, литургическое или мирское песнопение, рассчитанное на исполнение двумя, тремя или четырьмя голосами); они свидетельствуют о вторжении мирских элементов в церковные песнопения. Среди теоретиков, и прежде всего на севере Франции, начинаются дискуссии об инструментальной (бестекстовой) музыке; эту музыку рассматривают как одну из форм музыкального искусства.

Музыкальные сочинения и нотная запись

Суждения музыковедов о музыке трубадуров весьма различны. Как сочиняли музыку окситанские поэты и когда? Сочиняли и тут же записывали? Или же первые музыкальные записи появились только в

Страница из рукописи начала XIV в.,
 «Бревиарий Любви» Магфре Эрменгау.

Замок в Руэрге (XIII в.),
где исполняли кансоны
трубадуры.

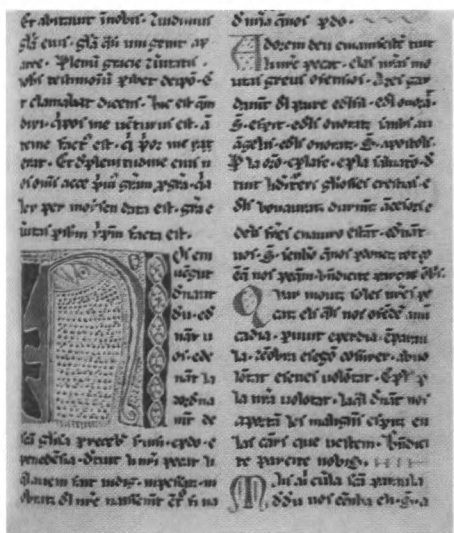
Замок Керибюс в горах
Корбьера (XIII в.):
настоящее «орлиное
гнездо»
южнофранцузского
феодала.

Замок (XII в.) в Лангедоке.

Арнаут Даниэль,
книжная миниатюра.

Первая страница рукописи
«Служебника катаров».

Авиньонет в Лорагэ: здесь
в мае 1242 г. отрядом
файдитов были убиты
инквизиторы
и сопровождавший их
отряд солдат.

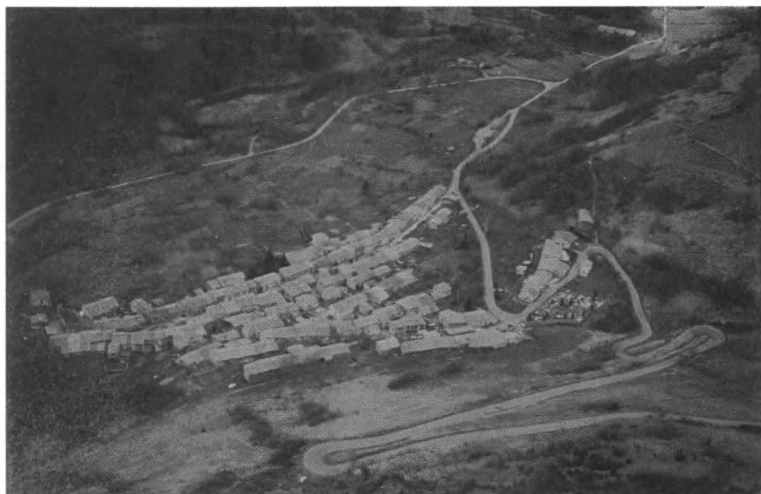

Фанжо: в этом доме
с 1211 по 1214 г.
проживал св. Доминик.

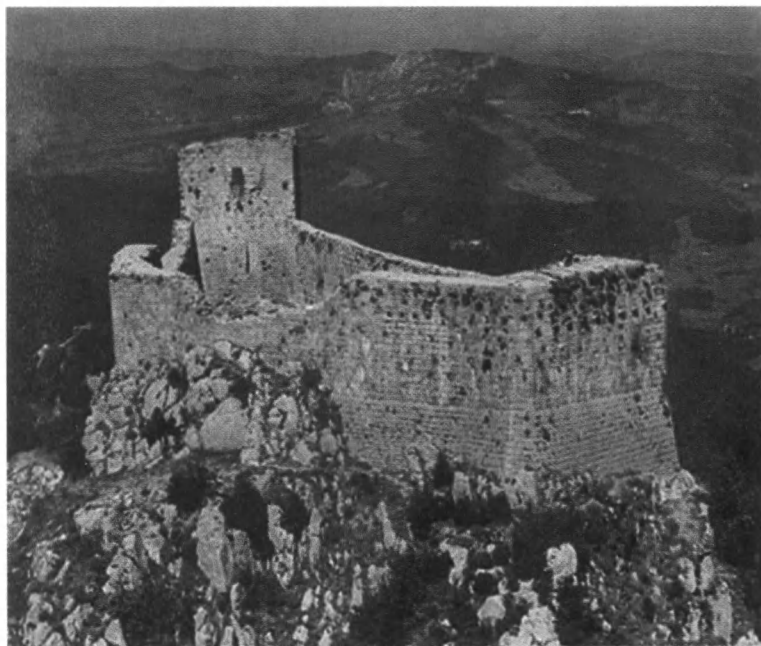
Замок графов де Фуа в Арьеже (постройка XI—XV вв.).

Современный вид со стен Монсегюра.

Замок Монсегюр, последний оплот катаров.

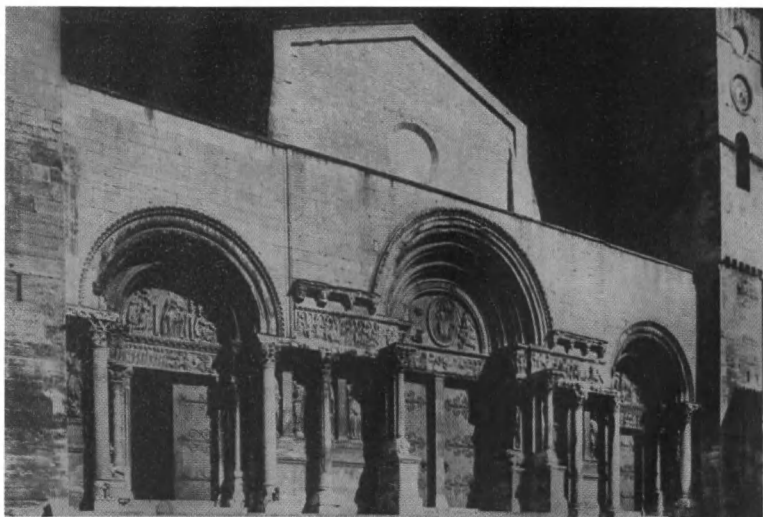
Альби: церковь Св. Цецилии (постройка начата в 1282-м и завершена в 1480 г.) и Старый мост (1010—1030).

Руины замка графов де Бо; в XIII в. здесь часто устраивали знаменитые «суды любви».

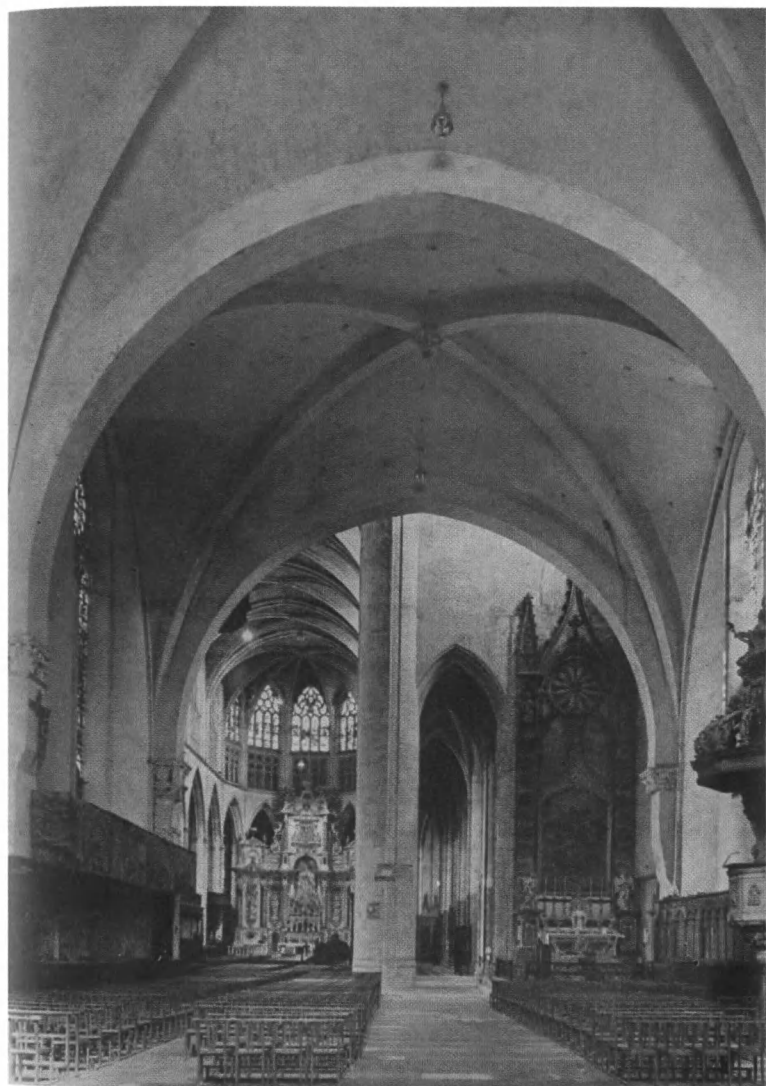

Сен-Жиль, бывший во времена трубадуров важным портовым городом: резные порталы собора (XIII в.).

Альби, бывший дворец архиепископа (XII и XVII вв.).

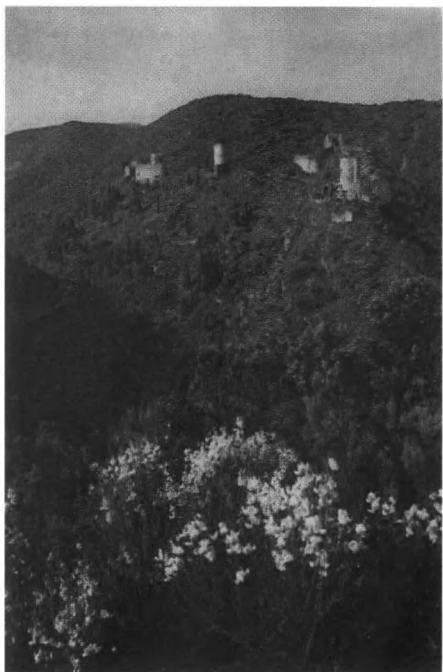

Тулуза, собор Св. Стефана; неф Раймона VI (1211 г.).

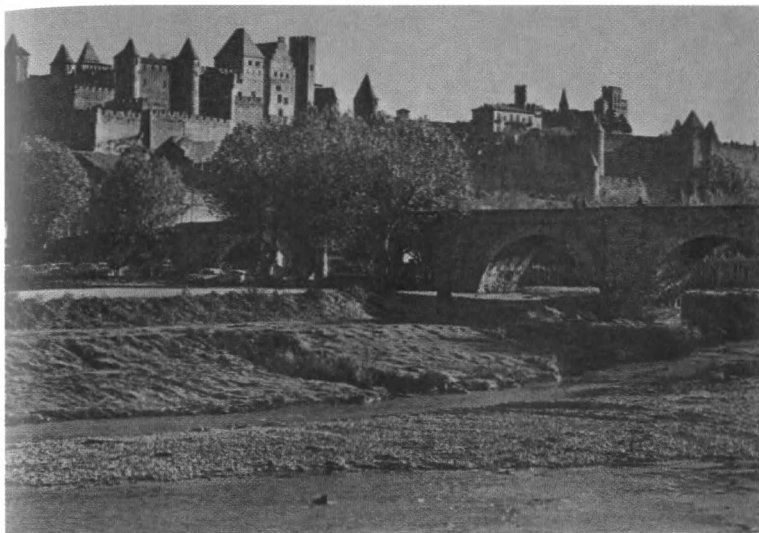

Каркассонн: графский
замок (XII в.).

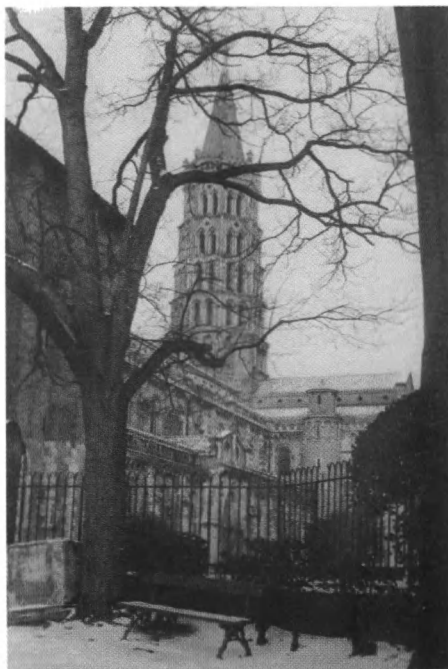

Замки Ластурс-Кабарат,
часто посещавшиеся
трубадурами.

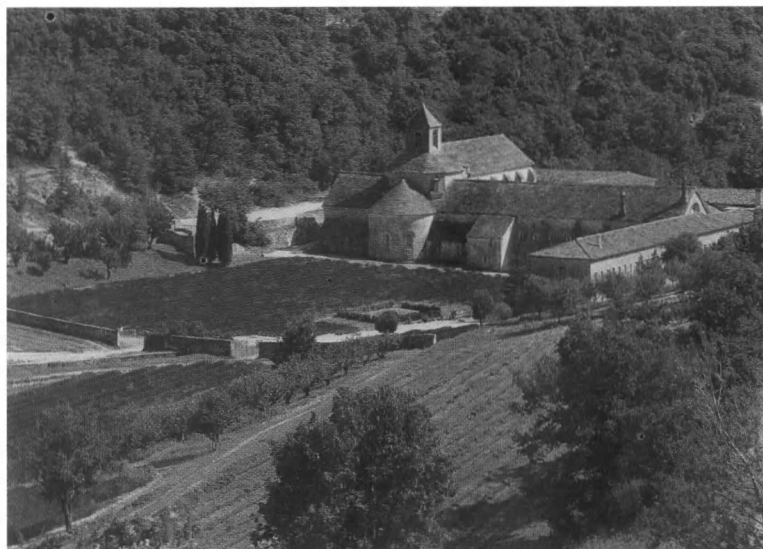

Каркассонн, наши дни;
общий вид.

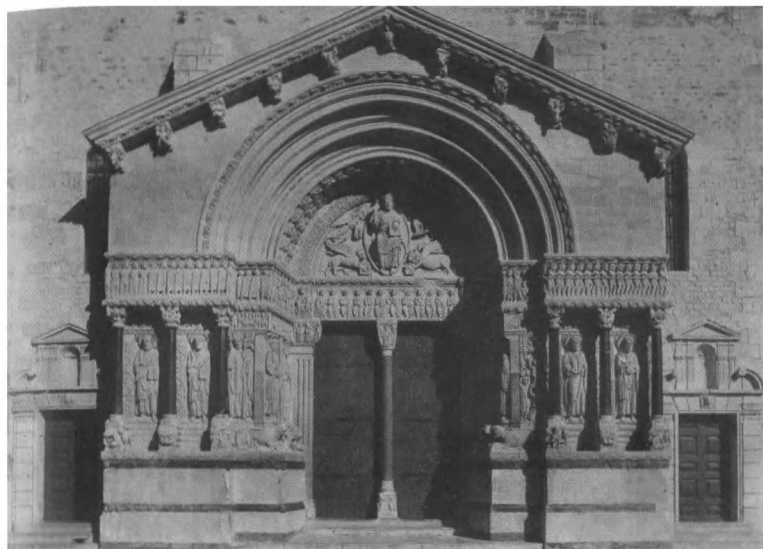
Тулуза, собор Св. Сернена
(строительство началось
в 1080 г., завершилось
в начале XIV в.).

Прованс: аббатство Сенанк (XII в.) неподалеку от Арля.

Кладбище Алискан в Арле.

Арль: портал собора Св. Трофимия (XII в.).

Обитель Св. Гильома Пустынника (XI в.).

Муассак: внутренний дворик аббатства (XI—XII вв.).

ранних песенниках — рукописных сборниках песен трубадуров, то есть к середине XIII века, после разрушительного Крестового похода против альбигойцев? Последнего мнения придерживается Хендрик Ван Дер Верф (18). Два американских издателя (F.R.P. Akehurst et J.M.Davis), недавно выпустившие собрание лирических и музыкальных текстов трубадуров, действительно полагают, что мелодии с момента их создания долгое время передавались изустно, пока их наконец не переносили на бумагу. Согласно этой гипотезе самые ранние из них бытовали в устной форме почти двести лет. В наших рассуждениях мы опираемся на книгу Элизабет Обри (19), а также на статью «Музыка» Хендрика Ван Дер Верфа (20).

Мелодии трубадуров сохранились в отрывочных нотных записях в четырех больших рукописных книгах, называемых песенниками. Две из них содержат в основном песни труверов на языке ойль, то есть на старофранцузском, они записаны на севере Франции и хранятся в Национальной библиотеке в Париже (21). Первая из этих рукописей именуется «Песенником Карла Анжуйского», так как она была выполнена для принца Анжуйского около 1253—1254 годов; в ней имеется четыреста двадцать восемь песен труверов и шестьдесят шесть песен трубадуров, записанных на «офранцуженном» окситанском языке; к пятидесяти одной песне есть музыкальные тексты. Второй сборник составлен около 1240 года и содержит триста тридцать пять песен и двадцать одну мелодию трубадуров (22). Эти песенники французского происхождения являются наиболее ранними источниками, знакомящими нас с музыкой трубадуров. Парадокс налицо: поэты, сочинявшие на языке ойль, достаточно рано проявили живой интерес к сочинениям трубадуров, главным образом в их письменной форме, ибо для устного знакомства требовался переводчик; пока северяне черпали вдохновение — как музыкальное, так и поэтическое — из записанных кансон, на юге песни трубадуров продолжали бытовать в устной форме.

Видимо, поэтому произведений поздних трубаду-ров во французских песенниках нет, зато в них до-статочно полно представлена поэзия Бернарта де Вентадорна и Джауфре Рюделя.

Два других песенника составлены целиком из пе-сен на окситанском языке. Оба записаны на юге, один — в окрестностях Тулузы (23), а другой — в Се-верной Италии (в Ломбардии или в Венето), в конце XIII века (24). Он содержит двести тридцать пять ли-рических стихотворений и восемьдесят одну мело-дию, записанную нотными знаками.

Основной рукописью, знакомящей нас с музыкой трубаду-ров, без сомнения, является провансальский песенник *R*. Он был составлен не раньше 1292 года, то есть после того, как было написано последнее сти-хотворение Гираута Рикьера; скорее всего, он должен датироваться первой четвертью XIV века (25). В нем девятьсот сорок семь лирических песен, из которых сто шестьдесят имеют мелодию. Из сорока двух по-этов, к произведениям которых сохранилась музыка, двадцать пять представлены в этом сборнике. Он яв-ляется единственным источником, где можно найти мелодии к кансонам Гираута де Борнеля, Бертрана де Палазоля, Бертрана де Борна, Раймбаута де Вакейра-са, Монаха Монтаудонского, Юка Брюненка, Гильема Адемара, Каденета, Понса д'Ортафаса, Аймерика де Беленоя, Пейре Карденалья и Гираута Рикьера. К не-счастью, ни один из песенников не сохранил мело-дии Гильема IX или Серкамона.

Как записывалась музыка трубаду-ров, какие запи-си предлагают нам источники?

Невмы в виде точек, имеющих форму, напомина-ющую квадрат, иногда соединенные вместе ступен-чато, начертаны на горизонтальных линиях, чис-лом четыре или пять. Эти линии — прообраз нынеш-него нотного стана; такой способ воспроизводит си-стему нотации на строчках, созданную Гвидо Аре-тинским (26). Начало каждой строки или же все строки сразу могут быть отмечены ключом *ut* (до), *fa* или *sol*. Между музыкальными фразами пока еще нет тактовых черт. Только первая строфа дается с музы-

кальной нотацией. Следовательно, надо понимать, что для последующих строф используется та же самая мелодия. Мелодию, повторяющуюся несколько раз — пять, шесть, семь или даже больше, — было легче запомнить, хотя, если судить по сохранившимся записям, многие из них были довольно сложными: диапазон превышал целую октаву, а интервалы являли собой достаточно замысловатые комбинации, даже когда речь шла о коротких музыкальных мотивах. В музыкальных фразах встречается несколько повторяющихся мелодий. С другой стороны, существует тесная связь между стилем, структурой или текстовой темой и музыкальным содержанием лирического сочинения. Основная проблема, которую современным исполнителям средневековых песнопений ставит тогдашняя нотация, — это определение длительности тонов, размера и ритма. Мнения разделились: одни выступают за декламационный стиль, когда каждая нота обладает примерно одинаковой длительностью, отчего исполнение вторит синтаксису стихотворения и словесному ударению; другие предпочитают размеренный стиль, где в определенном порядке и через определенные промежутки чередуются долгие и краткие ноты; наконец, сторонники стиля, основанного на равном размере каждого слога, полагают, что петь приходилось достаточно быстро, так как были слоги, которым соответствовали две, три или даже четыре ноты: это напоминало орнаментированное пение. Ни одна из теорий не может претендовать на точность, ибо не подтверждена документально. Даже если предположить наличие определенной свободы интерпретации, следует помнить, что каждая мелодия должна была обладать узнаваемым ритмом, который придавал бы ей свою неповторимую форму. Так как мелодии повторялись от строфы к строфе, то ритмический облик каждой строфы был одинаков. Например, в очаровательной песне-альбе Гираута де Борнеля *Reis glorios* («Славному царю...») два первых стиха каждой строфы имеют одинаковую музыкальную и метрическую структуру, что дает

возможность сопровождать музыкой каждую строфу во время ее исполнения.

Таким образом, остаются музыкальные «записи», но отсюда встает вопрос, кто их выполнил, записал невмами. Никакие источники ничего не могут нам на этот счет сообщить. Какие трубадуры были в состоянии записывать музыку к своим лирическим сочинениям? В жизнеописании Элиаса Кайреля написано, что хотя он и был дурным трубадуром, зато «хорошо умел записывать слова и напев». Но эти сведения относятся к XIII или XIV веку. Однако музыка, совершенно очевидно, не сочинялась импровизированно во время исполнения; к этому времени она, без сомнения, уже была «изобретена», быть может даже, без вмешательства писца и нотной записи!

Музыкальные инструменты

Первый вопрос — исполняя собственные песни, аккомпанировали ли трубадуры себе на музыкальных инструментах? До настоящего времени полагали, что раз инструменты — струнные, духовые или ударные, согласно средневековой классификации — часто представлены в произведениях изобразительного искусства XII и XIII веков, в том числе на миниатюрах в рукописях, и упоминаются в литературных произведениях (как в лирике, так и в романах), значит, они, несомненно, использовались для аккомпанемента песен. Но эта очевидность только кажущаяся, и она требует комментария. Во-первых, о музыкальных инструментах в средневековых текстах упоминается достаточно абстрактно, то есть в них не уточняется, каково было их применение. Разумеется, из этого нельзя делать вывод, что этими инструментами не пользовались... Скорее, напротив, использование их было делом обыденным; ведь столь же скудную информацию имеем мы о пище и об одежде трубадуров. Однако на этом основании мы не делаем выводов, что они ходили голодными и го-

лыми. Но тогда почему столь редко приводятся оценки трубадура как аккомпаниатора, в то время как о его голосе, а тем более о его талантах как поэта и сочинителя музыки говорится много и охотно? С одной стороны, произошел переход от устной культуры к письменной. С другой стороны, известно, что произведения трубадуров располагаются в «высоком», аристократическом регистре «великого куртуазного пения», принципиально отличающемся от «низкого» регистра народной музыки, например от танцевальных мелодий. Видимо, для каждого регистра имелся свой тип исполнителей: или трубадур, или жонглер.

Возникает второй вопрос: если пение сопровождалось аккомпанементом, игрой на музыкальном инструменте, то кто на нем играл? Многие трубадуры умели играть на музыкальных инструментах. Бедный овернский рыцарь Пейроль, скатившийся до положения жонглера, был известен своей игрой на виоле, струнном смычковом инструменте. Были также трубадуры, которым аккомпанировали женщины; к примеру, на полях одной из рукописей изображена женщина, подыгрывающая певцу на тамбурине. У некоторых рыцарей-сочинителей на службе состояли жонглеры, которые и исполняли их кансоны; легко представить себе, как трубадур аккомпанирует жонглеру на каком-либо музыкальном инструменте, и наоборот.

В связи с проблемой использования музыкальных инструментов встает и третий вопрос: как определить природу и тип музыки, которую можно было извлечь из этих инструментов, принимая во внимание, что нотация воспроизводит лишь мелодию, и ничего больше?

Среди музыкальных инструментов в окситанских текстах чаще всего упоминается виола (27). За ней следует арфа, флейта и энфлабоц — инструмент, более всего напоминающий волынку. Изображения в церкви целестинского монастыря в Авиньоне, в сводчатом зале донжона замка Пюивер, в монастыре якобинцев в Тулузе позволяют создать представление

о тогдашних музыкальных инструментах. Трубадур чаще всего пел один. Ему мог аккомпанировать один или, в крайнем случае, два человека, однако они никогда не перекрывали голос певца, ибо главным правилом почиталась хорошая слышимость текста. Поэтому от исполнявшейся во время пения музыки воспоминаний сохранялось мало: она всего лишь дополняла выводимую певцом мелодию.

Исполнение, или Перформанс

Нельзя забывать, что поэт-композитор был также и первым исполнителем кансоны. Он сам или же кто-то из его свиты наверняка исполняли эту кансону многократно, по различным случаям и перед различной публикой, следовательно, им, без сомнения, приходилось вносить определенные изменения в текст или в мелодию. Музыкальный текст, сохранившийся в песенниках XIII—XIV веков, особенно труден для воспроизведения, ибо истоки его нотации нам неизвестны; он относится к тому типу музыкальной культуры, где повтор или утилитарная адаптация мелодии некоторых стихов играют огромную роль в процессе запоминания песни ее исполнителем. Исполнитель мог свободно вносить дополнения в мелодию, и эти изменения, очевидно, не могли быть отражены в нотной записи, где каждая нота, скорее всего, имеет более или менее одинаковую длительность.

По сравнению с другими музыкальными жанрами репертуар трубадуров в целом достаточно узок и беден сложными вариациями, поэтому, пытаясь постичь музыку трубадуров, видимо, следует привлечь на помощь дополнительные источники и, в частности, многочисленные рукописи григорианских хоралов, с одной стороны, и песенников труверов, с другой. Но не заведут ли подобные исследования нас в тупик? Мелодии своих песен трубадуры хранили в голове; однако резонно предположить, что музыкальный текст они набрасывали письменно на

каком-нибудь листке, и, таким образом, в записи мелодия появлялась раньше, чем ее исполняли в полный голос со всеми необходимыми по случаю вариациями.

Знаменитая кансона Бернарта де Вентадорна *Can vei la lauzeta* («Люблю на жаворонка взлет...») дошла до нас вместе с двенадцатью различными музыкальными версиями. Но прежде чем кансона была записана, она почти столетие просуществовала в устной форме. Тем не менее следует отметить большое сходство всех двенадцати версий, включая и подражания — *contrafacta* — на французском, латинском и окситанском языках, созданные в XIV веке. К песням, приписываемым Бернарту де Вентадорну, сохранилось девятнадцать мелодий, к песням Гаусельма Файдита — четырнадцать, к песням Фолькета Марсельского — тринадцать. Большинство мелодий сохранились в двух или трех версиях. Исходя из имеющегося корпуса музыкальных текстов, можно сделать несколько общих выводов. Существует тесная связь между стихотворением и мелодией; на этом сплаве базируется лиризм куртуазной поэзии. Мелодия, предназначенная для первой строфы, служит и для последующих строф, обладающих, таким образом, аналогичной метрической схемой: каждая строфа имеет равное количество стихов, а каждый самостоятельный стих — равное количество слогов во всех строфах. Место же тонического ударения в стихе может варьироваться, вне зависимости от цезуры и рифмы, что дает исполнителю полную свободу в выборе способов достижения желаемой им выразительности. Текст каждой строфы составляет смысловое единство, так что исполнители, подобно переписчикам рукописей, могли изменять порядок следования строф между собой. Но первая строфа почти всегда оставалась во главе стихотворения, что позволяло запоминать песню по ее первому стиху (*incipit*).

Каждое исполнение было в своем роде уникальным представлением, во время которого исполнитель должен был выказать весь свой талант, дабы

сначала привлечь, а потом и захватить внимание публики. *Razo*, или рассуждение (комментарий), прозаический текст, большей частью предшествующий стихотворению, в нескольких фразах излагал содержание песни. *Razo* в сочетании с громким голосом позволял добиться тишины от собравшихся в зале замка гостей или созвать разбредающуюся в разные стороны публику, если праздник проходил вне стен замка. Затем начиналось исполнение песни, при этом разные строфы пелись на одну и ту же мелодию, что, несмотря на вариативность текста, создавало своеобразный эффект повторяемости, способствовавший запоминаемости песни; вместе с тем оставался простор для голосовых и прочих способов придать исполнению большую выразительность. Благодаря и повторяемости, и вариативности слушатели запоминали и мелодию, и ее исполнителя.

В *razo*, предпосланном одной из песен Арнаута Даниэля, о котором в жизнеописании говорится, что его произведения «понять и выучить не так-то просто» (29), рассказывается забавная история о том, как могли распространяться сочиненные песни. Однажды в Пуатье, где находился двор Ричарда Львиное Сердце, один жонглер бросил Арнауту Даниэлю вызов, заявив, что он «находит» рифмы более изысканные, чем Арнаут. Трубадур вызов принял. Спорщики избрали своим судьей короля, и каждый побился об заклад, что победит соперника; в залог же каждый дал коня. Король запер состязающихся по одному в соседних комнатах. От скуки Арнаут не мог связать и двух слов. Жонглер же сочинял быстро и складно. Сроку им было дано десять дней; время пролетело быстро, и вот уже до вынесения приговора королем осталось всего пять дней. Жонглер спросил Арнаута, удалось ли ему сочинить свою песню, и тот ответил: «Да, я сочинил ее уже три дня назад», хотя на самом деле он о ней даже и не думал. И вот жонглер всю ночь пел свою песню, чтобы лучше ее запомнить. А Арнаут решил подшутить над ним. Всю ночь, пока жонглер

пел, Арнаут запоминал текст и музыку. Представ перед королем, Арнаут заявил, что хочет исполнить свою песню, и запел песню жонглера. Тот, услышав свое сочинение, принялся возмущаться. Король потребовал объяснений. И под смех собравшихся Арнаут объяснил, в чем дело. Шутка получилась, игра — а это именно игра (*jos*) — удалась. Значит, он выиграл пари! Король не стал забирать себе их заклады, а наоборот, одарил обоих подарками; но двор приписал авторство кансоны Арнауту, равно как и рукопись, сохранившую ее в единственном экземпляре. А жонглер так и остался для нас анонимом!

Некоторые трубадуры оставили о себе память как о хороших певцах; к ним относятся бывший каноник Пейре Роджьер и Пейре Овернский, обладавший особым талантом искусно высмеивать своих современников, прежде всего умельцев-жонглеров и трубадуров, как тех, кто с успехом развлекал придворных при королевских дворах, так и тех, кто, судя по всему, не имел успеха у публики. Гаусельм Файдит пел плохо, хотя умел прекрасно сочинять и текст, и музыку; ему пришлось стать жонглером, потому что он растратил все свое состояние, играя в кости. Ричарт де Бербезиль был очень застенчив, и стоило ему оказаться в обществе, как он тут же терялся, и чем изысканней и многочисленней было общество, тем больше он терялся. Поэтому его непременно требовалось подбадривать. Однако, как добавляет составитель его жизнеописания, у него был красивый голос и он умел прекрасно исполнять песни своего собственного сочинения!

Также, согласно источникам, немало трубадуров к каждому новому стихотворению сочиняли новую музыку; так поступал, например, Гильем Райноль д'Ат, однако ни одна из его мелодий до нас не дошла, поэтому нам остается только гадать...

Трубадур должен был непременно поразить своих слушателей. Чтобы выступление прошло успешно, ему приходилось являть себя и искусным музыкантом, и поэтом, и исполнителем, а подчас и разы-

грывать настоящий спектакль, чтобы очаровать или взволновать публику. В отличие от трувера Северной Франции, трубадура, совершенно очевидно, не интересует та слава, которую он может снискать посредством власти письменного слова, через книги, молчание традиции на сей счет следует толковать именно так... Заботу о своей нетленной славе трубадур предоставляет потомкам. Кансона — и стихи, и мелодия — должна понравиться сегодня, сейчас, ибо только тогда он будет иметь счастье слышать, как дамы исполняют ее возле ручья. Пираут де Борнель искренне радуется, услышав вот такое бесхитростное исполнение своей песни, и он прав, так как этот способ — наилучший, чтобы одержать победу над временем:

Мне нравится слышать собственную песню, которую выводит чистый и безыскусный голос, слышать, как ее поют, направляясь за водой к ручью (30).

Коммуникативное ремесло: трубадуры и меценаты

Из одного замка в другой, от одного двора к другому лежат пути трубадуров; повинувшись воле своих покровителей, они идут через равнины и долины, перебираются через горы и переплывают моря. Вручив посланцу — верному или лукавому — свою кансону, они надеются, что песнь их достигнет ушей дамы, чье сердце они стремятся растрогать; разумеется, все они жаждут увидеть свою даму воочию. Сирвенты трубадуров летят ко дворам князей и владетельных сеньоров: поэты желают либо что-то сообщить, либо побранить их, одарить советом или похвалить.

Лимузенский трубадур Бертран де Борн, родившийся в середине XII века, активно вмешивался в борьбу за сферы влияния в Аквитании, которую вел Генрих II Плантагенет со своими сыновьями с одной стороны, и король Франции — с другой. Жизнь трубадура поистине может считаться показательной, равно как и сыгранная им роль. Владея

нераздельно вместе с братом укрепленным замком Аутафорт, он быстро превращает замок в яблоко раздора. Воинственный поэт обращается за помощью и поддержкой то к партии Плантагенетов, то к партии короля Франции, и его ссора с братом вскоре становится частью распри, которую сыновья Генриха Плантагенета ведут с отцом, и случается это в самый разгар междоусобиц в семействе Плантагенетов. Бертран принимает сторону старшего сына английского короля, «короля-юноши», чья расточительность пришлась ему по душе; брат же его становится на сторону второго сына, беспокойного Ричарда Львиное Сердце, жестоко обошедшегося с мятежными аквитанцами. К несчастью, 11 июня 1183 года «король-юноша» Генрих умирает. Бертран оплакивает его в несравненном по красоте плаче (*planb*):

«Тот, кто могилой до срока захвачен, / Мог куртуазности стать королем», тот, кто «для юных вождем и отцом / Был...», «Роландовых дел / Преемник был рыан [...] Весь мир в изумленье / Поверг [...] / От Нила до стран, / Где бьет в берега океан» (31).

В этом плаче поэт описывает жизнь, которая по сердцу ему самому, жизнь сеньора учтивого и богатого, соответствующего куртуазному идеалу; сеньора, которого мечтают получить в покровители все трубадуры. Этот сеньор учтиво принимает, постоянно делает подарки, куртуазно приветствует гостя: «добро пожаловать!», имеет большой дом, хорошо его содержит и заводит в нем благородные порядки; он щедр на одежду и деньги, прекрасно воспитан, у него едят под звуки виолы и приятных песен, свита его многочисленна и состоит сплошь из могущественных и отважных рыцарей, избранных из самых лучших в своем сословии. И никаких упоминаний о даме. Бертран оплакивает горячую мужскую дружбу, связывавшую его с Генрихом, который на его великое горе слишком рано покинул этот мир.

Сразу же после смерти «короля-юноши» Бертран

теряет свой замок: ему приходится уступить его брату; однако вскоре он обретает его вновь после того, как выходит из борьбы аквитанских баронов против их сюзерена. Вскоре он предлагает свои услуги партии английского короля и Ричарду, графу Пуатье, и делает это в следующих словах:

Если граф будет со мной любезен, если не будет скрягой, я буду ему весьма полезен в его делах, ибо я чист, как серебро, смиренен и предан.

Невозможно более ловко составить документ, обладающий сладкозвучностью стиха и одновременно свидетельствующий о — вовсе не бескорыстной — готовности пленять властелина...

Когда в 1189 году Филипп-Август отдает Жизор в удел Ричарду, Бертран просит своего верного посланца и жонглера Папиоля разнести по всем краям его слова о том, что «Льва — Ричарда почтить не вздор! Король Филипп ягненком стал — / Утратит все, чем обладал» (32). Строго критикуя Филиппа, трубадур превозносит Ричарда. Тут умирает старый король Генрих. И 3 сентября этого же года Ричард становится королем Англии.

Двумя годами раньше на Востоке христиане под стенами Тиверии (Генисарета) потеряли деревянный крест, на котором распяли Спасителя, и Иерусалим попал в руки Саладина. Слух о поражении достиг западного мира в 1187 году. Первым среди принцев Ричард отправился в Крестовый поход. Бертран де Борн немедленно пропел ему хвалу:

Сам Господь наш созывает всех тех, кто отважен, храбр и достоин... Тот же, кто графом сейчас является, и герцогом тоже, и станет потом королем, первым откликнулся на призыв, а потому заслуга его вдвойне велика (33).

Но Ричард добирается до Святой земли только 8 июня 1191 года, спустя почти четыре года после того, как христиане, осажденные войском неверных, бросили клич о помощи. Слишком поздно.

Странствия трубадуров

Бродяги и авантюристы

Трубадуры не могут слишком долго проживать при дворе одного сеньора, им необходимо путешествовать, необходимо завоевать сердца как можно большего количества слушателей, общаться с другими талантливыми поэтами, слушать, что говорят о них разные люди. Трубадуры слывут знатоками ведения дебатов и грамотеями, они умеют нравиться и убеждать, поэтому из них получаются великолепные посланники и утонченные посредники, их гостеприимные покровители нередко отправляют их с поручением к друзьям или политическим противникам. Трубадуры в избытке наделены всеми теми чувствами, которые подталкивают нас к перемене мест: стремлением испытать себя, жадной повидать иные места, потребностью узнать новое и сделать собственные открытия; следуя своему призванию, трубадуры пускаются в дорогу. Видя, как, сидя в теплом замке, рыцарь пускает пыль в глаза, похваляясь своими подвигами, совершенными во время крестовых походов, трубадура охватывает желание вступить в войско какого-нибудь знатного сеньора, о котором известно, что он дает волонтерам снаряжение и оплачивает их дорожные расходы. Помимо крестового похода еще одним, столь же увлекательным приключением считается паломничество, путешествие к святым местам; паломником может стать человек из любого сословия. После того как количество святых мест умножилось, а монахи стали щедро сулить паломникам спасение и исцеление, количество желающих поклониться святыням резко возросло. Остановившись отдохнуть и перекусить — в таверне или на травке возле источника, — паломники, нещадно приукрашивая действительность, рассказывают своим случайным сотрапезникам и попутчикам настоящий роман о своем путешествии, целью которого является приобщение к христианским святыням. Наряду с Римом и Иерусалимом одним из наиболее почитаемых святилищ

становится собор в Сантьяго-де-Компостела в Галисии, где хранятся останки святого Якова Компостельского. Чтобы добраться до него, надо проделать долгий, в несколько недель, а иногда даже и месяцев путь, исполненный опасностей, а потому наиболее заманчивый: ведь совершившего его ждет заслуженный почет. Восстановить маршруты странствий трубадуров по дорогам романского юга, а также их заморские путешествия, чрезвычайно тяжело, ибо сами они нигде не говорят о них прямо, а исключительно намеками. Поэтому, пытаясь представить их более конкретно, воспользуемся рассказами крестоносцев и паломников, запечатленных хронистами той эпохи, а также весьма популярной в те времена книгой «Проводник к святому Якову» (1).

На дорогах Юга

Еще с античных времен Италия и Испания были связаны сетью дорог, пролежавших по южным областям королевства Франции (2). Между лигурийским побережьем Итальянского королевства и океанским побережьем Иберийского полуострова, через Пиренеи, римляне выстроили несколько дорог, достаточно широких, чтобы на них могли разъехаться две повозки. Одна из таких античных дорог, дорога Домициана, протянувшаяся вдоль провансальского побережья Средиземного моря, пересекала Рону на уровне Тараскона и направлялась в Ним; далее она шла через край, где около 1100 года возник новый город Монпелье, затем огибала укрепленные стены Безье, а в Нарбонне разветвлялась надвое. Одна из ветвей шла на Каркассонн, к дороге «двух морей», а другая, большая и широкая, соединяла Тулузу и Бордо; из Каркассонна же дорога шла в Руссильон, проходила через Эльн и, перебравшись через перевал Паниссар, следовала в сторону Барселоны. Но таких широких и удобных путей было не так много. Среди остальных дорог наиболее важными были мощенные плитами пути («*ferrades*»), по которым передви-

гались на мулах, и тропы («*drailles*»), по которым стада скота перегоняли из одной долины в другую или же с гор на прибрежную равнину; дороги эти часто перекрещивались.

Практически все дороги, по которым передвигались паломники, поддерживались во вполне приличном состоянии (3). Богатые пилигримы уже не один век совершали паломничества в Рим и Иерусалим (гробница Христа стала местом поклонения задолго до начала крестовых походов), паломники поскромнее направлялись поклониться святым реликвиям в какое-нибудь местное святилище (например, в церкви, посвященные Богоматери, что расположены в Рокамадуре и Пюи, к мощам Святой Веры в Конке, стремились увидеть обитель Святого Гильема Пустынника или собор Святого Жилия в Гаре). В XI веке некоторые старые заброшенные дороги были починены и заново обустроены, а бенедиктинские монахи, главным образом из Клюнийского аббатства, желая связать воедино дочерние аббатства и приорства ордена с его главным монастырем, проложили целый ряд новых дорог. Большая плотность дорожной сети на юге Франции способствует развитию городов, межрегиональной экономической активности и невиданному прежде подъему торговли, еще более оживившейся с началом крестовых походов; пик этой активности приходится на XII столетие. Все крупные города юга, расположенные на равнине, на побережье или в горах, все замки и селения, даже самые крохотные деревушки и хутора соединены между собой дорогами, вымощенными камнем или же с утоптанной землей; по этим дорогам движутся обозы, к которым — в целях безопасности — прибываются одинокие странники.

Поэтическая кавалькада Гаусельма Файдита

Чтобы получить представление о том, сколько километров мог пройти за свою жизнь трубадур, последующим за Гаусельмом Файдитом (4), родившимся около

1150 года в Лимузене, где он вырос и сформировался как поэт под влиянием куртуазной школы Эблеса Вентадорнского. Период расцвета его поэтического творчества приходится на 1170—1203 годы. Сохранилось не менее шестидесяти пяти его кансон. Эти кансоны позволяют восстановить маршруты его странствий. Неутомимый ходок и, разумеется, превосходный наездник, он умеет защитить себя, и ошибаются те, кто полагает, что сей беспечный странник по легкомыслию пускается в путь в одиночку. Гаусельм проходит десятки тысяч километров, кочует от замка к замку, перебирается через горы, переплывает через моря и пересекает пустыни.

Самые ранние его стихи написаны в Провансе в долине Роны, где он живет, пользуясь покровительством Раймона д'Агута, сеньора Со и Апта, Тулузского графа Раймона V и, вероятно, еще и Раймбаута Оранского, также великого трубадура. Затем, перебравшись через Альпы, Гаусельм отправляется странствовать по Ломбардии, где его берет под покровительство другой владетельный сеньор, маркиз Бонифачио Монферратский. Из Ломбардии он вновь возвращается в Овернь, где некоторое время живет в замке Монферран, у графа Дофина Овернского, также поэта-трубадура. В 1185 году мы встречаем Гаусельма уже при венгерском дворе, куда он попал, скорее всего, вместе с другими трубадурами и жонглерами в свите Маргариты, дочери короля Франции, обещанной в жены королю Беле III. В следующем году он уже объявляется в Бретани, в свите юного графа Джоффруа Бретанского и летом 1186 года сопровождает его в поездке ко двору короля Франции Филиппа Августа. Но вскоре юный принц умирает, и Гаусельм Файдит вновь пускается странствовать. В своем родном краю он поступает на службу к Марии, виконтессе Вентадорнской, но в 1190 году расстается с ней, чтобы принять участие в Третьем крестовом походе, по возвращении из которого он вновь отправляется ко двору Дофина Овернского. Известно также, что он предлагал свои услуги королю Кастилии, однако

неведомо, каков был ответ на это предложение. На рубеже XIII века он прибывает в Монферрат, а так как владетель здешних мест, князь Бонифачио намеревается возглавить Четвертый крестовый поход, то в октябре 1202 года Гаусельм вместе с ним отправляется в Венецию. Потом следы трубадура теряются в Задаре, портовом городе, расположенном на далматинском побережье Адриатики между Триестом и Рагузой (совр. Дубровник). Добрался ли он до Константинополя? Или же вернулся домой? А может быть он, как и его покровитель Бонифачио со своими людьми, через пять лет был зарублен болгарами?

Заморские путешествия: Крестовые походы и паломничества

Искусное владение боевым оружием отличает крестоносца от паломника, совершающего покаяние; однако и тех и других в средневековых текстах называют пилигримами. Подобно всем своим современникам, трубадуры не остались равнодушными к призыву отвоевать Иерусалим у неверных. Разумеется, не все тотчас отправляются в путь, однако и крестовый поход, и паломничество за море являются составной частью их ментального универсума — референтной системой духовных ценностей и образов, откуда они черпают все необходимое для своих стихов. Они называют себя пилигримами любви, используют язык религии, чтобы славить дам, и падают ниц к их ногам, как это делает Гильем Монтаньяголь:

Мне хочется петь, стоит мне только подумать о той
великой чести, / Которой удостоила меня любовь, /
И о том благородном искушении, которому она меня
подвергает: / Ибо та, кому я адресую песнь свою и
свои хвалы, / Своей красотой / Подобна только что
распустившемуся цветку. / А еще скажу я вам, что уверен я, /
Что красота ее поистине небесный дар, / А сама она словно явилась из Рая, /
Ибо прелестью наделена она неземной (5).

Элиас д'Юссель обещает, что если кто-нибудь услышит, как он злословит в адрес своей красавицы, то он отправится в Сирию и дойдет «до самого Тира». «Любовное паломничество», долгая разлука с возлюбленной порождают переживания, иногда формально напоминающие причудливое изложение христианской доктрины о самопожертвовании. Жизнеописание трубадура Джауфре Рюделя, сеньора из замка Блайя, что стоит на реке Жиронде, является превосходной иллюстрацией сюжета о «дальней любви», волнующего и трогательного: на основании добрых слухов, которые распространяют о графине Триполитанской паломники, вернувшиеся из Антиохии, трубадур влюбляется в графиню и, страстно желая увидеть ее, отправляется в крестовый поход. На корабле он тяжело заболевает; по прибытии в Триполи слуги на носилках относят его в странноприимный дом, где он и умирает — если верить жизнеописанию — на руках у своей графини. «Стать пилигримом буду рад, / Чтоб на меня был брошен взгляд, / Прекраснейший в земной юдоли», — вздыхает трубадур (6).

Отплытие на корабле

Спустя немного времени христианские владыки — графы Барселонские и Генуэзские — вновь перехватили у арабов контроль над западным побережьем Средиземноморья; подобная смена власти совпала с Реконкистой в Испании и Первым крестовым походом в Святую землю (конец XI в.). В Лионском заливе мореплаватели не находят удобных бухт. Отсутствие естественных гаваней, сильные ветры, капризные ураганы, песчаный берег, где массы песка постоянно находятся в движении — все это заставляет мореплавателей сторониться лангедокского берега.

Заморские купцы привозят с Востока невиданные прежде товары, и южная аристократия и духовенство быстро привыкают к новым вещам: дорогим тканям, пряностям, предметам роскоши. В грузовых отсеках кораблей привозят диковинных птиц и крошечных

обезьянок, пользующихся огромным спросом у богатых жителей средиземноморского Юга (7). Каждый год несколько процессий паломников отплывают из Сен-Жиля или Марселя. Главный порт, откуда отправляются в плавание крестоносцы и паломники, направляющиеся со всех концов Франции в Святую землю, — Сен-Жиль, порт, расположенный на одном из притоков Роны, между Арлем и Нимом. Город принадлежит графу Тулузскому, а с середины XIII века входит в состав королевского домена; впрочем, в это время из-за наносов и пlyingунов город уже практически перестает функционировать как порт. Такая же судьба постигнет и порт Эг-Морт, основанный неподалеку от Сен-Жиля Людовиком Святым в 1241 году.

Южнофранцузские корабли, снаряженные окситанскими или генуэзскими арматорами, а также рыцарями ордена госпитальеров-иоаннитов, представляют собой парусные суда, оснащенные вдобавок еще и веслами. Парусник, снабженный веслами, остроносый или закругленный, с широким носом и такой же кормой (окситанские *navi* и *coca*), имеет высокие выпуклые борта и большую осадку; это тяжелый и прочный корабль, прекрасно пригодный для долгих морских переходов. Он часто имеет три палубы, расположенные одна над другой, и треугольные паруса. В длину такой парусник бывает тридцать и более метров при ширине от девяти до десяти метров и высоте пять метров. Более стройной и легкой является галера (по-окситански *gale*); у нее невысокие борта, длина от двенадцати до двадцати пяти метров, и для нее требуется всего лишь двадцать — тридцать гребцов. На некоторых галерах существует узкий проход, по которому вдоль борта можно обойти все судно; в этот проход выходят двери кают, где размещают пассажиров, а при необходимости и товары (8).

«Нет! Хватит волн морских...»

Где бы вы ни садились на корабль — в портовых городах Сен-Жиле, Марселе, Генуе или Бриндизи, ко-

му бы ни принадлежал ваш корабль — купцам-арматорам или рыцарям-госпитальерам, в любом случае проезд по морю будет стоить очень дорого. Средняя продолжительность перехода между Марселем и Сирией или Палестиной составляет сорок дней, при средней скорости от сорока до восьмидесяти миль в день плюс остановки, необходимые маневры на море и периоды удручающего мертвого штиля, когда ветер стихает полностью. Помимо платы за переход, или «проезд», как мы бы сказали сегодня, каждый путешественник платит до десяти денье (двенадцать денье составляют один соль) в день за корабельное питание, состоящее из похлебки, рагу, а также сыров, солонины, соленой рыбы, лука, турецкого гороха или бобов и сухих фруктов. Во время многочисленных остановок, которые обычно делают, когда плывут от берегов Лионского залива к берегам Сирии, загружают питьевую воду, свежую провизию, овощи и фрукты. Останавливаются обычно на Сардинии, Сицилии, в портах Пелопоннеса, Кандии (так назывался в те времена остров Крит), на Кипре. Другие дороги на Восток, возможно, более короткие, зато более опасные, ибо на них хозяйничают многочисленные бандитские шайки; к таким более коротким путям принадлежал пеший путь через Италию и Византийскую империю; далее следовал короткий морской переход через Адриатику или Эгейское море.

Численность экипажа корабля иногда достигает трехсот человек, в его состав часто входят жонглеры. От жонглеров ожидают песен, рассказов и игры на музыкальных инструментах, словом, всего того, чего резонно ожидать от спутников и соратников трубадуров. Музыканты, играющие на трубах и тарелках, задают ритм, помогая тем самым совершать сложные маневры; развлекать пассажиров и экипаж также входит в обязанность музыкантов, и за это они на корабле пользуются большим почетом. В самом деле, если ежедневное вознаграждение корабельного гребца к 1250 году достигало шести денье, что по тем временам было суммой весьма существенной, особенно если сравнить ее с платой поденщика на суше,

то музыкант-жонглер получал пятнадцать денье в день, то есть немногим больше корабельного цирюльника-костоправа и немного меньше кормщика (то есть боцмана). Хотя труд матросов и гребцов очень тяжел, время набора каторжников для работы гребцами на галерах еще не настало, гребцы пока еще не закованы в цепи и обращаются с ними так же, как со всеми прочими членами команды. Отсюда относительная сплоченность экипажа, сформированного из свободных людей, которые, несмотря на огромную разницу в общественном положении, делят тяготы и радости путешествия вместе с пассажирами. Во время затишья они могут отдохнуть, принять участие в развлечениях; на кораблях совершают переходы люди самых разных сословий, и в процессе их общения неизбежно происходит смешение культуры ученой с культурой народной. Жонглеры, разумеется, стараются включить в свой репертуар песни застольные или шутовские, в большей или меньшей степени скабрзные. Следуя желаниям слушателей, они многократно повторяют популярные напевы и аккомпанируют морякам на музыкальных инструментах, когда те распевают молитвы, обращенные к Святой Деве. Вместе с экипажем и пассажирами жонглеры переживают события песен о крестовых походах, смеются своим и чужим шуткам, и слушают, разинув рот или, напротив, скептически улыбаясь, невероятные рассказы о далеких странах. Из этих историй, кочующих из порта в порт, из этих волшебных басен, подобных тем, которые собрал в своей «Книге Чудес» Гервасий Тильберийский, можно узнать о том, что в горах Персии рождаются женщины с кабаньими клыками и коровьими хвостами... а на берегах Красного моря живут бородатые женщины... а все та-мошные дороги ведут к...:

[...] земле плодородной; а плодородная она оттого, что по ней в урочное время разливается Нил: Нил наполняет водами своими реку Бризон, та разливается, и благодаря этому разливу земля становится плодородной. На берегах реки Бризон рождаются множество слонов, а также люди, у которых чрезвычайно

длинные ноги — одни только бедра у них длиною целых двенадцать футов; руки у них по плечи белые, ноги черные, а стопы красные; голова у них круглая, а носы длинные. Люди эти в урочное время превращаются в аистов и каждый год прилетают в наши края, чтобы выводить птенцов (9).

Когда ночное море спокойно и воды его блестят, веет легкий бриз и яркое звездное небо помогает морякам держать курс, пассажиры забывают о превратностях морских путешествий и о том страхе, который охватывает их в темные безлунные ночи, при приближении рифа или незнакомого парусника. Сколь приятны эти короткие передышки! В песне, посвященной возвращению домой, Гаусельм Файдит прославляет радостную безмятежность житья в родном Лангедоке и противопоставляет ее суровым испытаниям морского путешествия:

Нет! Хватит волн морских, / Докучных берегов, / Подводных скал крутых, / Неверных маяков! / Я насмотрелся их / За все свои блуждания. / Судьбы превратности познав / И в милый Лимузен попал, / Там честь и радости стяжав, — / Воздам молитвой дань я / За то благодеянье, / Что я вернулся, жив и здрав. / [...] Брожу, забвению предав / И барки колыханье, / И шторм, и злодеянья / Морских разбойничьих орав (10).

Благополучно прибыв в порт одного из христианских королевств, рассыпанных вдоль побережья, между маленькой Арменией и Синайским полуостровом, трубадур истратил последние соли. Теперь ему надо обеспечить себе кров и пищу. В 1190 году начинается Третий крестовый поход, целью которого является отвоевание у арабов Иерусалима; Гираут де Борнель отправляется за море вместе с королем Ричардом и виконтом Лиможским. В июле 1191 года он участвует в осаде крепости Сен-Жан-д'Акр. Вскоре город переходит в руки христиан, осада снята, и Гирауту опять приходится искать покровителя, который бы кормил его и одевал. Продолав путь в четыреста километров, он добирается до Антиохии, где его принимает у себя князь Боэмун III; при дво-

ре гостеприимного принца он проводит зиму, принимая почести и вознаграждения. На Пасху прибывает корабль, и Гираут отплывает на нем в обратный путь.

Млечный Путь: дорога святого Якова

Мошам святого апостола Якова, которые ученики его в I веке н.э. перенесли на окраину Галисии, поклоняются со времени царствования Альфонса II Благочестивого, короля Астурии (791—835). В начале XII века в Компостеллу ведут четыре дороги, и все они, вне зависимости от их протяженности, сходятся на испанской земле, в Пуэнте Ла Рейна. Первая дорога соединяет Сен-Жиль, Монпелье, Тулузу и перевал Сомпорт. Вторая пролегла через места так называемых «малых» паломничеств: через Пюи, где находится всеми почитаемая церковь Богоматери, через Конк, где хранятся реликвии святой Веры Аженской, и Муассак с его собором Святого Петра. Третья дорога берет начало у церкви Святой Марии Магдалины в Везеле и ведет в Сен-Леонар, что в Лимузене, а далее в Периге. Четвертая дорога проходит через Тур, где стоит церковь Святого Мартина, через Пуатье, где находится церковь Святого Илария, через Анжели, где расположена церковь Святого Иоанна, через Сент, где паломники останавливаются помолиться в церкви Святого Евтропия, и через Бордо. *Camin de sant Jacme* (дорога святого Якова), или, как ее еще называют, «Млечный Путь», разбита на несколько отрезков (11). Паломники чувствуют необъяснимое, таинственное сходство между «дорогой святого Якова» и смутным, белесым, извивающимся, словно шарф в небесах, Млечным Путем; им кажется, что эта небесная дорога отражает их собственный маршрут и ведет их к заветной цели. Ведь Млечный Путь состоит из мириад звезд, таких крохотных, что их нельзя увидеть невооруженным глазом, однако свет, излучаемый ими, освещает путь паломников к Компостелле! Подобно тому, как в наши дни индейцы племени

гоахиرو в Венесуэле считают Млечный Путь Путем умерших индейцев, средневековые пилигримы считали его материальным воплощением пути, который по предписанию Бога проделывают все души, идущие, подобно земным паломникам, к спасению; душе паломника, таким образом, предстоит проделать этот путь дважды.

Путникам покровительствует святой Христофор. Он изображен на одной из фресок собора Нотр-Дамдю-Бург в городе Рабастенсе, расположенном возле Тулузы; в XIII веке этот собор был перестроен. Святой Христофор подобен другому страннику, святому Якову, облаченному в широкий красный плащ, с паломническим посохом в руке, с висящей на веревке через плечо корзиночкой для подаяния. Святой Христофор одет в длинную рясу из грубой шерсти, перепоясанную веревкой, в руках у него толстая, прочная палка, именуемая посохом. Все пилигримы путешествуют с такими палками; она для них и защита, и опора, это такой же необходимый предмет, как и плоская оловянная фляга с двумя ушками; перед тем, как отправиться в путь, паломник отправляется к священнику, чтобы тот благословил оба этих предмета. В целом, сборы в дорогу не менее важны, чем сама дорога; каждое паломничество имеет свой специальный знак. Крестоносцев, нашивающих на плащи греческий крест или пальмовую ветвь, называют *palmiers*. Пилигримы, совершившие паломничество в Рим (*romiers*), нашивают на одежду двойной ключ и «Веронику», кусок ткани, напоминающий плат, сохранившийся в соборе Святого Петра в Риме, которым Вероника, согласно преданию, утерла лицо Христу, когда тот поднимался на Голгофу. Паломники-якобинцы пришивают к шляпам или одежде ракушку святого Якова (морской гребешок) из перламутра или свинца, купленную перед северным порталом собора в Компостелле. Тамошние уличные торговцы продают также вино из бурдюков, башмаки, котомки из оленьей кожи, кошель, реликварии, маленькие амулеты из свинца, олова или сплавов, где помещены крохотные кусочки мощей, или столь же крошечные

сосудики из свинца или олова, содержащие елей или святую воду, которые раздают возле святых мест. Амулеты и сосуды отвращают несчастья и болезни. Подобные охранные свидетельства по возвращении являются надежным доказательством исполнения обета. Паломники, имеющие на одежде соответствующие знаки, в принципе освобождаются от уплаты дорожной пошлины, взимаемой сеньорами за проход по своим землям с пешеходов, всадников или торговцев; взамен сеньоры должны обеспечивать безопасность всех путников, проходящих по их землям (12).

Дороги

По пути к заветной цели, равно как и на обратном пути, паломники останавливаются, чтобы поесть, выспаться, пополнить запасы воды и пищи, дать отдых вьючным животным и лошадям. Трактирщики часто их обманывают, заламывая несусветные цены, или же подсовывают им негодный товар. Опираясь на церковные традиции, папа Каликст II на Латеранском соборе 1123 года предпринимает попытки защитить паломников и прочих безоружных странников. Он призывает приравнять бесчестных трактирщиков к бандитам с большой дороги и грозит им отлучением (13). Однако простых призывов недостаточно. Тогда знатоки церковного права разрабатывают законодательство, которое городские власти достаточно быстро принимают и неукоснительно его придерживаются. Впрочем, дела, возбужденные против нечестных трактирщиков, рассматриваются за закрытыми дверями... В некоторых городах, расположенных на путях паломников, таких, как Тараскон, Сен-Жиль-дю-Гар, Монпелье и Тулуза, городские власти увеличивают число гарантий, предоставляемых паломникам, дабы увеличить их приток, так как паломники, подобно современным туристам, являются верным источником дохода для города и его жителей. Так, в 1205 году консулы города Тулузы утверждают «формуляр» — список, где указаны все недозволен-

ные приемы, используемые трактирщиками для того, чтобы завлечь к себе паломников и облапошить их, ведь, несмотря ни на какие жалобы, трактирщики продолжают наживаться на благочестивых пилигримах. В новом документе особо ретивым трактирщикам грозят штрафами и судебным преследованием, особенно если они появятся на улице Понт, то есть на мосту, по которому обычно идут паломники, направляющиеся из юго-западных областей страны в Рим, или же на пути у «якобинцев», движущихся в сторону Пиренеев. Именно на этих перекрестках трактирщики имеют обыкновение подстергать усталых пилигримов и, схватив за полы одежды или за уздечку коня, удерживают их, а потом насильно увлекают к себе в заведение. Отныне трактирщикам запрещается всучивать паломникам некачественную еду и сено, они обязаны продавать им все самое лучшее и свежее, как и всем остальным жителям Тулузы; также строго запрещается обвешивать и обсчитывать паломников. Владельцы гостиниц больше не имеют права задерживать паломников у себя по собственному произволу, что они нередко делали, желая заставить странников платить за еду и ночлег по особой цене. Теперь до самого вечера, пока не прозвонит городской колокол, трактирщики обязаны пускать к себе менял и прочих бродячих торговцев, если те захотят предложить паломникам свои товары; чинить им в этом препятствия запрещается. После колокола трактирщик может запереть двери, однако если кто-то постучится и скажет, что он, например, хочет поговорить с постояльцем-паломником о делах, дверь следует открыть и пришедшего впустить. Если паломник, отправившийся в Рим или идущий поклониться святому Якову, купил лошадь или осла, но в течение первого дня обнаружил у приобретенного животного существенный дефект, он вправе его вернуть и забрать обратно деньги. Запрещается продавать паломникам слепых и беззубых лошадей (14). Эти протекционистские меры постепенно распространились на все категории путешественников, останавливающихся в городе Тулузе.

Более верным и менее дорогостоящим — а потому чаще всего переполненным — пристанищем являются для паломников городские странноприимные дома, содержанием которых ведает тот или иной монашеский орден; там, а также в домах частных лиц, желающих совершить доброе дело, паломники могут остановиться, ничем не рискуя. Прием гостей связан со старинными обычаями, по-прежнему не утратившими своего символического значения: хозяева моют пилигримам ноги, затем кормят их, укладывают спать в дортуарах (богатые странноприимные заведения даже предоставляют им белье и одеяла), а утром самые нуждающиеся получают еще и еду на дорогу. Странноприимный дом святого Сернена в Тулузе, настоятельно рекомендуемый «Проводником к святому Якову», имеет пятьдесят шесть кроватей с постельными принадлежностями, тридцать девять «приспособлений» для ухода за телом и прекрасно оснащенную кухню (15). Между городами, расположенными на пути следования паломников, кров и пищу можно найти в некоторых приорах и аббатствах. Дары благодарных паломников покрывают расходы. В те времена почти в каждом завещании можно найти упоминание о пожертвовании определенной суммы на строительство моста или на устройство приюта.

Препятствия и дурные встречи

Дороги буквально забиты бродячим людом. Идут пешком или едут верхом трубадуры, группками, восседая на лошадях или на мулах, движутся торговцы, оберегая свои повозки с товаром, всюду видны крестьяне и крестьянки, несущие на спинах плоды своих трудов; те, кто побогаче, грузят поклажу на ослов. Скачут рыцари, бредут паломники, мужчины и женщины вместе; отдельные пилигримы едут верхом. Отправляясь в путь, паломник непременно идет в деревенскую или городскую церковь, чтобы там, на паперти, прочесть молитву, обращенную к Господу. В

этой молитве отправляющийся в путь взывает к небесному покровителю: дай, Господи, мне вернуться живым и здоровым, а в дороге убереги от жары, помоги найти тень, защити от холода, от встреч с лихими людьми и злыми собаками. Время перед отправлением в путь всегда окрашено грустью. Трубадур Гаусельм Файдит поет о любви к родному краю: «О, милый Лимузен, чудесный край...», и тут же напоминает, сколь опасна бывает дорога в неведомые земли. Те, у кого нет ни лошади, ни мула, проходят в день километров тридцать — сорок; у них опухают и болят ноги, они страдают от желудочных колик, от жажды и голода, холода и жары. Потоки грязи и каменистые осыпи, грозы и туманы; река, вырвавшаяся из берегов, и бурный широкий поток — все это замедляет продвижение паломника. Не говоря уж про стаи волков и людскую злобу. Странник — легкая добыча лихого человека; зачастую оставшийся буквально в чем мать родила, бедный пилигрим несказанно счастлив — ведь ему сохранили жизнь!

Нередко паломники сталкиваются и с низким коварством женщин «дурных наклонностей». Об одной такой встрече рассказывает Гильем IX. Правда, он не жалуется на красоток, ибо воспринимает встречу с ними, скорее, как приключение, на которое он соглашается из чистого любопытства. Две женщины принимают Гильема за паломника, и он, не желая разубеждать их, притворяется немым. Обе женщины, видя, что чужестранец не прочь познакомиться с ними поближе, приглашают его к себе в комнату погреться возле жаркого огня и предлагают ему суп из каплунов и белый хлеб; нет недостатка у них ни в вине, ни в перце... наконец, решив выяснить, вправду ли он немой, они подвергают его испытанию рыжим котом:

Сестра моя, давай проверим, не обманывает ли нас
этот человек / И не притворяется ли немым, чтобы
провести нас. / Давай принесем нашего рыжего кота,
/ Да поскорее, / Уж он-то заставит его говорить, / И
мы узнаем, обманщик он или нет (16).

Обнажив несчастному «паломнику» спину, они сажают на нее кота с длинными усами и начинают дергать его за хвост. Кот наносит несчастному более ста царапин, однако тот не издает ни звука. Убедившись, что чужестранец нем, женщины «принимают ванну и приступают к удовольствиям».

Предостережения путникам, желающим избежать подобных или еще менее приятных встреч, можно найти в неоднократно упоминавшемся «Проводнике», где собрано воедино множество практических советов и рекомендаций, обычно передающихся изустным путем и полезных как для боязливых, так и для бесстрашных. «Проводник» знакомит паломников с приютами, которые они встретят на пути, с опасными местами, дает советы, как преодолевать водные преграды. К опасностям, подстерегающим паломников, относится, например, бездумный выбор воды для питья. Так, при переходе через Пиренеи, после перевала Сомпорт:

[...]; в местечке, именуемом Лорка, что на востоке, течет речка, называемая соленым ручьем; остерегайся пить из этой реки или поить в ней своего коня, ибо воды ее несут смерть. На ее берегах, возле тропы, по которой идут поклониться святому Якову, мы обнаружили двух наваррцев, они сидели и точили ножи. Этими ножами они свежуют лошадей, которые, попив воды из речки, тут же и умирают. Когда же мы спросили наваррцев, какая здесь вода, они солгали нам, ответив, что вода эта хороша и пригодна для питья; мы дали ее выпить нашим коням, и двое из них умерли сразу, а эти люди тотчас содрали с них шкуру (17).

«Проводник» советует не доверять лодочникам, которые за плату перевозят пешеходов и всадников через реки, ибо эти лодочники делают все, чтобы утопить своих клиентов, а потом не гнушаются обирать трупы утопленников. Перевозчики в Сен-Жан-де-Сорде специально перегружают свои лодки и тем самым подвергают опасности жизни пассажиров:

[...] а когда садишься в лодку, будь осторожен, чтобы не свалиться в воду. Коня надобно непременно держать за повод, дабы он шел за тобой по воде рядом с лодкой; садиться же надо только в том случае, ежели кроме тебя в лодке пассажиров мало, иначе, будучи перегруженной, лодка может перевернуться (18).

Что делать, когда власть имущие своей властью злоупотребляют? Церковь и князья решили взять под защиту паломников и избавить их от обязанности платить за право прохода через земли сеньора; на сеньора же, через чьи земли проходят дороги паломников, они возложили обязанность обеспечивать безопасность пилигримов; эта безопасность должна также распространяться и на других странников «без оружия», то есть тех, кто путешествует с мирными целями; этот старинный институт, восходящий к тысячному году, именуется Божьим Миром. Конечно, при этом желательно, чтобы сам сеньор не был разбойником, главарем шайки или отряда наемников! Неизвестный автор «Проводника к святому Якову» с искренним возмущением рассказывает о злых людях, подстерегающих путешественников, переходящих через Пиренеи возле деревушки Сен-Жан-Пье-де-Пор:

[...] люди эти воистину достойны ада. Ибо выходят они на дорогу и преграждают путь паломникам; вооруженные тяжелыми суковатыми палками, они силой и угрозами собирают несправедливую дань, а если кто-нибудь из паломников осмелится отказать им и денег не даст, они бьют его палками, осыпают ругательствами, обыскивают вплоть до штанов и коли найдут деньги, то заберут все. Люди они лихие, и край, где они живут, тоже к путникам изрядно злобен, ибо много в нем лесов и диких мест; тамошние жители лица имеют свирепые, речь у них варварская и всем этим они повергают в ужас сердца тех, кто их узреет. И хотя они имеют право взыскивать дорожную пошлину только с торговцев, они поступают несправедливо и берут ее со всех проходящих, как с паломников, так и с простых путников. И когда, согласно обычаю, налог на тот или иной товар составляет четыре или шесть солей, они берут по восемь или двенадцать, то есть удваивают его... (19)

Надо полагать, что привилегированный статус реально защищает паломника, раз другие путешественники, удобства ради, часто наряжаются в костюмы паломников и прикрепляют к ним соответствующие значки. Во всяком случае, в XIII веке такой маскарад случается часто. Инквизиторы сообщают о еретиках, переодевающихся, чтобы избежать преследований: благодаря этой уловке они находят приют у добрых христиан. Ересь распространяется теми же путями, которыми бредут благочестивые странники. Настоящая сеть «еретических дорог» связывает север Италии и Испанию. В Тулузе, в простонародном квартале на берегу Гаронны проживала некая Фабриция; соседка донесла на нее, обвинила в укрывательстве еретиков. После допроса с пристрастием Фабриция призналась, что действительно на один день и одну ночь дала пристанище трем ломбардцам — одному мужчине и двум женщинам, которые затем отправились в паломничество к святому Якову Компостельскому. Спустя шесть месяцев та же троица вновь появляется в Тулузе; на маленьком ослике навьючены запасы пищи и иголок, за счет продажи которых они, видимо, зарабатывают на дорогу. Путники снова просят Фабрицию оказать им гостеприимство, но на этот раз их у нее и хватают... (20)

ОБЫДЕННОСТЬ И РОСКОШЬ

От замка к замку

Городские жилища

Пуатье, Лимож, Клермон, Бордо, Тулуза, Альби, Фуа, Каркассонн, Нарбонн, Монпелье, Ним, Арль, Марсель, еще целый ряд городов более мелких, а также замки, равнинные и горные, являются очагами культурной жизни, привилегированного общения (1). В зависимости от времени года крупные и мелкие сеньоры живут то в городе, то в деревне; переезды сеньор совершает обычно вместе со всеми своими домочадцами, которые помогают ему поесть продукты, что поставляют ему крестьяне, и надзирать за работой на его полях.

Средневековых городских домов на юге Франции сохранилось мало. В начале XIII века Симон де Монфор приказал разрушить замок (*castel*), построенный в Безье незадолго до 1150 года по повелению тамошних виконтов Тренкавелей, ибо в древнем замке, притулившемся между римскими укреплениями и собором, правителям уже не хватало места. Новый замок должен был быть значительно просторнее и комфортабельнее. В то же самое время в Каркассонне, в Верхнем Городе, Тренкавели сооружают замок, от которого до сих пор сохранились отдельные фрагменты, распознаваемые в городском архитектурном ансамбле.

XII век — век городов, эпоха строительства и архитектурного эксперимента (2). По утверждениям археологов, десятилетия, окружающие рубеж 1200 года, являются временем технических новаций, которые в буквальном смысле привели к настоящей революции в жилищном строительстве — сначала в городе, а потом в деревне. Жилище благородного человека становится более комфортабельным и просторным, члены его семьи перестают ютиться в общих залах. Нововведения наблюдаются также и в искусстве обогревать и освещать жилища, отчего уровень комфорта в них значительно повышается. Эволюция захватывает сначала только аристократические дома. Однако не следует рисовать себе излишне мрачную картину жилища до начала этой технической революции: резиденции сеньоров, будь то в городе или в деревне, уже в начале XII века давали возможность уединяться или вести приватные беседы; у сеньоров же не слишком состоятельных жизнь, как правило, была у всех на виду.

В Тулузе пережило века прекрасное здание — башня Мауранд, являющаяся одним из редчайших памятников южнофранцузской городской архитектуры XII века. Башня принадлежала финансисту Пьеру Мауранду, который в 1178 году был подвергнут наказанию как еретик. Имущество нотабля было конфисковано, а башня его разрушена. От здания сохранился один этаж, который до сих пор можно видеть на улице Тор. Два других частично сохранившихся памятника гражданской архитектуры находятся неподалеку от Тулузы, в Сент-Антонен-Нобле-Валь и в Бюрла. Все три дают возможность составить представление о тогдашнем жилище патриция (по образу жизни, культуре, знакомству с изящными искусствами богатые коммерсанты мало чем отличались от городского дворянства) или благородного тулузца. Это единый ансамбль, состоящий из величественной четырехугольной башни с несколькими этажами, к которой прилегают одно или несколько строений, образующих ограждение внутреннего двора. Сооруженные в толще стен лестницы поз-

воляют добраться до любого этажа башни. Освещение также продуманно: на фасаде и в одной из пристроек башни Мауранда можно видеть остатки сдвоенных оконных проемов (небольшие окошки, расположенные группками — два и два), через которые свет проникал в залы второго этажа, а также проемы обычных, одинарных окон. Декор оконных проемов, а также лепной орнамент, подчеркивавший разбивку на этажи, смягчали суровый облик массивных строений.

Декоративные элементы заимствовали мотивы церковной архитектуры и скульптуры. В Сент-Антонен-Нобле-Валь фигуры Адама и Евы соседствуют с изображением императора Юстиниана, создателя христианского гражданского кодекса; это наводит на мысль, что владельцем дома был либо сеньор, имевший право творить суд (сам граф Тулузский), либо влиятельный и богатый законник. Фасад этого дома украшают вделанные в стену керамические плитки; такими терракотовыми, покрытыми глазурью плитками обычно выкладывали разделительную линию между этажами или обрамляли окна. Этот способ украшения зданий в странах средиземноморского бассейна назывался «бачино» (4).

В Тулузе и Альби великолепные соборы и красивые жилые дома возводятся из кирпича; за пределами города престижным строительным материалом является тесаный камень. Деревянный каркас, глина и саманный камень — основа и материал для жилищ поскромнее, домов горожан средней руки, ремесленников или же селян, перебравшихся в город; материалы эти недолговечны, сегодня от этих построек не осталось и следа.

Город, каким его изображают художники на миниатюрах или фресках, очень похож на город, образ которого создан в литературе — эпической и нарративной. В пору подъема городов, в юное время соборов образцовыми городами становятся города юга Франции — Ним, Оранж, Нарбонн. Художники и поэты завороженно взирают на роскошные постройки, пышные убранства жилищ, богатые одежды жителей, ста-

новятся свидетелями грандиозных строек. Они видят город глазами паломника, который наконец приблизился к заветной цели и перед ним внезапно предстала волшебная картина города, магический круг городских крепостных стен, над которым горделиво возносятся к небу залитые светом башни и колокольни. Это зачарованное видение — град Иерусалим, во плоти Града Небесного.

Замки трубадуров

Замок — неотъемлемая часть жизни трубадура. Если трубадур — сын рыцаря или прислужника рыцаря, то замковые стены окружают его с самого детства; в ином случае он попадает в них как только начинает вести жизнь бродячего поэта. Замок — жилище сеньора, где постоянно живут его семья и его слуги; по несколько раз в год в замок к сеньору наезжают гости, и тогда число его обитателей сразу возрастает в несколько раз. Сеньор принимает у себя друзей и родственников, союзников и благородных вассалов, которые приезжают к нему для празднования большого календарного церковного праздника или для участия в важном событии в жизни его и его близких, например, в свадебных торжествах, проходах в крестовый поход или пиршестве по случаю возвращения из похода, или же для участия в похоронах и траурных церемониях. Когда сеньору требуется совет, надо уладить конфликт или принять беспристрастное решение, он всегда призывает к себе в замок родичей и верных ему вассалов.

Не углубляясь в типологическую классификацию архитектуры замков Южной Франции до 1300 года, описание которых занимает многие тома, остановимся на двух основных типах жилища сеньора (5). Значительная часть сеньоров проживает в одиноко стоящих замках, выстроенных на возвышенности или отвесных утесах; такой замок сочетает в себе две функции — оборонительную и жилую. В этих

крепостях, необычайно напоминающих гнезда горных орлов, жилые помещения расположены в башнях или же пристройках, вплотную примыкающих к толстым каменным стенам, которыми обнесен внутренний двор замка. Некоторые замки построены исключительно для военных целей, в них нет собственно жилых комнат, а только несколько просторных помещений, где можно разместить небольшой гарнизон. Другой распространенный тип жилища сеньора — городской дом; это довольно высокая, добротная каменная постройка в квартале, где живут рыцари победнее и их семьи, зажиточные горожане, ремесленники или торговцы. Города, как крупные, так и совсем крохотные, более напоминают крепости; они обнесены прочными стенами; селения, окруженные крепостной стеной, именуются «бастидами» (*bastide*), а каменное жилище сеньора, будь то башня или большой каменный дом с прилегающим к нему двором, обозначается латинским словом *castrum* (6).

Замки Аквитании и Лангедока

С начала XII века замок виконтов Вентадорнских, что расположен в Аквитании, в Лиможском диоцезе, становится своеобразным центром притяжения всех творческих сил провинции; когда же Эблес V, виконт Вентадорнский, берет в супруги прекрасную Марию, дочь виконта Тюреннского, двор становится образцовым куртуазным двором, где царят наука и поэзия; на рубеже XIII века слава о нем выходит далеко за пределы Аквитании. Незадолго до вступления в замок Марии в нем рождается Бернарт, будущий великий трубадур Бернарт Вентадорнский, который также внесет весомую лепту в славу Вентадорна.

Вентадорнский замок стоит на краю гранитного утеса, возвышаясь над двумя долинами, зажатыми между горными отрогами (7). На таком же одиноком утесе расположен и Ластурс, крепость, выстроенная в самом центре горного массива Кабардес, в восем-

надцати километрах к северу от Каркассонна; расположенные на разных уровнях крепостные сооружения отрезаны от окружающего их мира двумя ущельями (8). На скалистой возвышенности протяженностью в четыреста метров в XII веке были возведены три крепостные башни: Кабарат, Сюрдеспин и Кертине; с севера к ним подступают леса, где растут вечнозеленые ели и дубы; во всех остальных направлениях, куда ни бросишь взгляд, простирается пустошь, именуемая «гарригой». Все три замка расположены относительно близко друг к другу, и все они прежде принадлежали членам одной семьи, в XIII веке снискавшей себе славу в сражениях против крестоносцев-французов; храбрость их была воспета в «Песне о Крестовом походе против альбигойцев».

Только тот, кто, отказавшись от проложенной для удобств нынешних туристов автобусной дороги, решил в самый разгар лета подняться к этим неприступным твердыням по козьей тропе, сможет в полной мере оценить выносливость сеньоров XII столетия, у которых не было иного пути, чтобы добраться к себе в замок... не говоря уж о слугах и служанках, которым приходилось носить снизу вверх чистую воду, когда вода в главном замковом резервуаре начинала загнивать, таскать зерно или вязанки хвороста, когда не хватало мулов или ослов; спускать вниз больных или просто навещать родных в деревушке, раскинувшейся на склоне или у подножия неприступного массива. И таких орлиных гнезд на юге Франции были сотни. Крепостные стены замков обычно имели очертания горной платформы или утеса, где возводилось укрепление; размеры непосредственно жилой площади такого замка были более или менее ограничены и напрямую зависели от площади скалистого фундамента. Сто пятьдесят метров в длину и тридцать в ширину, или 4500 квадратных метров площади окружено крепостными стенами замка Вентадорн, пятьдесят пять метров в длину и двадцать в самом широком месте, или около 1100 квадратных метров площади обнесено стенами крепости Кабарат. В этих замкнутых пространствах, в

окружении толстых каменных стен, теснились постройки самого разного назначения: часовня, куда ходил молиться сеньор и его семья, парадный зал, главная спальня и крошечные комнатки, помещавшиеся в стенах башни или основного жилого здания, а также некоторые служебные помещения, например отхожие места, кладовые, куда складывали все необходимое для поддержания жизнедеятельности в доме (хозяйственные постройки походили скорее на сараи-временки, чем на настоящие дома), конюшни, а также один или несколько резервуаров для воды. Переносить эту ужасающую скученность помогали внутренние дворики, являвшиеся, по сути, продолжениями парадного оружейного зала или же кухни, помещения, где всегда толпились люди и размещалась утварь. На нескольких, ничем не застроенных квадратных метрах внутреннего дворика, особенно в погожий день (крыши над двориком нет), можно собраться и погулять или устроить состязания в ловкости и силе, в умении владеть оружием, или же заняться домашними делами, требующими простора. Еще одна отдушина — горные речки. Весной и в начале лета, когда воды в этих речках еще много, девушки и молодые люди, а также наиболее отважные из пожилых обитателей замка спускаются по склону к воде, чтобы освежиться, искупаться, или просто посидеть на траве, наблюдая за плещущейся в воде молодежью или полоскающими белье прачками.

Как и в городских жилищах, зал в замке предназначен для проведения благородных собраний, на которых председательствуют сеньор и его супруга. Когда наступает время трапезы, слуги расставляют в зале столы; в зимнее время столы ставят поближе к огню. Если главный зал располагался в башне, он обычно бывал невелик... даже достигнутые в XIII веке успехи в строительном искусстве, позволившие отказать от перегородок, не слишком повлияли на размеры залов в крепостных башнях. Поэтому, если главный двор замка был достаточно просторным, сеньор приказывал соорудить в нем дополнительную постройку, — отдельное большое четырехуголь-

ное помещение с кирпичными стенами, гораздо более просторное, чем прежний зал со сводчатым потолком; подобная роскошь, доступная пока еще немногим, соответствует новым требованиям, предъявляемым комфортабельным жилищам после 1150 года. А зал в башне, с камином, который легко топить, теперь может служить комнатой для больных или для младенцев и их кормилиц.

Селение Омела, или Детство трубадура

К западу от Монпелье, между Курнонтералем и Жиньяком, проходит узкая дорога местного значения, построенная на месте старинной дороги, огибающей возвышенность, где некогда располагалось селение Омела; сбегая в сторону от дороги, к селению вела узкая каменистая тропинка. К счастью, по ней не надо было карабкаться вертикально в гору, как это приходилось делать, чтобы добраться до замков Вентадорн или Ластурс. Сейчас от селения остались лишь руины — развалины замка и лепившихся к нему домиков; на современной карте место это обозначено топонимом «Кастелла». Если выйти за пределы селения, подойти к краю плато и оглядеться, окрестный пейзаж мало кому покажется привлекательным, не говоря уж о сильных ветрах, дующих в этих краях, где нет ни холмов, ни — на худой конец — холмиков, способных преградить путь стремительно несущимся воздушным массам. Руины Омела, этого уникального памятника средневековой жилищной архитектуры, из года в год разрушаются все больше и больше, рискуя и вовсе превратиться в пыль.

Первым владельцем этого домена, получившим титул сеньора д'Омела, стал Гильем V де Монпелье, родившийся около 1074 года и умерший в 1121 году; перед смертью он завещал домен и титул своему второму сыну, Гильему, который стал зваться д'Омела. Гильем V и Гильем д'Омела являются, соответственно, дедом и отцом знаменитого трубадура Раймбаута Оранского.

Castrum сеньоров д'Омела расположен на высоте трех сотен метров, в самой высокой точке края плато; с обеих сторон к нему примыкают каменные деревянные дома. Большая часть домов, построенных вплотную друг к другу, стали своего рода границей, отделяющей пустоши, протянувшиеся до самого Монпелье, от плодородной равнины Эро. Для семьи знатного сеньора, имеющего в своем подчинении обе области, лучшего расположения просто не придумаешь. Владельцу Омела подвластны вассалы из окрестных замков, он же являлся собственником многочисленных хуторов, разбросанных между Севенскими горами и берегом моря (9). Однако спустя несколько десятилетий селение Омела утратило свое стратегическое значение. В отличие от «бастид» Нижнего Лангедока, где, благодаря плодородным почвам, жители богатели и селения постепенно превращались в города с высокой экономической активностью (продолжающейся и поныне), бесплодные, сухие земли, окружавшие Омела, приводили крестьян в отчаяние. Бродя по окрестностям, можно обнаружить остатки дорожной сети, густо опутывавшей подступы к Омела, в частности на северо-западном направлении. Дороги вели к небольшим полям, которые крестьянам удалось отвоевать у засушливых земель; со всех сторон заметны следы некогда практиковавшегося здесь террасного земледелия; на западных и северо-западных склонах нередко встречаются руины крестьянских домов. К северу от замка была выстроена прекрасная приходская церковь; оказавшись в окружении второго кольца крепостных стен, она стала одним из архитектурных элементов замкового комплекса. Тем не менее селение постепенно пустело и в XVI веке последние жители покинули его. Однако в XII столетии во времена Раймбаута и его малолетних племянниц Тибурж и Сибильды жизнь в Омела процветала, на узких улочках селения и на его главной площади постоянно царил оживление. О кипучей жизни в Омела сохранилось немало письменных свидетельств.

Во времена молодого Раймбаута в Омела было три квартала, и хотя расстояние между домами разных кварталов не превышало нескольких метров, тем не менее деление это строго соблюдалось. Утес, на котором высится замок, предварительно был выровнен строителями, и основание замка расположено всего на несколько метров выше уровня окружающего его каменистого плато. Превратить утес в платформу, пригодную для возведения постройки, было не просто, поэтому площадь, занимаемая цитаделью сеньора д'Омела, еще меньше, чем площадь таких замков, как Вентадорн или Ластурс; внутренний двор крепости имеет тридцать метров в длину и двадцать в ширину, то есть общая площадь не превышает 600 квадратных метров. Это и есть собственно замок; на дворе, обнесенном каменной стеной, выстроены два каменных здания (от одного сохранились только подвалы) и несколько легких конструкций, в том числе и небольшая часовня, которую строители, пытаясь отыскать место для закладки фундамента, в результате соорудили вплотную к скале; в настоящее время от часовни сохранилась лишь часть фасада; рядом с часовней располагался резервуар, куда набиралась стекавшая с крыш вода. К часовне и резервуару можно пройти через узкие ворота, проделанные в западной стене; ворота закрывались при помощи толстого бруса, входившего в специальные гнезда, проделанные в толще стен. В часовне на алтаре некогда лежало Евангелие, на котором владельцы окрестных замков приносили вассальную клятву верности отцу Раймбаута.

Дома людей благородных располагались на пологих западных и юго-западных склонах, часть из них примыкала к крепостной стене замка вплотную, некоторые были построены с внешней стороны укреплений, в нескольких шагах от входа в замок. Дома сооружали в соответствии с рельефом местности, фундаменты закладывали всегда прямоугольные. Среди разрушенных строений, вдоль вымощенных камнем, а ныне просевших улиц и переулков стоят три жилых дома, выдержавшие натиск разрушительного действия времени. Однако тот,

кто ожидает найти в них уменьшенные копии дома сеньора, полагая, что даже устройство домов обязательно воспроизводить иерархическую организацию общества, наверняка будет разочарован (10). Примерно в четырех метрах от входа в замок высится квадратная четырехэтажная башня, каждый этаж которой украшает множество оконных проемов; на первом этаже потолок сводчатый, на остальных этажах — прямой, ибо он одновременно является настилом, поверх которого положены тонкие доски пола. Рядом с этой башней, без сомнения предназначенной для жилья, стоят два прямоугольных здания из тесаного камня, со стенами почти метровой толщины, упирающимися в скальное основание; оба дома значительно более просторны, чем башня. В этих домах есть подвалы, куда можно проникнуть через прямоугольные люки или по прямой лестнице, расположенной в центре дома; оба дома двухэтажные, потолки первого этажа сводчатые. В самом просторном помещении сохранилось окно, похожее на бойницу: оконный проем, выбитый в толще стены и расширяющийся внутрь, обеспечивает вполне достаточное поступление света. Комната эта площадью в 140 квадратных метров (двадцать метров в длину и семь в ширину) вполне просторна, и не исключено, что в свое время в ней даже были деревянные перегородки, делившие ее на несколько отсеков. В этом квартале, расположенном почти вплотную к крестьянским жилищам, был расположен резервуар, остатки которого все еще можно видеть на ближайшей площади. Возможно, именно в здешней башне находилось одно из жилищ семьи Раймбаута, куда та иногда перебиралась, устав от многолюдного житья в старом бастионе: в многоэтажном строении, несомненно, жизнь была организована с большим комфортом. Покинув стены дома, сеньор и его семейство участвовали в религиозных церемониях, в урочное время сеньор принимал от своих вассалов присягу на верность, а также вел наблюдение за своими владениями. В одном из двух сохранившихся зданий или где-то не-

подалеку должен был находиться «женский дом», о чем свидетельствуют тексты, составленные до 1200 года. Этот дом был предоставлен в распоряжение супруге сеньора, его дочерям и племянницам (откуда и его название).

После смерти отца, в 1155 году, Раймбаут наследует огромное сеньориальное владение. Ему нет еще двенадцати лет. Поэтому согласно отцовскому завещанию защищать его и оказывать ему покровительство должен Гильем VII де Монпелье; также Гильем обязан сделать из мальчика настоящего рыцаря. Но обучившись в Монпелье владеть оружием как подобает рыцарю, Раймбаут решает больше не возвращаться в Омела; поселившись в доставшемся ему в наследство от скончавшейся в 1150 году матери городе Куртезоне, что неподалеку от Оранжа, он посвящает себя поэзии.

Омела, или Детство двух наследниц

Завещание Раймбаута содержит статью о будущих владельцах Омела, предусмотренную еще его отцом на случай, если сын умрет без наследника. И вот статья пригодилась. После смерти Раймбаута селение Омела отошло к двум его племянникам, сыновьям младшей из двух его сестер. Адемар, отец мальчиков, уже состарился, когда оба его сына внезапно умерли. Однако в 1191 году он предпринял необходимые шаги для обеспечения будущего своих двух внучек, Тибурж и Сибильды: теперь им предстояло стать владелицами Омела. Когда Адемар составлял свое завещание, где передавал внукам Омела, первой девочке исполнилось пять лет, второй — шесть. Чтобы все бумаги были выправлены честь по чести, Адемар заручился поддержкой и советом владетельных сеньоров из Безье и Минервы, родственников девочек, согласившихся стать их опекунами. Несколько документов, составленных в конце августа 1199 года, являют собой любопытные свидетельства о жизни в интересующем

нас селении Омела. Один из этих документов рассказывает об опросе, проведенном прево Магелонского капитула по приказу епископа и по просьбе Гильема VIII де Монпелье. Опрос был необходим для установления возраста обеих девочек; опекунам потребовалось узнать, исполнилось ли им уже двенадцать лет, иначе говоря, вошли ли они уже в тот возраст, когда, согласно обычаю, девочек можно выдавать замуж.

Проводившему опрос Ги де Вентадорну надлежало собрать на берегу Эро, подле Агда, но непременно вне стен города, семнадцать свидетелей из числа тех, кто жил в селении в то время, когда родились девочки. Отобранные свидетели должны были помнить те дни, когда у матери девочек были роды.

Попробуем представить себе летний день 1199 года. Прошагав по ужасающей жаре через пустоши, отделяющие Магелон от Омела (примерно тридцать километров), прево и его помощники прибывают в селение и тотчас приказывают отыскать восемь женщин и девять мужчин, помнящих рождение наследниц и способных отправиться с ними в Агд для дачи свидетельских показаний. Когда на следующий день все требуемые свидетели найдены, вышеозначенный прево с помощниками собирает всех вместе и маленький отряд пускается в обратный путь. Кто-то идет пешком, кто-то едет на лошади. Скорее всего, они выбирают дорогу, бегущую вдоль реки. Велика вероятность, что в сорока километрах отсюда они встретят группу ярко разодетых молодых людей, веселых и шумных; возглавляют эту пеструю кавалькаду, состоящую как из мирян, так и из клириков, епископы Безьерский и Агдский.

Ко времени описываемых событий юным наследницам Омела исполнилось двенадцать и тринадцать лет, и сейчас это требуется доказать. Мать девочек, принадлежавшая к роду де Фуа, родила Тибурж в 1186 году, а Сибильду — в 1187 году; обе девочки появились на свет в селении Омела, сеньором которого в то время был их отец, Раймон Атон. Мария Порчелла, кормилица младшей из девочек, шевалье Пато де

Курнонтерраль, крестный отец старшей, и Мария де Сала, служанка в доме, где родилась Сибильда, являются прямыми свидетелями и могут рассказать непосредственно обо всех интересующих комиссию событиях. Воспоминания других свидетелей, простых деревенских жителей, напоминают полотно грубой вязки, где каждая зацепка является своего рода крючком, на котором болтаются обрывки воспоминаний о событиях, выпадающих из круга повседневной рутины: рождение детей, отъезд в крестовый поход, смерть близкого человека, покупка или продажа земли, свадьба... К этому времени во всех слоях южнофранцузского общества все большее число людей прибегает к услугам нотариусов, дабы письменно фиксировать заключенные договоры и соглашения, поэтому у многих свидетелей, в том числе и у самых скромных, имеются нотариально заверенные грамоты с указанием даты их составления, что, бесспорно, внушает большее доверие к тем фактам, на которые они ссылаются. Несколько женщин помнят, как в былые годы они помогали роженицам в деревне; они помнят всех новорожденных, которых довелось им принять, и помнят, как сложилась судьба этих младенцев, будь то отпрыск сеньора или беднейшего из крестьян (11).

Замок: зал и комната

Наряду с достаточно редкими археологическими находками наши знания об интерьерах городских и сельских домов имеют своим источником книжные миниатюры и скульптурные изображения (12). На заре Средневековья в домах почти нет мебели; кровать является роскошью, которую могут позволить себе только богатые; основную обстановку составляют всевозможные сиденья и многочисленные сундуки и лари. Именно такую мебель в случае нужды можно быстро и легко погрузить на телегу и перевезти в другую резиденцию или — если на дом готовится нападение — в безопасное место. При необходи-

мости сундуки и лари могут служить сиденьями и даже лежанками. Спят хозяин с хозяйкой обычно в том же самом зале для приемов; спальный отсек стараются отгородить от остального зала деревянной перегородкой или хотя бы простой занавеской; роль занавески часто исполняет ковер. Если в замке помимо зала имеется хотя бы одна свободная комнатка, пусть даже клетушка где-нибудь под крышей, ее стараются отвести под спальню. Спальня — особая комната, туда допускаются только самые близкие родственники; порог спальни является своеобразной демаркационной линией между жизнью общественной и частной; переступить этот порог мечтают многие куртуазные рыцари, ибо именно в этой комнате полновластно царит прекрасная и недоступная дама, жена сеньора. В спальне хранят сокровища — сундуки, куда складывают ювелирные изделия, драгоценности и золото. Иногда там стоит шкаф с семейными архивами или даже рукописными книгами с красивыми миниатюрами. Но главный предмет обстановки спальни — драгоценная кровать, предназначенная для владетельной четы. Кровать делается из деревянных досок и точеных деревянных балясин. На кровать кладется матрас, набитый шерстью или пером, сверху — дорогие или простые ткани, льняные простыни, шерстяные или шелковые одеяла, множество вышитых подушек и подушечек; все это богатство, как и прочая дорогая обстановка, выставляется напоказ, как это принято в домах состоятельных хозяев. Родственники хозяина и его знатные гости спят на длинных ларях, которые днем выполняют роль сидений и шкафов; ночью поверх ларей кладут большие мешки, набитые шерстью или пустыми гороховыми стручками и соломой, а утром эти постельные принадлежности убираются. Рыцари, состоящие на службе у хозяина дома, гости не слишком высокого ранга, с которыми можно не церемониться, трубадуры средней руки, а также жонглеры и музыканты, которые их сопровождают, считаются слугами, и поэтому им приходится довольствоваться тюфяками, которые к вечеру достают из чулана и раскладывают

прямо на полу в парадной зале, в коридорах или в караульном помещении.

Стены и пол главной комнаты и зала утепляют, развешивая и раскладывая на них ковры и гобелены. Столбики кровати в качестве украшения иногда венчают небольшие капители. Наряду с супружеской кроватью среди прочей мебели выделяется парадное кресло, называемое креслом хозяина. Выполненное из точеного дерева, оно обычно имеет квадратную форму, высокие ножки, низкую спинку и подлокотники. Скамьи, скамьи-лари со спинками, на которых раскладывают подушечки, чтобы удобнее было сидеть, трех- и четырехногие скамеечки для ног, деревянные или металлические складные стулья, а также простые чурбаки — все эти предметы мебели используются для сидения. Огромной популярностью пользуются сундуки, они нужны всем и для всего: в них хранят одежду и белье, еду и зерно. Многообразие сундуков поражает: резные деревянные и украшенные скульптурными изображениями, простые металлические и художественного литья, напоминающие драгоценные изделия золотых и серебряных дел мастеров, из простых струганых досок, а то и вовсе из неструганого дерева. Миниатюры, скульптуры капителей и нотариальные описи свидетельствуют о разнообразных по форме и исполнению сундуках, но при раскопках археологи находят только железные окантовки и кованые металлические накладки. Еще один предмет, необходимый в каменных залах замка, — переносная железная жаровня, наполненная раскаленными угольями; с помощью таких жаровен обогревали комнаты, где не было каминов, и наиболее удаленные от очага уголки больших залов. Учеными был обнаружен великолепно сохранившийся образец такой жаровни, обогревавшей некогда дворец архиепископа Нарбоннского; длина ее 90,5 сантиметра и ширина 77 сантиметров. Темными зимними вечерами залы освещались свечами, вставленными в подсвечники, а также масляными и жировыми лампами, изготовленными из металла или терракоты; лампы висели на специальных крюках на стенах или стояли в стенных нишах.

Обеденное меню: будни и праздники

И в XIX столетии, и в Средние века в деревнях бесконечные застолья праздничных дней являлись своего рода вознаграждением за крайнюю скудость повседневного стола (13).

Ни в тушках кур, ни куропаток, / Ни в дрофьих или журавлиных, / В гусях ли, утках иль павлинах, / В косулях, кроликах и ланях, / В медвежьих тушах и кабаньих — / Ни в чем нужды не усмотреть. / И прочая не хуже снедь. / В гостиницах всего в достатке, / Чтоб в зелени никто нехватки / Не знал, ни в воске, ни в овсе. / Здесь под рукою вещи все, / В которых надобность случится. Лаванды, перца, смол, корицы, / Гвоздики, имбиря, муската / Запасы стали столь богаты, / Что в стенах городских, сиречь / На каждом перекрестке сжечь / Их можно было полный чан (14).

Дичь, пряности, сжигаемые на перекрестках, и прочие проявления щедрости, переходящей в расточительство, — неперменные атрибуты бракосочетания владетельных сеньоров. Сеньор Арчимбаут женится на прекрасной Фламенке и, прославляя ее красоту, он кормит целый город, обеими руками раздает одежду и кубки из драгоценных металлов. Читатель «Фламенки» попадает в страну вечного изобилия из волшебной сказки.

Однако расточительство связано в основном с праздничными днями. Многие трубадуры, как, впрочем, и небогатые рыцари, в повседневной жизни ведут себя крайне скромно: их быт напоминает крестьянский, еда также мало чем отличается от еды крестьянина-виллана.

[...]А еще противен мне / Трус, который несет знамя, / Дурной ястреб при охоте на речную дичь / И постный обед, что варится в большом котле, / И тоскливо становится мне, клянусь святым Мартином, / Когда вино сильно разбавляют водой; / А также когда поутру я встречаю хромого калеку. / Мне досадна встреча эта и встреча со слепым досадна тоже, / Ибо вовсе не хочется мне идти вместе с ними одной дорогой. / Не по

душе мне и трезвость, / И мясо, когда оно жестко и сварено плохо; / Еще не нравится мне священник, что лжет и нарушает клятву, / А также старая шлюха, что слишком высоко себя ценит, / [...] / И, клянусь вечным спасением, не по душе мне / Есть холодное, когда от стужи зуб на зуб не попадает, / И спать возле старой чадающей лампы, / Что воняет на всю таверну (15).

Пожив, сколько возможно, при дворе знатного сеньора и ожидая, когда настанет пора отправиться дальше на поиски нового богатого покровителя, трубадур живет у себя или пристраивается при каком-нибудь захудалом дворе. В такое время он вынужден питаться по-будничному, есть суп, хлеб и сыр; таково повседневное меню, разнообразие в которое иногда вносит мясо. Хлеб для богатых — белый, его делают из пшеницы; для тех, кто победнее, пекут хлеб из пшеницы с примесью ржи или ячменя; хлеб для бедняков выпекается в общественной печи или в печи сеньора; большая печь для выпечки хлеба имела в замке Вентадорн, и говорят, что служанка, которая эту печь растапливала, была матерью трубадура Бернарта (16). Каждый будний день едят похлебку, которую варят из овощей и злаков; иногда для гущины и сытности в нее добавляют мясо и размоченный хлеб.

В «постные» дни — среду, пятницу и субботу — готовят рыбу; рыбу подают в изобилии и во время поста; угрей, миног, осетров и уклек ловят в реках и прудах, морскую рыбу — желтобрюхую камбалу, зубатку, барабульку, макрель, морской язык — ловят в морских водах возле побережья Лангедока или в океанских у берегов Аквитании. Часть рыбы съедается свежей, часть сушат и солят, а потом укладывают в бочки и везут в монастыри и на рынки в глубь страны. Жаркое в собственном соку или мясо, жаренное на углях, приправленное кисло-сладким соусом из сухофруктов, подается к столу в праздничные дни.

На пастбищах Южной Франции разводят преимущественно овец (пасхальных агнцев хватает на всех), коз и домашнюю птицу (больше всего ценятся каплуны), а также свиней и гусей, мясо которых идет на засолку. Нет недостатка и в дичи; описывая рос-

кошь праздничного стола, трубадуры непременно упоминают о блюдах из дичи.

Козьи и овечьи сыры, как свежие, так и сухие, привозят из Прованса, из края Альпий и Верхнего Прованса, а также из Сардинии и Южной Италии. Немало сыров привозят в Лангедок и Южную Аквитанию из Канталя и из-за Пиренеев.

В садах в изобилии произрастают яблоки, сливы, груши, терн, вишни, различные ягоды, виноград, фи- ги, грецкие орехи и миндаль, из которого делают миндальное молоко, используемое для приготовления соусов и кремов, паштетов и начинок для пирогов; в огородах растут идущие в пищу овощи. Все это плодородное великолепие идет на стол сеньоров.

Что пьют трубадуры и их покровители? Родниковую воду, воду из рек и колодцев; насколько это опасно, говорить вряд ли стоит. Нужды литургии требуют много вина, поэтому повсюду разбиты виноградники, даже там, где земля для них отнюдь не самая подходящая. Из лучших сортов получают белое вино, ценящееся наиболее высоко; кларет и красное вино с малым содержанием алкоголя относятся к напиткам повседневного потребления, их пьют в течение всего года.

Заморские продукты и пряности

Пряности и некоторые другие экзотические продукты привозят из далеких краев. Заморскую еду можно увидеть только на столе у богачей. Среди дорогих — спаржа, которую привозят с Востока, финики, фисташки, абрикосы и лук-шалот, название которого произошло от города Аскалон, что в Святой земле. Современные представления о средиземноморской кухне неразрывно связаны с помидорами и стручковым перцем, однако ни первая, ни вторая культуры жителям Средиземноморья в описываемый нами период пока неизвестны.

Местные сухофрукты идут на изготовление сладостей; в почете миндальное печенье, нуга и миндальная халва; аромат сладостям придают с помощью розовой

воды или имбиря. Вместо сахара используются мед, сухие фрукты и некоторые отпрессованные соки и экстракты, натуральные или проваренные. В XII веке сахар был уже известен, однако в то время его использовали исключительно для фармацевтических целей; сахар везли с Кипра и Сицилии, а также из Андалусии.

К обычным приправам относятся душистые травы, горчица, лук и чеснок; эти, равно как и еще десятка полтора пряностей, употребляют постоянно, однако в небольших количествах. Многие пряности, бывшие в ходу на средневековой кухне, в наши дни исчезли из обихода, остались шафран, имбирь, перец горошком, гвоздика, мускатный орех, корица, кориандр и тмин. Пряности толкли в ступках, а затем бросали полученный порошок в супы или соусы, которые готовили на основе вина, уксуса или фруктовых соков; готовый соус протирали через сито, а затем поливали им мясо; делали это в конце варки или жарки и вовсе не для того, чтобы, как нередко пишут в книгах, отбить гнилостный запах несвежего мяса, а наоборот, чтобы подчеркнуть его вкус. Именно соусы позволяют кулинару проявить всю свою изобретательность; приготовление соуса сродни работе портного-модельера: портной славится своей одеждой, а повар — соусом; готовя соус, повар уподобляется алхимику: он обязан быть предельно точным в сочетании ингредиентов и в их дозировке.

Поварское искусство

Ступка, где растирают чеснок, пережила века; в наши дни она прославилась искусством провансальских кулинаров. В Средние века ступка изготавливалась из дерева, мрамора или камня. В ней измельчали пряности и готовили соусы, в частности белый чесночный соус на основе миндального теста и чеснока. В ступке превращали в порошок злаки и сушеные овощи для приготовления каш и похлебок; словом «*piston*», обозначавшим деревянный или каменный пестик, в конце концов стали называть овощное рагу

(*pistou*), повседневное блюдо южнофранцузской кухни. Все, что не жарится на углях, на сковородке или не варится на огне, тушится в специальной посуде — глубокой сковородке, котелке или кастрюле с плотно пригнанной крышкой; перед тем, как положить в эту посуду продукт, ее тщательно смазывают жиром (свиным салом, оливковым или ореховым маслом) или наливают на доньшко немного воды.

В книгах начала XIII века по практической медицине можно найти отдельные кулинарные рецепты на народном языке; специальные сборники кулинарных рецептов появляются только в самом конце XIII века. Но если невозможно в точности воспроизвести меню скромного — когда подавали мясо, или постного — когда подавали рыбу — банкета, который вполне мог состояться в одном из замков до 1300 года, то составить о нем представление можно на основании сохранившихся до наших дней меню парадных обедов XIV столетия. Действительно, хотя средневековое кулинарное искусство достигло своих высот после 1300 года, основы его были заложены значительно раньше. В недавно изданном исследовании «Кулинарное искусство в Средние века, сто пятьдесят рецептов из Франции и Италии», в значительной степени побудившем нас написать этот раздел, воспроизводятся различные меню и порядок подачи блюд во время торжественных трапез XIV века. Опираясь на первые романские учебники по кулинарии, авторы исследования сообщают, что на пиру за каждое подаваемое на стол блюдо отвечали специально приставленные к нему слуги, обязанные доставить его в пиршественный зал и поставить на стол. При этом слуги должны были знать, какими блюдами следует обнести всех гостей, а какие сразу водрузить на стол, дабы попробовать их могли только те, для кого они предназначены.

Пиршество в замке сеньора

В качестве легкой закуски гостям сначала подают свежие сезонные фрукты или салаты, в состав кото-

рых непременно входит что-нибудь кисленькое — дабы подготовить желудок к принятию более тяжелой пищи, переваривающейся достаточно медленно. Затем следуют протертые супы, за которыми без перерыва несут жаркое, основное блюдо любого пиршества. К мясу подают различные соусы — изысканные смеси на основе пряностей, обладающие экзотическими ароматами; именно соусы создают репутацию стола. Следует также отметить, что, в отличие от современной трапезы, на средневековом столе без всякого смущения соседствуют сладкое и соленое, острое и кисло-сладкое, винный уксус и кислый сок (сок, извлеченный из недозрелого винограда, листьев щавеля или же лимонный сок).

В отличие от нашего времени, когда перед десертом подают что-то легкое и сладкое, в средневековом замке перед десертом устраивается настоящий перерыв, во время которого жонглеры развлекают гостей. Эти представления называются «интермедиями» (*entremets*). Следующая смена блюд именуется «десертом», который вполне сравним с десертом современным: на стол подаются сладости «в ассортименте». В завершение трапезы, «на закуску», приносят сыры, засахаренные фрукты, легкие пирожные. Считается, что такая закуска «закроет дверь» желудка. Разумеется, во время трапезы не забывают и о горячительных напитках: пьют неразбавленное вино, гипокрас (смесь вина с медом и пряностями), горячее вино с чабрецом и мальвазией, сладкие вина, привезенные с Крита или из Греции.

Выйдя окончательно из-за стола, гости начинают жевать «забавки»: драже и засахаренный имбирь, которые помогают пищеварению и освежают дыхание.

Распорядитель пиршества

За расторопностью слуг и порядком во время трапезы надзирают специальные служители, чаще всего из числа небогатых дворян; должность свою они передают по наследству. В нашем распоряжении имеет-

ся документ, датированный 1153 годом, где описаны обязанности «сенешаля», как в документе именуется ответственный за мясные блюда и вино в доме епископа Безьерского, державшего в своем городском дворце целый придворный штат (18). Должность сенешаля весьма выгодна — уже хотя бы потому, что исполнять ее надо не каждый день, а только во время торжеств, устраивающихся по случаю календарных праздников, а также всякий раз, когда епископу угодно «собрать свой двор». Тогда сенешаль должен явиться во дворец епископа, да не один, а в сопровождении одного из своих рыцарей или сына кого-либо из рыцарей, а также слугителей. Сенешаль обязан проследить, чтобы на телегах привезли достаточно дров и воды, необходимых для кухни, а также свечей для освещения зала. Под надзором сенешаля или его помощника слуги начинают заготавливать провизию: идут на задний двор и там забивают и свежуют скот, а потом относят мясо в кладовые. В зависимости от значимости приглашенных гостей, важности предстоящего празднества или из соображений престижа основным блюдом может стать жаркое из свинины, телятины, ягненка или же дичь — оленина или медвежатина; дичь обычно доставляют из соседнего леса специально отряженные по такому случаю охотники. Виночерпием во время пиршества обычно выступает один из людей сенешаля. Если же сенешаль отсутствует, так как он «отправился паломником в Рим или к святому Якову, или за море», место его, как гласит текст, должен занять человек также дворянского звания; впрочем, обычно сенешаль сам назначает своего заместителя. Создание должности сенешаля решило многие проблемы, связанные с интендантскими службами; для сеньора же, чей двор день ото дня становился все многочисленнее, сенешаль превращался в главную фигуру среди прочих подчиненных ему людей. Для успешного исполнения своих обязанностей сенешалю подчас приходилось выступать то в качестве изворотливого придворного, то в качестве педантичного администратора и управляющего.

Пиршественный стол не принадлежал к предме-

там мебели. Он состоял из квадратного щита, положенного на козлы, и разбирался по завершении трапезы. Размеры и форма сооружаемого стола определялись количеством приглашенных. Стол покрывали двумя скатертями: мягкой, сложенной вдвое, и большой парадной, которую после пиршества бережно снимали и складывали в сундук. Когда гостей было особенно много, столы ставили буквой U и хозяин с хозяйкой вместе с избранными гостями занимали место за центральным столом на небольшом возвышении. Место гостя по отношению к блюдам на столе соответствует его положению в обществе и определяется заранее; наиболее изысканные блюда ставят перед самыми важными гостями; можно сказать, что распределение мест за пиршественным столом также соответствует иерархической структуре общества. Правда, иногда иерархический порядок может быть нарушен по прихоти сеньора, пожелавшего унижить, или, наоборот, оказать незаслуженную честь кому-нибудь из гостей, или же просто позабавиться. Обычно гости сидят с одного края стола, иначе говоря, по одну сторону от блюд; перед каждым гостем стоит миска с широкими краями, стакан и лежит большой нож с закругленным к кончику лезвием. Вилка вошла в обиход примерно в XIV столетии — сначала в Италии, а потом в течение двух-трех веков прижилась и в остальной Европе; примерно в это же время в обиход повсеместно вводится употребление индивидуального стакана и индивидуальной ложки. Вплоть до XIV века повседневную посуду изготавливают преимущественно из дерева, но уже в XIII веке начинается период терракоты: из этого материала повсеместно изготавливают миски, кувшины, тарелки, блюда, стаканы и рюмки.

Поведение за столом

Изображения библейских и евангельских трапез, Тайной вечери и пира Ирода, встречающиеся в романских церквях, помогают нам составить нагляд-

ное представление о том, как вели себя за столом в XII веке (19). Камнерезы, украшавшие капители и тимпаны соборов и внутренних монастырских двориков, воспроизводят сцены повседневной жизни: ладони и руки сотрапезников лежат на прямоугольном столе, рядом лежит хлеб, ножи, стоят стаканчики для напитков и общее блюдо. В XII веке обычай есть сидя за столом входит в повседневную жизнь; новые манеры прививаются повсеместно, становятся признаком хорошего тона.

В «Путеводителе к святому Якову» высмеиваются гастрономические привычки гасконцев и наваррцев, до сих пор разделяемые некоторыми южно-французскими сеньорами, привыкшими к «деревенскому» образу жизни:

После того как вы пройдете этот край [Ланды], вы вступите в Гасконь, местность, богатую белым хлебом и превосходным красным вином; еще там много лесов, лугов и чистых родников. Гасконцы большие говоруны и краснобаи, насмешники, задиры и вдобавок пьяницы, чревоугодники, одеваются в лохмотья и у них никогда нет денег; однако они прекрасные воины и славятся своим гостеприимством, которое они всегда рады оказать беднякам. Но едят они без стола, усевшись в кружок вокруг огня, и пьют из одного стакана. Едят они много, пьют и того больше, но не пьянеют, и все они дурно одеты; они не стыдятся спать все вместе на тонкой подстилке из гнилой соломы; слуги спят вместе с хозяином и хозяйкой. Эти люди бедно одеты, и едят и пьют они также плохо. У наваррцев все домочадцы, как слуга, так и хозяин, как служанка, так и хозяйка, едят все вместе из одного котелка ту пищу, которая там сварена; едят вперемежку, руками, не пользуясь ложкой; пьют они из одного стакана (20).

Таковы повседневные обычаи. Едят руками, пищу берут с общего блюда, которым обносят всех сотрапезников. Нож используется главным образом для нарезания толстых кусков хлеба, именуемых *траншуарами*, на которые кладется мясо. После 1100 года авторы, адресуясь к монахам или мирянам, предлага-

ют им новые правила хорошего тона, которые, как следует полагать, вырабатываются в первую очередь при дворах князей Церкви и мирских властелинов, а также в городской среде, и только во вторую очередь получают распространение в других слоях общества, главным образом среди людей состоятельных. Нет никаких оснований сомневаться в великой роли трубадуров в смягчении нравов и воспитании утонченных манер, которыми далеко не всегда отличались грубые и воинственные рыцари. Однако куртуазные правила требовали от рыцаря умения красиво есть, то есть не хватать огромные куски, не запикивать их через силу в рот, чтобы потом заглотить целиком, с жадностью и нетерпением.

Забота о внешности и красоте тела

Благопристойная умеренность

Пестрое и смешное одеяние жонглеров привлекает взоры — невозможно не обратить внимания на костюм в желтую и зеленую полосу, характерный для придворных шутов; такими, по крайней мере, они предстают перед нами на миниатюрах одного из песенников XIV века (1). Костюм шута не имеет ничего общего с одеждой трубадура, одевающегося как дворянин.

До XII века, когда в костюме произошли существенные изменения, мужская одежда состояла из трех основных частей: «блио», — верхняя одежда, надевавшаяся поверх рубашки, именуемой «шенс», и длинные штаны, унаследованные от древних галлов.

После 1100 года среди придворных начинается повальная тяга к роскошным тканям и новым фасонам одежды (2). Платье и волосы удлиняются, несмотря на протесты Церкви, видящей в новой моде лишь упадок нравов, феминизацию и изнеженность. Эта новая мода, именуемая ее хулителями «варварской», входит в повседневную жизнь в 1140-е годы. Клирики негодуют против роскоши и эротизма новой мо-

ды, вспоминая благопристойную умеренность предков и их практическую сметку: они, по крайней мере, не путались в полах собственных плащей!

Мода «варварская» и экстравагантная

Женское блио должно облегать тело; женское тело должно смотреться хрупким и грациозным. Женское блио состояло из двух частей: верхняя туника с круглым вырезом вокруг шеи доходила до бедер, а там прикреплялась к юбке, собранной в мелкую складку и спускающейся до самой земли; юбка и верхняя туника шились из двух разных материалов; для туники чаще всего использовали тонкие кисейные ткани или шелковый креп. Шлейф юбки иногда закреплялся на спине. Блио туго шнуровалось на спине или с двух сторон на боках. Постепенно вырез у туники становился более глубоким, у него появился боковой разрез, называемый *armigaut*. Временные рукава, пришитые или привязанные шнурками, позволяли увидеть кусочек обнаженной руки дамы, хрупкой и тонкой, как у подростка. В текстах часто подчеркивается чувственный характер этого милого зрелища. Трубадур Аманьеу де Сескас советовал служанкам (*donzellas*) всегда иметь при себе иголки, чтобы «каждый раз вновь зашивать своих хозяек» (то есть пришивать к платью рукава, которые отпарывались на ночь, чтобы снять платье). Сохранилось много рассказов о том, как дама награждала рыцаря за проявленную им доблесть, вручая ему свой рукав. Например, в романе «Фламенка» королева, увидев на копье своего мужа-короля рукав, говорит одному из рыцарей:

...был к его копыю / Рукав , не знаю чей, привязан; /
Вид королевой не показан, / Что огорчилась, хоть рукав /
Был вывешен не для забав, / А как любовный явно знак (3).

До середины XII века женские пояса играют чисто декоративную роль; в это время их делают в основном из витых шнуров — шелковых, шерстяных или

льняных; позднее пояса начинают изготавливать из кожи и тонких чеканных пластинок; такие пояса обычно имеют на концах подвески художественной работы.

Мужское блио также удлиняется, нередко оно достаёт до земли и вместе с плащом метет своими полами дорожную пыль; ходить в таком платье можно только медленно. Лиф у нового блио узкий, пышные, расширяющиеся книзу полы (так называемая юбочка) собраны в мелкие складки; украшенные вышивкой горловина и обшлага соперничают между собой в роскоши. Новый элемент дворянского костюма — котта, надеваемая под блио; котта — это короткая туника с рукавами, облегающими руку возле запястья. Рукава у блио могут быть длинными и расширяющимися книзу; широкими в локтях или узкими; обтяжными; короткими до локтя или с прорезьями; рукава также могут пристегиваться пуговицами к нижней рубашке возле запястья. Рукава, доходящие до локтя, часто имеют колоколообразное расширение и ниспадают вниз; такие рукава — новая характерная линия мужского костюма. Под коттой носят рубашку из легкой ткани с мелкими заглаженными складочками; рубашка длинная, иногда до самого пола, и выглядывает из-под блио:

... у сшитой / Из реймсской ткани знаменитой / Рубашки тонкой и штанов / Покрой изящный был и нов; / Плащ, дорогим блиставший шелком, / Был скроен и присборен с толком / И сужен впродоль края ткани; / Затянутая же на стане / Тесьма тутого ремешка / Шла кверху до воротника (4).

Плащ представляет собой цельный кусок материи, не имеет рукавов и свободно оборачивается вокруг тела. Плащ накидывают на плечи и удерживают его там при помощи шнура, продернутого по краю плаща. В южнофранцузских городах, где на каждом шагу встречаются следы бывшего римского владычества, закройщики, равно как и камнерезы, одевающие святых в романских соборах, постоянно имеют перед глазами примеры античной элегантности.

В конце XI века и в начале XII века в моде закрытые туфли без каблуков, сшитые из мягкой цветной или позолоченной кожи, нередко украшенной шитьем; такие туфли крепятся у щиколотки при помощи завязок. Самой дорогой и шикарной обувью считаются туфли, изготовленные из кордовской кожи; в испанском городе Кордова есть даже особая корпорация ремесленников, специализирующихся исключительно на работе с кордовской кожей; работа эта требует высокой квалификации. Около 1140 года нормандский историк Ордерик Виталий возмущается выдумкой графа Анжуйского, «принца с берегов Луары», который, желая скрыть недостатки своих ног, скрюченных и деформированных из-за множества мозолей, приказывает изготовлять себе специальные туфли с длинными острыми носами; мода на такие туфли прижилась как на севере, так и на юге Франции:

[...] башмачники делают башмаки, похожие на скорпионьи хвосты; народ называет эти башмаки носатыми... До сих пор носили обувь с закругленными носами, она хорошо сидела на ноге и вполне устраивала и мирян, и клириков; теперь же миряне дерзко щеголяют в непотребных длинноносых башмаках, свидетельствующих об испорченности их нравов (5).

Роскошь в одежде

«Платье» означает совокупность одежд, надеваемых на себя человеком, своего рода современный «гардероб». Платье у людей состоятельных сшито из дорогих тканей и имеет богатую отделку; знатные сеньоры часто одаряют платьем своих друзей и верных слуг. Когда трубадуры покидают своего покровителя, тот, желая вознаграждать их за доставленное удовольствие, дарит им деньги, коня и «материю», то есть отрезки тканей, которые они несут к портному, дабы заказать для себя блию или плащ.

Роскошные ткани, привозимые купцами с Востока, ослепляли средневековых модников: кисейные ткани и затканые шелком и золотом сукна везли с

Востока из Мосула, газ и креп — из Индии. Однако постепенно на местах стали налаживать производство тонкого сукна и легких прозрачных тканей. Трубадуры и авторы средневековых романов любят перечислять ткани, называть их, наслаждаясь звучанием экзотических слов; чем богаче сеньор, тем пышнее у него двор, тем больше у него дорогих тканей, и поэт не устает прославлять великолепие лучшего из дворов:

И тут приказал он купцам / Привезти к нему во дворец / Множество цветных сукон и разных мехов, / Всех, которых только можно было найти, [...] И горожане без промедления приказали нагрузить / Доверху / Пять телег — восточными шелками, / Пять телег — златотканой парчой, / Десять телег — лучшими сукнами пунцового цвета. / Ни один христианин и ни одна христианка таких прекрасных сукон / Никогда еще не видели (6).

До XI века восточные ткани пользуются спросом только у очень узкого круга покупателей, но уже в XII веке ткани становятся одним из основных товаров. Самые роскошные ткани везут с Кипра, из Сирии и Египта. Из парчи, плотной шелковой ткани, шьют летнее платье, используя для подкладки тонкий шелк. Пришедшая с Востока парча ценится наряду с бумазеей, тканью из льна и хлопка, также прибывшей в Европу из стран Востока. Из Малой Азии купцы везут европейской знати прекрасные шерстяные — «камлотовые» — ткани, тонкие и люстрированные сукна, изготавливаемые из верблюжьей шерсти. Возвращающиеся домой крестonosцы привозят с собой меха: шубы из горносталя, из темного меха куницы, из меха серой и рыжей белки — зверька, который водится в России и Сибири.

Одежду принято украшать «златотканым» шитьем; позументом обычно обшивают горловину, манжеты и низ камизы, а также блию и плащи. На расшитую шелком, золотой или серебряной нитью тесьму нередко нашивают еще и жемчужины и драгоценные камни. Шитье — основное украшение одежды, как

мужской, так и женской; многие носят кольца — золотые и серебряные, но чаще всего бронзовые. Украшением также являются и застёжки — огромные круглые броши, иногда вставленные в оправу и украшенные сверкающими камнями, стеклянными жемчужинами и кораллами, вылавливаемыми в Средиземном море; иногда застёжки (фибулы) пришивают к одежде в качестве украшений.

От красного к синему

В своей работе «Цвета, образы, символы» Мишель Пастуро отмечает необычайную устойчивость трехцветной системы «красный — белый — черный», сформировавшейся во времена античности и успешно дожившей до XI века (7). Красный, по словам этого автора, является цветом *par excellence*, цветом, который окрашивает, в то время как черный отсылает к собственно материалу — не окрашенному, но и не бесцветному, а белый и вовсе является не цветом, а чистотой и одновременно символом этой чистоты. С приходом синего древняя триада рушится; пристрастие к синему цвету делает его конкурентом красного, и в конце концов новый цвет начинает занимать в палитре доминирующее место; отныне палитра открыта для самых разных цветов. В XII веке синий цвет становится излюбленным; красильщикам удастся получить синий «чистый, насыщенный и яркий». Культура растения, из которого получают синий краситель, заставляет отступить растение марену, красноватый корень которого использовался для окраски тканей в красный цвет; падение интереса к красному цвету стало причиной разорения многих производителей красных тканей. Синий цвет приобретает символическую ценность, становится цветом Святой Девы и официальным цветом королей.

Чем обусловлена такая перемена во вкусах и символике? Можно ли связать ее с потрясениями, происходящими в это время в обществе, породившем куртуазный универсум? Отношения между трубадуром и

меценатом, построенные на жестких иерархических принципах, постепенно становятся более свободными; придворная культура, чувствительная к любым переменам, тотчас берет эти перемены себе на вооружение. Трубадур становится первовестником перемен; странствуя из конца в конец по югу Франции, он «носит на себе» новую цветовую систему, в соответствии с которой краски теперь располагаются в новой последовательности: синий вытесняет красный, а желтый и зеленый, проскользнув в хроматический ряд, обогащаются необходимыми полутонами; изменения в палитре отражают изменения, происходящие в обществе, в его социальной организации. Иерархия, эта организующая сила общества, постепенно становится менее жесткой: появляются промежуточные социальные слои. То же можно сказать и об иерархии цветов, где в составе цветовой гаммы начинают появляться полутона. Цветовая иерархия функционирует подобно опознавательному коду; такой код необходим, ибо с его помощью иерархия социальная находит свое отражение в иерархии парадного костюма, символики, иконографии (витражи, эмали, миниатюры) и геральдики.

Волосы и борода

Почти до 1140 года мужчины бреют лица и коротко стригут волосы; длинные волосы — привилегия женщин. В XII веке в моду входит борода, однако Церковь яростно ополчается на нее, равно как и на длинные волосы у мужчин: она обвиняет их в женоподобии и в стремлении походить на волосатых сарацин. Однако, несмотря на протесты церковников, после 1150 года мужская шевелюра, равно как и одежда, значительно удлиняется. Мужчины носят волосы до плеч и завивают их; многие завивают заодно и бороду; длинные волосы часто собирают в хвост и завязывают их лентой на затылке. За бородой ухаживают особенно тщательно; не слишком длинную, но и не слишком короткую бороду расчесывают, делят на две

части и формируют у каждой части заостренный кончик; иногда — верх утонченности! — бороду разбирают на пряди и перевивают их золотыми нитями. Однако мода на бороды пройдет уже к концу века.

Самый модный и любимый цвет волос — светлый; только блондинка может претендовать на звание красавицы. В XII веке женщины носят длинные волосы, изощряясь в изобретательности по части их укладки. Волосы можно поддержать с помощью серебряного или золотого обруча, завязать узлом на затылке, укрепив с помощью ленты или тонкого изукрашенного шнура. Можно заплести косы, перевив пряди золотыми нитями, с помощью специального железного приспособления (прообраза современных щипцов для завивки) можно накрутить кудри, сделать на лбу кудрявую челку. Многие женщины используют накладные волосы, например косы, которые спадают им на плечи и струятся дальше, до самой талии. В моду входят чепцы, меховые шапочки, шапочки из павлиньих перьев и *шапероны* — головные уборы, первоначально состоявшие из одного или двух кусков ткани, замысловато уложенных вокруг головы.

Она одета достойно, / На ней платье шелковое с глубоким воротом. / Волосы у нее мягкие и белокурые, / изящно перевитые золотой нитью. / У нее приятное миловидное лицо, / В выражении коего нет ничего искусственного; / Разумеется, кожа лица ее отличается чистотой; [...] Чтобы защитить себя от жаркого солнца, на голову она надела / Шапочку из павлиньих перьев, / А в руке она держит цветок (8).

Замысловатые шапочки и чепцы не идут ни в какое сравнение с простыми платками, которыми покрывали голову и плечи в XI веке. В XII веке головные уборы становятся чрезвычайно сложными: в моду входят мягкие круглые шапероны и шапочки, головные повязки, а затем и остроконечные шапочки всевозможных фасонов, в том числе с валиками, и «рогатые» чепцы, превратившиеся в конце XV века в знаменитый остроконечный эннен, на конце которого, словно рыцарская орифламма, развевалась тончайшая вуаль.

Гребни того времени, экспонируемые в музеях, сделаны из оленьего рога, слоновой кости или из распиленного и отполированного самшита. Расписанные или резные, они имеют два типа зубьев: одни предназначены для распутывания волос, другие — чтобы гладко причесать их. Булавки из оленьего рога и металла дожили до наших дней, так же как и бритва и бритвенный тазик (последний появился в конце Средневековья). Зеркал — с ручками или без ручек — сохранилось мало; будучи предметом роскоши, ручное зеркало часто бывало вставлено в оправу из слоновой кости.

Фламенка и бани

Посетить бани означает проявить заботу о собственном теле, о его красоте. Для всех сословий бани являются непременным дополнением важнейших событий частной и общественной жизни, точнее, канунов этих событий или же дня, наступившего следом за долгожданным событием; к числу таких событий относятся: рождение, посвящение в рыцари, свадьба, выздоровление после родов.

Богатые имеют собственные ванны, однако большинство смертных, живущих в городах, посещают публичные бани. До XV века бани были смешанные, потом религиозные власти запретили совместные купания в банях мужчин и женщин. К баннным помещениям относились теплая комната-предбанник, зал для помывки, ванны, а иногда и еще одна обогреваемая комната, где вымывшиеся отдыхали после банных процедур. В бане можно сделать эпиляцию, пройти курс лечения, дабы восстановить былые силы, утраченные во время крестовых походов. Для поддержания белизны кожи прислужница в бане очистит и смягчит ее пемзой. Белизна кожи, как и белокурые волосы, является составной частью канона женской красоты, воспеваемой поэтами. Однако в чести и собственно мытье. На миниатюрах можно видеть чаны, скрепленные железными обручами и

выстланные внутри простыней, которые служат как для мытья, так и для стирки. Позднее такие чаны появятся в крестьянских домах.

Трубадуры любят описывать купание своей дамы; дама может купаться в быстрой реке, в пруду или в садовом водоеме; в последнем случае купание скрыто от посторонних глаз, ибо сад, примыкающий к неизменно великолепному дворцу, всегда обнесен высокой глухой стеной; впрочем, некоторые предпочитают воспевать даму, сидящую в собственной комнате за туалетным столиком:

«Пускай она лишь плоть, — восклицает Арнаут Даниэль в своей знаменитой секстине, — не душу / Отдаст, меня пустив себе под крышу!» (9)

Купание открывает доступ к желанному обнаженному телу дамы, предмету эротических мечтаний возлюбленного. Созерцание этого тела доставляет чувственное наслаждение, оно символизирует радости веселого и теплого месяца мая, этой своеобразной прелюдией к любовным играм. Именно такое значение придает купанию Жербер де Монтрей, автор французского «Романа о Фиалке», написанного в первой четверти XIII века; для оживления повествования он включил в свой текст множество песен трубадуров. Фиалка — родимое пятно, имеющее форму и цвет этого весеннего цветка; пятно это замечает на груди у прекрасной дамы мужчина, который, спрятавшись за занавеской, наблюдает за ее купанием. Подсматривающий заключил пари с возлюбленным дамы: он утверждает, что сумеет пробить брешь в броне ее добродетели (10). Художник, выполнивший миниатюры к рукописи, хранящейся в настоящее время в Санкт-Петербурге (11), позволяет ясно разглядеть фиалку на обнаженной груди дамы, устроившейся в ванне. В «Фламенке», самом прекрасном любовном романе, написанном на окситанском языке в XIII веке неизвестным автором, бани также становятся местом любовных свиданий. Для диалога влюбленного рыцаря, переодетого клириком, и прекрасной дамы создатель «Фламенки» использовал стихо-

творение трубадура Пейре Роджьера (12); диалог этот в романе происходит буквально под самым носом у ревнивого мужа дамы.

Прекрасная златоволосая Фламенка, подобно современной курортнице, решает принимать ванны, дабы избавиться от своих хворей. Красавец Гильем, увидев очаровательную даму, влюбляется в нее и, узнав, что она собирается посещать бани, принадлежащие местному трактирщику, приказывает рабочим прорыть подземный ход из своего жилища в гостинице до самых бань. Трактирщик и одновременно владелец и управляющий банями, будучи человеком предусмотрительным, развесил на стенах бани указания, что прок от ванн будет только в том случае, если принимать их в полной мере, «по числу недужных дней». И целых четыре месяца, со 2 августа и до праздника святого Андрея, то есть до 30 ноября, Фламенка каждый день с наслаждением ходит в бани, где принимает лечение юностью и дарами *fin'amor*.

...Коль нежный друг подруге прямо / В глаза глядит, и также само / Она в его, то нет конца / Отраде, полнящей сердца, / И сердцу нега, разлитая / В отраде, дарит жизнь, питая (13).

Старухи и дамы, злоупотребляющие косметикой

Возлюбленная, воспеваемая трубадуром, всегда красива и молода, она свежа, как роза, а кожа ее бела, как лилия. Как заставить отступить неумолимо надвигающуюся старость с ее морщинами и дряхлостью? Во все времена — а женская красота и соблазнительность всегда в цене — женщины умели готовить и использовать кремы и различные притирания, дабы с их помощью сглаживать непоправимый ущерб, наносимый возрастом женской красоте. Средневековые женщины, разумеется, не были исключением.

Выдвигая на первый план заботу о хорошем самочувствии и привлекательной внешности, женщина вольно или невольно способствовала созданию эс-

тетического идеала красоты. Та, кому собственная внешность была небезразлична, прекрасно знала, какая пища способствует хорошему цвету лица, что надо делать, чтобы лицо всегда было белым, а на щеках играл нежный розовый румянец, столь ценный средневековыми мужчинами. Чтобы отогнать блох, женщины душили волосы специальными ароматами — мускусом, гвоздикой, мускатным орехом или кардамоном; эти же запахи заглушали запах пота. Той, которая хотела иметь легкое дыхание, советовали, помимо мытья зубов тряпочкой, жевать анис, семена укропа, тмина или кардамона. Все мечтали иметь «зубы — подобие маленьких льдин» как у «донны Ланы», «Дамы без изъяна». В реальной жизни «донну Лану» звали Матильдой Саксонской, она была сестрой Ричарда Львиное Сердце и однажды на одном из пиров оказалась за столом рядом с трубадуром Бертраном де Борном; трубадур мгновенно был ею околдован (14).

Красота дается человеку от природы, христиане рассматривают ее как создание Творца. Ева согрешила, человек стал смертным и теперь в конце жизни его ожидает старость; ее когти, впиваясь в женское тело, делают его дряхлым; взглянув на него, мужчина лишь горько усмехается: некогда столь желанное, оно более не влечет его к себе. Монах Монтаудонский, монах-трубадур из Оверни, написал шутовскую сатиру, направленную против женщин, злоупотребляющих косметикой:

Я к Господу как-то попал. / Вижу — его обступили. /
Статуи в гневе вопили, / Чтоб он наших донн обуздал: /
На краски вскочила цена, — / Все больше идет их для донн, /
А статуям храмов — урон, / Их лики бледней полотна! (15)

Этот вымышленный диалог с Господом вполне мог бы стать основой для проповеди какого-нибудь сельского священника. Действительно, почему бы святому отцу не вообразить, что он попал на Небо, где видит, как статуи святых приносят жалобу Госпо-

ду. «Раскрашенные» женщины взвинтили цены на косметику, потому что им самим этой косметики требуется слишком много! Они лишают нас причитающейся нам доли белил и румян — жалуются статуи. Господь поручает монаху стать Его посланцем и от Его имени заклеить порочный обычай злоупотреблять косметикой. Тогда монах вступает с Господом в дискуссию. Ведь дамы уже привыкли краситься, «для донн красоваться — закон», поэтому пусть статуи приспособляются, иначе донны и вовсе лишат их румян! Аргумент весом, однако он вызывает праведный гнев Господа. Как же так: Его творение дерзает приукрашивать себя без Его дозволения?

Недолго цветет их весна, — / Ведь смертный стареть
обречен, — / Но краской обман совершен: / Пля-
дишь — а старуха юна! (16)

Наказание будет ужасно! Монаху весело, однако жестокая реальность налицо: в «краски», в косметику, изготовленную на основе отваров из трав, добавляют различные минеральные вещества, и среди них серебро и свинец, непременные компоненты свинцовых белил, которые превосходно разглаживают кожу и одновременно разрушают организм... Монах усмехается, Господь и статуи удовлетворены: организм старых кокеток отравлен, и они вскоре умрут от своих притираний.

Старость и чернота являются для трубадуров и их современников символами смерти. Трубадур Раймон де Корнет, живший в XIV веке, пишет о «черной старухе», преследующей его повсюду и в конце концов запирающей в роковом круге; круг — фигура, символизирующая тоску и смерть, желание же влечет трубадура к «любовной темнице», куда он хочет войти вместе с «молодой дамой».

Опустившись на колени и молитвенно сложив руки,
я опустил обриту голову / И вдали ото всех молил
Господа, / Чтобы дозволил Он мне увидеть мою Даму
и чтобы Дама успела мне улыбнуться, / Пока еще
хворь не изгрызла мое тело (17).

Смерть и погребальные обряды

Медицина на юге Франции

О болезнях, от которых умирали трубадуры и их современники, мы знаем очень мало. Единственная болезнь, которую они сами упоминают в своих стихах, это томление, опозитизированная форма неврастении, исцелить от которой могла трубадура только его возлюбленная. Последние исследования наглядных материалов, а именно человеческих костей и зубов, найденных в местах захоронений, свидетельствуют о том, что наиболее распространенными были заболевания опорно-двигательного аппарата (1).

Расцвет куртуазной науки совпадает с изменениями взглядов на медицинскую науку; XII век жаждет знаний, новых открытий, и статус медицины претерпевает заметные трансформации. В XII столетии происходят кардинальные изменения в самом подходе к лечению больного. Если на заре Средневековья людей в основном врачевали лекарственными травами в монастырских лечебницах, то во времена трубадуров — прежде всего на юге — создаются первые городские лечебницы, где лечат, применяя познания, почерпнутые из античных трактатов, переведенных, дополненных и исправленных арабами. Городская медицина постепенно отделяется от медицины народной, эмпирической, основанной на практических советах кумушек и старинных рецептах. Сохраняя все полезное из медицины народной, нарождающаяся научная медицина, опираясь на новые теории, разрабатывает фармакопею, лекарственные средства на основе растений и пряностей. На юге Италии и в Испании образованные христиане начинают переводить на латынь арабские медицинские энциклопедии и научные трактаты Авиценны и Разеса, которые, в свою очередь, открыли и перевели труды великих греков — Гиппократ, Аристотеля и Галена (2). Новым шагом в развитии медицины стала медицинская школа, созданная в Салерно, городке, расположенном южнее Неаполя; в 1150 году создается медицинская школа в Монпелье, а

в 1220 году она получает статус университета — на полвека раньше, чем этот же статус получит Университет в Париже. Используя достижения Салернской школы, профессора Монпелье идут дальше, привлекая для нужд преподавания переводы с арабского, выполненные в Испании; активное использование последних «новинок» в области медицины делает Университет в Монпелье интеллектуальным центром притяжения для ученых всего Запада (3).

Одним из самых знаменитых медиков Средневековья являлся Арно де Вильнев (Арнольд из Виллановы) (4). Сфера его интеллектуальных интересов была необычайно обширна; свой талант полемиста он поставил на службу движению францисканцев-спиритуалов; постоянное стремление учиться, готовность воспринимать новые знания сближали его с трубадурами. Он сочинял стихи на каталанском языке, написал поэтическое введение к трактату по межевому делу, которое затем перевел на окситанский язык. Имя его происходит от названия селения *Vila Nova* в Провансе, где поселилась его семья, являвшаяся, без сомнения, одной из многочисленных семей крещеных евреев, которых на юге Франции было множество. Арно (по-окситански Арнаут) родился в Каталонии около 1238 года, учился в Монпелье и Неаполе, изучил арабский язык, стал личным врачом короля Арагона, Педро Великого, затем преподавал в Монпелье (1289—1299), где испытал влияние идей Иоахима Флорского и еврейской каббалы. Под воздействием этих идей занялся астрологией и алхимией, попытался получить эликсир долголетия. Написал ряд апокалиптических сочинений, провозглашавших неминуемое пришествие Антихриста. Всего этого вполне хватило, чтобы пробудить к нему интерес со стороны инквизиции. Его посадили в тюрьму, однако талант спас его. Его освободили благодаря заступничеству влиятельных пациентов, и в частности императора Фридриха II и двух римских пап. Говорят, что папа Бонифаций VIII сказал ему: «Оставь в покое теологию и занимайся медициной, и мы все будем относиться к тебе с почтением».

Арно де Вильнев погиб при кораблекрушении в 1311 году.

Все тексты, трактующие вопрос о переходе из мира живых в мир мертвых, единодушны в определении достойной смерти. Хорошей смертью считается смерть в окружении заботливых родственников, смерть-ритуал, вознаграждающий за утрату существующего равновесия, поддерживающий общественную и эмоциональную преемственность. Многолюдные публичные погребальные обряды восстанавливают нарушенный порядок. Напротив, одинокая смерть отрывает покойного от его близких, проделывает брешь в генеалогии, превращает похороны в захоронение падали, а покойника в животное, существо низшего порядка. Члены семьи усопшего пребывают в растерянности, ибо они не могут ни выполнить последнюю волю покойного, ни сделать надлежащие распоряжения; более того, они пребывают в постоянном страхе перед выходцами с того света, коими, как всем известно, являются именно брошенные на произвол судьбы мертвецы (5).

Чувствуя приближение смерти, человек (как мужчина, так и женщина) загодя начинает готовиться к путешествию в загробный мир; прежде всего он диктует свою последнюю волю, иначе говоря, в установленном порядке составляет завещание. В этом документе он просит своих душеприказчиков сделать от его имени ряд богоугодных даров, а также распорядиться его имуществом согласно его воле: он уже давно все обдумал. А так как имущественные распоряжения в основном отличаются друг от друга только названиями завещанных селений и замков и именами наследников, то нотариусы обычно заранее готовят нужные формуляры; остается только вписать под диктовку нужные названия, имена собственные и цифры, определяющие размеры пожертвований. Умиравший исправляет свои ошибки (возмещает причиненный ущерб и возвращает долги, завещает сделать пожертвования и заказывает отслужить мессы за спасение своей души), завещает родственни-

кам отцовское наследие и наказывает довести до конца начатые им дела. Он знает, что его будут горько оплакивать и память о нем сохранится, ибо рассказы о его подвигах и щедрости будут передаваться из поколения в поколение, а кто-нибудь из наследников — сын, племянник или внук, дочь, племянница или внучка — получит при крещении его имя и, таким образом, вновь впишет его в родословную семью. Когда умирает знатный дворянин, глава могущественного дома, многочисленные очевидцы его агонии толкуются в прихожей; тут же находятся и близкие родственники умирающего, его друзья и соседи; они хотят увидеть каждый шаг, который умирающий делает по дороге смерти, дабы потом иметь возможность обсудить его. Столпившись на пороге дома уходящего в мир иной вельможи, прелата или владетельного сеньора, они оживленно переговариваются, ожидая, когда их призовут в свидетели и попросят подписать необходимые документы. Находиться в доме умирающего, наблюдать за его последними минутами, слышать его последние слова, улавливать каждый жест — занятие, несомненно, крайне важное, ибо оно дает возможность выступить в суде, где будет решаться вопрос о правах наследников. Вопрос о наследстве важен вдвойне, ибо правильное решение его восстанавливает не только справедливость, но и нарушенный порядок вещей. Так что все, кто собрался у постели умирающего, внимательно следят, не укажет ли тот указательным пальцем правой руки на небо, желая тем самым подчеркнуть важность принятого им решения.

Родственники и друзья заботятся о выполнении всех погребальных ритуалов. От дома до кладбища — разумеется, если это позволяет расстояние, — они несут завернутого в саван покойного на руках. Если кладбище далеко, они везут его на спине ослика или мула; на протяжении всего пути усопшего сопровождает траурный кортеж, участники которого нарочито выражают свое горе: громко причитают и размахивают руками. Бурные проявления чувств на улицах, упоминания о которых содержатся в ряде лите-

ратурных текстов и постановлениях городских советов, не могут радовать светские власти. В 1205 году тулузские консулы запрещают участникам похоронных процессий царапать себе лицо, выдирать волосы, раздирать на себе одежды, кататься по земле... Подобные проявления горя описаны в литературных произведениях, причем подчеркивается, что более всех отчаянию предаются именно мужчины. Такая сцена встречается и в романе «Джауфре»; когда товарищи Джауфре считают, что предводитель их убит, они начинают предаваться горю:

[...] собралась целая толпа рыцарей, / И все они, оплакивая Джауфре, стонали и / Рвали на себе волосы, выдирая их целыми пучками. / Но больше всех прочих печалился Ожье. / Стоило ему заговорить, как он тотчас начинал заливаться слезами и поэтому умолкал; [...] И вот он упал на землю / С высоты своего немалого роста, и всем казалось, что он совсем лишился рассудка [...] Также и сенешаль / Не мог сдерживать своего горя; он, как вы только что видели, / Также рвал на себе волосы и раздирал одежды, бил себя кулаками по лицу, / Отчего оно вскоре покрылось кровью. / Сенешаль делал так, чтобы все видели его отчаяние! (7)

Средние века вновь сблизили живых и мертвых, разделенных античностью. Кладбище превратилось в место умиротворения и семейных встреч, место, куда может прийти каждый. Жители городов и деревень нередко собирались на кладбищах, иногда там даже устраивали рынки. Сделав соответствующие дарения, благородные мужи и дамы могли получить разрешение быть похороненными в соборе или церкви, на монастырском кладбище подле «людей молящихся» или же возле их собственных предков, от которых они ожидают заступничества на том свете. Знатный сеньор, как мирянин, так и клирик, состоятельный дворянин и богатая благородная женщина вполне могли претендовать на то, чтобы тело их отнесли в церковь или во внутренний дворик монастыря и там замуровали в склепе (саркофаге, укра-

шенном витиеватой эпитафией) или погребальной нише, сделанной в толстой монастырской стене. Подобные захоронения напоминали захоронения первых христиан, чьи останки погребали под каменными ковчегами. Небогатых дворян, зажиточных горожан и более скромных граждан хоронили на городских и сельских кладбищах прямо в саванах, скрепленных железными застежками; эти застежки современные археологи часто находят среди костей. Не все могли перед смертью сделать богатые пожертвования в пользу Церкви, однако бывшие пилигримы часто просили похоронить их вместе с принесенными из паломничества священными реликвиями и памятными предметами (с ракушкой святого Якова, с крохотным ковчежцем). На их могилах иногда высаживали виноградные лозы или побеги кустарников.

Демоны и чудеса

Согласно Евангелию, «некоторые демоны обитают в гробах». На юге Франции эти демоны называются «ламиями» или «масками»; ламии — злые души, не сумевшие обрести покоя и вселяющиеся в тела женщин. Они устраивают различные каверзы, по ночам ходят из дома в дом, опорожняют бочки, опрокидывают корзины и горшки, зажигают лампы, пробуждая и пугая спящих, вынимают из колыбелей младенцев и, судя по слухам, иногда даже поедают их; впрочем, такие слухи, скорее, распускают нерадивые кормилицы и мамыши, не сумевшие уберечь новорожденных от крыс или свиней, свободно разгуливающих ночью по крестьянским лачугам (8).

Демоны избегают некоторых кладбищ. В этом абсолютно уверен писатель и политик Гервасий Тильберийский. Своему августейшему покровителю, германскому императору Оттону IV он сообщает о чудесах, происходящих на кладбище Алискан в Арле; кладбище это издавна находится под покровительством святых мужей; первые проповедники, принесшие в Галлию Слово Божие, святой Трофим и многие

южнофранцузские епископы не раз освящали это кладбище. В XII веке на древнем Арльском погосте все еще продолжают хоронить знатных вельмож и прелатов. Одних покойников везут сюда по суше — на телегах или на лошадях, других сплавляют по реке: в просмоленную бочку кладут тело и деньги, предназначенные для раздачи милостыни, а потом сталкивают бочку в воду. И каким бы сильным ни был ветер, каким бы быстрым ни было течение, бочка никогда не проплывет мимо Арля. Остановившись возле известного утеса на Роне, она разворачивается и, приняв правильное направление, плывет к нужному берегу, где волны выносят ее на сушу как раз возле священного кладбища; там ее и встречают родственники покойного, прибывшие по суше (9).

Недостойная смерть

Кончина Генриха II Плантагенета, короля Англии, достойна жалости. Именно этот король был повинен в постыдном, кощунственном умерщвлении Фомы Бекета, архиепископа Кентерберийского; воспоминание об этом преступлении оставалось живо на протяжении всего Средневековья. Святой архиепископ Кентерберийский был убит накануне Рождества 1170 года, прямо в соборе, на алтаре, во время служения мессы. Генрих Плантагенет умер спустя почти двадцать лет после этого плачевного события, и никто из его детей, никто из его дома не пришел к его смертному одру, дабы подать ему утешение и устроить подобающие похороны. За время многолетних междоусобиц Генрих успел восстановить против себя сначала свою супругу Альенору, а затем, друг за другом, и их общих сыновей; Бетран де Борн первым (10) подробно описал и прокомментировал разлад в семействе Плантагенетов. Постоянно действующая ссора разгорелась еще жарче, когда старый Генрих попросил сына, которому предстояло унаследовать его трон, а именно Ричарда Львиное Сердце, старшего из оставшихся в живых его сыновей, уступить гер-

цогство Аквитанское младшему брату, Иоанну Безземельному. Ричард отказался и в 1188 году, находясь в Аквитании, развязал новую войну, принесся оммаж за себя и свои владения королю Филиппу Августу и заручившись, таким образом, поддержкой многочисленных аквитанских вассалов, вставших на его сторону. Потерпевший поражение Генрих II согласился заключить гибельное и унижительное соглашение. А 6 июля 1189 года он умер в пустом зале Шинонского замка, покинутый родственниками и слугами, ограбленный до нитки, нагой и жалкий. Тело его, оставленное без погребения, начало разлагаться и быстро стало добычей червей; к тому времени, как его обнаружили, черви более чем наполовину успели сделать свою работу. Потрясенные очевидцы поведали об этой смерти своим современникам; в наше время ее с документальной точностью описал Жорж Дюби (11).

Принять смерть от руки убийцы для сеньора не считается позором, однако окружающими она воспринимается как оскорбление. В воскресенье 15 октября 1167 года во время службы неизвестный проник в церковь Святой Магдалины в Безье, бросился с ножом на виконта Раймона Тренкавеля и нанес ему несколько ударов. Ответом на ритуальное жертвоприношение сеньора в священном месте должна стать месть сына заговорщикам, совершившим это дерзкое убийство. И сын отомстил.

Благостная кончина

В 1150 году брат Раймона Тренкавеля Рожер, виконт Каркассонский, вместе с женой гостит в Фанжо, в замке знатной дамы Галарды и ее сыновей. Слава о дворе этой дамы гремит по всему Лорагэ: многочисленные трубадуры воспевают богатство владелицы замка и отлаженный, благородный и приятный образ жизни, царящий при ее дворе. Внезапно, в самый разгар лета виконт заболевает. Разумеется, его тотчас окружают заботами. Тем более что семью годами раньше стараниями виконта здешний сеньор

Галар, захваченный в плен графом Тулузским, был освобожден без всякого выкупа.

В пятницу 11 августа, в полдень, недужный телом, но крепкий духом Рожер диктует свое завещание. К его постели призывают епископа Каркассоннского, тот является в сопровождении клириков и сcribes, вооруженных всеми необходимыми принадлежностями для письма, включая восковые таблички; им предстоит под диктовку записать последние слова Рожера, вписать названия даруемых владений и имена тех, кому эти дары предназначаются, в мельчайших подробностях записать все, что относится к имуществу, переходящему к его жене; когда спустя несколько дней бумаги будут составляться набело, они спокойно впишут в них необходимые фразы. Рядом с епископом стоит супруга виконта, за ней попеременно толпятся мужчины и женщины: это дворяне из свиты и слуги, они слушают и наблюдают. Утомленные, тем не менее все терпеливо ждут, когда же наступит смерть; и вот на следующий день она приходит. Для подписания завещания из числа свидетелей отбирают шестнадцать лиц мужского пола; 17 августа завещание публично оглашается во дворце виконтов Тренкавельских в Каркассонне, то есть в самом центре владений Тренкавелей. К этому времени полумонашеские, полувоенные рыцарские ордена тамплиеров и госпитальеров, благодаря своему активному участию в крестовых походах, своей выдающейся роли в поддержании христианских королевств на Востоке, снискали себе заслуженную славу среди европейского дворянства. И поэтому Рожер, подобно многим своим благородным современникам, изменив отеческим гробам, завещал похоронить себя не в соборе, не в церкви или монастырском дворике, а на кладбище тамплиеров (12).

Смерть виконта Безьерского и Каркассоннского отчасти напоминает кончину Раймбауга Оранского, с которым наше повествование рассталось в Монпелье, где будущий трубадур, а пока всего лишь юноша-подросток, проживал при тамошнем дворе под опекой своего старшего родственника. Завещание Райм-

баута было составлено за несколько часов до его смерти (когда он умер, ему, скорее всего, не было еще и тридцати), случившейся 10 мая 1173 года в «старой комнате» замка Куртезон (13). Скорее всего, он умер под сводами большого зала, расположенного в старом донжоне, куда поместили больного, чтобы изолировать его от остальных обитателей замка; там наверняка можно было разводить огонь, поэтому холод больному не грозил. Поистине бесконечный список свидетелей под завещанием Раймбаута напоминает о том, что знатный сеньор, даже когда он холост, практически никогда не оставался один.

*«Скитальца плащ с собой беру собольей мантии
взамен»*

После снятия отлучения от Церкви Гильему IX в качестве покаяния назначается совершить паломничество к святому Якову Компостельскому. На дворе 1117 год, принцу-трубадуру сорок шесть лет, и проживет он еще десять лет. Однако сейчас, собираясь в дорогу, он опасается за свою жизнь и, испытывая страх перед опасностями, ожидающими паломника на его нелегком пути, предчувствует скорую свою гибель. Об этом он сочиняет меланхолический напев, настолько жалостливый, что многие охотно готовы различить в нем насмешливые нотки — прежде всего потому, что вышел он из-под пера человека, известного своим ироничным складом ума. Гильем пародирует жанр завещания и в нотариальных терминах доверяет охрану своей земли, то есть герцогства Аквитанского и владений наследника кузену Фолькону, о котором походя не забывает сказать пару дурных слов. Обреченное прощание с любовью, с праздниками и с дорогими одеждами завершается просьбой, адресованной ко всем друзьям:

Но вспомните, когда умру, / Друзья, на траурном пиру / То, как я весел был в миру — / Вдали, вблизи, /
среди этих стен. / Скитальца плащ с собой беру / Собо-
льей мантии взамен (14).

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА И ТРУБАДУРСКОЕ ИСКУССТВО

Трубадуры на Голгофе

Великая трагедия XIII века

Когда История уже отмерила половину времени, отведенного ею на эпоху трубадууров, в обществе христианского Запада произошли глубокие перемены (1). С начала XII века средиземноморская торговля достигла небывалого прежде подъема; интенсивный рост городов, успех ярмарок в Шампани создали множество новых способов обогащения; в обществе усилилась роль денег, произошло рождение новой социальной группы — негоциантов и купцов и началось расслоение аристократического сословия. Приближенная к власть предержавшим (королям и графам) аристократическая верхушка в лице баронов приспособилась к политическим изменениям, выразившимся прежде всего в концентрации власти в руках нескольких старинных родов. Воспользовавшись всеобщим стремлением к обогащению, знатные сеньоры в погоне за богатством увлекли за собой и часть аристократов средней руки. Многие горожане и владельцы замков юга Франции, проживавшие в торговых пригородах или на землях, где производилась добыча руды или находилась дорожная застава, научились извлекать выгоду из своего местоположения. Преодолевая перевал, переходя мост или минуя дорожный перекресток, каждый купец, везущий товар (главным обра-

зом тюки с сукном), каждый пастух со своим стадом, каждый солевар со своим мулом был обязан заплатить несколько денег в пользу сеньора, чьи владения он пересекал. Когда стало возможным беспрепятственное сообщение между Италией, Южной Францией и ярмарками в Шампани, изрядную выгоду от этого получили сеньоры, чьи земли были расположены на берегах Роны. В прошлом веке дорожная пошлина наверняка смогла бы прокормить немало мелкопоместных, а то и вовсе безземельных рыцарей, однако новая придворная мода на роскошь, вызвавшая резкий скачок цен на ряд товаров, теперь, скорее, разоряла, нежели обогащала мелких рыцарей, а владельцев сеньоров заставляла изыскивать все новые и новые причины для увеличения поборов.

Концентрация власти выразилась в усилении института монархии; усиление власти английского короля не могло не сказаться на судьбе Аквитании; укрепление власти короля французского не могло не иметь последствий для графства Тулузского; Арагонская монархия окончательно заняла главенствующее положение в отношениях с Каталонией, большей частью Прованса и средиземноморским Лангедоком. Ряд земель сеньоров-южан попал под власть Святого престола. В подчинении у Рима оказалась часть бывших владений графов Барселонских, Монпелье (к этому времени ставший одним из богатейших городов юга Франции и одним из его интеллектуальных центров) с окрестностями (2) и графство Можю.

В самом начале XIII века над беспечным существованием южнофранцузских дворов нависла страшная угроза. Еще девять коротких лет и радостный и беззаботный золотой век трубадуров навсегда канет в Лету. Так что же случилось?

По разным причинам, перечислять которые было бы слишком долго, именно Лангедок стал объектом пристального внимания римских понтификов; на их взгляд, именно этот край наиболее заражен еретическими вероучениями и именно там пора дать им решительное сражение (3). Хотя, если приглядеться

внимательно к европейским государствам того времени, можно обнаружить, что на рубеже XII—XIII веков ересь затрагивает многие регионы христианского мира, начиная с Шампани и Рейнских областей. Первые исследования этого вопроса были произведены по велению папы в Северной Италии, в Провансе и Лотарингии. И в то время Лангедок вовсе не казался столь «зараженным ересью», как о том станут говорить епископы в 1167 году на соборе в Туре, а позднее и сам граф Тулузский в послании 1177 года, адресованном генеральному капитулу ордена цистерцианцев, и в донесении, направленном королю Франции в 1179 году, а также папские легаты, отправлявшие свои отчеты римскому понтифику (4).

Год 1200-й: катары на юге Франции

Катаризм прекрасно вписывается во всеобщее движение евангелического обновления, охватившее в XII и XIII века весь христианский мир. Катарские пастыри, именовавшиеся «совершенными» (*parfaitz*), выдавали себя за прямых последователей апостолов и полагали, что их учение — единственно верная христианская доктрина, в то время как доктрина Рима — всего лишь дьявольская подделка, претендующая на христианство. Однако римские католики отказывались видеть в катарах простых реформаторов, они усматривали в катаризме очевидное воскрешение древнего манихейства, ибо в основе учения катаров лежит принцип противоборства двух антагонистических сил, не равных по своей значимости, но равно вечных. Зло — это реальность, с которой истинный Бог должен считаться. Разумеется, не все катары верили в вечность злого начала. Умеренные дуалисты, подобно католикам, учили, что зло имеет свое начало: его породил ангел, совершивший по собственной воле грех гордыни; однако исконно ангел этот был добрым, ибо его создал Бог. Но и абсолютные дуалисты, и дуалисты умеренные единодушно приписывали сотворение этого мира дурному де-

миургу, только первые считали его Сатаной, а вторые — мятежным ангелом (5).

Сторонники катаризма порывают с установленным духовным порядком и становятся проводниками мятежных идей, требований политического и социального характера: они подвергают нападкам иерархическое устройство общества (отказываются приносить присягу), католическое духовенство и введенные им порядки, не платят десятину и прочие поборы, взимаемые Церковью с крестьян и жителей городов (6).

Год 1200-й: катары и трубадуры

Юг Окситании, области, раскинувшиеся между Альби, Каркассонном и Фуа, занимают не слишком большое пространство по сравнению с общей площадью края, где «говорят на языке ок»; именно на этом небольшом участке окситанской территории главы благородных семейств стали склоняться к катаризму или, во всяком случае, вполне благосклонно взирать на его адептов. В то же самое время дворы этих благородных южных сеньоров, и прежде всего двор виконта Рожера (из рода Тренкавелей), являются основными очагами куртуазной культуры, вокруг которых расцветает блистательное искусство трубадуров. В течение четырех десятилетий, предшествующих Крестовому походу против альбигойцев (1209), катары и трубадуры вращаются в одном и том же обществе, при одних и тех же дворах, однако не оказывая никакого влияния друг на друга.

Жители селений, расположенных вокруг замков, стоящих по соседству с городами (Тулузой, Альби, Каркассонном), охотно оказывают гостеприимство «совершенным» и «верующим» (*crezen*), а владельцы замков предоставляют жилища катарским духовным лидерам, и в частности «епископам» и «диаконам». Но напомним: речь идет о тех самых замках Лангедока, где часто гостят трубадуры. Под защитой крепостных стен таких замков нередко располагается целое

поселение, где бок о бок с сеньором в добром соседстве живут крестьяне и ремесленники. Количество таких замков, являющихся одновременно небольшими населенными пунктами, к концу XII столетия неоднократно возросло не только вокруг Альби и Каркассонна, но и во всем Нижнем Лангедоке. Добротные дома аристократов перемежаются с крестьянскими хижинами и мастерскими ремесленников, узкие улочки выводят на площадь перед собором и резиденцией сеньора. И всюду люди, брожение умов, коловращение слухов и идей. Именно в этих краях возникают первые очаги ереси, которых нет ни в Битерруа, ни в краю Монпелье или Нимуа. Эти три области являются своеобразной пограничной территорией: широко распространенная в Лангедоке модель «замок-поселение» («бастида») здесь признания не получила. Однако преобладанием в Лангедоке «смешанных» поселений вряд ли можно полностью объяснить возникновение там крупных очагов катарской ереси (7).

На наш взгляд, концентрация катаров в Лангедоке в большей степени объясняется существовавшей там традицией поддержания кровных уз и союзов, возникших в результате браков. Влиятельные лица, принявшие учение катаров, продолжали поддерживать дружеские и союзнические отношения как со своими родственниками, так и с их союзниками, а потому оказывали катарам повсеместное покровительство. Люди, связанные кровными и договорными узами с родственниками или друзьями катаров, не могли отказать в пристанище единоверцам своих близких. Тесные связи существовали между жителями и сеньорами в деревнях Лорагэ (Фанжо, Лорак), Тулузского края (Лавор, Вильмюр, Ланта), Альбижуа (Рабастенс, Пюилоранс) и Каркассе (Монреаль) (8). Несколько человек из рода сеньоров Лорака (как мужчин, так и женщин) стали «совершенными»; то же можно сказать и о сеньорах соседнего селения Монреаль. В 1209 году деревня-крепость Сервьян в Битерруа стала первой жертвой карательной экспедиции крестоносцев только потому, что сеньор ее взял в супруги

дочь сеньора Лорака, который открыто установил в своем селении запрещенную доктрину; деревня была разгромлена еще до начала резни в Безье.

Сердце мое радуется и веселится! / Ибо пришла, наконец, нежная, прекрасная пора! / И из замка Фанжо /, Который мне кажется раем... (9) —

пишет Пейре Видаль, радуясь приходу весны. В своей кансоне он вычерчивает «карту края Нежности» и идет по проложенному на ней извилистому пути из Фанжо в Лорак, из Лорака в Сайсак, затем в Каркассе и Монреаль. Везде, где он делает остановку, он славит куртуазный дух, любезный прием и прекрасных дам и ни разу не упоминает о ереси, тем самым свидетельствуя, насколько мысли его далеки от нового религиозного учения. В Фанжо, где в середине XII века в замке дамы Галарды угас виконт Рожер из рода Тренкавелей, живет теперь известный катарский проповедник Гилаберт де Кастр, чьи сестры содержат «дома», то есть катарские монастыри. До вторжения крестоносцев повсюду в этих местах побывали католические проповедники или папские легаты и скоро «Нежный рай» превратится в ад.

Все эти рыцари и дамы, что живут в селениях, воспетых Пейре Видалем, Раймоном де Миравалем и другими трубадурами, все эти сеньоры, которых трубадуры знают и любят, после 1210 года будут безжалостно уничтожены крестоносцами: повешены, убиты, сожжены заживо...

Трубадуры и религия

Нет оснований объединять в одну группу еретиков, южнофранцузских сеньоров и трубадуров, а в другую — прелатов и клириков местных церквей, пользующихся поддержкой папы и короля. Реальность гораздо более сложна.

С самого начала XII века трубадуры открыто выражают свои антиклерикальные настроения, с него-

дованием относятся к священникам и развращенным прелатам, заплонившим юг Франции. Однако это прежде всего протест личностей, индивидов, выступающих против представителей чуждого имсловия, бóльшая часть которых вдобавок является пришельцами с севера. В XIII веке трубадуры также яростно возмущаются действиями инквизиции в Тулузе, хотя никто из них — ни тулузец Гильем де Монтаньяголь, ни жонглер Юк де Сен-Сирк — не видит иного спасения, кроме как в лоне Римской церкви, о чем свидетельствует тот пыл, который они вкладывают в создаваемые ими песни крестовых походов (единственный крестовый поход, в который они горят желанием отправиться, — это поход в Святую землю для отвоевания Иерусалима) и поэмы, славящие Святую Деву.

Известно, что среди трубадуров были катары, например уроженцы Тулузы Аймерик де Пегильян, сын суконщика, и Гильем Фигейра, портной, но это скорее исключение, нежели правило. Многие трубадуры в конце жизни становились монахами, главным образом цистерцианцами, то есть членами ордена, возглавившего борьбу с ересью катаров; известно, что в 1145 году в Тулузу прибыл сам святой Бернар, дабы публично посрамить еретиков. До 1209 года цистерцианские аббаты сопровождают присланных из Рима легатов в их поездках по Альбигойскому краю, а затем подготавливают войну «против альбигойцев». Цистерцианцы также являются основными вдохновителями крестовых походов в Святую землю: святой Бернар проповедовал Второй крестовый поход, Анри де Марси — Третий, Арно Амори стал вдохновителем Крестового похода против альбигойцев. Эти новые Христовы герои умеют дойти до сердца каждого рыцаря и пробудить в нем воинский пыл. В XII веке лимузенские и провансальские трубадуры, среди которых Бернарт де Вентадорн и Бертран де Борн, в конце жизни удаляются в лимузенское аббатство Далон; в 1195 году Фолькет Марсельский вступает в обитель Торонет, становится монахом и вскоре аббатом; в 1205 году его назначают епископом Тулу-

зы. В XIII веке многие трубадуры также оканчивают свои дни в монастырях; Пердигон и Гаусберт де Пойсигот удаляются в обитель в Солиньяке, Гильем Райноль д'Ат уходит в цистерцианский монастырь. Овернец Пейре Роджьер и уроженец Лозера бедный рыцарь Гильем Адемар выбирают более суровую стезю и, внимая зову монахов из монастыря Гранмон в Лимузене, подаются в отшельники. Правда, есть предположения, что вскоре они вступили в орден тамплиеров, как это сделали знатный сеньор Ги де Каваллон и провансалец из Воклюза по имени Каденет.

От Альби до Монреалья: первые диспуты

На протяжении полувека, предшествовавшего беспримерному по своей жестокости крестовому походу, монахи-цистерцианцы и испанские проповедники странствуют по землям Лангедока, пытаются вернуть заблудших на путь истины. Вооруженные одним лишь красноречием, они смело вступают в споры с южнофранцузскими еретиками, пытаются оценить силу и степень сопротивляемости своих противников. Судя по свидетельствам очевидцев, на диспуты между католическими и катарскими проповедниками собиралась многолюдная аудитория: рыцари и дамы, горожане и селяне были одинаково охочи до этих, небывалых прежде, словесных турниров. Легкомысленное поведение зрителей, для которых подобные баталии являются прежде всего развлечением, возмущает жителей краев, где «говорят на языке ойль»; об этом пишет цистерцианский монах Жоффруа Осерский, бывший в 1145 году очевидцем проповеди святого Бернара в Тулузе. Святой Бернар пришел, чтобы посрамить еретика по имени Анри и его сторонников, приверженцев «арианской» ереси. Вот что рассказывает Жоффруа:

Господин аббат выступал в небогатых замках, даже в тех, владельцев которых Анри удалось обратить в свою веру. Народ охотно слушал его и верил. Тем не менее мы обнаружили несколько упорствующих ры-

царей, которые, как нам показалось, не столько заблуждались, сколько были охвачены алчностью и исполнены злого умысла. В самом деле, рыцари эти ненавидели клириков и радовались любым проделкам этого Анри... (10)

Ирония, дерзость, насмешки вельможных сеньоров (от трубадура ждут, чтобы он наставлял на праведный путь безумцев и злодеев) выводили из себя защитников Римской церкви. Во время столкновений между поборниками католицизма и катаризма, то есть между участниками состязания, диспута, напомиавшего школьное упражнение, в процессе которого школяры подбирают аргументы на заданную тему до тех пор, пока учителю не будет угодно подвести итоги, присутствие мирян создавало атмосферу беззаботности и ненавязчивого антиклерикализма, свойственную куртуазным собраниям. Защитники ортодоксального учения не всегда понимали, что опасные постулаты религии катаров во многом воспринимались как интеллектуальная игра слов, столь распространенная при куртуазных дворах.

Конфликт обострялся... Епископ Альби принимает решение самолично отправиться к еретикам, дабы посрамить их в их собственном логове — Ломбере, селении-крепости, расположенном в пятнадцати километрах от Альби, по дороге к Кастру. Шел 1165 год, до Турского собора, где были осуждены «дурные сеньоры», дающие пристанище и защиту сторонникам зловредного учения, что распространяется, «словно чума», надо было ждать еще два года. Епископ добивается присутствия на этом диспуте виконта Раймона Тренкавеля, которому рыцари Ломбера традиционно приносят оммаж. Есть основания предполагать, что встреча была организована в форме судебного заседания: с заслушиванием сторон и третьими судьями. Таким способом принято улаживать конфликты среди аристократов: за время скучных и длинных речей друзья успевают поговорить, враги примириться, а заинтересованные лица через посредников договориться о свадьбе. В Ломбер прибывают рыцари, и в первых рядах — Сикарт, виконт де

Лотрек, из свиты виконта Раймона Тренкавеля, который, в свою очередь, сопровождает супругу графа Тулузского Констанцию, сестру короля Франции (дочери Констанции предстоит выйти замуж за Рожера, сына Раймона Тренкавеля). Руководство дебатами доверено Гаусельму, епископу Лодевскому, искусному полемисту, слывшему знатоком Писания; поддержать его прибыли епископы Нарбонна, Альби, Тулузы, Агда и Нима, а также аббаты, прево и кафедральные архидиаконы. Согласно протоколу, все усилия, бесспорно, талантливого проповедника Гаусельма оказываются напрасны, противники уверенно разбивают все его аргументы. Также отмечается активная роль аудитории мирян, к которым и епископ, и еретики (именуемые в протоколе «добрыми людьми») часто обращаются, беря их в свидетели и желая привлечь на свою сторону (11). Добрые люди отвечают смело, даже напористо, особенно когда речь заходит о том, чтобы осудить Церковь и ее служителей или привести аргументы, на основании которых они отвергают клятву; тем не менее некоторые положения своей доктрины катары скрывают. Гаусельм же выносит приговор не только своим доктринальным противникам, но и всем, кто в будущем станет их поддерживать, а затем взывает к светским властям — королю, графу Тулузскому и местным виконтам, от которых Церковь ждет поддержки и защиты. На этом диспут завершается.

Пока никаких конкретных мер против еретиков не принимается. Однако в умах церковников уже зародилась идея: для посрамления или наказания еретиков в Окситанию надо послать чужестранцев. В 1178 году эту ответственную миссию доверяют Анри де Марси, аббату из монастыря в Клерво; в 1181 году этот аббат совершает вторую поездку на юг Франции — на этот раз по просьбе графа Тулузского. Прибегнув к «цистерцианской» метафоре, Анри выражает глубокое негодование, испытанное им, когда он прибыл в эту «гиблущую землю, где, словно в клоаке, собираются, клубятся и множатся нечистоты ересей» (12). Около 1176 года событие, случившееся в городе

Альби, долго будоражит общественное мнение. По приказу тамошнего сенешаля, вассала виконта Тренкавельского, арестован епископ Альби; сенешаль, некий Гильем Пейре де Брен, утверждает, что действует от имени Рожера Тренкавеля; не секрет, что сенешаль является сторонником «добрых людей». Этот случай — всего лишь эпизод в борьбе, ведущейся между двумя ветвями городской власти, однако его тотчас причисляют к проявлениям ереси; впоследствии крестоносцы не раз будут выражать желание расправиться с Тренкавелями.

Анри разоблачает происки «зловонного» Рожера. Позже, незадолго до 1200 года, Рожер доверит опеку над своим сыном Раймоном Рожером другому законенелому «еретику», Бертрану де Сайсаку, барону, проживающему на землях виконта Каркассонского. После скандального Ломберского диспута (в 1165 г.) и столь же громкого происшествия в Альби (ок. 1176 г.) катарская ересь получает еще один эпитет: «альбигойская»; определение это закрепится и за Крестовым походом.

В 1178 году Анри де Марси призвал Рожера к ответу, однако тот уклонился от встречи с аббатом и отправился в Тарн, в землю Кастр, слывшую поистине заповедным краем еретиков. Однако там до него дошли слухи, что аббат был принят супругой виконта Аделаидой, дочерью графа Тулузского, знаменитой «графиней Бурлац», прославленной трубадурами Арнаутом де Марейлем, Понсом де ла Гуардиа и Гиравтом де Салиньяком. В присутствии Аделаиды и множества рыцарей аббат произнес отлучение Рожера, которое, впрочем, вскоре было снято. Добрые люди по-прежнему обладали свободой передвижения, катары открыто проповедовали свое учение, привлекая на свою сторону все большее число сторонников; особенно много новообращенных было в Лорагэ. Глава знатного рода Сикарт де Лаурак является верующим катаром, его сестра Бланка (13) и двое из его дочерей становятся «совершенными», то есть пастырями катаров. Катарские проповедники свободно проживают в селениях, во многих деревнях име-

ются катарские «дома». В соседнем графстве Фуа, в Мирпуа и Памье отмечено появление немногочисленных еретических коммун, существование которых пока ничем не омрачено.

Крестовый поход против альбигойцев: замысел

После 1200 года события ускоряются. Рим смотрит в сторону юга Франции, где отсутствие твердой государственной власти открывает лазейку для вторжения. Папа решительно намерен уничтожить катаризм, который, судя по донесениям его легатов, развратил все земли, лежащие между Пиренеями и Монпелье. Идея крестового похода начинает приобретать реальные очертания.

Многие полагают, что французский король ждет только предлога, чтобы ввязаться в схватку с Югом страны, ищет причину, чтобы со всей силой обрушиться на Лангедок и захватить его (14). Это не совсем верно. Филипп Август слишком занят борьбой с Иоанном Безземельным, все его силы брошены на север и на запад, хотя нельзя не признать, что в его окружении вызревает идея вторжения на средиземноморские берега Франции.

Рим поддерживает предприятие испанского епископа Диего д'Осма и одного из его каноников, основателя ордена доминиканцев Доминико де Гусмана, выступивших «против полчищ испорченных людей». Испанцы присоединились к монахам Петру Капельно и Раулю, прибывшим из цистерцианского аббатства Фонфруад, основанного в провинции Нарбоннэ. Бесстрашно вступив на территорию противника, эти проповедники-южане, блестящие теологи, владеющие языком «ок», начинают наступление, основанное на возврате к евангельским ценностям. Собрав небольшой отряд из двенадцати цистерцианских аббатов и монахов, весной 1207 года они, разбившись на группы, отправляются проповедовать, начав свой путь с Лорагэ. При поддержке епископа Тулузского (бывшего трубадура Фолькета Мар-

сельского) Доминик создает неподалеку от Фанжо, где он обосновался, обитель для женщин, отрекшихся от катаризма и вновь обратившихся в истинную веру. В Памье ему удастся вернуть в лоно католической церкви Дюрана де Юэску и его еретиков-вальденсов (15), давно уже не выступавших с публичными проповедями; назвав себя «бедными католиками», бывшие вальденсы пополнили ряды доминиканцев. Дюран даже напишет трактат, направленный против катаров.

Между Фанжо и Каркассонном в замке еретика Сикарта, что расположен в селении Монреаль, разыгрывается поистине небывалое действо. Католические проповедники Диего, Доминик, Петр и Рауль и катары Гиладерт де Кастр, Понс Жордан, Бенуа де Терм и Арнаут От перед собравшимися со всей округи рыцарями и селянами затевают теологический диспут, затянувшийся на целых две недели! Арбитры избираются из числа сочувствующих еретикам, однако достаточно осмотрительных, чтобы отказаться от принятия какого-либо решения после окончания дебатов. Сделано ли это для того, чтобы почтить храбрость горстки проповедников? Во всяком случае хронист Гийом де Пюи-Лоранс, сообщивший об этой невероятной встрече, говорит о ста пятидесяти обращенных, которых Диего и его товарищам речами своими удалось вернуть в лоно католической церкви.

Легат Петр Кастиельно не сторонник мер, предпринимаемых Домиником. Убеждение — процедура слишком медленная. Нельзя обратить еретика единственно силою слова, это иллюзия. Вера ушла, мир умер, надо разить еретиков и их покровителей вооруженной рукой, и рука эта должна быть длинной! Раймона VI, уклонившегося от исполнения обещаний, Петр подвергает отлучению:

Все ваши соседи поклялись хранить мир, ответили на увещевания легатов Святого престола; вы один оттолкнули руку с миром и продолжаете искать прибыль в воинственных распрях, словно ворон, пожирающий падаль! (16)

13 января 1208 года в Сен-Жиле состоялась встреча Петра Каастельно с графом Тулузским; но, видимо, легат был непреклонен, а графа обуяла гордыня и отлучение не было снято. Раймон шлет угрозы в адрес легата и сопровождающих его служителей Церкви. В сопровождении аббата Сен-Жиля легат и его свита добираются до берега Роны, через которую намереваются перебраться. На другой день, на берегу реки, простой конюший из графской свиты, «пособник Сатаны», как назовет его Иннокентий III, убивает легата ударом копья в спину. Провокация или преступление? Как бы то ни было, убийство Петра Каастельно явилось долгожданным поводом, сломившим последнее сопротивление противников объявления крестового похода.

Крестовый поход и его первые летописцы (1209—1229)

В июне 1209 года крестовое воинство, готовое к выступлению, собирается в Лионе; большая часть его состоит из рыцарей, прибывших из Иль-де-Франса; рыцарское воинство усилено «пехотинцами» (наемниками), отряды которых возглавляют несколько знатных князей (герцог Бургундский, графы из Невера и Сен-Поля, Монфора и Бар-сюр-Сен); во главе войска встают цистерцианский аббат Арно Амори и ряд знатных прелатов: архиепископ Санса и епископы Отёна, Клермона и Невера. Вторая армия, наступающая со стороны Керси, берет в клещи Тулузский край; возглавляют это войско архиепископ Бордо, епископы Ажена, Базаса и Каора, а также граф Овернский и виконт де Тюренн; под их началом находятся пять или шесть тысяч воинов...

Огромная по тем временам численность армии производит на Раймона VI устрашающее впечатление и он начинает переговоры о «примирении». Босой, в одной рубахе он идет к месту убийства легата, покорно принимает удары розгами и после унижения, принятого на глазах у многочисленной толпы,

ему отпускаются грехи. Он нашивает на одежду крест и присоединяется к армии крестоносцев, пополнившейся тем временем небольшими отрядами двух южнофранцузских сеньоров, графа Валатинуа и сеньора Андуза. Двадцать второго июля крестоносцы осаждают Безье и быстро и почти без потерь захватывают город. Предводители крестоносцев отдают город на откуп «черни» (*ribauds*), то есть наемникам, которые грабят и убивают его жителей, а тех, кому удастся выжить, сгоняют в собор и там сжигают заживо. Горящий купол собора обрушивается на головы несчастных. В ужасе от такого «примера» консулы Нарбонна, Монпелье, Арля и Кавайона тотчас присягают французам.

После взятия Безье крестоносцы направились к Каркассону, и уже через неделю вдали показались крепостные стены, за которыми укрылся Раймон Рожер Тренкавель со своими товарищами. Началась осада, и осажденные, оставшись без воды, еще до середины августа вступили в переговоры. Юный виконт согласился сдать на милость крестоносцев при условии, если жителям будет разрешено беспрепятственно покинуть город «в рубахах и штанах», оставив все свое имущество, «что стóбит дороже пуговицы» (17).

В начале «Песни о Крестовом походе против альбигойцев» клирик Гильем из Туделы также рассказывает о гибели виконта Тренкавеля. Юный виконт погиб потому, что считал своим долгом защищать своих людей, как должно делать каждому благородному сеньору, и в этом он подавал пример своим вассалам:

Ни днем, ни ночью, видит Бог, виконт не спал, не ел,
/ Но лишь о подданных своих и пекся и радел, / И лю-
дям знать, сколь мир стоит, Бог рыцаря не дал, / Что
был бы столь же милосерд, любезен, щедр и смел, /
Как сей племянник графа, тот, кто с графом враждо-
вал. / Он был католик, так о нем один поэт писал, / И
то, сколь вера та крепка, любой священник знал, /
Однако молод был виконт, советов не ценил, / И с те-
ми, чей он был сеньор, в любви и дружбе жил, / Дер-
жался ровней, не был строг, в узде их не держал, / И

слово Церкви в том краю никто не уважал. / Виконт не гнал еретиков, но с ними сам дружил, / Господней кары не боясь, еретиков любил ... (18)

В то время когда граф Тулузский предал своих людей, юный виконт Безьерский до конца защищал своих вассалов. Раймон VI пустил волков в овчарню. Вечером в палатке, при свете коварной луны, он начертил путь к Каркассону и указал крестоносцам на своего племянника как на виновного и заслуживающего наказания. Автор первой части «Песни» осуждает его поступок, хотя и пытается скрыть свои истинные чувства. Хорошо принятый в стане крестоносцев, Гильем тем не менее возвращен на куртуазных идеалах, поэтому он изумлен и опечален предательством графа. Этот клирик-жонглер, уроженец испанской части Наварры, поступил на службу к Бодуэну, брату Раймона VI и его злейшему врагу (Бодуэн, воспитанный при дворе короля Франции, будет сражаться на стороне северофранцузских крестоносцев). В самых первых строках он заявляет, что образцом для его «Песни» послужила «Песнь об Антиохии», также славящая Крестовый поход (направленный на Восток) и также написанная на окситанском языке, только немного раньше — в XII столетии. «Песнь о Крестовом походе против альбигойцев» пишется по мере того, как разворачиваются события, однако рассказ на всем своем протяжении остается на удивление размеренным и гораздо более беспристрастным, чем повествование Пьера из Во-де-Сернея, цистерцианского монаха, прибывшего из Иль-де-Франса; цистерцианец сопровождает Арно Амори и Симона де Монфора и составляет хронику войны против альбигойцев на латыни (20).

В начале 1211 года граф Тулузский разрывает союз с крестоносцами и начинает организовывать оборону своих владений — от Тулузского края до Прованса. В результате драматической гибели племянника, случившейся спустя три месяца после осады Каркассона, и торжества Симона де Монфора земли графа остались без прикрытия. Продолжатель повествования Гильема, уроженец Тулузы, именуемый обычно Ано-

нимом, ибо имя его так и осталось неизвестным, безоговорочно принял сторону южан (21). Он продолжает «Песнь» с того самого места, где его прервал Гильем, то есть с событий сентября 1213 года, когда состоялась печально известная битва при Мюре. Она стала для южан двойным поражением: они проиграли сражение и в нем погиб король Арагонский, в лице которого граф Тулузский потерял своего самого могущественного союзника. Аноним доводит свое повествование до главной победы южан: 25 июня 1218 года при осаде Тулузы Симон де Монфор, согласно преданию, был убит из катапульты, которую зарядила женщина. К одним из последних событий, описанных им, относится также осада Базьежа. В 1222 году «юный граф» Раймон VII, воспетый трубадурами, принимает отцовское наследство. В стане южан возрождается надежда.

Но надеждам южан не суждено сбыться. Эстафетную палочку Анонима перехватывает французский хронист Гильом де Пюилоранс (22), клирик-латинист из окружения Фолькета, который с 1205 по 1231 год является епископом Тулузы. Если верить Анониму, склонному, как и многие его современники, к преувеличениям, бывший трубадур, ставший епископом, а потом и инквизитором, отправил на костер не менее «десяти тысяч» еретиков. Известно, что он благословил французов в битве при Мюре и оплакивал Симона де Монфора. В 1224 году Фолькет присутствует при отъезде сына Симона, Амори де Монфора, отказавшегося воевать за сохранение отцовских завоеваний и передавшего свои права на окситанские земли французской короне. Превратности судьбы не раз подстерегали Фолькета: тулузские консулы, которые уже в 1202 году действовали во имя «тулузской родины», вместе с жителями города четырежды изгоняли его из Тулузы. Когда Гильом де Пюилоранс около 1230 года поступил к нему на службу, епископ вновь держал в руках духовную власть в городе; вскоре он организовал там инквизицию.

В декабре 1228 года в Мо-ан-Бри начинаются переговоры, в результате которых 12 апреля следующего года в Париже, на паперти Нотр-Дам подписыва-

ется мирный договор; как и его отец в Сен-Жиле, униженный и «примирившийся» Раймон VII подчиняется церковным властям и французскому королю. За ним временно сохраняются его владения, сократившиеся до размеров Тулузского епископата; в этих куцых владениях он обязан разрушить все крепости, все укрепления принадлежащих ему замков. Впоследствии его облагают разорительной контрибуцией; деньги эти пойдут в казну инквизиции, официально установленную в 1234 году, и Тулузского университета, основанного в 1243 году. Раймон потерпел поражение, и не только он сам, но и его потомки: Жанна, его единственная дочь и наследница, еще мала, поэтому она будет воспитываться при королевском дворе до достижения брачного возраста, а потом ее отдадут замуж за Альфонса де Пуатье, брата короля Людовика IX, и земли Раймонденов перейдут к Капетингам (23).

Инквизиция и король

Таким образом, в Окситании устанавливается власть французских королей (24). Создаются два сенешальства — Каркассонское и Бокэрское; под контролем сенешаля Бокэрского оказываются бывшие владения графов Тулузских на правом берегу Роны. Соглашение, подписанное в Мо, а затем «ратифицированное» в 1229 году в Париже, признало за папами право на левобережные земли, расположенные к северу от реки Дюранса, в то время как на юге король Арагонский сохранял свои провансальские владения в том же объеме, какими они были в XII веке. Пройдет еще пятнадцать лет, прежде чем в Лангедоке окончательно угаснет надежда на возрождение его былой славы, а в 1244 году будет захвачено последнее пристанище катаров — замок Монсегюр. Только в этой неприступной крепости, построенной на скале в графстве Фуа, и в странноприимных домах Италии и Каталонии катары после альбигойского погрома могли чувствовать себя спокойно; в других местах им сразу же пришлось уйти в глубокое подполье.

«Совершенные», мужчины и женщины, прячутся в домах простых «верующих», которым с тех пор, как передвижной трибунал инквизиции ведет расследования и выносит приговоры, приходится скрывать свои убеждения: каждый день изображать добрых христиан, а по воскресеньям покорных прихожан (25). Инквизиция хватается тех, о ком ходят подозрительные слухи, на кого поступит донос от почтенных и достойных доверия граждан; доносы обычно рассматривает сам епископ (26). Доносчики получают солидное вознаграждение: по две марки серебром в течение двух лет, а тому, кто схватит еретика, будет выплачиваться пожизненная рента в одну марку серебром (одна марка весит примерно двести сорок пять граммов). С теми, кто отрекается от своей веры или кто выдает другого еретика, обходятся менее сурово: имущество их конфискуется, их отлучают от Церкви, налагают покаяние, им предписывается пришить на одежду крест и уплатить большой штраф; однако им сохраняются жизнь и свобода. Наиболее непреклонных ожидает «тьма», то есть временное или пожизненное заключение с особо суровым режимом содержания. Для неукротимых же готов костер.

Сначала вести расследования доверяют соратникам Доминика (27), братьям-проповедникам, которые впоследствии станут зваться доминиканцами. Затем инквизиция начинает назначать судей из мирян, которые станут вести следствие под руководством епископов и надзором монахов из нищенствующих орденов: доминиканцев или францисканцев; орден францисканцев был основан святым Франциском Ассизским (28). Инквизиторы тащат на костер даже старцев, хватая их на смертном одре, выкапывают трупы умерших катаров или тех, кто по слухам исповедовал катарскую веру; подобное надругательство глубоко возмущает южан. Избыточное рвение и злоупотребление властью вредят общественному порядку и процветанию, а следовательно, величию государства и церкви. Начиная с 1247 года Людовик IX активно вмешивается в дела Юга, с конца XIII века южными делами начинает столь же активно интере-

соваться папа Климент V; король предпринимает шаги по удовлетворению жалоб и возвращению неправомерно конфискованного имущества, папа старается умерить ставшие уже бессмысленными репрессии.

Тем временем «усмирение» продолжается, а побежденные, но не сломленные южане пытаются оказывать сопротивление. Сын виконта Раймона Рожера, Раймон Тренкавель-младший, нашедший пристанище при дворе короля Арагонского, в 1240 году прибывает в Руссильон, затем в Корбьер, а оттуда отправляется осаждать Каркассонн, который защищают сенешаль и епископ Тулузский; во время осады погибают тридцать католических священников. Затем виконт со своими людьми запирается в Монреале. Он рассчитывает на поддержку жителей, выразивших свою солидарность с гонимыми катарами, и рыцарей-*файдитов**, у которых отобрали их замки; также он пытается вступить в контакт с английским королевским войском, которое поддерживает сеньор Лузиньянский. Раймон VII вступает в антифранцузскую коалицию, во главе которой становится граф де Фуа. Бывшие враги — Тренкавель-младший и Раймон VII — вынуждены примириться. В мае 1242 года один из племянников Раймона сообщает отряду *файдитов (faidits)*, прибывших из Монсегюра под предводительством бывшего сеньора Мирпуа, что в Авиньонете, в графском замке остановились на ночлег инквизиторы и сопровождающий их отряд солдат, всего человек десять; и все десять были убиты, а записи их уничтожены. Мятежники возвратились в Монсегюр, а сенешаль Каркассонна начал готовить карательную экспедицию. Однако понадобится больше года, чтобы захватить неприступную крепость, которую укрепляли и обороняли не только проповедники-катары, но и обученные военному делу рыцари и наемники. Монсегюр капитулировал 2 марта 1244 года. Рыцари и их семьи получили прощение, около двухсот катаров — те, кто не смог бежать, — были сожжены, а Монсегюр разрушен (29). Падением Монсегюра завершилась война против альбигойцев.

В 1271 году, через год после кончины своего бра-

та, короля Людовика Святого, умер Альфонс де Пуатье, и графство Тулузское было окончательно присоединено к королевскому домену.

Гуманизм завоевывает Европу

В суровые годы Крестового похода против альбигойцев дворы на юге Франции претерпевают серьезные изменения. На смену ценностям куртуазным приходят ценности общечеловеческие. Изменения, произошедшие в обществе, несмотря на жестокость «баронов с Севера», подавлявших любое инакомыслие, можно вполне назвать прогрессивными, как свидетельствует о том тулузский Аноним, автор второй части «Песни о Крестовом походе против альбигойцев». Куртуазные добродетели, прославленные в песнях трубадуров, почитаются как и прежде, однако они приобретают общечеловеческое звучание, наиболее яркое свое выражение получившее в творчестве Пейре Карденаля, чье неутомимое перо трудилось на протяжении почти всего XIII столетия (1). Обращение к ценностям общечеловеческим можно наблюдать уже в середине XII века в творчестве трубадура Маркабрюна. С 1978 года итальянский ученый Аурелио Ронкалья неуклонно подбирает доказательства «христианского морализаторства» гасконского трубадура, проповеди гуманизма, разумеется, совершенно нетипичных для того времени; впрочем, в ряде песен трубадур, действительно, с насмешкой говорит о том, как прежние ценности начинают утрачивать свое значение (2):

Свернув с прямой дороги, Юность клонится к закату,
а Великодушие, ее сестра, потихоньку удаляется, ведь
эта обманщица, госпожа Постоянство, никогда не
наслаждалась ни Радостью, ни Юностью (3).

Тем временем по разным причинам, и в том числе политическим и эстетическим, критика уже давно стала противопоставлять трубадуров, творивших до Крестового похода, трубадурам эпохи после Кресто-

вого похода против альбигойцев (4). Начало этому положил Клод Фориэль в 1837 году, в предисловии к своему изданию «Песни о Крестовом походе против альбигойцев» он представил Крестовый поход «как борьбу между Гордыней и Благодородством». Дуалистическое видение тогдашней Франции, расколовшейся на Север и Юг и раздираемой военными конфликтами, противоречит целостному мировосприятию, нашедшему свое отражение в доктрине «великого куртуазного пения». Куртуазная любовь по-прежнему существует. Однако не следует сводить к кансоне, высшей форме выражения любовного чувства в поэзии трубадуров, все поэтические находки, которыми богато творчество окситанских поэтов, тем более трубадуров «века борьбы» (как определил период с 1209 по 1300 год Робер Лафон). *Amor*, любовь, постепенно перестает быть компонентом романтического или даже романного мировосприятия, а начинает выступать как всеобъемлющее чувство, неотъемлемая часть человеческого мышления, определяющая его отношения со своими ближними, иначе говоря, становится синонимом гуманизма. Если бы не было Крестового похода против альбигойцев, то, возможно, это измерение любви трубадуров не выразилось бы со всей силой отчаяния или не нашло бы своего выражения вовсе.

В тоске, в печали

Осенью 1209 года, спустя три месяца после осады Каркассонна, Раймон Рожер Тренкавель, виконт Безьерский и Каркассоннский умирает в тюрьме, и тотчас разносится слух, что его отравили. В глазах южан виконт становится мучеником. Новый Пилат, как именует Гильем Ауджьер тюремщика виконта, французского графа Симона де Монфора, только что избранного главой крестового воинства, распорядился устроить пышные похороны, дабы все в крае знали, что сеньор их мертв. Жертва, принесенная виконтом, этим образцовым рыцарем, добро-

волью сдавшимися врагу ради спасения жителей Каркассонна от массовой резни, участи, постигшей жителей Битерруа, вдохновила трубадура Гильема Ауджьера Новела, уроженца Дрома, на создание горестного плача (*planb*):

Каждый сетует и скорбит о понесенной утрате, /
Каждый печалится и горюет; / Увы, сердце мое исполнено гнева / И безмерной скорби! / Ибо никогда, сколько бы дней ни отведено мне было, не устану я его оплакивать и скорбеть о нем, / Никогда не сумею я найти нужные слова, чтобы рассказать о выдающихся достоинствах и беспримерных добродетелях / Отважного виконта. Увы! он погиб! Родом был из Безье он, / куртуазный, отважный, / Радостный, / Ловкий, белокурый, / Лучший рыцарь на свете! (5)

Он погиб, потому что был верен рыцарским и куртуазным доблестям, и теперь весь Юг, где его все поддерживали, погружен в печаль. Но украшенному львом знамени Симона де Монфора не суждено долго развиваться над укреплениями Каркассонна, города, который король Франции уступит именитому крестоносцу в 1215 году. Монфор погибнет в 1218 году под стенами Тулузы: метко пущенный рукою мятежной женщины камень разmozжит ему голову... Вот какую эпитафию, ироничную и одновременно проникнутую отчаянной скорбью о тех, кто пал от руки Монфора, написал Аноним в «Песни о Крестовом походе против альбигойцев»:

...Будь кто из вас учен / И вздумай надпись ту прочесть, которой граф почтен, / Узнал бы этот грамотей, что граф Монфор причтен / К святым, что, стало быть, в раю вкусит блаженство он, / Сторицей Бог ему воздаст, как то гласит канон, / И за мученья наградит короной из корон. / В том нет сомненья ни на грош у клира и мирян, / Ведь если кто-то лил рекой кровь добрых христиан / И лживым словом обольщал, и Зло возвел на трон, / И, сея семена вражды, нанес Добру урон, / И если Рыцарство и Честь унизил сей тиран, / Детей и женщин истреблял, пятная честь и сан, / И все же Господом Христом был избран и спасен, / То ясно, сколь святую жизнь он прожил в мире сем! (6)

Сторонник графов Тулузских, Аноним активно использует словарь трубадуров, чтобы выразить свою пылкую приверженность католической вере и одновременно яростную враждебность к крестоносцам, будь то клирики или миряне:

В чем смысл жестокой сей войны? Тут есть простой ответ: / Бог власть и землю тем дает, в ком видит Правды свет! / Пускай возвысился Обман, заткнув Закону рот, / Не вечно властвовать ему, возмездие грядет. / Пусть ныне Рыцарство и Честь унизил наглый сброд, / Но расцветает вновь цветок и семя плод дает, / И вот наследник молодой с Монфором спор ведет / За край, за вотчину свою, за весь свой древний род, / И Крест идет войной на Льва, что никнет от невзгод. (7).

Увы, всем прекрасно известно, что спустя десять лет на паперти Нотр-Дам «лев» заставил поникнуть «крест» и молодой граф Раймон VII отдал Капетингам и свою землю, и свою наследницу.

Сирвенты в защиту Благородства

Сирвента в полной мере становится орудием политического сопротивления и защиты ценностей куртуазного универсума трубадуров. Перо окситанских поэтов постоянно выводит название символа доблести южан — термин *paratge*. Первоначально *paratge* в южнофранцузской культуре означало «благородство по рождению»; однако постепенно, под влиянием моральных ценностей, проповедуемых трубадурами, оно изменяется и начинает обозначать «благородство сердца». Вспомним о куртуазной дочери виллана, пастушке Маркабрюна; пастушка низкого рождения, тем не менее она оказывается вполне куртуазной и по своим душевным качествам, и по сообразительности.

Золотой век остался в прошлом. Как бы продолжающие славить его трубадуры ни желали его вернуть, усилия их напрасны: мир постарел, мир сошел с ума; но если, по их мнению, старое дворянство XII столетия сгнуло во время гонений (трубадуры считают

его погибшим, тогда как на самом деле оно просто приспособляется к новым условиям), из его пепла возрождается новое поколение граждан — не дворянского рода, но с благородным сердцем. Спустя век после падения Монсегюра семь «трубадуров» города Тулузы провозглашают себя «единственными и подлинными наследниками» трубадурского искусства. Они организуют Академию Веселой Науки (*Consistori del Gai Saber*), дабы возродить поэтические традиции трубадуров и «поддержать» искусство куртуазной любви, прославленное знаменитыми окситанскими поэтами.

В наши дни одна американская исследовательница назвала XIII век «веком Благородства» (9). Возможно, этим определением она хотела подчеркнуть, что из времени, «исполненного горя и тоски», родилась целая литературная эпоха, наполненная катаклизмами, эпоха, когда во весь свой громкий и насмешливый голос звучали сирвенты, когда кансоны, повинувшись велению души, превращались в молитву, а окружающая жизнь — в ад, и поэт из родных мест отправлялся в чужедальные страны. Там бедный файдит надеялся обрести кров и пристанище при пока еще гостеприимном дворе; увы, теперь несчастный изгнанник гоним отнюдь не прекрасной, но жестокосердой дамой, а властью, заключившей союз с Церковью и королем.

Мятеж против власти: Римская церковь и французский король

Горестный настрой трубадуров порождает поэзию сопротивления, «сражающийся *trobar*». Сирвента, написанная около 1230 года, единственная из принадлежащих перу трубадура Бернарта Сикарта де Марведжольса из Лозера, посвящена королю Жауме I Арагонскому, прозванному Завоевателем; она может считаться поистине образцовым манифестом, направленным против общества, развращенного клириками и французами:

Из глубины своей тоски / Извлек сирвенту я, чьи строки обжигают [...] и трудно описать мне / Пнев и печаль, которые меня обуревают, / Ибо я вижу, как в мире нашем всё перевернулось: / Они Закон попрали: / Им нипочем ни Клятвы и ни Вера! [...] Я всякий день скорблю, / А по ночам вздыхаю, / Когда не сплю и даже когда сплю! / Куда ни повернись, / Везде я слышу, как рыцарь куртуазный / Смиренно «сир» французу говорит: / Французы пощадили нас: / Пусть выгоду свою при этом соблюдут; / Иначе я не вижу у них иного Права... (10)

Закон Господа Бога и земных сеньоров нарушен: клятвы верности, на которых зиждется вассальная система южнофранцузского феодального общества, не имеют иных гарантий, кроме чести — как сеньора, так и его вассала; французы же, к которым примкнула значительная часть сеньоров-южан, в том числе и родовитое дворянство, из-за пристрастия к наживе извратили понятие клятвы. Христианская вера также подверглась искажению из-за продажных и лживых клириков, и теперь «Благородство отступает. А знатные роды оскудели и принижены» (11).

Когда французы заняли Тулузу, тамошний трубадур Гильем де Фигейра, родившийся около 1195 года, вынужден был отправиться в изгнание в Ломбардию. С ранней юности став изгнанником-файдитом, он сочиняет сирвенту из двадцати трех строф общим объемом в сто шестьдесят один стих. Это самая смелая сатира во всей южнофранцузской литературе, острие которой направлено против Рима и папства:

Рим, ты корень зла. / Ласкова, мила, лесьть твоя подла... Рим! Ты закоснел во лжи и преступленьях... / Рим! Ты вор в ворах, / И, что себе ни сцапай, / Ты в чужих краях все держишь цепкой лапой... / Рим! Любой ценой — насилья иль подвоха — / Жрешь ты кус чужой, когда лежит он плохо. / Агнца вид святой состроил ты, пройдоха, / Лют, как волк иль змей (12).

Посланные Римом и королевской властью проповедники, чья деятельность находится под контролем инк-

визиции и, в частности, братьев-проповедников, принадлежащих к ордену, основанному Домиником, будущим святым, также подвергаются суровой критике:

Голос у них, поистине, ангельский, язык подвешен отлично, и слова они произносят четко;/ Слова же эти лживы, хитроумно и ловко подобраны, словно нити в английском холсте; / Все они стоят на месте, и сказаны к месту, и лишних нет, / И приятно их слушать, / Потому что тот, кто их произносит, не кашляет и не хрипит, / А со слезами и жалостью рассказывает про путь / Иисуса Христа... (13)

Однако красивые слова несколько не соответствуют повседневному делам, которые творят эти монахи, возмущается Пейре Карденаль. Они едят жирную пищу, пьют хорошие вина, зимой носят теплые плащи из английской шерсти, летом же широкую и удобную одежду, чтобы не было жарко; когда холодно, они носят обувь на толстой подошве или башмаки из тонкой марсельской кожи... они ходят и проповедуют... призывая душу и добро посвятить Господу!

Безумный дождь: перевернутые ценности

Родившись около 1180 года в Пюи-ан-Велэ, в дворянской семье, Пейре Карденаль получил образование в монастырской школе при тамошнем соборе и стал клириком. Когда же он вырос, он «поддался влечению к мирской суете»; так написано в его жизнеописании, составленном его современником Микелем де Ла Тором во второй половине XIII века (14). Пейре Карденаль покинул сей мир почти в столетнем возрасте, около 1280 года. Человек, исключительный хотя бы уже по причине своего долголетия, он стал трубадуром, посещал дворы знатных сеньоров, в том числе и графов Тулузских — Раймона VI (1194—1222) и его сына Раймона VII (1222—1249). Среди его высокопорожденных покровителей были король Арагонский Жауме Завоеватель, виконт Марсельский Юк де Бо, графы де Фуа — отец и сын (отец, Раймон Рожер, кото-

рого анонимный автор «Песни о Крестовом походе» называет «пригожим и отважным», поддерживает дело графа Тулузского перед папой на Латеранском соборе 1215 года); Эсклармонда, сестра графа де Фуа, приняла веру катаров и стала одной из «совершенных».

Зарабатывая на жизнь ремеслом трубадура и секретаря (Пейре Карденаль некоторое время был секретарем Раймона VI), поэт женится, становится отцом семейства и живет бедно. Он посещает дворы — не слишком богатые, как, например, двор в Пюи-Сент-Мари, где он в молодости принимал участие в поэтических турнирах, в которых прославился Монах Монтаудонский, и, наоборот, пышные и блистательные, как, например, дворы Тулузы и Арагона, где его талант вызывает восхищение сеньоров.

Поэтическое наследие Карденалья огромно: сохранилось около ста текстов, в основном без мелодии; в жизнеописании говорится, что поэт возил с собой жонглера, исполнявшего его сирвенты. Больше половины стихотворений Карденалья принадлежит именно к этому жанру; он редко воспевает «куртуазную» любовь, ибо бедствия эпохи, в которую ему довелось жить, предоставляют его острому критическому уму самые разнообразные мишени и он, исполнившись язвительности и праведного гнева, не устанно поражает их. Если посмотреть его глазами на современное ему общество, становится ясно, что ни одно сословие не ускользает от его внимания; читая его стихи, легко убедиться, сколь несовершенен этот мир: ложь и алчность заменили в нем любовь и чувство чести. Этот мир сошел с ума. И вот, чтобы понять место трубадура в этом безумном мире, он сочиняет басню. Идет безумный дождь:

В одном городе, не знаю, в каком, / Однажды случил-
ся такой ливень, что каждый житель его промок до
нитки / И насквозь пропитался безумием (15).

И только один человек, проспавший весь дождь дома, сохранил рассудок. Но все остальные считают его сумасшедшим, набрасываются на него с кулаками и в

конце концов избивают до полусмерти. Мораль, которую трубадур выводит из этого случая, такова:

Для басни своей я взял за образец дурное отражение
нашего мира и нашего века. / Наш век подобен горо-
ду, / Где привольно произрастает безумие. / Попро-
буй сделать смыслом жизни / Любовь к Господу и
старайся / Соблюдать его заповеди, / Делай так, и те-
бя станут считать сумасшедшим / Те, кого дождь де-
лает алчными, / Дождь, который вместе с водой про-
ливает потоки грязи, / Гордыни и гнусной ненави-
сти. / Увы! мы все в грязи... (16)

Исполненный воинственного антиклерикализма и глубокой веры в Господа, трубадур заявляет о себе как о приверженце евангельских христианских добродетелей, побуждающих его ненавидеть зло и любить добро, а также быть защитником куртуазных ценностей, которые, по его мнению, являются лекарством от социальных зол, ибо только куртуазная любовь может считаться источником истинных доблестей. Дурному королю, а именно Иоанну Безземельному, при чьем дворе царит «куцая куртуазия», Пейре Карденаль противопоставляет государя, которого выбирает его сердце — юного графа Раймона VII Тулузского; это о нем Карденаль складывает такие строки: «Так же как чистый ключ порождает воду, так и он порождает рыцарство!» (17)

Новые ценности — новые функции трубадура

Моралисты и критики, трубадуры XIII века высоко ценят свое поэтическое ремесло; однако отныне к роли поэта они сознательно присоединяют роль пророка и вождя. Видя, насколько погряз в пороках мир, эта исполненная мерзостей клоака, как Римская церковь, берет на себя репрессивные функции, поэт не может молчать, не может перестать петь. Скорбящий, тоскующий, бунтующий, он не способен воспевать зло, а потому не может все сказать. Побуждаемый настоятельной потребностью «нахо-

дить слова» — разве можно иначе объяснить уверенную поступь лирики в эпоху «горя и тоски»? — трубадур на свой манер становится «братом-проповедником»! Он преподносит урок этому порочному миру, проповедует истинную веру, чувствуя, что обязан это делать, ибо доминиканцы с ангельскими голосами являются дурными христианами, а клирики в большинстве своем «щедрый, когда надо получать, и скупой, когда надо дарить по доброте душевной» (18). В качестве лекарства для исцеления общества трубадур предлагает добродетели «истинной любви», *fin'amor*. Однако ему приходится изобретать новые инструменты, более приспособленные к текущим потребностям его искусства. Пейре Карденаль создает новые жанры: эстрибот (*estribot*), проповедь (*sermo, predicansa*), клич (*crida*), басню (*faula*). В эстриботе, который завершается подлинным кредо католической веры, он критикует и духовенство, и папский Рим, и самого святого Петра, «которому велено было налагать покаяния и судить, что разумно, а что безумное». Разъяснения и советы ободряют слушателей; любая проповедь имеет своей целью смягчить страдания и наставить на путь праведной жизни, кою надобно вести, следуя примеру Христа. Трубадур может сам спеть для Господа свое кредо и свою молитву.

Молитва трубадура: внутреннее пристанище

Во многих из дошедших до нас текстов содержится резкая критика Церкви, Рима, клириков, а также церковных институтов в целом; в то же время тексты эти свидетельствуют о том, что авторы их были искренне верующими людьми. Средние века, и в частности XII и XIII века, являются христианским временем, когда евангельские ценности ставятся исключительно высоко, чему немало способствовал небезызвестный Франциск Ассизский, по-своему, «в духе времени», сумевший возродить их заново. Не покидая лона Римской католической церкви, он переплавля-

ет в горниле своего учения доктрину катаров о нестяжательстве и стремление достичь общественного идеала, примером которого служит куртуазный универсум трубадуров.

Самым объемным и хорошо сохранившимся произведением средневековой окситанской литературы является поэма «Бревиарий любви», изначально задуманная как энциклопедия; количество имеющихся сегодня рукописей этого текста примерно равно числу сборников песен трубадуров, составленных в XIII веке (19). Автору «Бревиария» удалось соединить воедино все духовные течения, существующие на юге Франции, начиная с первых трубадуров и до спиритуалов, самых непримиримых сторонников францисканской бедности. О создателе «Бревиария» Матфре Эрменгау известно не слишком много. Он родом из Битерруа, легист по образованию, адепт учения францисканцев; есть основания предполагать, что он был членом ордена миноритов. В сочинении он делает дерзкую попытку синтезировать идею связующего звена между Богом и его творением; функцию этого звена он отводит Любви (Амору), метафизическому единству, правящему миром. Описывая Древо Любви, образ, определивший структуру произведения, автор дает развернутое изложение христианской доктрины и христианской морали. Привилегированное место в нем отводится молитве во всех ее формах. Мирянам — а в XIII веке трубадуры в большинстве своем были именно таковыми — он советует молиться от всей души, в укромном уголке, ибо, говорит он:

«Мне хочется, чтобы отныне вы знали, что Господь не живет там или здесь, в церкви или в ином другом здании, и с уверенностью отвечали, что Господь пребывает всюду. Однако доподлинно известно, что главным жилищем своим он избрал сердце доброго человека (20).

В конце XIII века Пейре Карденаль сочиняет эстробот, где выступает в роли глашатая кредо мирянина:

Я верую в единого Бога, рожденного человеческой матерью, / В сына Святой Девы, который спас нас. / Он — Отец, он — Сын, он — Дух Святой, / Он един в трех лицах. / Я верю, что Он отверз небеса, чтобы изгнать падших ангелов, / И верю, что, когда Он появился, святой Иоанн / Обнял Его и покрестил Его водою. / Иоанн знал о своей миссии еще до своего рождения: / Во чреве своей матери он повернулся вправо. / Я верую в Рим, в святого Петра, которому было велено / Судить нас по делам нашим, по замыслам и по грехам (21).

Трубадур умолкает; он говорил «во имя Бога, дабы Его возлюбили еще больше». Вот так и святой Франциск, прозванный «Poverello» («беднячком»), бегал по улицам Ассизи, крича: «Любовь не возлюбили!»

Не будет преувеличением сказать, что «Бревиарий любви» является своеобразным синтезом учения о Любви. И хотя это сочинение никак нельзя причислить к сборникам песен трубадууров, тем не менее в нем приводится двести шестьдесят две (!) цитаты из кансон шестидесяти шести трубадууров; не будь «Бревиария», некоторые кансоны до нас не дошли бы...

Новым ценностям — новые формы: роман, новелла, жизнеописание и комментарии

Трубадуры видят, как в мире воцаряется дух наживы. Зачем богач кичится своим богатством, возмущается поэт, ведь конец — вот он, каждому до него рукой подать, каждому предстоит проститься с жизнью, проститься с любовью. И всем придется вручать Господу свою душу, свое единственное неотчуждаемое богатство, полученное в дар от Него.

Lauzengiers, подхалимы из окружения сеньора, образуют основную группу придворных, процветающих при южнофранцузских дворах. Об этом свидетельствуют жесты (*chansons de geste*) из цикла о Гильоме Оранжском, созданном в XII веке, например «Нимская телега» (22). Но уже в лирической поэзии XII века семантическое поле слова *lauzengier* посте-

пенно расширяется, им начинают обозначать также любителя позлословить (23). Серкамон и Маркабрюн первыми употребили термин *lauzengier* со значением «клеветник»; к льстивым словам, с которыми придворный угодник обращается к сеньору, добавляется клевета: льстец не упускает возможности позлословить; так при дворе постепенно воцаряются испорченные нравы. В лирических стихотворениях, прославляющих куртуазную любовь, персонаж, обозначаемый словом *lauzengier*, обычно не идентифицирован. *Lauzengier* — тот, кто пытается нарушить гармонию в отношениях между влюбленным поэтом и дамой, он вредит *амору*, нашептывая дурное о возлюбленной даме или же о даме возлюбленному, и так до тех пор, пока влюбленные в конце концов не расстанутся. «Клеветник» может быть знатного рода, однако озлобленность унижает его, низводит до уровня виллана как в моральном, так и в социальном плане. Как к виллану относятся к нему и в легенде о съеденном сердце, рассказанной в жизнеописании руссильонского трубадура Гильема де Кабестаня (24). Клеветник (*lauzengier*) в подавляющем большинстве своем является анонимом, тем не менее он наделен могучей властью слова; этот злокозненный посредник препятствует рыцарю вести себя куртуазно, как подобает. Предавая *амор*, клеветник становится врагом всего общества. Именно на клеветников Раймбаут Оранский возлагает основную вину за угасание *fin'amor*, которое он наблюдает повсюду (25).

В конкурентных отношениях с термином *lauzengier* находится термин «ревнивец» (*gelos/gilos*), отсылающий нас к сопернику, претенденту на любовь дамы или же к мужу дамы, всесильной личности, которая никогда не присутствует на сцене, но всегда является хозяином положения и руководит игрой. В XIII веке в новом жанре новеллы, небольшом по объему рассказе, ревнивец занимает одно из основных мест — например, в новелле *Castia Gilos*, «Наказанный ревнивец», сочиненной каталанцем Раймоном Видалем из Безалу после 1214 года (26). В лирике трубадуров нет ревнивых женщин, они появляются

только в том случае, если за перо берутся женщины-трубадурки, *trobairitz*, о которых мы говорили выше. Наконец, в XIII веке открыто проявляет свою ревность муж — например, в поэме «Фламенка», которую мы именуем романом, то есть сочинением, написанном на романском языке. Автор же, оставшийся неизвестным, называет свое произведение «рассказом» (27). В этой истории, созданной около 1234 года и имеющей объем более восьми тысяч восьмисложных стихов, говорится о любви героини, златоволосой Фламенки, к прекрасному Гильему, рыцарю, переодевшемуся клириком. Фламенка замужем, то есть занимает положение обычное для возлюбленной трубадура, но влюбленный в нее муж (новая ситуация для куртуазного универсума) с самого дня свадьбы превращается в ужасного ревнивца, ибо присутствующий на свадьбе король явно восхищен его супругой... Ревность убивает любовь между людьми и портит куртуазное общество Юга. Хитрость, найденная влюбленными, «изобретающими», одно за другим, слова, которыми они обмениваются в церкви во время мессы, была придумана трубадуром XII века Пейре Роджьером, овернским клириком, избравшим стезю жонглера (28). Искусная комбинация понятий и словесных ухищрений трубадурского искусства и необычные для прежних жанров литературные ходы объединились в новом жанре рассказа (новеллы, *novas*). Влюбленные находят способ укрыться от глаз ревнивца и утолить свою страсть (бесспорное новшество, ибо трубадуры чаще всего скромно умалчивали о том, в чем состоит радость */joi/* любви): они назначают свидания в банях; однако способ этот — лекарство временное. Впрочем, конец истории неизвестен, ибо сохранилась только одна рукопись романа, а у нее не хватает последних листов...

Новелла, рассказ — перекидной мостик к повествовательным жанрам, и хотя мода на стихи еще не прошла, мелодия, в сопровождении которой они прежде исполнялись, практически исчезла: слова кансоны Пейре Роджьера в романе уже не поются, а произносятся шепотом. Начинается время историй

о трубадурах, рассказов в прозе: в середине XIII века появляются *vidas* и *razos*, жизнеописания и комментарии, авторы которых, преимущественно анонимные, обуреваемы желанием собрать все, что людская память сохранила о трубадурах, о их жизни и образе мыслей, и поведать об этом молодому поколению, которое уже не знает трубадуров, но по-прежнему поет их песни. Эти «уникальные повествования», согласно выражению Альберто Лиментани (29), свидетельствуют о жизнеспособности поэзии трубадуров, не желающей умирать и по-прежнему «изобретающей» способы воспевать даму, ту самую, что уже превратилась в иконографический образ для поклонения.

Святая Дева: образ идеальной дамы

Испытав на себе всю тяжесть церковного гнета, обрушившегося на юг Франции после Крестового похода против альбигойцев, трубадуры обращаются к вечному «цветку радости» (Гираут Рикьер) (30), к исполненной всеобщего сострадания Даме. Нищенствующие ордена, доминиканцы и францисканцы, усиленно насаждают экзальтированное поклонение Марии, девственная красота которой, воспетая веком святого Бернара, нашла свое выражение в витражном образе, беспрепятственно пропускающем свет. На пути к «абсолютной чистоте» в некоторых светских кругах даже начинают поговаривать о Непорочном зачатии, догме, которая будет принята Церковью только в XX столетии. Каталанец Раймонд Льюль, воспитанный при дворе короля Арагонского, излюбленном пристанище трубадуров, станет одним из участников ученого спора по поводу этого постулата, а также автором величественных песен, обращенных к Деве Марии; и хотя вдохновение он черпает в литургической пении, поэзия его является бесспорной наследницей лирики трубадуров: «Книга святой Марии» (*Libre de santa Maria*), «Книга прославления Марии» (*Libre de Ave Maria*), «Часослов Бо-

гоматери» (*Horas de Nostra Dona*) (31). Мятёжный Пейре Карденаль без колебаний выражает свое полное доверие Марии, обращаясь к ней с такими словами: «Тот, кто в тебя верит, / Не нуждается в иных защитниках...» (32) Анонимный автор «Райских цветочков» (*Flors de paradis*) в двадцати трех строфах, по одиннадцать стихов каждая, излагает учение францисканцев о Деве Марии, используя куртуазную модель трубадура Гаусельма Файдита. Контрафакция (*contrafactum*), повторное использование метрических и музыкальных моделей своих предшественников, в том числе и моделей латинских стихов (*versus*), свойственна поэтической манере трубадуров изначально и продолжается вплоть до самого заката трубадурского искусства. Так, например, моделью для похвалы Марии («Райский Цветок / Царица манер куртуазных, / Преклоняется перед вами / Кающийся, с неизменными чувствами в сердце...») (33) послужила злая сатира против Рима, составленная Гильемом де Фигейрой между 1226 и 1229 годами (34). Явная ирония характерна для конца эпохи, создавшей лирику. Будучи очевидным признаком жизнеспособности, она становится движущей силой трубадурского искусства, не допуская «обновления фасада посредством набожности». Об этом свидетельствует великолепный сборник песен R (35), составленный в окрестностях Тулузы в XIV веке (36); лирика, нашедшая место на его страницах, пребывает под двойным покровительством — сначала Христа, а затем Девы Марии. Обращение к небесным покровителям можно встретить и в начале «Книги Гираута Рикьера», трубадура, уроженца Нарбонна, современника мантауанца Сорделя и Раймонда Льюля (37). Из Нарбонна, где некогда графиня Эрменгарда принимала оммаж от самых знаменитых трубадуров и поддерживала овернца Пейре Роджьера, Рикьер должен ехать искать пропитание при последних «куртуазных» дворах Окситании. Он жалуется, что приходится «блуждать от одного двора к другому» и никто, даже ученый король Альфонс X Кастильский, не может откликнуться на его просьбу и по специальному ука-

зу отделить шутов от жонглеров, трубадуров от «докторов поэзии», то есть «тех, кто в совершенстве постиг высокое искусство *trobar*» (38). Двор Генриха II, графа де Родеса, похоже, отныне является единственным уголком окситанской земли, не заказанным для *поэтических состязаний* (39).

Файдиты при дворах Италии и Испании

Давно уже пути трубадуров ведут ко дворам, что находятся по ту сторону Пиренеев (40) и Альп. Для тех, кто отважно отправлялся в изгнание, становился *файдитом*, начиная с XII века путь традиционно лежал в сторону гостеприимных дворов южных полуостровов. Образованные государи охотно принимали при своих дворах поэтов и музыкантов, способных добавить блеска их имени и дому. Уже в середине XII века Маркабрюн состоял на службе Альфонса VII Кастильского. Двор королей Арагонских и королевский дом правителей Барселоны поистине были землей обетованной, где привечали трубадуров и высоко почитали их искусство (41): за период с середины XII века и до начала XV века семь правителей этих дворов занимались сочинительством на окситанском языке и оказали покровительство большому числу окситанских стихотворцев.

По другую сторону Альп куртуазная активность никогда не прекращалась; сначала в нее были вовлечены северные дворы, а затем и южные, вплоть до самой Сицилии. Одним из первых трубадуров, перебравшихся через Альпы, был провансалец Раймбаут де Вакейрас. Сначала его видели при дворе маркграфов Маласпина в Генуе, затем, после долгих странствий, его встречают в Ломбардии при дворе маркиза Бонифачио Монферратского, где он и прожил до самой смерти (42). В Италии осуществляется чудесный симбиоз между искусством *trobar* и народным языком. По свидетельствам историков итальянского языка, Раймбаут «впервые пишет рифмованные строфы на нашем языке» (43). Многие генуэзцы и

ломбардцы сочиняют на языке ок. Самым известным из них является мантуанец Сордель (Сорделло), родившийся около 1200 года. Данте, спустившись в Чистилище вместе с Вергилием, также уроженцем Мантуи, встречает там Сорделя, и встреча эта способствует еще большей славе итальянского трубадура (44). Однако его жизнеописание гласит:

Был он хорош собой, добрый певец и добрый трубадур, в любви знал толк, но дам и сеньоров, у какихых оставался, обманывал часто и бывал им неверен (45).

Из-за постоянных обманов жить в Италии Сорделю стало опасно, и он, уподобившись файдиту, пускается странствовать — Прованс, Лангедок, Кастилия... Тридцать пять лет о нем нет известий, затем он возвращается в Северную Италию, где его обнаруживают в Новаре в тюрьме, откуда его вытаскивает папа Климент IV (Пи Фолькейс, в молодости бывший трубадуром), автор «Семи радостей Девы Марии» (*Sept Joies*) (46). Теоретик рафинированной куртуазной любви, Сордель вместе с тем является участником многочисленных любовных походов, в которых дама является всего лишь предметом вождения, и, дабы вождение это утолить, он эту даму похищает! Словом, полное расхождение между словами и делами. В XIII веке, по праву именуящемся веком морализаторства, защита куртуазных доблестей у Сорделя находит свое место в «Наставлении по части чести» и в сатире на современных ему государей, написанной в форме плача на смерть провансальского сеньора Блакаца. Блакац умер, а вместе с ним погибла и куртуазность. Трубадур весьма своеобразно обыгрывает легенду о «съеденном сердце» (47): чтобы возродились былые доблести, всем государям, у которых нет сердца, следует съесть по кусочку сердца Блакаца, таким образом они приобретут часть тех качеств, которых им крайне не хватает. В самом деле, если верить жизнеописанию, для своего времени Блакац поистине являлся вместилищем и хранилищем всех куртуазных ценностей:

Весьма любил он ухаживание за дамами, дары щедрые, сраженья, траты, блистательные куртуазные торжества, радость и пение, — все вообще, что изысканному мужу приносит честь и славу (48).

Блакац умер в 1236 году.

Родившийся в начале XIII века Персеваль Дориа из знаменитого генуэзского рода состоял на службе у императора Фридриха II. Он исполнял обязанности подеста в городах Прованса: сначала в Арле, а затем в Авиньоне, и в Италии: в Асти, а затем в Парме. Сочиня стихи на двух языках, он стал пропагандистом трубадурского искусства среди придворных поэтов императора. Сочиня на окситанском и на еще не окрепшем итальянском стихи на одни и те же темы, он достигает совершенно разных результатов (49). Персеваль Дориа — один из поэтов сицилийской школы, основанной Фридрихом II в Палермо (50). Двор Фридриха II становится центром империи, задуманной как воплощение преждевременной мечты о единой многонациональной Европе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наследие трубадуров

К 1150 году, когда на севере государства, которое в наши дни называется Франция, только начинают осваивать новые формы поэтического творчества, трубадурское искусство окончательно завоевывает южные области Франции. Литературный феномен трубадуров прекрасно вписывается в особую социологическую структуру общества, характерную для южноевропейских земель, а именно в культурную жизнь двора при «замке сеньора». Куртуазная любовь вполне гармонирует с повседневной придворной жизнью, одной из отличительных черт которой, согласно определению Аурелио Ронкалья (1), является «чувство коллективной солидарности, воспитанное полицентричной и типологически гомогенной культурной средой». Данное определение отражает единообразие и одновременно сложность явления, именуемого трубадурским искусством.

Воспитанные на латинской учености, родившиеся в самом центре лимузенской литургической музыкальной культуры, испытавшие влияние цивилизации Иберийского полуострова, трубадуры становятся активными тружениками на ниве рождения новой культуры, книжной по сути, но народной по форме, ибо говорит она на языке, доступном всем от

рождения; под пером трубадуров этот народный — окситанский — язык приобретает привилегированный статус письменного языка. Постепенно трубадуры начинают активно использовать традиции устного народного творчества, описывают детали частной жизни; иногда они даже бывают грубы. Новая манера любить, говорить, петь постепенно прививается при дворах сильных мира сего, и аристократы-феодалы приносят ей свою клятву верности. Из самых глубин общества, насквозь пронизанного христианским мировоззрением, впервые, подобно юной травке, пробивается на свет культура мирская: трубадуры перелагают на стихи и музыку мечту о прекрасной любви, побуждающей их сердце петь; отныне трубадур исповедует культ дамы реальной и наделенной плотью. Рождение новой, мирской субъективной культуры обставлено скромно, тем не менее эта наследница и конкурентка клерикальной культуры обещает дожить до наших дней (2). Трубадуры поют и сочиняют, потому что они влюблены. «Я люблю, значит, я пою», — говорит каждый из этих мужчин и женщин, творчество которых является вехами двухвековой истории трубадуров. Они также, каждый по-своему, рассказывают и о своей повседневной жизни, и о борьбе.

Лирика трубадуров неотрывна от расцвета окситанского языка, и трубадуры, таким образом, являются неотъемлемой частью истории Окситании. Однако в тот момент, когда трубадуры овладевают окситанским языком, создают из него свой инструмент, у края нет объединяющей его политической структуры, поэтому язык его не обладает ни универсальной коммуникативной, ни всеобъемлющей культурной функцией. Литература, завещанная трубадурами потомкам, свидетельствует, что язык окситанских поэтов бытовал на уровне основного средства общения, или *койне*.

Когда блистательные дворы южан XII столетия исчезают в пламени столетия XIII, трубадуры оплакивают их утрату и свои обманутые надежды. Но даже когда они горько сожалеют о гибели куртуазной

любви (*fin'amor*), щедрости (*largeza*) и радости (*joy*), это еще не конец куртуазности. Новые «куртуазные» дворы образуются вокруг короля Капетинга. Есть они и на севере Италии, где обосновались многие знатные семейства, хотя упадок тамошних дворов уже не за горами: там начинается стремительный рост городов; новые дворы только отчасти напоминают прежние, ибо теперь там царит поэзия труверов с севера Франции. В Северной Италии создано наибольшее число рукописных антологий, в том числе и самые ранние «сборники провансальских песен»; провансальские песенники создаются в одно время с первыми поэтическими текстами на итальянском языке, к которым относятся, например, сочинения Гвиттоне д'Ареццо, также имеющие хождение в рукописных сборниках. На Сицилии император Фридрих успешно раздувает жаркий огонь в созданном им очаге культуры; на Иберийском полуострове, в Каталонии и Кастилии, просвещенные князья продолжают покровительствовать дворам любви. В конце XII века на западном побережье расцветает галисийско-португальская лирика; сочинения галисийско-португальских и окситанских поэтов вместе составляют самый полный корпус (*corpus*) средневековой придворной лирики о любви и о друзьях, равно как и сатирических стихов. Составленное в конце XIII века одним из первых компиляторов собрание этой поэзии попадает в Италию, где его делят на сборники, которые и сохранились до наших дней. Похоже, именно Италии принадлежит честь «изобретения» феномена «рукописного песенника». Уже с конца XII века блистательные дворы Италии притягивают к себе окситанских трубадуров и, в частности, уроженца Лимузена Гаусельма Файдита. Ряд уроженцев Италии станут писать стихи на окситанском и среди них Сордель из Мантуи, совершивший путешествие из Северной Италии в Испанию и Португалию, оттуда в Прованс, а затем в Неаполитанское королевство.

Европа, опутанная густой сетью дорог, по которым беспрерывно идут паломники и крестоносцы,

подготовлена к распространению новых идей и музыки, разносимых бродячими жонглерами и музыкантами. В 1180—1230 годах миннезингеры (*Minnesänger*) Южной Германии используют мотивы окситанской лирики последних десятилетий XII века. Аристократическое искусство миннезанга (*Minnesang*), или «любвонной песни», распространяется при дворах государей и сеньоров.

Хорошо бы продолжить изучение многообразия системы отношений между меценатами и трубадурами; идею для подобного исследования может дать хронологический список, приводимый в приложении к настоящей работе; совершенно очевидна необходимость составить более точное представление о причинах поразительной интеллектуальной и жизненной силе трубадурского искусства, воодушевлявшего окситанских поэтов с самого начала XII столетия. Искусство это настолько захватывало их, что они добровольно перебирались через моря и горы, чтобы только передать те знания, которые в XIV веке тулузцы назовут «веселой наукой». К этим людям, к трубадурам, любит обращаться их собрат, современный поэт Кристиан Бобен (3). Он доверительно сообщает нам: «Когда я хочу подышать воздухом, я отправляюсь в XII век к тамошним грубиянам-воинам, к тамошним трубадурам, тем самым трубадурам, которые одной рукой нежно ласкали ветку вишневого дерева, а другой выводили имя любимой женщины».

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр. — М., 1968; далее — Блок.

Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья / Пер. с лат. Ю. Ф. Шульца. — М., 1970; далее — Кодекс.

Вентадорн Б. Песни / Пер. В. Дынник. — М., 1997 (Серия ЛП); далее — БВ.

Данте А. Малые произведения (О народном красноречии) / Пер. Ф. А. Петровского. — М., 1968; далее — Данте.

Данте А. Новая жизнь. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. — М., 1967; далее — Комедия.

Жизнеописания трубадуров / Изд. подгот. М. Б. Мейлах. — М., 1993 (Серия ЛП); далее — Жизнеописания.

Памятники средневековой латинской литературы X—XII вв. — М., 1972; далее — Памятники.

Песни трубадуров / Пер. А. Наймана. — М., 1979; далее — ПТ.

Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов / Пер. В. Дынник. — М., 1974 (БВЛ, т. 23); далее — БВЛ. Фламенка / Изд. подгот. А. Найман. — М., 1983 (Серия ЛП); далее — Фламенка.

Хрестоматия по зарубежной литературе Средних веков. — М., 1953; далее — Хрестоматия.

ВВЕДЕНИЕ

1. Nelli R. Raimon de Miraval. *Du jeu subtil à l'amour fou*. Lagrasse, Verdier, 1979, p. 129.

2. Lafont R. *Clef pour l'Occitanie*. Paris, Séghers, rééd. 1987, p. 60.

3. *Ibid.*, p. 59.

4. Navarro Peiro M.A. *Panoramica de la literatura hispanobrea. In: Los Judios en Cordoba (ss. X—XII)*. Cordoue, 1985.

5. *Gervais de Tilbury. Le Livre des Merveilles*. Trad. et commenté par A. Duchesne, préface J. Le Goff. Paris, Les Belles Lettres, 1992, 195 p.

6. ПТ, с. 54.

КУРТУАЗНЫЕ ДВОРЫ ОКСИТАНСКИХ СЕНЬОРОВ

Хороший двор и куртуазная служба

1. Paterson L. *The World of the Troubadours. Medieval Occitan Society, c. 1100—1300*. Cambridge, Univ. Press, 1993, p. 90, note 1.

2. Gaucelm Faidit. «*Planh sur la mort de Richard Coeur de Lion*», in: *Anthologie des troubadours*. Paris, UGE, coll. «10/18», 1979, p. 240.
3. Ed. J.M.L. Déjeanne. *Poésies complètes du troubadour Marcabru*. Toulouse, Privat, 1909, p. 165—166.
4. Riquer M. de. *Los Trovadores*. Barcelone, Planeta, 1975, p. 491.
5. «Garin lo Brun», ed. G.E. Sansone, in *Testi didattico-cortesi di Provenza*. Bari, Adriatica (coll. «Biblioteca di filologia romanza», 29), 1977.
6. «Guiraut de Bornelh». ed. R. Sharman, in: *The Cansos and Sirventes of the Troubadour G. de B.: a critical edition*. Cambridge University Press, 1989, p. 464.
7. Gouiran G. *Le seigneur-troubadour d'Hautefort. L'oeuvre de Bertran de Born*. Aix-en-Provence, Publications de l'université de Provence, 2-e éd., 1987, 637 p.
8. In: «Bertran de Born». ed. M. de Riquer, in: *Los Trovadores*, op. cit., p. 737—739.
9. Paterson L. *The World of the Troubadours...* op. cit., p. 90—119.
10. Bonnassie P. «Culture et société dans le comté de Toulouse au XII-e siècle». in: *De Toulouse à Tripoli, la piussance toulousaine au XII-e siècle*, musée des Augustins, Toulouse, p. 29—38. — Loeb A. «Les relations entre les troubadours et les comtes de Toulouse (1112—1229)» in: *Annales du Midi*, n° 163, juill.-sept. 1983, p. 225—259.
11. Aurell M. *La vielle et l'épée. Troubadours et politique en Provence au XIII-e siècle*. Paris, Aubier, coll. «Historique», 1989, 379 p.
12. Ibid., p. 47.
13. Жизнеописания... с. 153.
14. Ed. Lazar M. *Bernard de Ventadour, troubadour du XII-e siècle, chansons d'amour*. Paris, Klincksieck, 1966, p. 92, v. 23.
15. Voir: Hasenohr G. et Zink M. *Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age*. Paris, Fayard 1992, p. 101—104.
16. Жизнеописания... с. 153.
17. Marcabru, op. cit., p. 62.
18. Ed Lazar M. *Bernard de Ventadour ...* op. cit., p. 100, v. 25—26.
19. Ibid., p. 82, v. 18
20. Ibid., p. 100, v. 29.

Трубадуры поют во славу Женщины

1. Duby G. *Mâle Moyen Age. De l'amour et autres essais*. Paris, Flammarion, coll. «Nouvelle Bibliothèque scientifique», 1988, 270 p.
2. Lesne B. *Ave Eva, Chansons de femmes des XII-e et XIII-e siècles*. Compact Disque, Opus 111, 1995.

3. Rieger A. «Ins e.l cor port, dona, vostra faisso, Image et imaginaire de la femme à travers l'enluminure dans les chansonniers des troubadours». *Cahiers de civilisation médiévale*, t. 28, 1985, p. 385—415.

4. Ed. Avalle (D'Arco Silvio), Peire Vidal. Poesie. Milan-Naples. Ricciardi R. 1960.

5. *Chants d'amour des femmes-troubadours*. Paris. Stock/Moyen Age, 1995, p. 42.

6. «Observations historiques et sociologiques sur la poésie des troubadours», *Cahiers de civilisation médiévale*. t.7,1964, p. 27—51. — «Sens et fonction du terme *jeunesse* dans la poésie des troubadours», in *Mélanges René Crozet*, Poitiers, CESCМ, 1966, p. 569—583.

7. Bezzola R. *Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500—1200)*, troisième partie, t. I, Paris, Champion, 1963.

8. Dalarun J. *Robert d'Arbrissel fondateur de Fontevraud*. Paris, Albin Michel, 1986, 205 p.

9. ПТ, с. 30.

10. Ed. Sakari A., *Poésies du troubadour Guillem de Saint-Didier*, «Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki» XIX, 1956, p. 128, v. 33—34.

11. Gouiran G. *Lo ferm voler. Les troubadours et l'Europe de la poésie*, *Anthologie*. Montpellier, CRDP, 1990, p. 193.

12. Ed. E.Hoepffner. *Les Poésies de Bernart Marti*. CFMA, n° 61, Paris, Champion, 1929, p. 8.

13. Ed. N.Pasero. *Guglielmo d'Aquitania, poesie*. Modene, Mucchi, 1973, p. 249.

14. Gouiran G. *Lo ferm voler... op. cit.*, p. 24—29: «Сестра моя, — говорит дама Агнесса даме Эрмессан, — он действительно немой, и это сразу видно. Так начнем же, сестра моя, приготовления к омовению и удовольствию». Я пробыл в этом месте восемь дней и более...»

15. ПТ, с. 32.

16. ПТ, с. 32.

17. Bec P. *Anthologie des troubadours, op. cit.*, p.53—55.

18. Ed. des six pastourelles de Guiraut Riquier, voir Riquier M. de. *Los Trovadores... op. cit.*, p.1624—1646.

19. Фламенка... с. 144 (в переводе в ст. 4577 употреблен термин «труверка»).

20. Gouiran G. *Lo ferm voler... op.cit.*, p.25.

21. Rieger A. *Trobairitz. Der Beitrag der Frau in der altokzitanischen Lyrik*. Ed. des Gesamtkorpus, Tuebingen, Niemeyer, 1991.

22. Bec P. *Chants d'amour des femmes-troubadours. op. cit.*, p. 20.

23. *Ibid.*, p.185—192.

24. Жизнеописания ... с. 204.

25. БВЛ, с. 76.

26. Напр., в рукописном сборнике окситанских кансон: R, Paris, BNF fr. 22543, f.11.

27. Bec P. *Chants d'amour des femmes-troubadours. op. cit.*, p. 28.

28. Ed.S. Stronski. *Le Troubadour Elias de Barjols*. Toulouse, coll. «Bibliothèque méridionale», 1906, repr. New York — Londres, 1971.

29. Bec P. *Anthologie des troubadours. op. cit.*, p. 243—245.

30. Voir Hasenohr G. et Zink M. *Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age, op. cit.*, p. 59—62.

31. Lejeune R. «Le rôle littéraire d'Aliénor d'Aquitaine et de sa famille». *Cahiers de civilisation médiévale*. t. 1, 1958, p. 319—337.

32. Stirnemann P. *Women and Books in France: 1170—1220*. in: *Feminea Medievalia*, dir. Wheeler B. Cambridge, Academia Press, 1993, p. 247—252.

33. Aurell I Cardona M. «La détérioration du statut de la femme aristocratique en Provence (X-e — XIII-e siècles)», in: *Le Moyen Age*, t.1, 1985, p. 5—32. — Duhamel-Amado C. «Femmes entre elles. Filles et épouses languedociennes (XI-e — XII-e siècle)», in: *Femmes. Mariages-Lignages XII-e — XIV-e siècles*. Mélanges offerts à Georges Duby. Bibliothèque du Moyen Age. De Boeck Université. Bruxelles, 1992, p. 125—155.

34. Caille J. «Ermengarde, vicomtesse de Narbonne (1127/1129—1196/1197). Une grande figure féminine du Midi aristocratique». in: *La Femme dans l'histoire et la société méridionales (IX-e — XIX-e siècle)*. Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. Montpellier, 1995, p. 9—50.

35. Duby G., chap. IV de *La Femme au Moyen Age* (Direction M.Rouche, J.Heuclin). Publications de la ville de Maubeuge, diffusion Jean Touzot. Paris, 1990, p. 445—463. Duby G. (dir.), *Histoire des femmes*, t. II, *Le Moyen Age*, chap. VIII: «Le modèle courtois», p. 261—276.

36. Moreau M. «*L'Age d'or des religieuses. Monastères féminins du Languedoc méditerranéen au Moyen Age*. Montpellier, Max Chaleil Ed., 1988, 270 p.

37. Bourin-Derruau M. *Villages médiévaux en Bas-Languedoc. Genèse d'une sociabilité (X-e — XIV-e siècle)*. 2 t., Paris, L'Harmattan, 1987, 808 p.

Сражения и игры

1. Бертран де Борн. «Наш век исполнен горя и тоски...» (*Si tuit li e.l plor e.l marrimen...*) БВЛ, с. 95.

2. *La Guerre au Moyen Age, Catalogue exposition*, château de Pons (Charente-Maritime), juill.-aout 1976, Pons, 1976, 115 p. — Wolff Ph. «Guerre et paix entre pays de langue d'oc et Occident

musulman», *Cahiers de Fanjeaux: Islam et chrétiens du Midi XII-e — XIV-e siècle*, n° 18, Toulouse, Privat, 1983, p. 29—42.

3. Camboulives R. «La bataille de Muret (12 sept. 1213), un Bouvines méridional», *Revue du Comminges*, LXXXVIII, 1975, p. 255—273.

4. Higounet Ch. «Un grand chapitre de l'histoire du XII-e siècle: la rivalité des maisons de Toulouse et de Barcelone pour la prépondérance méridionale», in *Mélanges Louis Halpben*, Paris, 1951, p. 312—322. — Caille J. «Les seigneurs de Narbonne dans le conflit Toulouse-Barcelone au XII-e siècle», *Annales du Midi*, n° 171, juill.-sept. 1985, p. 227—244. — Cau Ch. «Le comté de Toulouse, essai de géographie politique», in *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 15—20. — Duhamel-Amado C. «Les Trencavel et la guerre méridionale au XII-e siècle», in *L'Écrit occitan et l'État toulousain avant la croisade*. Centre d'étude de la littérature occitane (CELO), William Blake & co Ed., 1994, p. 117—138.

5. Barrassar B. (dir), *Histoire des Espagnols, t. I, VI-e — XVII-e siècle*, Paris, Armand Colin, 1985, 517 p. — Lafont R., *La Geste de Roland*, t. I: *L'Épopée de la Frontière*, 344 p., t. II: *Espaces, Textes, Pouvoirs*, 292 p., Paris, l'Harmattan, 1991. — Lafont R. *Le Chevalier et son Désir. Essai sur les origines de l'Europe littéraire 1064—1154*, Paris, Kime, 1992, 232 p.

6. D'après l'expression de P. Bonnassie.

7. БВЛ, с. 94—95.

8. Duby G. *Guillaume le Maréchal ou le meilleur chevalier du monde*, Fayard, 1984, 190 p. — Koehler E. *L'Aventure chevaleresque. Idéal et réalité dans le roman courtois*, préface de Le Goff J., traduit de l'allemand, Paris, Gallimard, 1974, 318 p.

9. Blancard L. *Iconographie des sceaux et bulles des archives des Bouches-du-Rhône*, t. I, p. 43, t. II planche XXIII, Marseille.

10. Dainville M.de. *Sceaux conservés dans les archives de la ville Montpellier*. Imprimerie Laffite-Lauriol, Montpellier, 1952, p. 28.

11. Жизнеописание ... с. 175.

12. (*Le Livre des Merveilles, op. cit.*, p. 102—103.)

13. Gropp G.M. «Les douzes mois figuréz. Un manuscrit et une traduction», in *Romania*, t. 101, 1980, p. 262—271.

14. БВЛ, с. 60.

15. ПТ, с. 30.

16. Вес P. *Anthologie... op. cit.*, p. 137.

17. БВЛ, с. 82.

18. Riquer M. de. *Los Trovadores, op. cit.*, p. 1613—1614.

19. БВЛ, с. 31.

20. La messe est inversée.

21. Rey-Dolqué M. «Jeux et divertissements», *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 147.

22. Paterson L. *The World of the Troubadours*. Cambridge, 1993, p. 114—119.

23. «Geoffroi de Vigeois», in Hasenohr G. et Zink M., *Dictionnaire... op. cit.*, p. 505.
24. Paterson L. «Great Court festivals in the South of France and Catalonia in the twelfth and thirteenth centuries», in: *Medium Aevum*, t. 51, 1982, p. 213—221.
25. Hasenohr G. et Zink M. *Dictionnaire... op. cit.*, p. 247—249.
26. *Vieles ou violes... op. cit.*
27. «Эстампида о неразделенной любви», ПТ, с. 147.
28. «Все цветет! Вокруг весна!..», БВЛ, с. 31.
29. «Jeux et divertissements», *op. cit.*, p. 146—152.
30. «Песня о том, что невыносимо». ПТ, с. 123.
31. «Jeux et divertissements», *op. cit.* На с. 149 автор воспроизводит вырезанную из кости шахматную фигуру, изображающую «визиря». Фигурка эта хранится в Музее августинцев в Тулузе.
32. Sur les *Echecs amoureux*, voir: Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 397—398.
33. Вес Р. *Burlesque et obscénité chez les troubadours. Le contre-texte au Moyen Age*. Stock/ Moyen Age, 1984, p. 46—48.

ТРУБАДУРЫ И ИХ ИСКУССТВО

Роль трубадуров в жизни общества юга Франции

1. БВ, с. 67.
2. Жизнеописания... с. 177.
3. *Ibid.*, p. 9.
4. Beech G. «L'attribution des poèmes du comte de Poitiers à Guillaume». *Cahiers de civilisation médiévale*, t. 31, 1988, p. 3—16. — Martindale J. «Cavaleria et Orgueil. Duke William IX of Aquitaine and the Historians», in C. Harper-Bill and R. Harvey (ed.) *The Ideals and Practice of Medieval Knighthood*, 3 vol., Woodbridge, 1986—1990.
5. Bezzola R.R. *Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident (500—1200)*, 5 vol., Paris, Champion, 1944—1967.
6. Voir Riquer M de. *Los Trovadores*, *op. cit.*, p. 107—108.
7. Fabre G. et Lochard Th., *Montpellier, la ville médiévale*, Paris, Impr. national, L'Inventaire, Etudes du patrimoine, 1992, 310 p.
8. Hasenohr G. et Zink M., *Dictionnaire... op. cit.*, p. 329—330.
9. ПТ, с. 54.
10. Пер. А. Наймана, в кн.: Флуар и Бланшефлор. М., 1985, с. 157.
11. *Ibid.*, p. 237.
12. Жизнеописания... с. 245.
13. *Ibid.*, p. 16.

14. *Ibid.*, p. 220.
15. Bec P. *Chants d'amour... op. cit.*, p. 27—29.
16. *Ibid.*, p. 53—61.
17. Riquer M. de. *Los Trovadores... op. cit.*, p. 233—235.
18. Жизнеописания... с. 12.
19. Bec P. *Anthologie... op. cit.*, p. 233.
20. Voir Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 160—162.
21. Paden W. *Bernart de Ventadour le troubadour devint-il abbé de Tulle?* in *Mélanges Pierre Bec*, Poitiers, 1991, p. 401—413.
22. БВ, с. 85.
23. ПТ, с. 74.
24. Чистилище, XXVI, 117 (пер. М. Лозинского).
25. Жизнеописания... с. 165.
26. БВЛ, с. 140.
27. ПТ, с. 47.

Ученичество и ремесло

1. Bec P. *Burlesque et obscénite... op. cit.*, p. 81—84.
2. Harvey R. «Joglers and the professional status of the early troubadours», *Medium Aevum*, t. 62, 1993, p. 221—241.
3. Voir Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 410—412.
4. Riquer M. de *Los Trovadores... op. cit.*, p. 343—344 et 354.
5. Riche P. *Ecoles et enseignement dans le haut Moyen Age*, Paris, 2-e éd. 1989.
6. Riquer M. de. *Los Trovadores... op. cit.*, p. 1648.
7. Frank I. *Répertoire métrique de la poésie des troubadours*, Paris, Champion, 1953—1957.
8. Par exemple Jean Mouzat ou Max Rouquette.
9. Bec P. *Anthologie... op. cit.*, p. 254.
10. Aubrey E. *The Music of the Troubadours*, Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1996.
11. *Ibid.*, p. 66 sq.
12. Edition en cours par Lobrighon et Peres M.
13. Voir Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 1454—1455.
14. *Ibid.*, p. 509—510, 780—781.
15. *Ibid.*, p. 779—780.
16. Sansone G. *Testi didattico-cortesi di Provenza*, Bari, Adriatica (coll. «Biblioteca di filologia romanza», 29) 1977. — Monson D. *Les «ensenhamens» occitans: essai de définition et de délimitation d'un genre*, Paris/ Klicksieck, 1981.
17. Ed. Linskill J. *Les Epitres de G.R., troubadour du XIII-e siècle*, Liege (AIEO), 1985.
18. Ed. Bond G.A. *The Extant Troubadours Melodies*, Rochester, NY, 1984.
19. *The Music of the Troubadours*, Bloomington, Indiana University Press, 1996.
20. Dans l'ouvrage collectif *A Handbook of the Troubadours*,

édité par F.R.P. Akehurst et J.M.Davis, Berkley, University of California Press, 1995.

21. Рукопись Fr. 844 называется провансальским песенником *W* или французским песенником *M* — в зависимости от того, какие тексты, в ней содержащиеся, интересуют исследователей; рукопись fr. 2005 = провансальский песенник *X* или французский *U*.

22. Tyssens M. «Les copistes du chansonnier français U», in *Lyrique romane médiévale: la tradition des chansonniers*. Actes du colloque de Liège, 1989, éd. Tyssens M., Liège, université de Liège, 1991, p. 379—397.

23. Paris, BNF, fr. 22543= chansonnier provençal R.

24. Milan, Bibl. Ambros. R 71 sup.=chansonnier provençal G.

25. Время создания последних песен Гираута Рикера.

26. Voir Aubrey E. *The Music ... op.cit.*, p.262—264.

27. Век P. *Vieles ou violes?... op. cit.*

28. Век P. *Anthologie... op. cit.*, p. 132.

29. Жизнеописания... с. 43.

30. Riquer M. de. *Los Trovadores... op. cit.*, p. 470.

31. ПТ ... с. 82—83.

32. Последняя строфа сирвенты: *Volentiers ferai sirventes* («Я сирвентес сложить готов...»), БВЛ, с. 99.

33. Trad. Gouiran G. *Le seigneur-troubadour d' Hautefort. L'oeuvre de Bertran de Born*. Aix-en-Provence, Université de Provence, 1987, p. 33.

Странствия трубадуров

1. *Le Guide du pèlerin de Saint-Jacques-de-Compostelle*, trad. et commentaire Vielliard J., Paris, Vrin, 1984, 5-e ed., 152 p.

2. *Les routes du sud de la France de l'Antiquité à l'époque contemporaine*, Comité des travaux historiques, Paris, 1985, 522 p. — *L'Homme et la Route en Europe occidentale au Moyen Age et aux temps modernes*, in *Flaran* n° 2, 1980. — Clément A.-P. *Les Chemins à travers les âges en Cévennes et Bas-Languedoc*, Montpellier, Ed. Max Chaleil. 1989, 379 p.

3. «Le pèlerinage», *Cahiers de Fanjeaux*, n° 15, Privat, Toulouse, 1980, 304 p. — Gauthier M.-M. *Les Routes de la foi. Reliques et reliquaires de Jérusalem à Compostelle*, Fribourg/Paris, Office du livre, Bibliothèque des arts, 1983, 220 p. — Dupront A. *Du sacré. Croisades et pèlerinages. Images et langages*, Paris, Gallimard, 1987.

4. Mouzat M. *Les poèmes de Gaucelm Faidit, troubadour du XII-e siècle*, édition critique, Paris, Nizet A.G., 1965, 612 p.

5. Век P. *Anthologie... op. cit.*, p. 310—315.

6. ПТ, с. 30.

7. Dufourq Ch.-E. *La Vie quotidienne dans les ports*

méditerranéens au Moyen Age (Provence-Languedoc-Catalogne). Paris, Hachette, 1975, 250 p.

8. *Ibid.*

9. *Le livre des Merveilles, op. cit.*, p. 85.

10. БВЛ, с. 111—112.

11. Baby F. «Toponomastique du pèlerinage...», *Cabiers de Fanjeaux*, n° 15, p. 57—78.

12. Rey-Delque R. «Le pèlerinage à Saint-Jacques-de-Compostelle», *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 235—247.

13. Gilles H. «Lex peregrinorum», *Cabiers de Fanjeaux*, n° 15, p. 161—190.

14. Подробно содержание документа изложено в работе: Rey-Delque R., *op. cit.*, p. 238—239.

15. Coste-Messelière R. de la et Jugnot G. «L'accueil des pèlerins à Toulouse», *ibid.*, p. 117—135.

16. Gouiran G. *Lo ferm voler... op. cit.*, p. 27—29.

17. *Le guide du pèlerin, op. cit.*, p. 13—15.

18. *Ibid.*, p. 21.

19. *Ibid.*, p. 23.

20. Dossat Y. «Types exceptionnels de pèlerins: l'hérétique, le voyageur déguisé, le professionnel», *Cabiers de Fanjeaux*, n° 15, p. 207—225.

ОБЫДЕННОСТЬ И РОСКОШЬ

От замка к замку

1. Sautel G. «Les villes du midi méditerranéen au Moyen Age. Aspects économiques et sociaux (IX—XIII-e siècle)», in *Recueil de la société Jean Bodin*, t. VII, p. 313—356. — *Histoire d'Albi* (dir. J.-L. Biget), *Histoire de Rodez* (dir. H. Enjalbert), *Histoire de Carcassonne* (dir. Guilaine et Fabre), etc.

2. Le Goff J. (dir.), vol. II de *L'Histoire de la France urbaine. La Ville médiévale*, Paris, Le Seuil, 1980. — Pradalie G., Lartigaut J., Bove J.-P., Catalo J. «Les Transformations du cadre urbain», in: *Archéologie et vie quotidienne aux XIII-e — XIV-e siècles en Midi-Pyrenees*, Toulouse, musée des Augustins, 1990, p. 29—72.

3. Napoleone A.-L. «L'architecture civile», *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 91—92.

4. Gaich C. «Le bacino, élément décor de la maison romane», *ibid.*, p. 93—94.

5. Cursente B. «Castra et castelnaux dans le Midi de la France (XI-e — XV-e siècle)», *Châteaux et peuplements en Europe occidentale du X-e au XVIII-e siècle, Flaran*, n° 1, 1980, p. 31—55. — Collectif, «Villages castraux et habitats isolés», in *Archéologie et vie quotidienne... op. cit.*, p. 117—135.

6. *La maison du castrum de la bordure méridionale du Massif*

Central, Archéologie du Midi médiéval, supplément 1. Carcassonne, 1996, 221 p.

7. Barrière B. «Les fortifications médiévales en Limousin: un état de la recherche». *Sites défensifs et sites fortifiés au Moyen Age entre Loire et Pyrénées*, Aquitania, suppl. 4, 1990, p. 93—102.

8. Gardel M.-E. *Les Châteaux de Lastours*, Carcassonne, Centre d'archéologie médiévale du Languedoc, 1981, 31 p. — Gardel M.-E. «Le bâtiment III du *castrum* de Cabaret (Lastours, Aude)», in *La maison du castrum... op. cit.*, p. 163—175.

9. Duhamel-Amado C. «Aux origines des Guilhem de Montpellier (X-e — XI-e siècle). Questions généalogiques et retour à l'historiographie», *Etudes sur l'Hérault*, nouvelle série, n° 7—8, Montpellier, 1991—1992, p. 89—109.

10. Авторы исследования о домах и замках, расположенных на юге Центрального массива, делят жилища на три группы: самые просторные имеют площадь основания от 50 до 60 кв. м; жилища поскромнее имеют площадь основания от 30 до 50 кв. м, а самые скромные — от 20 до 30 кв. м.

11. Duhamel-Amado C. «Les Guilhem de Montpellier à la fin du XII-e siècle, un lignage en péril», *Revue des langues romanes*, n° 1, 1985, p. 13—28.

12. Иллюстрации содержатся в трех великолепных выставочных каталогах: Rey-Delque R. «Les mobilier», in *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 101—103. — Marandet M.-Cl. «L'équipement de la maison», in: *Archéologie et vie quotidienne... op. cit.*, p. 146—148. — «La maison», in: *Aujourd'hui le Moyen Age. Archéologie et vie en France méridionale*, dir. G. Demians-d'Archimbaud, Marseille, 1981, p. 23—32.

13. *Manger et boire au Moyen Age*, Actes du colloque de Nice, Centre d'études médiévales, 15—17 oct. 1982, Paris, Les Belles Lettres, 1984. — Delque-Rey R. «L'alimentation», in: *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 115—118.

14. Фламенка... с. 17.

15. Du Monge de Montaudon, trad. Nelli R. in *Ecrivains anti-conformistes... op. cit.*, p. 213—215.

16. Boutière J. et al., *Biographies*, op. cit. p. 20.

17. Redon O., Sabban S., Serventi S. *La Gastronomie au Moyen Age*, préface G. Duby, Stock, 1991, 334 p.

18. Cartulaire du Chapitre Saint-Nazaire de Beziers, dit *Le Livre Noir*, éd. Rouquette, n° 178, Paris-Montpellier, 1918.

19. Rey-Delique R. «Les représentations du repas», in *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 123—127.

20. *Le guide de pèlerin... op. cit.*, p. 20—21, 27—29.

Забота о внешности и красоте тела

1. Brunel-Lobrichon G. «L'iconographie du chansonnier provençal R. Essai d'interprétation», in *Lyrique romane*

médiévale: la tradition des chansonniers, Actes du colloque de Liège, 1989, éd. M. Tyssens, Liège, université de Liège, 1991, p. 245—272.

2. Pastoureau, *Le vêtement, histoire, archéologie et symbolique vestimentaires du Moyen Age*, Paris, Léopard d'Or, 1989, 332 p. — Rey-Delique R. «Habillement-coiffure», in *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 104—114.

3. Фламенка... с. 29.

4. *Ibid.*, p. 945.

5. Orderic Vital, *Histoire de l'Eglise en XIII livres, VIII*, trad. Roche G.E., éd. A. Le Prevost, Paris, Remouard, 1845, t. III, p. 322—324.

6. *Jaufre*, trad. R. Lavaud et Nelli R., 1960, p. 563.

7. Pastoureau M. *Couleurs. images, symboles. Etudes d'histoire et d'anthropologie*, Paris, Léopard d'Or. 1989, 292 p.

8. «Portrait de la belle Brunissens», in *Jaufre, op. cit.*, p. 411.

9. ПТ, с. 74.

10. Voir «Gerbert de Montreuil» in Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 515—517.

11. Bibl. nat. de Russie, fr. Q.V.XIV, 3.

12. Bec P. *Anthologie... op. cit.*, p. 111—113.

13. Фламенка... с. 204.

14. Riquer (Martin de). *Los Trouvadores, op. cit.*, p. 694—696; ПТ, с. 100.

15. БВЛ... с. 105.

16. БВЛ... с. 106.

17. Bec P. *Burlesque... op. cit.*, p. 230.

Смерть и погребальные обряды

1. Zammit J. «Maladies et état sanitaire des populations» in *Archéologie et vie quotidienne aux XIII-e — XIV-e siècle en Midi-Pyrénées, op. cit.*, p. 224—226. — *Santé, médecine et assistance au Moyen Age. Actes du CX-e congrès nat. des soc. savantes*, Paris, C.T.S.H., 1987. — Shatzmiller J. *Médecine et justice en Provence médiévale, documents de Manosque 1262—1348*, Aix-en-Provence, Public. de l'université de Provence, 1989, 285 p.

2. Jacquart D. et Micheau F. *La Médecine arabe et l'Occident médiéval*, Paris, Maisonneuve et Larose, 1990.

3. Bories M. «La fondation de l'université de Montpellier» *Les Universités du Languedoc au XIII-e siècle, Cahier de Fanjeaux*, n° 5, Toulouse, Privat, 1970, p. 92—106. — Dulieu L. *La Médecine à Montpellier*, t. I. *Le Moyen Age*, Avignon, Les Presses Universelles, 1975. — Dulieu L. «L'école de médecine à Montpellier a-t-elle été fondée par des médecins juifs?» in: *Les juifs à Montpellier et dans Languedoc du Moyen Age à nos jours*, Montpellier, Univ. Paul Valéry, 1988, p. 93—99, 435 p.

4. Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 92—93.

5. Schmitt J.-Cl. *Les Revenants: les vivants et les morts dans la société médiévale*, Paris, Gallimard, 1994, 306 p.

6. Rey-Delque R. «Mort et sépulture», in *De Toulouse à Tripoli... op. cit.*, p. 172—177. — Marandet M.-Cl. «Devant la mort. La sépulture en région toulousaine d'après les testaments», in: *Archéologie et vie quotidienne aux XIII-e — XIV-e siècles en Midi-Pyrénées, op. cit.*, p. 227—228.

7. Jaufre, éd. Lavaud-Nelli, *op. cit.*, p. 487, 489.

8. «Des lamies, des dracs et des apparitions», in *Le Livre des Merveilles, op. cit.*, p. 92—94.

9. «Le cimetière des Alysamps et ceux qui y sont transportés», *ibid.*, p. 99—101.

10. Gouiran G. *Le seigneur-troubadour d'Hautefort... op. cit.*, chap. II, «Les guerres des Plantagenets».

11. Duby G. *Guillaume le Maréchal ou le meilleur chevalier du monde*, Paris, Fayard, 1984, p. 32—33.

12. Texte du testament, dans: Dom Devic et Vaissete, *Histoire générale du Languedoc*, 2-e éd. revue et augmentée, t.V, Toulouse, Privat, 1875, acte 580, colonnes 1118—1121.

13. Pattison W.T. *The Life and Works of the Troubadour Raimbaut d'Orange, op. cit.*, Appendix B, p. 218—219 (original du testament à La Haye, fonds Nassau).

14. ПТ, с. 29.

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА И ТРУБАДУРСКОЕ ИСКУССТВО

Трубадуры на Голгофе

1. Duby G. *Le Moyen Age 987—1460*, Paris, Hachette, coll. «Histoire de France», 1987, chap. IX, Le grand progrès.

2. Fabre G. et Lochard Th., *Montpellier, la ville médiévale*, coll. «L'Inventaire», Etudes du patrimoine, Imprimerie nationale, 1992, 310 p.

3. Zerner M. «Question sur la naissance de l'affaire albigeoise», in *Georges Duby. L'écriture de l'Histoire*, Bruxelles, De Boeck Université, 1996, p. 427—444.

4. Zerner M. *La croisade albigeoise*, Paris, Gallimard/Julliard, coll. «Archives», 1979, p. 13—77.

5. Nelli R. *Les Cathares du Languedoc au XIII-e siècle*, coll. «La vie quotidienne», Paris, Hachette, 1969, nouvelle édition 1995, p. 8.

6. Biget J.-L. «Notes sur le système féodal en Languedoc et son ouverture à l'hérésie», *Heresis*, n° 11, déc. 1988, p. 7—18.

7. Duhamel-Amado C. «Faible impact de l'hérésie dans le Languedoc central méditerranéen. Le paradoxe biterrois (1170—1209)», in *Europe et Occitanie. Les pays cathares*, coll. «Heresis», 5, Carcassonne, 1995.

8. Roquebert M. *L'Épopée cathare*, Toulouse, Privat, 1970.
- Duvernoy J. *L'Histoire des cathares*, Toulouse, Privat, 1979.
9. Ed. Avallé (D'Arco Silvio), *Peire Vidal... op. cit.*, p. 147.
10. «Geoffroy d'Auxerre», *Patrologie latine*, n° 185, colonnes 411—412.
11. Griffe E. *Les Débuts de l'aventure cathare en Languedoc (1140—1190)*, Paris, Letouzey&Ane, 1969, p. 59—67.
12. *Ibid.*, p. 103.
13. Бланка, которую часто называют суженой Сикарта, на самом деле была его сестрой.
14. Bruguière M.-B. «Un Mythe historique: l'impérialisme capétien dans le Midi aux XII-e — XIII-e siècle», *Annales du Midi*, n° 171, juillet-sept. 1985, p. 245—267.
15. Duvernoy J. *Cathares, Vaudois et Beguins. Dissidents du pays d'Oc*, Toulouse, Privat, 1994, 269 p.
16. «Lettre du pape Innocent III au comte de Toulouse» *Patrologie latine*, n° 215, col 1166 (trad. Griffe E. *Le Languedoc cathare de 1190 à 1210*, Paris, Letouzey&Ane, 1971, p. 277).
17. Описание осады Безье и Каркассонна в песне Гильема из Туделы, в кн.: Zerner M. *La Croisade albigeoise, op. cit.*, p. 98—110.
18. «Песнь о Крестовом походе против альбигойцев», пер. И. Белавина. Лесса 15, ст. 1—13.
19. Ed. Duparc-Quioç S. *La Chanson d'Antioche*, Paris, 1977—1978, 2 vol.
20. Pierre des Vaux-de-Cernay. *Hystoria Albigensis*, ed. Guebin P. et Mainsonneuve H., Paris, 1951.
21. Ed. Martin-Chabot E. *Chanson de la croisade albigeoise* (poème en provençal), Paris, Les Belles Lettre, 1957—1961, (перу Гильема де Тудела принадлежит 2772 стиха (131 лесса или строфа), перу Анонима — 6810 стихов (83 лессы, от 132 до 214).
22. Puylaurens Guillaume de. *Chronique*, ed. Duvernoy J., Paris, 1976.
23. Bonnassie P. *La capitulation de Raymond VII et la fondation de l'Université de Toulouse 1229—1979. Un anniversaire en question, Toulouse*, Publications de l'université de Toulouse-Le-Mirail, 1979, 70 p.
24. Wolff Ph. «Le Languedoc royal», in *Histoire du Languedoc*, Toulouse, Privat, 1967, p. 197—233.
25. Р. Нелли (Nelli R. *Les Cathares ... op. cit.*, p. 271—209) описывает подпольное существование катаров. См. также: Brenon A. *Les Femmes cathares*, Paris, Perrin, 1992.
26. Тулузский собор (ноябрь 1229), канон 18. Trad. Bonnassie P. (ref. note 23), p. 43—51 (d'après Mansi, *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*, t. XXIII, Leipzig, 1902, c. 194—204).

27. «Saint Dominique en Languedoc» *Cabiers de Fanjeaux*, n° 1, Toulouse, Privat, 1966.

28. «Le credo, la morale et l'Inquisition» *Cabiers de Fanjeaux*, n° 6, Toulouse, Privat, 1971.

29. Duvernoy J. *Le catharisme-L'histoire des cathares*, Toulouse, Privat, 1979, p. 286—295.

Гуманизм завоевывает Европу

1. Voir Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 1112—1117.

2. Roncaglia A. «Trobar clus: Discussione aperta», *Cultura neolatina*, t. 29, 1969, p. 5—55.

3. Gouiran G. *Lo ferm voler*, *op. cit.*, p. 98—99, v. 7—12.

4. Fauriel C. *Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeoise écrite en vers provençaux par un poète contemporain*, Paris, 1837.

5. Riquer M. de. *Los Trovadores*, *op. cit.*, p. 1178, v. 1—10.

6. «Песнь о крестовом походе против альбигойцев». Пер. И. Белавина. Лесса 208, ст. 3—16.

7. *Ibid.*, лесса 160, ст. 1—9.

8. Voir Hasenohr G. et Zinl M., *op. cit.*, p. 329—330: «Consistori dela subregaya companhia del Gai Saber».

9. Ghil E.M. *L'Age de Parage. Essai sur le poétique et le politique en Occitanie au XIII-e siècle*, New York, Peter Lang, 1989.

10. Вес Р. *Anthologie... op. cit.*, p. 278—282.

11. *Ibid.*, p. 280, v. 65—68.

12. БВЛ, с. 133—139.

13. Gouiran G. *Lo ferm voler*, *op. cit.*, p. 124—127.

14. Жизнеописания... с. 165.

15. Trad. Gougaud H. *Poèmes politiques des troubadours*, Paris Belibaste, 1969, p. 72—73.

16. *Ibid.*, p. 74—75.

17. Ed. Lavaud R. *Poésies complètes de troubadour Peire Cardenal (1180—1278)*, Toulouse, «Bibliothèque méridionale», 34, 1957, 530 p.

18. Ed. Lavaud R. *Estribot*, Toulouse, 1957, p. 206.

19. Voir Hasenohr G. et Zink M., *op cit.*, p. 998—999.

20. *Prier au Moyen Age. Pratiques et expériences V-e-XV-e siècles*, sous la dir. de Bériou N., Berlioz J. et Longere J., Turnhout, Brepols, 1991, p. 202.

21. Trad. Gougaud H. *Poèmes politiques de troubadours*, *op. cit.*, p. 76—77.

22. Voir Monson D. «Les lauzengiers», *Medioevo romanzo*, t. 19, 1994, p. 219—235.

23. Cropp G.M. *Le Vocabulaire courtois des troubadours de l'époque classique*, Genève, Droz, 1975, p. 237—245.

24. Boutière J. *Biographies*, *op. cit.*, p. 530—535.

25. Таков смысл стихотворения о перевернутом цветке;

- см.: Вес Р. *Anthologie, op. cit.*, 148—152; voir aussi p. 155, v. 22.
26. Ed. Huchet J.C. *Nouvelles occitanes du Moyen Age*, coll. «CF», Flammarion, 1992, p. 224—249.
27. Фламенка... ст. 250.
28. Вес Р. *Anthologie, op. cit.*, p. 111—114.
29. *l'eccezione narrativa. La Provenza medievale e l'arte del racconto*, Turin, Einaudi, 1977.
30. Oroz Arizcuren F.J. *La lirica religiosa en la literatura provenzal antigua*, Pampelune-Tuebingen, Aranzadi-Niemeyer, 1972.
31. Voir Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 1245—1257.
32. Riquer M. de *Los Trovadores, op. cit.*, p. 1503, v. 31—32.
33. Ed. Oroz Arizcuren F.J., *op. cit.*, p. 430—453.
34. Riquer M. de. *Los Trovadores, op. cit.*, p. 1272—1279.
35. Brunel-Lobrichon G. «L'iconographie du chansonnier provençal R. Essais d'interprétation», in *Lyrique romane médiévale: la tradition des chansonniers*, Actes du colloque de Liège, 1989, éd. Tyssens, Liège, 1991, p. 245—272.
36. Paris, BNF fr. 22543, chansonnier provençal R.
37. Voir Hasenohr G. Zink m, *op. cit.*, p. 653—657.
38. Ed. Linskill J. *Les Epitres de Guiraut Riquier...* Liège (AIEO, 1), 1985.
39. Guida S. *Jocs poetici alla corte di Enrico II di Rodez*, Modene, 1983.
40. Brunel-Lobrichon G. «Les troubadours dans les cours ibériques», in *Actes du IV-e congrès international de l'Association internationale d'études occitanes*, Vitoria-Gasteiz, 1994, p. 37—45.
41. Aurell M., *Les Neces...* *op. cit.*
42. См.: Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 124—125; Жизнеописания... с. 206—209.
43. Roncaglia A., cité dans *Colloque international: France-Provence-Sicile*, Annales universitaires d'Avignon, Avignon, 1979, p. 1.
44. Чистилище. Песнь VI, ст. 61—75 (пер. М. Лозинского).
45. Жизнеописания... с. 248.
46. Voir Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 1478—1479.
47. Riquer M de. *Los Trovadores, op. cit.*, p. 1464—1467; ПТ, с. 188.
48. Жизнеописания... с. 229.
49. Voir Hasenohr G. et Zink M., *op. cit.*, p. 1129, Riquer M. de *Los Trovadores, op. cit.*, p. 1376—1380.
50. Pasquini E. et Quaglio A.E. *Le Origini della Scuola siciliana*, Bari, Laterza, 1975. — Taylor R.A. *La littérature occitane du Moyen Age. Bibliographie sélective et critique*, Toronto-Buffalo, University of Toronto Press, 1977, p. 151—153. — Roncaglia A. «Gli inizi della lirica siciliana», in Formisano L., *La lirica*, Bologne, Il Mulino, 1990, p. 413—429.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. «Retrospectives et prospectives dans l'études des chansonniers d'oc», in *La Lyrique romane médiévale*, Actes du colloque de Liège, 1991, ed. Tyssous M., Liège, université de Liège, p. 22.

2. Voir Guy Lobrichon, *La Religion des laics en Occident*, Hachette, coll. «La vie quotidienne», 1994.

3. *La Merveille et l'Obscur*, Venissieux, Paroles d'Aube, 1992, p. 53.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян: От обряда к песне. — СПб., 1903. — Ч. I.
- Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян: От песни к поэзии. — СПб., 1905. — Ч. II.
- Батюшков Ф. Провансальская литература // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1898.
- Галинская И. Л. Альбигойские ассоциации в «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1985. — № 4. — С. 366—378.
- Дашкевич Н. П. Обзор разысканий о так называемых «дворах любви» («cours d'amour») // Университетские известия / Киевский ун-т. — 1892. — № 7. — С. 1—38.
- Дашкевич Н. П. Провансальское знатное общество и трубадурики в период расцвета провансальской поэзии, по новым данным. — Киев, 1884.
- Деларю Ф. Очерк истории провансальской поэзии любви. — СПб., 1879.
- Добиаш-Рождественская О. А., Люблинская А. Д. Об одной испанской рукописи // Культура Испании. — М., 1940. — С. 267—296. (О рукописи «Бревиария любви» Матфре Эрменгау, выполненной в Каталонии. Описание миниатюр.)
- Иванов К. И. Трубадуры, труверы и миннезингеры. — 2-е изд. — М., 2001.
- Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции / Пер. с фр. Г. Ф. Цибулько. — СПб., 2000.
- Мейлах М. Б. Язык трубадуrows. — М., 1975.
- Обри П. Трубадуры и труверы / Пер. с фр. З. Потаповой. — М., 1932.
- Самарин Р. М., Михайлов А. Д. Куртуазная лирика // История всемирной литературы. — М., 1984. — Т. 2. — С. 530—548.
- Сапонов М. А. Менестрели. — М., 1996.
- Сед Ж. Тайна катаров / Пер. с фр. Е. Морозовой. — М., 1998.
- Фридман Р. А. Любовная лирика трубадуrows и ее истолкование // Уч. зап. / Рязанский гос. пед. ин-т. — 1965. — Т. 34. — Вып. I. — С. 87—417.
- Фридман Р. А. Трубадуры и их истолкователи // Уч. зап. / Рязанский гос. пед. ин-т. — 1955. — № 10. — С. 57—92.
- Шишмарев В. Ф. Лирика и лирики позднего Средневековья: Очерк по истории поэзии Франции и Прованса. — Париж, 1911.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУБАДУРОВ

1. **Гильем IX**, герцог Аквитанский, седьмой граф Пуатье (1071—1126), знатный сеньор, отважный, но безрассудный и не слишком щепетильный. Пытался завладеть графством Тулузским; совершил паломничество в Святую землю; поддержал Альфонса I Арагонского в его борьбе с сарацинами. Сохранилось одиннадцать стихотворений.

2. **Эблес II Вентадорнский** (...1096—1147...), вассал Гильема IX. В семьдесят лет отправился в крестовый поход и умер на Востоке. Не исключено, что именно он, «Эблес Певец», был основателем учения об идеальной (куртуазной) любви, или *fin'amor*. Песен его не сохранилось.

3. **Джауфре Рюдель** (...1125—1150), сеньор Блайи. Был принят при дворе графов Тулузских; в 1147 г., сопровождая графа Раймона Жордана, отправился в крестовый поход; умер в Триполи (?). Сохранилось шесть стихотворений, из них четыре — с мелодией.

4. **Маркабрюн** (...1130—1149...), гасконец, подкидыш. Был принят при дворе Гильема X в Пуатье, при дворе Альфонса VII Кастильского. Обличал упадок куртуазии. Моралист и женоненавистник. Первый поэт темного стиля (*trobar clus*). Сохранилось сорок два стихотворения, из них четыре — с мелодией.

5. **Серкамон** (...1137—1149...), гасконец, странствующий жонглер. Был принят при дворе в Пуатье (где сочинил первый *плач* на смерть Гильема X, скончавшегося в 1173 г.), в Лимузене. Сохранилось девять или восемь стихотворений.

6. **Алегрет** (...1145...), гасконец. Был принят при дворе Альфонса VII Кастильского. Жонглер Бернарта Вентадорнского. Сохранилось два стихотворения.

7. **Бернарт Марти** (середина XII в.), противник новой школы изысканного стиля (*trobar ric*) и Пейре Овернского. Противник куртуазии. Сохранилось девять или десять стихотворений.

8. **Маркоат** (...1160—1170...), гасконец. Подражал Маркабрюну. Сохранились две *сирвенты*.

9. **Пейре Роджьер** (...1162...), овернец, каноник из Клермона, затем жонглер. В числе покровителей имел Эрменгарду Безьерскую, Раймбаута Оранского, Альфонса II Арагонского, Раймона V Тулузского. Вступил в аббатство Гранмон; одна из его кансон вдохновила сочинителя знаменитого романа «Фламенка» (диалог двух влюбленных в церкви). Сохранилось восемь куртуазных стихотворений и одна сирвента.

10. **Пейре де ла Каравана** (XII в.), ломбардец; первый из известных трубадуров, родившихся в Италии. Сохранилась одна сирвента.

11. **Ричарт де Бербезиль** (...1141—1160...? или конец XII в.), уроженец Бербезье, младший сын мелкого дворянина, вассала графа Ангулемского. Знарок бестиариев, легенд о св. Граале и Персевале. Сохранилось десять любовных стихотворений, из которых пять — с мелодией, и один *плач* (*planh*).

12. **Беренгьер де Палазоль** (Парасольз) (1160—1175 или 1150—1170), род. в Палу, в Руссильоне, близ Эльна; первый из известных каталанских трубадуров. Бедный рыцарь. Сохранилось

девять — двенадцать стихотворений, подписанных его именем, из них восемь — с мелодией.

13. **Пейре Овернский** (д'Альвернья) (...1149—1168...), жонглер из Оверни; незнатного рода; стал искусным и ученым трубадуром, процвел и прославился. Был принят при дворах Прованса и Испании. Сохранилось двадцать одно или двадцать два стихотворения, из них два — с мелодией.

14. **Бернарт де Вентадорн** (...1147—1170), родом из Лимузена, происхождения простого (?); возможно, младший (или внебрачный) сын Эблеса II или III; стал аббатом в Тюле (?). Был принят при английском дворе (когда в 1152 г. Альенора Аквитанская вышла замуж за Генриха Плантагенета), Тулузском дворе (Раймона V); в конце жизни вступил монахом в цистерцианский монастырь в Далоне и там скончался. Мастер поэзии «легкого» стиля (*trobar leu*, *trobar plan*). Сохранилось сорок одно стихотворение (кансоны и две тенсоны), из которых восемнадцать — с мелодией.

15. **Раймбаут Оранский** (д'Ауренга) (...1147—1173), родом из Оранжа (Воклюз), знатный сеньор, принимавший при своем дворе трубадуров; сам писал стихи, оказавшие влияние на поэзию его собратьев. Приверженец «темного» стиля (*trobar clus*). Сохранилось сорок стихотворений, из них одно — с мелодией.

16. **Азалаида де Поркайрагес** (Алазаис де Поркайрагуэс) (...1173...), родом из Портираня подле Безье. Трубадурка (*trobairitz*). Сохранилась одна кансона, адресованная Раймбауту Оранскому.

17. **Гираут де Борнель** (...1162—1199...), лимузенский клирик незнатного происхождения, родился в Сен-Жерве (Верхняя Вьенна). Был принят при дворах Бокэра, Оранжа (Раймбаута Оранского), Арагона (Альфонса II Арагонского); вместе с Адемаром (Аймаром) V, виконтом Лиможским, побывал в Святой земле; вернулся в Испанию, откуда удалился обратно в Лимузен. Возвел куртуазную любовь на уровень этики. Был признан «Главой трубадуров». Писал в «легкой манере» (*trobar leu*), но был также искусен в «темном стиле» (*trobar clus*). Сохранилось шестьдесят шесть стихотворений, из которых четыре — с мелодией (знаменитая альба, одно из наиболее прославленных стихотворений этого жанра).

18. **Пейре Бремон ло Торт** (...1177...), из Вьенна. Бедный рыцарь. Был принят при дворах Монферрата, Сирии. Сохранилось две кансоны, подписанные его именем; современные исследователи приписывают ему еще две.

19. **Гильем де Бергедан** (...1138—1192), из Берги (Уржель). Воинственный каталанский рыцарь. Сохранилось тридцать одно стихотворение, преимущественно сирвенты.

20. **Понс де ла Гуардиа** (...1154—1188...), младший сын из рода де ла Гуардиа де Рипол, Виш (Каталония). Был принят при дворах Альфонса II Арагонского; Алазаис (Аделаиды) де Бурлац, дочери Раймона V Тулузского; маркизы д'Уржель, виконтессы Кабрера. Сохранилось девять кансон.

21. **Гираут де Люк** (...1190—1194...), поддерживал графа Тулузского в его борьбе против Альфонса II Арагонского. Сохранились две воинственные сирвенты.

22. **Гильем де Сант Лейдьер** (...1165—1195), из Сен-Дидье-ан-Веле (Верхняя Луара). Вассал епископов Пуи и виконтов де Польиньяк. Сохранилось тринадцать стихотворений.

23. **Альфонс II, король Арагонский** (1162—1196), род. в 1154 г.; весьма вероятно, что именно он выведен под именем «Альфонса» в «Назидании» (*Ensenhamen*) Гираута де Кабрейры, а также в тенсоне, написанной вместе с Гираутом де Борнелем; принимает у себя при дворе трубадуров и пишет сам. Сохранилось два стихотворения — одна кансона и одна тенсона.

24. **Раймон Джордан** (...1160—1195...), виконт Сент-Антонен (Руэрг), в 1154 г. поддерживал графов Тулузских в борьбе против владетелей Барселоны, Безье и Каркассонна. Сохранилось тринадцать стихотворений: одиннадцать кансон, две из которых — с мелодией; сирвенту, направленную против прежних трубадуров (*antic trobador*), ранее приписывали ему, теперь же — анонимной поэтессе; также перу его принадлежит одна тенсона.

25. **Фолькет Марсельский** (де Марселья) (...1178—1195), из Марселя. Сын богатого генуэзского торговца, обосновавшегося в Марселе; в 1195 г. стал монахом, а затем аббатом в Торонетском монастыре; с 1205 г. и до смерти, наступившей в 1231 г., — епископ Тулузский (и инквизитор). Сохранилось девятнадцать стихотворений, из которых тринадцать кансон — с мелодией, а также «плач» (*planh*) об умершем Баррале, сеньоре Марсельском.

26. **Арнаут Даниэль** (...1180—1200...), из Риберака (Дордонь). Получил образование, виртуоз «изысканного стиля» (*trobar ric*). Сохранилось шестнадцать кансон, из которых одна — с мелодией, одна сирвента и *секстина* (*sestina*) (с мелодией); созданный им жанр (секстины) получил широкое распространение.

27. **Арнаут де Марейль** (...1171—1195...), из Марей-сюр-Бель (Дордонь), клирик незнатного происхождения. Был принят при дворах Алазаис (Аделаиды) де Бурлац, дочери графа Раймона V Тулузского, супруги Рожера II Талайфера, виконта Безьерского, и Гильема де Монпелье. Сохранилось двадцать пять кансон, пять «куртуазных посланий» (*sahutz d'amor*) и одно «назидание» (*ensenhamen*).

28. **Гираут ло Рос** (Гираудо) (...1195...), из Тулузы. Сын бедного рыцаря. Сохранилось семь кансон; также ему приписывается одна тенсона.

29. **Сайль д'Эскола** (...1195...), жонглер из Бержерака, ставший торговцем. Был принят при дворе Эрменгарды Нарбоннской. Сохранилась одна кансона.

30. **Бертран де Борн** (...1159—1195...), сеньор Аутафорта (Отфора) в Перигоре, род. ок. 1140. Беспреданно воевал, в том числе с собственным братом; в политической жизни принял сторону юного короля Генриха Плантагенета против его отца Генриха II и его брата Ричарда; затем встал на сторону Англии против короля Франции Филиппа Августа; около 1194 г. постригся в монахи и удалился в Далонский монастырь; умер до 1215 г. Признанный мастер сирвенты. Сохранилось сорок политических стихотворений, среди которых шесть кансон.

31. **Ричард I Львиное Сердце** (1157—1199), второй сын Генриха II Плантагенета, короля Англии и герцога Нормандии, и Альеноры Аквитанской; в 1169 г. стал графом Пуатье и герцогом Аквитанским; в 1189 г. стал королем Англии; всегда привечал трубадуров и сам написал два стихотворения: сохранились «ретроэнка» (*retroencha*) (песня с рефреном) в двух вариантах: на окситанском

и старофранцузском языках, и кансона с мелодией. Гаусельм Файдит написал «плач» (*planh*) на его смерть.

32. **Гаусельм Файдит** (...1172—1203...), родом из Лимузена (Юзерш? Сож?), младший сын в семье, написал много песен. Был принят в замке Элиаса д'Юсселя, при дворах Раймона д'Агута, сеньора Апта и Сожа; Раймона V Тулузского; Раймбауга Оранского; Марии Тюреннской, супруги Эблеса V Вентадорнского; Комборна; отправился в Третий крестовый поход, пользовался гостеприимством Ричарда Львиное Сердце в Иерусалиме; побывал в Константинополе (?); много путешествовал. Сохранилось шестьдесят пять стихотворений, из которых четырнадцать — с текстом музыки.

33. **Арнаут де Тинтиньяк** (XII в.), из Тинтиньяка, коммуна Нав, к северу от Тюля; лимузенский сеньор. Был принят при дворах Тюренском и Вентадорском. Сохранилось четыре стихотворения.

34. **Гираут де Салиньяк** (кон. XII в.), из окрестностей Сарла (Дордонь). Сохранилось четыре или пять стихотворений.

35. **Графиня де Диа** (кон. XII — нач. XIII в.?), трубадурка (*trobairitz*), поэтесса, виртуозно воспевавшая куртуазную любовь. Возлюбленная трубадура Раймбауга Оранского (?) или сеньора Раймбауга IV Оранского (Оранжского), умершего в 1218 г. (?). Сохранились четыре кансоны, из которых одна — с мелодией, и одна тенсона.

36. **Аймерик де Сарлат** (кон. XII или нач. XIII в.), уроженец Дордони. Был принят при Уржельском дворе (Испания). Сохранилось пять кансон.

37. **Раймбаут де Вакейрас** (...1180—1205...), род. в Воклюзе, владениях сеньора Оранского. Сын бедного рыцаря; стал жонглером, один из первых отправился в Италию. Побывал в Генуе, в Ломбардии был принят при дворе Бонифачио Монферратского, затем отправился на Сицилию; принял участие в Четвертом крестовом походе. Написал многоязычный дескорт; его строфа на итальянском считается одним из наиболее ранних художественных текстов на этом языке. Сохранилось двадцать шесть стихотворений, из которых восемь — с мелодией.

38. **Пейре Видаль** (...1183—1204...), сын скорняка из Тулузы. Добивался любви донны Вьерны, супруги Барраля Марсельского. Был принят при дворе Раймона V Тулузского, затем Альфонса II Арагонского, потом вернулся ко двору Раймона. Посетил двор Бонифачио Монферратского, венгерский двор (Эмерика, зятя Альфонса II); побывал в Генуе и на Мальте. Характер имел беспокойный, заслужил репутацию безумца. Блистательный поэт. Сохранилось сорок пять стихотворений, из которых двенадцать — с мелодией.

39. **Пейре Раймон** (...1180—1221...), сын тулузского горожанина. Стал жонглером, прибыл ко двору Альфонса II Арагонского; был принят при дворах в Эсте и Памье. Сохранилось восемнадцать куртуазных кансон, одна из которых — с мелодией.

40. **Саварик де Маллеон** (Маллеон) (1180—1230), из Шатильонсюр-Севр (между Нантом и Пуатье); знатный сеньор и неугомонный воин, участвовал во многих конфликтах; сражался в войсках короля Англии и Франции; принимал участие в альбигойских войнах на стороне графов Тулузских. Покровительствовал трубадурам и сам писал стихи. Сохранилось три стихотворения.

41. **Пердигон** (...1192—1212...), из Лесперона (Ардеш). Был принят на службу при дворе Дофина Овернского; поступил в цистерцианский монастырь, умер монахом (?). Сохранилось двенадцать стихотворений, из которых три — с мелодией.

42. **Аймерик де Пегильян** (...1190—1221...), род. в окрестностях Сен-Годенса, сын тулузского суконщика. Странствующий трубадур; отправился в Каталонию (жонглером при Гильеме де Бергедане?); был принят при дворах Гастона IV Беарнского; Бернарта IV де Комменж; Педро II Арагонского; Альфонса VIII Кастильского; Гильема IV Монферратского, Адзо VI д'Эсте; стал катаром, умер в Ломбардии (?). Сохранилось более пятидесяти стихотворений, из них шесть — с мелодией.

43. **Раймон де Мирваль** (...1191—1229...), из Мерво-Кабарде (к северу от Каркассонна), небогатый рыцарь, ставший поэтом. Был принят при дворах Раймона VI Тулузского; Педро II Арагонского; Альфонса VIII Кастильского; Юка де Матаплана. Умер в Лериде. Идеальный тип куртуазного влюбленного. Противник «темного стиля» (*trobair clus*). Сохранилось более сорока стихотворений, из которых двадцать два — с мелодией.

44. **Ги д'Юссель** (...1095—1096...), лимузенский сеньор; его возлюбленные принадлежали к знатым семействам Оверни, Вентадорна и Монпелье. Сохранилось восемь кансон, из которых четыре — с мелодией, три пастурели (*pastorelas*), несколько тенсон, написанных совместно с другими членами семьи (братьями или кузеном), Марией Вентадорнской и другими трубадурами.

В 1209 г. начнется Крестовый поход против альбигойцев (взятие Безье); затем последует разорение всего юга Франции; разгром завершается взятием Монсегюра (1244) и сожжением последних верующих катаров.

45. **Монах Монтаудонский** (из Монтаудона) (...1193—1210...), род. возле Орийяка, в Ви-сюр-Сер. Монах, затем приор Монтаудонского монастыря, расположенного на юго-востоке от Клермон-Феррана. Был принят при дворе Альфонса II Арагонского. Сохранилось семнадцать стихотворений, из них два — с мелодией.

46. **Гаваудан** (...1195—1211...), из Жеводана (?). Нашел пристанище в Кастилии (при дворе Альфонса VIII). Приверженец «темного стиля» (*trobair clus*). Сохранилось десять стихотворений различных жанров.

47. **Юк де ла Баккалария** (нач. XIII в.), из Лимузена (Коррез). Был принят при дворах Дофина Овернского; Марии Вентадорнской. Сохранилось пять — восемь стихотворений.

48. **Гильем де Кабестань** (...1180—1212...), из Руссильона. Гостил в Шато-Руссильоне (сюжет о съеденном сердце); 16 июля 1212 г. принимал участие в сражении при Лас Навас де Толоса. Сохранилось восемь кансон.

49. **Гираут де Калансон** (...1202—1212...), гасконский жонглер (?). Был принят при дворах Альфонса VIII Кастильского; Педро II Арагонского; Марии Вентадорнской. Сохранилось одиннадцать стихотворений и «Поучение» жонглеру (*Fadet joglar*), сирвента в 240 стихов.

50. **Раймон де Лас Салас Марсельский** (...1216...), сын мар-

сельского горожанина. Отправился странствовать в Ломбардию (?). Сохранилось пять или шесть стихотворений.

51. **Гильем Адемар** (...1195—1217...), сын бедного рыцаря из Маруойса (Лозер). Жонглер. Был принят при дворах Раймона VI Тулузского; Эблеса д'Юсселя; стал монахом в обители Гранмон (?). Сохранилось восемнадцать стихотворений, из которых одно — с мелодией.

52. **Раймон Эскриван** (...1218...). Находясь в осажденной Тулузе 25 июня 1218 г., стал свидетелем смерти Симона де Монфора и написал сирвенту, в которой рассказывается о двух катапультах.

53. **Пейроль** (...1188—1222...), бедный рыцарь из Пейроля, близ Рошфор-Монтаня (Пюи-де-Дом). Был принят при дворе Дофина Овернского, графа Клермонского; Блакаца д'Опса; побывал в Италии (1220), в Святой земле; умер в Монпелье (?). Сохранилось тридцать два стихотворения, среди которых семнадцать — с мелодией.

54. **Альбертет де Систерон** (...1194—1221...), сын жонглера и хороший музыкант. Был принят при дворах владетелей Арагонских; Савойских; Монферратских; Эсте; Равенских; Маласпина. Сохранилось двадцать стихотворений различных жанров, из которых два — с мелодией.

55. **Рамбертино Бувалелли** (...1201—1221), горожанин из Болоньи, писавший по-провансальски; умер, исполняя должность подеста в Вероне. Посетил куртуазные дворы Генуи; Эсте. Сохранилось шесть стихотворений.

56. **Элиас (Эльяс) Кайрель** (...1204—1222...), из Сарла в Перигоре, ювелир, затем жонглер. Был принят при дворе Гильема IV Монферратского. Сохранилось четырнадцать стихотворений.

57. **Томьер и Палази** (...1199—1226...), два рыцаря из Тараскона, сочинили две сирвенты для Раймона Тулузского, возвращавшегося с Латеранского собора, а затем еще одну, дабы поддержать Авиньон, осажденный Людовиком VIII.

58. **Пейре Гильем де Люзерна** (...1225—1226...), из Люзерны в Пьемонте (?) или из Люзерны в Провансе (?). Пользовался покровительством сеньоров д'Эсте; враждебно относился к императору Фридриху II. Сохранилось пять стихотворений.

59. **Пистолета** (...1205—1228...), из Прованса. Жонглер при Арнауте де Марейле (?); стал трубадуром, затем торговцем. Был принят при дворах Эблеса IV Вентадорнского; Фомы I Савойского; Педро II Арагонского. Сохранилось одиннадцать стихотворений, среди которых особенно пользовалась успехом кансона, написанная от имени бедного жонглера: «Мне б тысячу марок серебром...» (*Ar agues eu mil marcs de fin argen*); музыкальный текст к ней находится в двух французских средневековых сборниках песен.

60. **Гильем де ла Тор** (...1216—1233...), из Тур Бланш в Дордони. Пользовался покровительством сеньоров Ломбардии: Эсте, Маласпина, Да Романо. Сохранилось четырнадцать стихотворений.

61. **Гильем Ауджьер Новела** (...1209—1228...), из Сен-Донатан-Вьеннуа (Дром). Жонглер. Странствовал по куртуазным дворам Северной Италии; был принят при дворе Раймона Беренгария IV Прованского. Сохранилось девять стихотворений, из которых один плач (*planh*) по Рожеру Тренкавелю, виконту Безьерскому, умершему в 1209 г.

62. **Ги де Каваллон** (...1200—1229...), знатный сеньор из Воклюза. Был принят при дворе Альфонса II Прованского, был свидетелем бракосочетания Педро II Арагонского и Марии де Монпелье (1204). Верный сторонник графов Тулузских (Раймона VI и его сына), во время альбигойских войн воевал против французов. Сохранилось шесть стихотворений, написанных в основном «по случаю».

63. **Элиас (Эльяс) де Барджольс** (...1191—1230...), из Вара. Сын торговца, родился в Аженэ. Пользовался покровительством Альфонса Прованского и Гарсенды де Сабран; Раймона VI Прованского и Беатрисы Савойской. Сохранилось тринадцать стихотворений.

64. **Бернарт Сикарт де Марведжольс** (...1230...), из Лозера. Пользовался покровительством Жауме I Арагонского. Сложил сирвенту, направленную против французов.

65. **Гаусберт де Пойсибот** (...1220—1231...), родился в краю между Перигё и Лиможем, сын кастеляна; отец, видимо, поместил его в монастырь цистерцианцев в Сен-Леонар-де-Шом (?). Вышел из монастыря (?) и отправился ко двору Саварика де Малеона; упоминает также об Альеноре Кастильской, в 1221 г. вышедшей замуж за Жауме I Арагонского. Сохранилось пятнадцать стихотворений.

66. **Фолькет де Романс** (...1215—1233...), из Дрома. Нашел покровительство у Гильема Монферратского; 22 ноября 1220 г. присутствовал в Риме на коронации Фридриха II; затем отправился странствовать по куртуазным дворам Прованса; побывал в Тарасконе, Эксе. Друг бургундского трувера Юка де Берзе. Сохранилось четырнадцать стихотворений различных жанров.

67. **Каденет** (...1204—1238...), из замка Кадене (Воклюз), разоренного людьми графа Тулузского; вырос в доме Гильема де Лантара подле Тулузы; долгое время странствовал, затем вернулся обратно в Прованс; вступил в орден тамплиеров, умер в Оранже (?). Сохранилось двадцать пять стихотворений различных жанров, среди которых одно — с мелодией.

68. **Гильем Райноль д'Ат** (1-я треть XIII в.), из Воклюза; был женат, затем постригся в монахи. Сохранились одна сирвента и три тенсоны, две из которых являются шутивным препирательством с дамой.

69. **Дофин Овернский** (...1160—1235), граф Овернский, а с 1169 по 1201 г. — Клермонский. Сочинял сам и принимал у себя при дворе множество трубадуров; противостоял Ричарду Львиное Сердце, затем Роберу, епископу Клермонскому. Сохранилось около десяти стихотворений.

70. **Блакац** (...1144—1236...), сеньор Опса в Варе. Пишет сам и принимает у себя множество трубадуров, содержит их и оказывает покровительство: «самый любезный сеньор в Провансе»; поддерживал связи с Арагонским домом. Сохранилось двенадцать или тринадцать стихотворений. Когда он умер, Сордель посвятил ему свой знаменитый плач (*planh*).

71. **Понс де Капдейль** (Капдюэйль) (...1190—1237...), из Сен-Жюльен-Шаптей, возле Пюи, в Верхней Луаре. Ухаживал за Алазис де Меркуор, дочерью Бернарта Андузского; ездил по Провансу; умер в Святой земле, куда последовал за Фридрихом II (?). Сохранилось двадцать семь стихотворений, большая часть которых — кансоны, четыре из которых — с мелодией.

72. **Гильем Фигейра** (...1215—1240...), родом из Тулузы, портной; когда город заняли французы, покинул его и стал фойдитом; отправился искать пристанища в Ломбардию. Был принят при дворе Фридриха II. Сохранилось восемь стихотворений, среди которых дерзкая сирвента, направленная против Рима и папы.

73. **Пейре Бремон Рикас Новас** (...1230—1241...) ? Был принят при дворах Раймона Беренгария IV Прованского; Баррала де Бо; Раймона VII Тулузского. Сохранилось более двадцати стихотворений, среди которых шесть сирвент, посвященных спору со своим другом Сорделем.

74. **Блакассет** (...1233—1242...), провансальский дворянин, сын Блакаца (?). Был принят при дворах Раймона Беренгария IV Прованского и Карла Анжуйского. Сохранилось около десяти стихотворений.

75. **Аймерик де Беленой** (...1216—1243...), из Леперра (Жиронда); клирик, племянник Пейре де Корбиана (автора стихотворения, посвященного Деве Марии, и краткой энциклопедии). Посещал куртуазные дворы Тулузы, Прованса, Арагона, Каталонии; умер в Каталонии (?). Сохранилось пятнадцать стихотворений — кансоны, тенсоны и один плач.

76. **Гильем Пейре де Казальс** (1-я четв. XIII в.), из Керси. Сохранилось десять кансон и одна тенсона. Склонен к усложненному стихотворству, по манере приближается к «изысканному стилю» (*trobar ric*).

77. **Кастеллоза** (1-я четв. XIII в.), трубадурка (*trobairitz*), супруга овернского рыцаря из Верхней Луары. Сохранилось пять страстных кансон.

78. **Бернарт де Вензак** (...1195...), из окрестностей Родеса. Моралист. Сохранились четыре сирвенты и одна альба религиозного содержания.

79. **Юк де Сент-Сирк** (...1217—1253...), сын «бедного вассала» из замка Сент-Сирк, что возле Рокамадура. Став жонглером, много странствовал по Лангедоку. Нашел покровителя в лице Генриха I де Родеса, резко настроенного против французов. Странствовал по Каталонии, Арагону, Испании, был привечен Савариком де Малеоном, принят при куртуазных дворах Прованса и Ломбардии. Автор «Жизнеописаний» (*Vidas*); также сохранилось пятнадцать кансон, восемнадцать сирвент и кобл, девять тенсон, один партимен и одно «куртуазное послание» (*salutz d'amor*).

80. **Арнаут Каталан** (...1220—1253...), родился в Тулузе ? (при правлении Раймона VI. Был принят при дворах Ломбардии, Прованса (Раймона Беренгария IV), Кастилии (Альфонса X)) ? Сохранилось пять кансон, одна тенсона и одно стихотворение религиозного характера.

81. **Ланфранк Чигала** (...1235—1257...), из Генуи. Судья. Самый известный из итальянских трубадуrows, писавших по-окситански; сторонник «легкого стиля» (*trobar leu*). Сохранилось тридцать два стихотворения, из них две песни о крестовом походе и четыре религиозных стихотворения, один плач: «Песня-плач» (*Chan-plor*) на смерть некой дамы.

82. **Бернарт де Ровенак** (...1242—1261...), из окрестностей Лиму (Од). Неприязненно относился к королю Франции. Сохранились четыре сирвенты.

83. **Бонифаций де Каstellан** (Бонифачио де Каstellана) (...1244—1265...), из края Альпы-Верхний-Прованс. Прованский сеньор, противник Карла Анжуйского. Когда замок его был разрушен, он бежал в Арагон. Сохранились три сирвенты.

84. **Гираут д'Эспань** (...1245—1265...), из тулузской семьи. Посещал куртуазные дворы Прованса (в 1246 г. — двор Беатрисы, дочери Раймона Беренгария V, супруги Карла Анжуйского). Сохранилось шестнадцать стихотворений, главным образом танцевальные песни (десять), одна из которых — с мелодией.

85. **Раймон де Торс** (...1257—1265...), из Марселя. Сохранилось шесть сирвент, политического и назидательного характера.

86. **Бертран Карбонель** (...1252—1265...), торговец из Марселя, клиент владетелей Баусских. Сохранилось восемнадцать стихотворений и девяносто четыре куплета (*coblas*), написанных, несомненно, для тогдашних поэтических состязаний.

87. **Бертран д'Аламанон** (д'Алаmano) (...1229—1266...), провансальский рыцарь, родом из Ламанона (Буш-дю-Рон). Был принят при куртуазном провансальском дворе Раймона Беренгария V, состоял в его свите; после его смерти, наступившей в 1245 г., состоял при Карле Анжуйском. Сохранилось двадцать одно стихотворение, главным образом политические сирвенты, в которых он защищает свои идеи.

88. **Бонифачи Кальво** (...1253—1266...), из Генуи. Долгое время жил в Кастилии (при дворе Альфонса X). Сохранилось девятнадцать стихотворений и две любовные кансоны (*cantigas d'amor*) на галисийско-португальском языке.

89. **Гильем де Монтаньяголь** (...1233—1268...), из Тулузы. Пользовался покровительством Жауме I Арагонского, Альфонса X Кастильского, Раймона VII Тулузского. Протестовал против гонимых инквизиторов; в его творчестве куртуазная любовь была приравнена к добродетели *mezura* (соразмерность). Сохранилось сорок стихотворений.

90. **Паулет Марсельский** (...1262—1268...). Имел покровителем Барраля де Бо, виконта Марсельского, сторонника Карла Анжуйского и проводимой французами политики; после марсельского мятежа 1262 г. Паулет становится изгнанником (*faidit*) и находит пристанище при дворе Педро Арагонского. Сохранилось восемь стихотворений.

91. **Сордель** (Сорделло) (...1220—1269), из Мантуи (Ломбардия). Самый знаменитый из итальянских трубадуров. Жизнь вел бурную, искал приключений, в поэзии был приверженцем утонченной любви. Бедный рыцарь, путешествовал от двора к двору и наживал богатство. В Провансе пользовался покровительством Раймона Беренгария V; Блакаца; Барраля де Бо; затем Карла Анжуйского. Странствовал по Лангедоку, Испании (Арагон, Кастилия, Леон), затем вернулся в Италию (в 1266 г. оказался в Новаре, в тюрьме). Сохранилось сорок три стихотворения, среди которых плач на смерть сеньора Блакаца и дидактическое «Назидание» (*Ensenhamen d'onors*).

92. **Пейре Карденаль** (ок. 1180 — ок. 1280), родом из благородной семьи, из Пюи-ан-Веле; был каноником в монастыре, был принят при поэтическом дворе Пюи-Сент-Мари, затем стал трубадуром. Пользовался покровительством графов Тулузских (Раймо-

на VI и VII), был принят при дворах Оверни, Фуа, Арагона (Жауме I). Утонченный поэт, писал назидательные сатиры; будучи антиклерикалом и женоненавистником, остро критиковал пороки общества своего времени. Сохранилось более семидесяти стихотворений (три — с мелодией), из них пятьдесят пять — сирventы.

93. **Гильем д'Аутполь** (...1269—1270...), из Отполя в Тарне (?). Сохранилось четыре стихотворения различных жанров и исполненных религиозного чувства, среди которых плач на смерть французского короля Людовика IX.

94. **Бертоломе Дзордзи** (...1266—1273...), из Венеции, образованный купец; недолго любил Карла Анжуйского и генуэзцев, которые захватили его в плен и посадили в темницу. Сохранилось восемнадцать стихотворений (кансоны, два стихотворения, обращенных к Деве Марии, плач по Конрадину Сицилийскому и Фридриху Австрийскому, обезглавленным в Неаполе в 1268 г. ...).

95. **Раймон Гаусельм де Безье** (...1262—1275...). Сохранилось девять или десять стихотворений: песни о крестовом походе, назидательные сирventы, плач на смерть некоего жителя Безье, скончавшегося в 1262 г.

96. **Матьеу де Керси** (...1276), из Керси. Сохранился длинный (в 89 стихов) назидательный плач на смерть Жауме I Арагонского. См. также Сервери де Джирона.

97. **Дауде де Прадас** (...1214—1282...), родом из городка Прадас (Аверон), каноник родезский, знаток церковного права. Писал стихи назидательные и тяжелые для прочтения, ибо не черпал он вдохновения в куртуазной любви (*fin'amor*). Сохранилось семнадцать стихотворений, из которых одна кансона с мелодией, затем стихотворение о четырех основных добродетелях и трактат «О ловчих птицах» (*Auzels cassadors*).

98. **Фолькет де Люнель** (1244—1284...), проживал в Эро. Пользовался покровительством при дворах Родеза (Генриха II), Арагона (Педро III, который сам был трубадуром), Кастилии (Альфонса X, автора кансон, обращенных к Деве Марии, *Cantigas de Santa Maria*), Ломбардии, Люнель-Родеза. Сохранилось девять стихотворений и дидактико-сатирическая поэма о мирской жизни (*Romans de mondana vida*), посвященная графу де Родес.

99. **Сервери де Джирона** (Гильем де Джирона по прозвищу Сервери) (...1259—1285...), из провинции Лерида (Испания). Поэт виртуозный и куртуазный, также критиковал современные ему нравы и политику. Был принят при дворах виконта Кардонского; Жауме I и Педро III Арагонских. Его поэтическое наследие сохранилось в наиболее полном объеме, превосходящем наследие всех известных трубадуров. До наших дней дошло сто четырнадцать лирических стихотворений, пять повествовательных поэм, а также пословицы (*Proverbis*) в стихах, составленные в назидание сыну.

100. **Жоан Эстев** (...1270—1288...), из Безье. Выступал, скорее, на стороне французов. Сохранилось одиннадцать стихотворений.

101. **Гираут Рикьер** (ок. 1230 — ок. 1295), род. в Нарбонне, незнатного происхождения. Прекрасно образованный, «последний трубадур» с трудом мог жить за счет своего искусства. Посетил дворы виконта Нарбоннского; короля Франции Людовика IX, дворян Каталонии, Арагона, Кастилии (Альфонса X), вернулся в Нарбонн, затем отправился к графу Генриху II де Родес. Великий певец

куртуазной любви (*fin'amor*), чье творчество пришлось на время угасания куртуазной поэзии, на смену которой явилась поэзия, прославляющая Деву Марию. Сохранилось более ста стихотворений, из которых сорок восемь — с музыкальными текстами, записанными самим автором.

102. **Джауфре де Фойша** (...1267—1295...), жил в Ампурдане (Каталония). Францисканский, а затем бенедиктинский монах; Педро III Арагонский и его наследник поручали ему важные дипломатические миссии. Побывал в Риме, Палермо, при папском дворе в Аньяно. Сохранились четыре кансоны и трактат по грамматике и поэтике (*Regeles de trobar*), написанный по заказу Жауме II Арагонского.

103. **Аманьеу де Сескарс** (...1278—1295...), каталонец. Сохранилось два «любовных послания» (*salutz d'amor*) и два стихотворных «назидания» (*ensenhamens*).

104. **Гаусберт Амьель** (ок. 1254...), «бедный рыцарь из Гаскони». Сохранилась единственная кансона, являющаяся безобидной сатирой на куртуазные нравы.

105. **Гильем Рамон де Джиронелла** (2-я пол. XIII в.), жил в Каталонии. Писал на традиционные куртуазные темы; поэзия его отличается оригинальной метрикой. Сохранились три кансоны и одна тенсона.

106. **Калера Панзан** (...1252—1313), богатый генуэзский торговец, сторонник партии гибеллинов. Враждебно относился к Карлу Анжуйскому, к французам и дурным клирикам. Сохранилась длинная, в 80 стихов, сирвенга.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУБАДУРОВ

- Азалаида де Поркайрагес (...1173...) 16
Аймерик де Беленой (...1216—1243...) 75
Аймерик де Пегильян (...1190—1221...) 42
Аймерик де Сарлат (кон. XII — нач. XIII в.) 36
Алегрет (...1145...) 6
Альбертет де Систерон (...1194—1221...) 54
Альфонс Арагонский / Альфонс II, король Арагонский, граф Прованский / (1162—1196) 23
Аманьеу де Сескарс (...1278—1295...) 103
Арнаут Даниэль (...1180—1200) 26
Арнаут де Марейль (...1171—1195) 27
Арнаут де Тинтиньяк (XII в.) 33
Арнаут Каталан (...1220—1253...) 80
Беренгьер де Палазол (1160—1175 или 1150—1170) 12
Бернарт де Вензак (...1195...) 78
Бернарт де Вентадорн (...1147—1170) 14
Бернарт де Ровенак (...1242—1261...) 82
Бернарт Марти (сер. XII в.) 7
Бернарт Сикарт де Марведжольс (...1230...) 64
Берголоме Дзордзи (...1266—1273...) 94
Бертран д'Аламанон (...1229—1266...) 87
Бертран де Борн (...1159—1195...) 30
Бертран Карбонель (...1252—1265...) 86
Блакассет (...1233—1242...) 74
Блакац (...1144—1236...) 70
Бонифаций де Каstellан (...1244—1265...) 83
Бонифачи Кальво (...1253—1266...) 88
Гаваудан (...1195—1211...) 46
Гаусберт Амьель (ок. 1254...) 104
Гаусберт де Пойсибот (...1220—1231...) 65
Гаусельм Файдит (...1172—1203) 32
Ги де Каваллон (...1200—1229...) 62
Ги д'Юссель (...1095—1096...) 44
Гильем IX (1071—1126) 1
Гильем Адемар (...1195—1217...) 51
Гильем Ауджьер · Новела (...1209—1228...) 61
Гильем д'Аутполь (...1269—1270...) 93
Гильем де Бергедан (...1138—1192) 19
Гильем де Кабестань (...1180—1212...) 48
Гильем де Ла Тор (...1216—1233...) 60
Гильем де Монтаньяголь (...1233—1268...) 89
Гильем де Сант Лейдьер (...1165—1195) 22
Гильем Пейре де Казальс (1-я четв. XIII в.) 76
Гильем Райноль д'Ат (1-я треть XIII в.) 68
Гильем Рамон де Джиронелла (2-я пол. XIII в.) 105
Гильем Фигейра (...1215—1240...) 72
Гираут д'Эспань (...1245—1265...) 84
Гираут де Борнель (...1162—1199...) 17
Гираут де Калансон (...1202—1212...) 49
Гираут де Люк (...1190—1194...) 21
Гираут де Салиньяк (кон. XII в.) 34
Гираут ло Рос (...1195...) 28

Гираут Рикьер (кон. 1230 — кон. 1295) 101
Графиня де Диа (кон. XII — нач. XIII в.?) 35
Дауде де Прадас (...1214—1282...) 97
Джауфре де Фойша (...1267—1295...) 102
Джауфре Рюдель (...1125—1150) 3
Дофин Овернский (...1160—1235) 69
Жоан Эстев (...1270—1288...) 100
Каденет (...1204—1238...) 67
Калега Панзан (...1252—1313...) 106
Кастеллоза (1-я пол. XIII в.) 77
Ланфранк Чигала (...1235—1257...) 81
Маркабрюн (...1130—1149...) 4
Маркоат (...1160—1170...) 8
Матгеу де Керси (...1276...) 96
Монах Монтаудонский (...1193—1210...) 45
Паулет Марсельский (...1262—1268...) 90
Пейре Бремон ло Торт (...1177...) 18
Пейре Бремон Рикас Новас (...1230—1241...) 73
Пейре Видаль (...1183—1204...) 38
Пейре Гильем де Люзерна (...1225—1226...) 58
Пейре Овернский (...1149—1168...) 13
Пейре де ла Каравана (XII в.) 10
Пейре Карденаль (ок. 1180 — ок. 1280) 92
Пейре Раймон (...1180—1221...) 39
Пейре Роджер (...1162...) 9
Пейроль (...1188—1222...) 53
Пердигон (...1192—1212...) 41
Пистолета (...1205—1228...) 59
Понс де Капдейль (...1190—1237...) 71

Понс де Ла Гуардиа (...1154—1188...) 20
Раймбаут де Вакейрас (...1180—1205) 37
Раймбаут Оранский (...1147—1173) 15
Раймон Гаусельм де Безье (...1262—1275...) 95
Раймон де Лас Салас Марсельский (...1216...) 50
Раймон де Мираваль (...1191—1229...) 43
Раймон де Торс (...1257—1265...) 85
Раймон Джордан, виконт Сент-Антони (...1160—1195...) 24
Раймон Эскриван (...1218...) 52
Рамбертино Бувалелли (...1201—1222) 55
Ричарт де Бербезиль (...1141—1160...? или кон. XII в.) 11
Ричард Львиное Сердце (1157—1199) 31
Саварик де Маленон (1180—1230) 40
Сайль д'Эскола (...1195...) 29
Сервери де Джирона (...1259—1285...) 99
Серкамон (...1137—1149...) 5
Сордель (...1220—1269) 91
Томьер и Палази (...1199—1226...) 57
Фолькет Марсельский (...1178—1195) 25
Фолькет де Люнель (...1214—1284...) 98
Фолькет де Романс (...1215—1233...) 66
Эблес II Вентадорнский (...1096—1147...) 2
Элиас де Барджольс (...1191—1230...) 63
Элиас Кайрель (...1204—1222...) 56
Юк де Сент-Сирк (...1217—1253...) 79
Юк де ла Баккалария (нач. XIII в.) 47

ГЛОССАРИЙ

Альба (*alba*) — рассветная песня; песня о расстающихся на заре влюбленных.

Благородство (*paratge*) — благородство по рождению (по роду), затем благородство сердца; равенство между влюбленными.

Дальняя любовь (*amor de lonb*) — любовь трубадура к далекой даме; любовь, которую трубадур издалика питает к своей даме.

Дескорт (*descort*) — антикансона, лирическое стихотворение, где каждая строфа имеет свои собственные размер и мелодию.

Жизнеописание (*vida*) — краткая биография трубадура в прозе, составленная в основном после гибели поэта, реже — его современником.

Изысканный стиль (*trobar ric*) — формальное виртуозное искусство стихосложения.

Кансона (*canso*) — лирическое стихотворение, песня.

Клеветник (*lauzengier*) — льстец, антикуртуазный персонаж куртуазного универсума.

Кобла (*cobla*) — строфа; также короткая кансона.

Куртуазная любовь (*fin'amor*) — любовь к даме (преимущественно знатной и замужней), возвышающая душу и сердце рыцаря.

Куртуазное послание (*salutz d'amor*) — любовное письмо, начинающееся с приветствия возлюбленной даме.

Легкий стиль (*trobar leu, trobar plan*) — «простая», «легкая», «ясная» поэзия.

Мера (*mezura*) — умеренность; совершенное поведение, соответствие куртуазному кодексу.

Назидание (*ensenhamen*) — дидактическое или назидательное стихотворение.

Партимен (джок партит) (*partimen, joc partit*) — «разделенная игра», стихотворный спор, где позиция каждого из участников задается заранее.

Плач (*planb*) — песня, оплакивающая умершего и восхваляющая его заслуги; может иметь назидательное или политическое значение.

Радость (*joi*) — ключевое слово любовной лирики: высшая ступень куртуазной любви; также эротическая радость.

Ретроэнка (*retroencha*) — редкое стихотворение с рефреном, в две или три строфы.

Секстина (*sestina*) — поэтическая форма, состоящая из шести стрóf по шесть стихов в каждой.

Сеньяль (*senbal*) — псевдоним; прозвище, служившее для сохранения в тайне настоящего имени (дамы, покровителя, друга, возлюбленного...).

Сирвента (*sirventes*) — букв.: «служебная песня», кансона критического содержания, на темы политики или морали.

Темный стиль (*trobar clus*) — «закрытая», герметическая поэзия.

Тенсона (*tenso*) — спор, диспут в стихах; свободный диалог на заданную тему.

Трубадурка (*trobairitz*) — женщина-трубадур, сочинительница и исполнительница своих песен.

Трубадурское искусство (*trobar*) — искусство стихосложения, практикуемое трубадурами; букв. значение *trobar* — «находить», «изобретать», «находить новое».

Ценность (*pretz*) — заслуга, доблесть, комплекс качеств, которые делают человека достойным любви.

Файдит (*faidit*) — рыцарь-изгнанник периода альбигойских войн.

Юность (*joven*) — ключевое слово любовной лирики: моральное совершенствование куртуазной личности под влиянием любви.

Слова, значения которых объясняются в настоящем глоссарии, при первом употреблении в тексте отмечены звездочкой.

ПЕСНИ ТРУБАДУРОВ
И СОЧИНЕНИЯ
ИХ СОВРЕМЕННОКОВ

ПОЭЗИЯ ТРУБАДУРОВ

Безымянные песни

* * *

Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Не слишком ли судьба ко мне сурова?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Свою мечту я вам открыть готова.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Хочу любить я друга молодого!
Я так бы с ним резвилась и шутила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Наскучил муж! Ну как любить такого?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Сколь мерзок он, не передаст и слово.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
И от него не надо мне иного,
Как только бы взяла его могила.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Довольно ждать! Давно решиться надо.

Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
В любви дружка — одна моя отрада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Без милого мне горькая досада.
Зачем страдать, коль счастье поманило?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

И про дружка я всем поведать рада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Мне верен друг, и ждет его награда.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
В любви к дружку с собой не знаю слада,
Так сердце мне она заполонила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Неплох напев, и хороша баллада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
За песню мне нужна теперь награда.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Пускай везде, не нарушая лада,
Поют о том, кого я полюбила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

БВЛ, с. 32—33

* * *

Отогнал он сон ленивый,
Забытье любви счастливой,
Стал он сетовать тоскливо:
— Дорогая, в небесах
Рдеет свет на облаках.
Ах!

Страж кричит нетерпеливо:

«Живо!

Уходите! Настает

Час рассвета!»

— Дорогая! Вот бы диво,
Если день бы суетливый
Не грозил любви пугливой
И она, царя в сердцах,
Позабыла вечный страх!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо:

«Живо!

Уходите! Настает

Час рассвета!»

— Дорогая! Сколь правдиво
То, что счастье прихотливо!
Вот и мы — тоски пожива!
Ночь промчалась в легких снах,
День мы встретили в слезах!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо:

«Живо!

Уходите! Настает

Час рассвета!»

— Дорогая! Сиротливо
Я уйду, храня ревниво
В сердце образ горделивый,
Вкус лобзаний на устах,—
С вами вечно я в мечтах!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо:

«Живо!

Уходите! Настает

Час рассвета!»

— Дорогая! Сердце живо —
В муке страстного порыва —
Тем, что свет любви нелживой

Вижу я у вас в очах.
А без вас я— жалкий прах!
Ах!
Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

БВЛ, с. 33—34

* * *

Боярышник листвою в саду поник,
Где донна с другом ловят каждый миг:
Вот-вот рожка раздастся первый клик!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

— Ах, если б ночь господь навеки дал,
И милый мой меня не покидал,
И страж забыл свой утренний сигнал.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

Под пенье птиц сойдем на этот луг.
Целуй меня покрепче, милый друг,—
Не страшен мне ревнивый мой супруг!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

Продолжим здесь свою игру, дружок,
Покуда с башни не запел рожок:
Ведь расставаться наступает срок.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

Как сладко с дуновеньем ветерка,
Струящимся сюда издалека,
Впивать дыханье милого дружка.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил! —

Красавица прелестна и мила
И нежною любовью расцвела,
Но, бедная, она невесела,—
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

БВЛ, с. 35

* * *

Желаньем петь я вдохновен
О том, как горем я согбен:
Не к милым доннам в Лимузен —
В изгнанье мне пора уйти!

Уйду, а сыну суждена —
Как знать! — с соседями война.
Рука уже занесена,
Неотвратимая почти...

Феод свой вновь не обрету,
Но родичем тебя я чту,
Фолькон Анжерский, — Пуату,
А с ним и сына защити!

Коли Фолькон не защитит
Или король не охранит, —
Анжу с Гасконью налетит,
У этих верность не в чести!

Тогда от сына самого —
Ума и доблести его —
Зависеть будет, кто — кого!
Мужай, дитя мое, расти!

А я в содеянных грехах
Пред всеми каюсь. Жалкий прах,
В молитвах и в простых словах
Взываю ко Христу: прости!

Я ради наслаждений жил,
Но Бог предел мне положил,
А груз грехов, что я свершил,
Мне тяжек стал к концу пути.

Забыв и рыцарство, и власть —
Все, что вкушал я прежде всласть, —

Готов к стопам творца припасть:
Лица, Господь, не отврати!

Прошу я каждого из тех,
Кто помнит мой веселый смех,
Роскошества моих утех:
Когда умру, мой прах почти!

Отныне мне не даст утех
Ни беличий, ни куний мех.
Мой графский горностаи, прости!

БВЛ, с. 38—39

* * *

Сложу стихи я ни о чем,
Ни о себе, ни о другом,
Ни об учтивом, ни о том,
На что все падки:
Я их начну сквозь сон, верхом,
Взяв ритм лошадки.

Не знаю, под какой звездой
Рожден: ни добрый я, ни злой,
Ни всех любимец, ни изгой,
Но все в зачатке;
Я феей одарен ночной
В глухом распадке.

Не знаю, бодрствовал иль спал
Сейчас я, — кто бы мне сказал?
А что припадочным не стал,
Так все припадки
Смешней — свидетель Марциал! —
С мышонком схватки.

Я болен, чую смертный хлад,
Чем болен, мне не говорят,
Врача ищу я наугад,
Все их хватки —

Вздор, коль меня не защитят
От лихорадки.

С подругой крепок наш союз,
Хоть я ее не видел, плюс
У нас с ней, в общем, разный вкус;
Я не в упадке:
Бегут нормандец и француз
Во все лопатки.

Ее не видел я в глаза
И хоть не против, но не за,
Пусть я не смыслю ни аза,
Но все в порядке
У той лишь, чья нежна краса
И речи сладки.

Стихи готовы — спрохвала
Другому сдам свои дела:
В Анжу пусть мчится как стрела
Он без оглядки,
Но прежде вынет из чехла
Ключ для разгадки.

* * *

Нежен новый сезон: кругом
Зеленеет лес, на своем
Языке слагает стихи
Всяк певец в листве, как ни мал;
Все проводят в веселье дни,
Человек же — всех больше шал.
Но оттуда, куда влеком,
Нет посланца с тайным письмом —
Ни выиграй душой, ни усни;
Та ль она, какую желал,
Не узнав, останусь в тени;
Прав ли я, пусть решит финал.

Беспокойной нашей любви
Ветвь боярышника сродни;

Нет листочка, чтоб не дрожал
Под холодным ночным дождем,
Но рассвет разольется ал —
И вся зелень вспыхнет огнем.

Так, однажды, в лучах зари
Мы закончить войну смогли,
И великий дар меня ждал:

Дав кольцо, пустила в свой дом;
Жизнь продли мне Бог, я б держал
Руки лишь под ее плащом.

Мы с Соседом Милым близки,
А что разные языки —
Ничего: я такой избрал,
Что на нем речь льется ручьем;
О любви пусть кричит бахвал,
Мы ж разрежем кусок ножом.

ПТ, с. 26—29

Маркабрюн

Встретил пастушку вчера я,
Здесь, у ограды блуждая.
Бойкая, хоть и простая,
Мне повстречалась девица.
Шубка на ней меховая
И кацавейка цветная,
Чепчик — от ветра прикрыться.
К ней обратился тогда я:
— Милочка! Буря какая
Нынче взметается злая!
— Дон! — отвечала девица. —
Право, здорова всегда я,
Сроду простуды не зная, —
Буря пускай себе злится!

— Милочка! Лишь за цветами
Шел я, но вдруг, будто в раме,

Вижу вас между кустами.
Как хороши вы, девица!
Скучно одной тут часами,
Да и не справитесь сами —
Стадо у вас разбежится!

— Дон! Не одними словами,
Надо служить и делами
Донне, восславленной вами.
Право, — сказала девица, —
Столько забот со стадами!
С вами пустыми речами
Тешиться мне не годится.

— Милочка, честное слово,
Не от виллана простого,
А от сеньора младого
Мать родила вас, девица!
Сердце любить вас готово,
Око все снова и снова
Смотрит — и не наглядится.

— Дон! Нет селенья такого,
Где б не трудились сурово
Ради куска трудового.
Право, — сказала девица, —
Всякий день, кроме седьмого —
Дня воскресенья святого,
Должен и рыцарь трудиться.

— Милочка, феи успели
Вас одарить с колыбели, —
Но непонятно ужели
Вам, дорогая девица,
Как бы вы похорошели,
Если б с собою велели
Рядышком мне приютиться!

— Дон! Те хвалы, что вы пели,
Слушала я еле-еле, —
Так они мне надоели!

Право, — сказала девица, —
Что бы вам там ни хотели,
Видно, судьба пустомеле
В замок ни с чем воротиться!

— Милочка, самой пугливой,
Даже и самой строптивой
Можно привыкнуть на диво
К ласкам любовным, девица;
Судя по речи игривой,
Мы бы любовью счастливой
С вами могли насладиться.

— Дон! Говорите вы льстиво,
Как я мила и красива,
Что же, я буду правдива:
Право, — сказала девица, —
Честь берегу я стыдливо,
Чтоб из-за радости лживой
Вечным стыдом не покрыться.

— Милочка! Божье творенье
Ищет везде наслажденья,
И рождены, без сомненья,
Мы друг для друга, девица!
Вас призываю под сень я, —
Дайте же без промедленья
Сладкому делу свершиться!

— Дон! Лишь дурак от рожденья
Легкой любви развлеченья
Ищет у всех в нетерпенья.
Ровню пусть любит девица.
Истари общее мненье:
Если душа в запустенья,
В ней лишь безумье плодится.

— Милочка! Вы загляденье!
Полно же без сожаленья
Так над любовью глумиться.

— Дон! Нам велит Провиденье:
Глупым — ловить наслажденье,
Мудрым — к блаженству стремиться!

БВЛ, с. 42—44

Серкамон

* * *

Ненастью наступил черед,
Нагих садов печален вид,
И редко птица запоет,
И стих мой жалобно звенит.
Да, в плен любовь меня взяла,
Но счастье не дала познать.

Любви напрасно сердце ждет,
И грудь мою тоска щемит!
Что более всего влечет,
То менее всего сулит, —
А мы за ним, не помня зла,
Опять стремимся и опять.

Затмила мне весь женский род
Та, что в душе моей царит.
При ней и слово с уст нейдет,
Меня смущенье цепенит,
А без нее на сердце мгла.
Безумец я, ни дать ни взять!

Всей прелестью своих красот
Меня другая не пленит, —
И если тьма на мир падет,
Его мне Донна осветит.
Дай бог дожить, чтоб снизошла
Она моей утехой стать!

Ни жив ни мертв я. Не грызет
Меня болезнь, а грудь болит.
Любовь — единый мой оплот,
Но от меня мой жребий скрыт, —

Лишь Донна бы сказать могла,
В нем гибель или благодать.

Наступит ночь, иль день придет,
Дрожу я, все во мне горит.
Страшусь открыться ей: вот-вот
Отказом буду я убит.
Чтоб все не разорить дотла,
Одно мне остается — ждать.

Мне б лучше сгинуть наперед,
Пока я не был с толку сбит.
Как улыбался нежный рот!
Как был заманчив Донны вид!
Затем ли стала мне мила,
Чтоб смертью за любовь воздать?

Томленье и мечты полет
Меня, безумца, веселит,
А Донна пусть меня клянет,
В глаза и за глаза бранит, —
За мукой радость бы пришла,
Лишь стоит Донне пожелать.

Я счастлив и среди невзгод,
Разлука ль, встреча ль предстоит.
Всё от нее: велит — и вот
Уже я прост иль сановит,
Речь холодна или тепла,
Готов я ждать иль прочь бежать.

Увы! А ведь она могла
Меня давно своим назвать!
Да, Серкамон, хоть доля зла,
Но долг твой — Донну прославлять.

БВЛ, с. 40—41

Мне в пору долгих майских дней
Мил щебет птиц издалека,
Зато и мучает сильней
Моя любовь издалека.
И вот уже отрады нет,
И дикой розы белый цвет,
Как стужа зимняя, не мил.

Мне счастье, верю, царь царей
Пошлет в любви издалека,
Но тем моей душе больней
В мечтах о ней — издалека!
Ах, пилигримам бы вослед,
Чтоб посох страннических лет
Прекрасною замечен был!

Что счастья этого полней —
Помчаться к ней издалека,
Усесться рядом, потесней,
Чтоб тут же, не издалека,
Я в сладкой близости бесед —
И друг далекий, и сосед —
Прекрасной голос жадно пил!

Надежду в горести моей
Дарит любовь издалека,
Но грезу, сердце, не лелей —
К ней поспешить издалека.
Длинна дорога — целый свет,
Не предсказать удач иль бед,
Но будь как Бог определил!

Всей жизни счастье — только с ней,
С любимую издалека.
Прекраснее найти сумеи
Вблизи или издалека!
Я бы, огнем любви согрет,
В отрепья нищего одет,
По царству сарацин бродил.

Молю, о тот, по воле чьей
Живет любовь издалека,
Пошли мне утолить скорей
Мою любовь издалека.
О, как мне мил мой сладкий бред:
Светлицы, сада больше нет —
Всё замок Донны заменил!

Слывет сильнейшей из страстей
Моя любовь издалека,
Да, наслаждений нет хмельней,
Чем от любви издалека!
Одно молчанье — мне в ответ,
Святой мой строг, он дал завет,
Чтоб безответно я любил.

Одно молчанье — мне в ответ.
Будь проклят он за свой завет,
Чтоб безответно я любил!

БВЛ, с. 47—48

Клара Андузская

***

Заботами наветчиков моих,
Гонителей всей прелести земной,
Гнев и тоска владеют нынче мной
Взамен надежд и радостей былых.
Жестокие и низкие созданья
Вас отдалить успели от меня,
И я томлюсь, в груди своей храня
Боль смертных мук, огонь негодованья.

Но толков я не побоюсь людских.
Моя любовь — вот гордый вызов мой.
Вы жизнь моя, мне жизни нет иной, —
Возможно ли, чтоб голос сердца стих?
Кто хвалит вас, тому почета дань я
Спешу воздать, превыше всех ценя.
Зато вскиплю, зато невзвижу дня,
Промолви кто словечко в порицанье.

Пусть тяжко мне, пускай удел мой лих,
Но сердце чтит закон любви одной,—
Поверьте же, я никакой ценой
Не повторю другому слов таких.
Есть у меня заветное желанье:
Счастливого хочу дожждаться дня, —
Постылых ласк угрозу отстраня,
Себя навек отдать вам в обладанье.

Вот, милый друг, и все мои писанья,
Примите их, за краткость не браня:
Любви тесна литых стихов броня,
И под напев не подогнать рыданье.

БВЛ, с. 179

Бернарт де Вентадорн

***

Коль не от сердца песнь идет,
Она не стоит ни гроша,
А сердце песни не споет,
Любви не зная совершенной.
Мои кансоны вдохновенны —
Любовью у меня горят
И сердце, и уста, и взгляд.

Готов ручаться наперед:
Не буду, пыл свой заглуша,
Забыв, куда мечта зовет,
Стремиться лишь к награде брэнной!
Любви взыскую неизменной,
Любовь страданья укрепят,
Я им, как наслажденью, рад.

Иной такое наплетет,
Во всем любовь винить спеша!
Знать, никогда ее высот
Не достигал глупец презренный.
Коль любят не самозабвенно,

А ради ласки иль наград,
То сами лжелюбви хотят.

Сказать ли правду вам? Так вот:
Искательница барыша,
Что наслажденья продает,—
Уж та обманет непременно.
Увы, вздыхаю откровенно,
Мой суд пускай и грубоват,
Во лжи меня не обвинят.

Любовь преграды все сметет,
Коль у двоих — одна душа.
Взаимностью любовь живет,
Не может тут служить заменой
Подарок самый драгоценный!
Ведь глупо же искать услад
У той, кому они претят!

С надеждой я гляжу вперед,
Любовью нежной к той дыша,
Кто чистою красой цветет,
К той, благородной, ненадменной,
Кем взят из участи смиренной,
Чье совершенство, говорят,
И короли повсюду чтят.

Ничто сильнее не влечет
Меня, певца и голыша,
Как ожиданье, что пошлет
Она мне взгляд проникновенный.
Жду этой радости священной,
Но промедленья так томят,
Как будто дни длинней стократ.
Лишь у того стихи отменны,
Кто тонким мастерством богат,
Взыскует и любви отрад,

Бернарт и мастерством богат,
Взыскует и любви отрад.

БВЛ, с. 51

Люблю на жаворонка взлет
 В лучах полуденных глядеть:
 Все ввысь и ввысь — и вдруг падет,
 Не в силах свой восторг стерпеть.
 Ах, как завидую ему,
 Когда гляжу под облака!
 Как тесно сердцу моему,
 Как эта грудь ему узка!

Любовь меня к себе зовет,
 Но за мечтами не поспеть.
 Я не познал любви щедрот,
 Познать и не придется впредь.
 У Донны навсегда в дому
 Весь мир, все думы чудака,—
 Ему ж остались самому
 Лишь боль желаний да тоска.

Я сам виновен, сумасброд,
 Что мне скорбей не одолеть,—
 В глаза ей заглянул и вот
 Не мог я не оторопеть;
 Таит в себе и свет, и тьму
 И тянет вглубь игра зрачка!
 Нарцисса гибель я пойму:
 Манит зеркальная река.

Прекрасных донн неверный род
 С тех пор не буду больше петь:
 Я чтил их, но, наоборот,
 Теперь всех донн готов презреть.
 И я открою, почему:
 Их воспевал я, лишь пока
 Обманут не был той, к кому
 Моя любовь так велика.

Коварных не хочу тенёт,
 Довольно Донну лицезреть,
 Терпеть томленья: тяжкий гнет,
 Безжалостных запретов плеть.

Ужели — в толк я не возьму —
Разлука будет ей легка?
А каково теперь тому,
Кто был отвергнут свысока!

Надежда больше не блеснет,—
Да, впрочем, и о чем жалеть!
Ведь Донна холодна как лед —
Не может сердце мне согреть.
Зачем узнал ее? К чему?
Одно скажу наверняка:
Теперь легко и смерть приму,
Коль так судьба моя тяжка!

Для Донны, знаю, все не в счёт,
Сколь к ней любовью ни гореть.
Что ж, значит, время настает
В груди мне чувства запретить!
Холодность Донны перейму —
Лишь поклонюсь я ей слегка.
Пожитки уложу в суму —
И в путь! Дорога далека.

Понять *Тристану* одному,
Сколь та дорога далека.
Конец любви, мечте — всему!
Прощай, певучая строка!

БВЛ, с. 51—54

* * *

Цветут сады, луга зазеленели,
И птичий свист, и гомон меж листвою.
Цвету и я — ответною весною:
В душе моей напевы зазвенели.
Как жалки те, что дара лишены
Почувствовать дыхание весны
И расцвести любви красой весенней!

Немало слез, обид и злых мучений —
Мои мечты всё превозмочь успели,

И до сих пор они не охладели,
Я полюбил еще самозабвенней.
Всевластию любви подчинены
Все дни мои, желания и сны —
Я, как вассал, у Донны под пятою.

Недаром чту я истиной святою:
В делах любви язык мольбы и пеней
Пристойнее сеньора повелений, —
Иначе я самой любви не стою!
Богач, бедняк—все перед ней равны.
Надменные посрамлены, смешны,
Смиранный же достиг заветной цели.

Да, для другой, ее узнавши еле,
Я кинул ту, что столь нежна со мною, —
Ни с песнею, ни с весточкой иною
Мои гонцы давно к ней не летели,
И впредь меня оттуда гнать вольны.
Да, отрицать не вправе я вины,
Но одолеть не мог я искушений.

От всех безумств и головокружений
Я лишь тогда б очнулся в самом деле,
Когда б глаза той, нежной, поглядели
В мои глаза хоть несколько мгновений,
И, кротостью ее укрощены,
Все думы будут ей посвящены, —
В том поклянусь я с поднятой рукою.
Себе тогда я сердце успокою
В раскаянье, средь горьких сожалений,
Когда та, кого нет в мире совершенней,
Пренебрежет своей обидой злою.
Пред ней с мольбой ладони сложены:
Лишь только бы взглянуть со стороны,
Как милая готовится к постели!

Но трепещу от страха: неужели
Себя окажет кроткая крутою —
Сочтет меня утратою пустою?

Князья, меж тем, вассалов не имели,
Чтоб были так покорны и скромны,
Как я пред ней, — решимости полны
Ждать милости и не вставать с коленей.

К покинутой стихи обращены,
Но *Глаз Отраде* преподнесены,
Дабы ни в ком не вызвать подозрений.

Будь мы, *Тристан*, вовек разлучены,
О вас вовек не прекращу молений!

БВ, с. 67—68

Пейре Овернский

* * *

Трубадуров прославить я рад,
Что поют и не в склад и не в лад,
Каждый пеньем своим опьянен,
Будто сто свинопасов галдят:
Самый лучший ответит навряд,
Взят высокий иль низкий им тон.

О любви своей песню Роджьер
На ужасный заводит манер —
Первым будет он мной обвинен;
В церковь лучше б ходил, малOVER,
И тянул бы псалмы, например,
И тарашил глаза на амвон.

И похож Гираут, его друг,
На иссушенный солнцем бурдюк,
Вместо пеня — бурчанье и стон,
Дребезжание, скрежет и стук;
Кто за самый пленительный звук
Грош заплатит — потерпит урон.

Третий — де Вентадорн, старый шут,
Втрое тоньше он, чем Гираут,

И отец его вооружен
Саблей крепкой, как ивовый прут,
Мать же чистит овечий закут
И за хворостом ходит на склон.

Лимузенец из Бривы — жонглер,
Попрошайка, зато хоть не вор,
К итальянцам ходил на поклон;
Пой, паломник, тyani до тех пор
И так жалобно, будто ты хвор,
Пока слух мой не станет смягчен.

Пятый — достопочтенный Гильем,
Так ли, сяк ли судить — плох совсем,
Он поет, а меня клонит в сон,
Лучше, если б родился он нем,
У дворяги — и то больше тем,
А глаза взял у статуи он.

И шестой — Гриомар Гаузмар,
Рыцарь умер в нем, жив лишь фигляр;
Благодетель не больно умен:
Эти платья отдав ему в дар,
Все равно что их бросил в пожар,
Ведь фигляров таких миллион.

Обокраден Мондзовец Пейре,
Приживал при тулузском дворе,—
В этом есть куртуазный резон;
Но помог бы стихам и игре,
Срежь ловкач не кошель на шнуре,
А другой — что меж ног прикреплен.

Украшает восьмерку бродяг
Вымогатель Бернарт де Сайссак,
Вновь в дверях он, а выгнан был вон;
В ту минуту, как де Кардальяк
Старый плащ ему отдал за так,
Де Сайссак мной на свалку снесен.

А девятый — хвастун Раймбаут
С важным видом уже тут как тут,

А по мне, этот мэтр — пустозвон,
Жжет его сочинительства зуд,
С жаром точно таким же поют
Те, что наняты для похорон.

И десятый — Эбле де Санья,
Он скулит, словно пес от битья,
Женолюб, пострадавший от жен;
Груб, напыщен, и слыхивал я,
Что, где больше еды и питья,
Предается он той из сторон.

Ратным подвигам храбрый Руис,
С давних пор предпочтя вокализ,
Ждет для рыцарства лучших времен;
Погнут шлем, меч без дела повис —
Мог тогда только выиграть приз,
Когда в бегство бывал обращен.

И последний — Ломбардец-старик,
Только в трусости он и велик;
Применять заграничный фасон
В сочинении песен привык,
И хоть люди ломают язык,
Сладкопевцем он был наречен.

А про Пейре Овернца молва,
Что он всех трубадуров глава
И слагатель сладчайших кансон;
Что ж, молва абсолютно права,
Разве что должен быть лишь едва
Смысл его темных строк прояснен.

Пел со смехом я эти слова,
Под волынку мотив сочинен.

ПТ, с. 47—49

Графиня де Диа

***

Мне любовь дарит отраду,
Чтобы звонче пела я.
Я заботу и досаду
Прочь гоню, мои друзья.
И от всех наветов злых
Ненавистников моих
Становлюсь еще смелее —
Вдесятеро веселее!

Строит мне во всем преграду
Их лукавая семья —
Добиваться с ними ладу
Не позволит честь моя!
Я сравню людей таких
С пеленою туч густых,
От которых день темнее, —
Я лукавить не умею.

Злобный ропот ваш не стих.
Но глушить мой смелый стих
Лишь напрасная затея:
О своей пою весне я!

БВЛ, с. 73

***

Полна я любви молодой,
Радостна и молода я,
И счастлив мой друг дорогой,
Сердцу его дорога я —
Я, никакая другая!
Мне тоже не нужен другой,
И мне этой страсти живой
Хватит, покуда жива я.

Да что пред ним рыцарь любой?
Лучшему в мире любя я.
Кто свел нас, тем, Господи мой,
Даруй все радости мая!

Речь ли чернит меня злая,
Друг, верьте лишь доброй, не злой,
Изведав любви моей зной,
Сердце правдивое зная.

Чтоб донне о чести радеть,
Нужно о друге раденье.
Не к трусу попала я в сеть —
Выбрала славную сень я!
Друг мой превыше презренья,
Так кто ж меня смеет презреть?
Всем любо на нас поглядеть,
Я не боюсь погляденья.

Привык он отвагой гореть,
И его сердца горенье
В других заставляет истлеть
Все, что достойно истленья.
Будет про нрав мой шипенье,—
Мой друг, не давайте шипеть:
Моих вам измен не терпеть,
С вами нужней бы терпенье!

Доблести вашей горенье
Зовет меня страстью гореть.
С вами душой ночь и день я —
Куда же еще себя деть!

БВД, с. 74

* * *

Повеселей бы песню я запела,
Да не могу — на сердце накалило!
Я ничего для друга не жалела,
Но что ему душа моя и тело,
И жалость, и любви закон святой!
Покинутая, я осиротела,
И он меня обходит стороной.

Мой друг, всегда лишь тем была горда я,
Что вас не огорчала никогда я,
Что нежностью Сегвина превзошла я,

В отваге вам, быть может, уступая,
Но не в любви, и верной и простой.
Так что же, всех приветом награждая,
Суровы и надменны вы со мной?

Я не пойму, как можно столь жестоко
Меня предать печали одинокой.
А может быть, я стала вам далекой
Из-за другой? Но вам не шлю упрека,
Лишь о любви напомним молодой.
Да охранит меня Господне око:
Не мне, мой друг, разрыва быть виной.

Вам все дано — удача, слава, сила,
И ваше обхождение так мило!
Вам не одна бы сердце подарила
И знатный род свой тем не посрамила, —
Но позабыть вы не должны о той,
Что вас, мой друг, нежнее всех любила,
О клятвах и о радости былой!

Моя краса, мое происхождение,
Но больше — сердца верного влеченье
Дают мне право все свои сомненья
Вам выразить в печальных звуках пенья.
Я знать хочу, о друг мой дорогой,
Откуда это гордое забвенье:
Что это — гнев? Или любовь к другой?

Прибавь, гонец мой, завершая пенье,
Что нет добра в надменности такой!

БВЛ, с. 75

* * *

Я горестной тоски полна
О рыцаре, что был моим,
И весть о том, как он любим,
Пусть сохраняют времена.
Мол, холодны мои объятья —
Неверный друг мне шлет укор,

Забыв безумств моих задор
На ложе и в парадном платье.

Напомнить бы ему сполна
Прикосновением нагим,
Как ласково играла с ним
Грудь пуховая волна!
О нем нежней могу мечтать я,
Чем встарь о Бланкафлоре Флор, —
Ведь помнят сердце, тело, взор
О нем все время, без изъятья.

Вернитесь, мой прекрасный друг!
Мне тяжело ночь за ночью ждать,
Чтобы в лобзанье передать
Вам всю тоску любовных мук,
Чтоб истинным, любимым мужем
На ложе вы взошли со мной, —
Пошлет нам радость мрак ночной,
Коль мы свои желанья сдружим!

БВЛ, с. 76

* * *

— Друг мой! Я еле жива, —
Все из-за вас эта мука.
Вам же дурная молва
Не любопытна нимало,
Вы — как ни в чем не бывало!
Любовь вам приносит покой,
Меня ж награждает тоской.

— Донна! Любовь такова,
Словно двойная порука
Разные два существа
Общей судьбою связала:
Что бы нас ни разлучало,
Но вы неотлучно со мной, —
Мы мучимся мукой одной.

— Друг мой, но сердца-то—два!
А без ответного стука

Нет и любви торжества.
Если б тоски моей жало
Вас хоть чуть-чуть уязвляло,
Удел мой, и добрый и злой,
Вам не был бы долей чужой!

— Донна! Увы, не нова
Злых пересудов наука!
Кругом пошла голова,
Слишком злоречье пугало!
Встречам оно помешало,—
Зато улюлюканья вой
Затихнет такую ценой.

— Друг мой, цена дешева,
Если не станет разлука
Мучить хотя бы едва.
Я ведь ее не желала,—
Что же вдали вас держало?
Предлог поищите другой,
Мой рыцарь-монах дорогой.

— Донна! В любви вы — глава,
Не возражаю ни звука.
Мне же в защите права
Бóльшие дать надлежало, —
Большее мне угрожало:
Я слиток терял золотой,
А вы — лишь песчаник простой.

— Друг мой! В делах плутовства
Речь ваша — тонкая штука,
Ловко плетет кружева!
Рыцарю все ж не пристало
Лгать и хитрить, как меняла.
Ведь правду увидит любой:
Любовь вы дарите другой.

— Донна! Внемлите сперва:
Пусть у заветного лука
Век не гудит тетива,

Коль не о вас тосковало
Сердце мое, как бывало!
Пусть сокол послушливый мой
Не взмлет под свод голубой!

— Мой друг, после клятвы такой
Я вновь обретаю покой!

— Да, Донна, храните покой:
Одна вы даны мне судьбой.

БВЛ, с. 76—78

* * *

Печалью стала песня перевита:
О том томлюсь и на того сердита,
Пред кем в любви душа была раскрыта;
Ни вежество мне больше не защита,
Ни красота, ни духа глубина,
Я предана, обманута, забыта,
Впрямь, видно, стала другу не нужна.

Я утешаюсь тем, что проявила
К вам, друг, довольно нежности и пыла,
Как Сегуин Валенсию, любила;
Но хоть моя и побеждала сила,
Столь, друг мой, ваша высока цена,
Что вам в конце концов и я постыла,
Теперь с другими ваша речь нежна.

Как быстро вы со мной надменны стали!
Не правда ль, друг, могу я быть в печали,
Когда вас грубо у меня отняли,
Хоть мне и безразлично, эта, та ли,
И что пообещала вам она?
А вспомните, как было все вначале!
Разлука наша — не моя вина.

Забвенье клятв взаимных душу ранит,
Но влечься к вам она не перестанет,
Ибо, как прежде, ваша доблесть манит,
И здешняя ль, чужая ль — им числа нет! —

Любить желая, в вас лишь влюблена;
Надеюсь, друг, вам тонкости достанет
Ту отличить, что вам навек верна.

Мне славы хватит отразить упреки:
Род стар, нрав легок, чувства же глубоки
И не присущи внешности пороки;
Как вестника, я шлю вам эти строки,
Прекрасный друг мой, ибо знать должна,
Из гордости ли вы ко мне жестоки,
Иль это злонамеренность одна.

Понятны ль вам в посланье сем намеки
На то, сколь гордость для людей вредна?

ПТ, с. 140—141

Раймбаут Оранский

* * *

Я совет влюбленным подам,
Но забочусь не о своем,
Ибо к лести глух и хвалам,
Касательно ж собственных драм
Не обмолвлюсь сам ни словом;
И солгать не даст мне Amor,
Что слугою был верным самым
Я ему, служаая дамам.

Воздыхателям-простакам
Сложный курс науки о том,
Как любимым стать, преподам,
Чтоб, внимая моим словам,
К цели шли они пряником;
Вздернут будь или брошен в костер
Тот, кто речь мою глушит гамом!
Всяк учись по моим программам!

Те владеют сердцами дам,
Тех любезный встретит прием,

Кто сумеет дерзким речам
Дать отпор, то бишь по зубам
Дать как следует кулаком;
Угрожая, не бойтесь ссор!
С несговорчивой — будьте хамом!
Благо кроется в зле упрямом.

Чтобы путь проложить к сердцам
Лучших, действуйте только злом:
Дайте волю дурным словам,
Грубым песням и похвальбам;
Чтите худших; вводите в дом
Тех, чей всем известен позор,—
Словом, дом свой покройте срамом,
Чтоб не стал кораблем иль храмом.

Этим следуя образцам,
Преуспеете! Я ж в другом
Плане действую, ибо там,
Где лукавите вы, я прям,
Мягок, верен, честью ведом,
Вижу в женщинах лишь сестер —
И... подобным увлекшись хламом,
Я приблизился к страшным ямам.

Вы избегнете этих ям,
Но, поняв, что я стал глупцом,
По моим найдите следам,
Поступайте же, как я вам
Заповедал, не то потом
Чувство вас возьмет на измор;
Да и я наглецом упрямым
В дом приду к самым милым дамам.

Выдам всем сестрам по серьгам,
Ибо я с тех пор не влеком
Ни к которой, увы, из дам,
Как Мой Перстень наделся сам
Мне на палец... Молчи о том,
Мой язык! Не суйся! Позер
Жизнь кончает, увенчан срамом!
Нет во мне пристрастья к рекламам.

Это знает Милый Жонглер —
Та, что мне не пометит шрамом
Сердца, ибо не склонна к драмам.

Ей pošлю стихи — курс тем самым
На родной мой Родес задам им.

ПТ, с. 51—52

* * *

Сеньоры, вряд ли кто поймет
То, что сейчас я петь начну,
Не сирвентес, не эстрибот,
Не то, что пели в старину,
И мне неведом поворот,
В который под конец сверну,

чтобы сочинить то, чего никто никогда не видел со-
чиненным ни мужчиной, ни женщиной, ни в этом
веке, ни в каком прошедшем.

Безумным всяк меня зовет,
Но, петь начав, не премину
В своих желаньях дать отчет,
Не ставьте это мне в вину;
Ценней всех песенных красот —
Хоть мельком видеть ту одну.

И могу сказать почему: потому что, начни я для вас
это и не доведи дело до конца, вы решили бы, что я
безумен: ибо я предпочту один сол в кулаке, чем ты-
сячу солнц в небе.

Я не боюсь теперь невзгод,
Мой друг, и рока не кляню,
И, если помощь не придет,
На друга косо не взгляну.
Тем никакой не страшен гнет,
Кто проиграл, как я, войну.

Все это я говорю из-за Дамы, которая прекрасными
речами и долгими проволочками заставила меня то-
сковать, не знаю зачем. Может ли быть мне хорошо,
сеньоры?

Века минули, а не год
С тех пор, как я пошел ко дну,
Узнав, что то она дает,
За что я всю отдам казну.
Я жду обещанных щедрот,
Вы ж сердце держите в плену.

Господи, помилуй! In nomine Patris et Filii et Spiritus
Sancti! Дама, да что же это получается?

Вы — бед и радостей оплот,
Я песню ради вас тяну;
Еще с тремя мне не везет —
Вас четверо на всю страну;
Я — спятивший жонглер, я — тот,
Кем трогаете вы струну.

Дама, можете поступать как вам угодно, хоть как гос-
пожа Айма со своей рукой, которую она кладет, куда
ей нравится.

«Не-знамо-что» к концу идет —
Так это окрестить рискну;
Не знаю, точен ли расчет
И верно ль выбрал я длину;
Мне вторящий — пускай найдет
Здесь сладостную новизну;

если же его спросят, кто это сочинил, он может сказать,
что тот, кто способен все делать хорошо, когда захочет.

ПТ, с. 53—54

Гиравт де Борнель

* * *

«Благому Свету, славному Царю,
Тебе, Господь, молитву я творю,
Чтоб друга моего ты не отринул
За то, что на ночь он меня покинул;
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, сном долгим вас корю,
Проснитесь — иль проспите вы зарю,

Я вижу, свет звезды с востока хлынул,
Уж близок день, час предрассветный минул,
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, я песней вас зову,
Проснитесь — ибо, спрятавшись в листву,
Приветствует зарю певец пернатый:
Ревнивца месть за сон вам будет платой —
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, увидите наяву
Бледнеющую в окнах синеву
И верный ли, решите, я глашатай;
Проснитесь — или я ваш враг заклятый!
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, я не встаю с колен
С тех пор, как вы ушли: всю ночь согбен,
К Спасителю взываю многократно,
Чтоб неведимо вы прошли обратно:
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, когда у этих стен
Меня просили бодрствовать, взамен
Вы обещали дружбу — непонятно,
Я ль стал немил, иль пенье неприятно?
Заря вот-вот займется».

ПТ, с. 66

Арнаут Даниэль

***

Гну я слово и строгаю
Ради звучности и лада,
Вдоль скоблю и поперек
Прежде, чем ему стать песней,
Позолоченной Амором,
Вдохновленной тою, в ком
Честь — мерило поведенья.

С каждым днем я ближе к раю
И достоин сей награды:
Весь я с головы до ног
Предан той, что всех прелестней;

Хоть поют метели хором,
В сердце тает снежный ком,
Жар любви — мое спасенье.

Сотнями я возжигаю
В церкви свечи и лампы,
Чтоб послал удачу Бог:
Получить куда чудесней
Право хоть следить за взором
Иль за светлым волоском,
Чем Люцерну во владенье.

Так я сердце распаляю,
Что, боюсь, лишусь отрады,
Коль закон любви жесток.
Нет объятий бестелесней,
Чем у пут любви, которым
Отданы ростовщиком
И должник, и заведение.

Царством я пренебрегаю,
И тиары мне не надо,
Ведь она — мой свет, мой рок,
Как ни было б чудно мне с ней,
Смерть поселит в сердце хвором,
Если поцелуй тайком
Не подарит до Крещенья.

От любви я погибаю,
Но не попрошу пощады;
Одинок слагатель строк;
Груз любви тяжеловесней
Всех ярем; и к разговорам:
Так, мол, к Даме был влеком
Тот из Монкли — нет почтенья.

Стал Арнаут ветробором,
Травит он борзых быком
И плывет против теченья.

ПТ, с. 73—74

Слепую страсть, что в сердце входит,
 Не вырвет коготь, не отхватит бритва
 Лыстеца, который ложью губит душу;
 Такого вздуть бы суковатой веткой,
 Но, прячась даже от родного брата,
 Я счастлив, в сад сбежав или под крышу.

Спешу я мыслью к ней под крышу,
 Куда, мне на беду, никто не входит,
 Где в каждом я найду врага — не брата;
 Я трепещу, словно у горла бритва,
 Дрожу, как школьник, ждущий порки веткой,
 Так я боюсь, что отравлю ей душу.

Пускай она лишь плоть — не душу
 Отдаст, меня пустив к себе под крышу!
 Она сечет меня больней, чем веткой,
 Я раб ее, который к ней не входит.
 Как телу — омовение и бритва,
 Я стану нужен ей. Что мне до брата!

Так даже мать родного брата
 Я не любил, могу открыть вам душу!
 Пусть будет щель меж нас не толще бритвы,
 Когда она уйдет к себе под крышу.
 И пусть со мной любовь, что в сердце входит,
 Играет, как рука со слабой веткой.

С тех пор как палка стала Веткой
 И дал Адам впервые брату брата,
 Любовь, которая мне в сердце входит,
 Нежней не жгла ничью ни плоть, ни душу.
 Вхожу на площадь иль к себе под крышу,
 К ней сердцем близок я, как к коже бритва.

Тупа, хоть чисто бреет, бритва;
 Я сросся сердцем с ней, как лыко с веткой;
 Она подводит замок мой под крышу,
 Так ни отца я не любил, ни брата.

Двойным блаженством рай наполнит душу
Любившему, как я,— коль в рай он входит.

Тому шлю песнь про бритву и про брата
(В честь той, что погоняет душу веткой),
Чья слава под любую крышу входит.

ПТ, с. 74—75

Бертран де Борн

* * *

Наш век исполнен горя и тоски,
Не сосчитать утрат и грозных бед.
Но все они ничтожны и легки
Перед бедой, которой горше нет,—
То гибель *Молодого Короля*.
Скорбит душа у всех, кто юн и смел,
И ясный день как будто потемнел,
И мрачен мир, исполненный печали.

Не одолеть бойцам своей тоски,
Грустит о нем задумчивый поэт,
Жонглер забыл веселые прыжки, —
Узнала смерть победу из побед,
Похитив *Молодого Короля*.
Как щедр он был! Как обласкать умел!
Нет, никогда столь тяжело не скорбел
Наш бедный век, исполненный печали.

Так радуйся, виновница тоски,
Ты, смерть несытая! Еще не видел свет
Столь славной жертвы злой твоей руки, —
Все доблести людские с юных лет
Венчали *Молодого Короля*.
И жил бы он, когда б Господь велел, —
Живут же те, кто жалок и несмел,
Кто предал храбрых гневу и печали.

Нам не избыть унынья и тоски,
Ушла любовь — и радость ей вослед,

И люди стали лживы и мелки,
И каждый день наносит новый вред.
И нет уж *Молодого Короля*...
Неслыханной отвагой он горел,
Но нет его — и мир осиротел,
Вместилище страданья и печали.

Кто ради нашей скорби и тоски
Сошел с небес и, благостью одет,
Сам смерть приял, чтоб, смерти вопреки,
Нам вечной жизни положить завет, —
Да снимет с *Молодого Короля*
Грехи и вольных и невольных дел,
Чтоб он с друзьями там покой обрел,
Где нет ни воздыханья, ни печали!

БВЛ, с. 95—96

* * *

Пенье отныне заглушено плачем,
Горе владеет душой и умом,
Лучший из смертных уходит: по нем,
По короле нашем слез мы не прячем.

Чей гибок был стан,
Чей лик был румян,
Кто бился и пел —
Лежит бездыхан.
Увы, зло из зол!
Я стал на колени:
О, пусть его тени
Приют будет дан
Средь райских полян,

Где бродит Святой Иоанн.

Тот, кто могилой до срока захвачен,
Мог куртуазности стать королем;
Юный, для юных вождем и отцом
Был он, судьбою к тому предназначен.

Сталь шпаг и байдан,
Штандарт и колчан
Нетронутых стрел,

И плащ златоткан,
И новый камзол
Теперь во владенье
Лишь жалкого тленья;
Умолк звон стремян;
Все, чем осиян
Он был, — скроет смертный курган.

Дух благородства навеки утрачен,
Голос учтивый, пожалуйте-в-дом,
Замок богатый, любезный прием,
Всякий ущерб был им щедро оплачен.
Кто, к пиршеству зван,
Свой титул и сан
Забыв, с ним сидел,
Беседую пьян
Под пенье виол —
Про мрачные сени
Не помнил: мгновенье —
И, злом обуян,
Взял век-истукан
Того, в ком немислим изъян.

Что б ни решил он, всегда был удачен
Выбор; надежно укрытый щитом,
Он применял фехтовальный прием
Так, что противник им был озадачен;
Гремя, барабан
Будил его стан;
Роландовых дел
Преемник был рьян
В бою, как орел, —
Бесстрашен в сраженье,
Весь мир в изумленье
Поверг великан
От Нила до стран,
Где бьет в берега океан.

Траур безвременный ныне назначим;
Станет пусть песне преградою ком,

В горле стоящий; пусть взор, что на нем
Сосредоточен был, станет незрячим:

Ирландец, норманн,
Гиенна, Руан,
И Мена предел
Скорбят; горожан
И жителей сел
Разносятся пени —
В Анжу и Турени;
И плач англичан
Летит сквозь туман, —

И в скорби поник алеман.

Едва ль у датчан
Турнир будет дан:
На месте ристалищ — бурьян.
Дороже безан
Иль горстка семян
Всех царств, если царский чекан.

Страшнейшей из ран
На части раздран —
Скончался король христиан.

ПТ, с. 82—84

* * *

Споете о пожаре и раздоре,
Ведь Да-и-Нет свой обагрил кинжал;
С войной щедрей становится сеньор:
О роскоши забыв, король бездомный
Не предпочтет тарану пышный трон,
В палатках станет чище жизнь вельмож,
И тем хвалу потомки воспоют,
Кто воевал бесстрашно и безгрешно.

По мне, звон сабель — веский довод в споре,
Знамена ярче, если цвет их ал,
Но сторонюсь я ссор, коль на ковер
Кость со свинцом кидает вероломный.
О, где мой Лузиньян и мой Ранкон?
Истрачен на войну последний грош,

И латы стали тяжелее пут,
И о друзьях я плачу безутешно.

Когда б Филипп спалил корабль на море
И там, где ныне пруд, насыпал вал,
И взял Руанский лес, спустившись с гор,
И выбрал для засады дол укромный,
Чтоб знал, где он, лишь голубь-почтальон, —
На предка Карла стал бы он похож,
Что с басками и саксами был крут,
И те ему сдавались неизбежно.

Война заставит дни влачить в позоре
Того, кто честь до боя потерял,
Едва ль мой Да-и-Нет решит Каор
Оставить — он в игре замешан темной
И ждет, когда король отдаст Шинон:
Чтобы начать войну, момент хорош,
Ему по сердцу время трат и смут,
Страну он разоряет безмятежно.

Когда корабль, затерянный в просторе,
Сквозь шквал, на скалы, потеряв штурвал,
Несется по волнам во весь опор,
Чтоб жертвой стать стихии неумной, —
Моим подобных бедствий даже он
Не терпит: что ж! мне больше невтерпеж
Ложь, и небрежность, и неправый суд
Той, на кого молюсь я безуспешно.

В Трайнаке быть, когда там пир начнут,
Ты должен, Папиоль, собравшись спешно.

Роджьеру спой, что мой окончен труд:
Нет больше рифм на «омный», «он» и «ежно».

ПТ, с. 90—91

Если б трактир, полный вин и ветчин,
 Вдруг показался в виду,
 Буковых чурок подбросив в камин,
 Мы б налегли на еду,
 Ибо для завтрака вовсе не рано;
 День стал бы лучшим в году,
 Будь ко мне так же добра дона Лана,
 Как и сеньор Пуату.

С теми, кто славой твоей, Лимузен,
 Стал, я проститься хочу;
 Пусть от других Бель-Сеньор с Цимбелин
 Слышат отныне хвалу,
 Ибо я Даму нашел без изъяна
 И на других не гляжу —
 Так одичал от любви; из капкана
 Выхода не нахожу.

Юная, чуждая поз и личин,
 Герб королевский в роду,
 Лишь ради вас от родимых долин
 Я удаляюсь в Анжу.
 Так как достойны вы славного сана,
 Вряд ли украсит главу,
 Будь она римской короной венчана, —
 Больше уж чести верну.

Взор ее трепетный — мой властелин;
 На королевском пиру
 Возле нее, как велит господин,
 Я на подушке сижу.
 Нет ни в словах, ни в манерах обмана:
 В речи ее нахожу
 Тонкость бесед каталонского плана,
 Стиль — как у дам из Фанжу.

Зубы — подобие маленьких льдин —
 Блещут в смеющемся рту,
 Стан виден гибкий сквозь ткань пелерин,
 Кои всегда ей к лицу,

Кожа ланит и свежа и румяна —
Дух мой томится в плену:
Я откажусь от богатств Хорасана,
Дали б ее мне одну.

Дамы такой и в дали океана,
Как Маиэр, не найду.

ПТ, с. 100—101

***

Люблю я дыханье прекрасной весны
И яркость цветов и дерев;
Я слушать люблю средь лесной тишины
Пернатых согласный напев
    В сплетенье зеленых ветвей;
Люблю я палаток белеющий ряд,
Там копы и шлемы на солнце горят,
    Разносится ржанье коней,
Сердца крестоносцев под тяжестью лат
Без устали бьются и боем горят.
Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятены,
И трубный разносится хор
    Сквозь топот тяжелых коней!
На замок свой дружный напор устрелят,
И рушатся башни, и стены трещат,
    И вот — на просторе полей —
Могил одиноких задумчивый ряд,
Цветы полевые над ними горят.
Люблю, как вассалы, отваги полны,
Сойдутся друг с другом в упор!
Их шлемы разбиты, мечи их красны,
И мчится на вольный простор
    Табун одичалых коней!
Героем умрет, кто героем зачат!
О, как веселится мой дух и мой взгляд!
    Пусть в звоне щитов и мечей
Все славною кровью цветы обагрят,
Никто пред врагом не отступит назад!

Блок, с.727—728

Дофин, как и графу Ги,
Вам — чтоб от схватки сторон
Вы меньшийнесли урон —
Хочу я вправить мозги:
Нас связывал договор,
Однако с недавних пор
Ваш образец — Изенгрин
Не только в смысле седин.

Пустились со мной в торги,
Едва лишь узнав, что звон
Монет не проник в Шинон
И влезла казна в долги;
Используете раздор,
Чтоб сделать новый побор:
По-вашему, ваш господин —
Скупец и маменькин сын.

Предпримете ль вы шаги,
Чтоб был Иссуар отмщен?
Собран ли ваш батальон?
Пускай мы ныне враги,
Прощаю вам ваш позор, —
Ведь Ричард не любит ссор
И в бой во главе дружин
Пойдет, коль надо, один.

Я лучше, чем вы, слуги
Не знал, но лишь бастион
Над замком был возведен,
Вы стали делать круги:
Покинули дам и двор,
Любовь и турнирный спор.
Так выбейте клином клин —
Ведь нет средь ломбардцев мужчин.

Сирвента, во весь опор
Скачи в Овернь! Приговор
Мой объяви, чтоб един
Стал круг из двух половин.

Ребенку ложь не в укор,
И пренье с конюшим — вздор:
Не было б худших причин,
Чтоб гневался властелин.

ПТ, с. 102—103

Дофин Овернский

* * *

Король, из меня певца
На свой вы сделали вкус;
Но столь коварен искус,
Что не могу ни словца
С вами пропеть в унисон:
Чем мой объявлять урон,
Свой сосчитайте сперва,
А то вам все трын-трава.

Ведь я не ношу венца
И не могу, хоть не трус,
Избавить от вражьих уз
То, что имел от отца;
Но вы-то взошли на трон;
Зачем же в Жизоре — он?
Ведь турки, идет молва,
Бегут от вас, как от льва.

Я выбрал бы путь глупца,
Взяв бремя ваших обуз;
Легок был стерлингов груз
Кузену Ги, и рысца
Нескольких кляч — не резон
Слушать стремян ваших звон:
Хотите вы торжества,
А щедры лишь на слова.

Пока во мне храбреца
Вы славите, я на ус
Мотаю, что предан — плюс
Что нет и на вас лица;

Но Богом мне сохранен
Пюи и с ним Обюссон:
Там чтутся мои права —
Вера моя не мертва.

Сеньор, то речь не льстеца,
Мне по сердцу наш союз;
Не будь столь лют тот укус,
Я был бы у стен дворца
Теперь же, но возвращен
Мне Иссуар и Юссон —
Я вновь над ними глава,
Вновь радость во мне жива.
Слились бы наши сердца,
Когда б не новый конфуз:
За ангулемский-то кус
Плачено не до конца,
Тольверу же дар вдогон
Шлете, как щедрый барон,
Вы там всему голова —
История не нова.

Король, мой дух возбужден
Тою, чье слово — закон,
Ибо любовь такова,
Что Дама всегда права.

ПТ, с. 104—106

Фолькет Марсельский

* * *

Как те, кто горем сражен,
К жестокой боли хранят
Бесчувствие, рот их сжат,
Исторгнуть не в силах стон, —
Так я безгласен стою,
Хоть слезы мне сердце жгут,
И скорби этих минут
Еще не осознаю:

Эн Барраль мой могилой взят!
Что ни сделай, все невпопад
Будет — слез потому не лью.

Рассудок ли поврежден,
Чары ли сердце томят,
Но только найду навряд
Равных ему, ибо он
Втягивал в сферу свою
Честь, спрятанную под спуд,
Словно магнит — сталь из груд
Хлама: и вот вопию

Я о том, что похищен клад
Доблести той, с коею в ряд
Мы ставить не смеем ничью.

Тот нищ, кто до сих времен
В любви его был богат;
Всех смертных овеял хлад,
Когда он был погребен:
О, скольких я отпою —
Весь, весь с ним погибший люд!
Многие ныне соткут
Траурную кисею.

Взял верх над великим и над
Малым он, в сонм благих прият,
Величье придав бытию.

Как верный найти мне тон,
Сеньор, коль в сердце разлад?
В вас был источник отрад,
Свой восполнявший урон
Тотчас, подобно ручью,
Чьи тем обильней текут
Воды, чем больше их пьют;
Кто вашу не пил струю!

Но Бог вас берег от утрат,
Так что всякий ваш дар — назад
Возвращаем был десятью.

Того, кто ввысь вознесен,
Здесь ждет, о горе, распад:

Цветок, лия аромат
Сладчайший, был обречен
Смертельному лезвею;
Пусть видят в том Божий суд
Все, что по миру бредут,
Как странник в чужом краю;
Позор и забвенье грозят
Тем, кто путь свершал наугад,
Не ища Его колею.

Господь, чтобы был лишен
Навеки победы ад,
Ты сам на кресте распят,
Зато грешный род спасен;
Яви же милость твою
Ему, как являл и тут,
И дай средь святых приют;
О Дева, молитву чью
Как высшей мы ждем из наград,
Попроси за достойных чад
У Сына, чтоб быть им в раю.

Сеньор, пусть я и пою,
Когда грудь слезы мне жгут,
Но скорби прилив так лют,
Что первенство отдаю
Трубадурам, чей выше лад,
Хоть в сердце хвалу вам, стократ
Высшую, чем они, таю.

ПТ, с. 114—115

***

Отныне не вижу, что
Могло помешать бы нам
Прийти с мольбой в Божий храм,
Прося нам помочь того,
Кто ныне поруган сам:
Враг его Гроба Святого лишил,
Стала Испания долом могил —
Время пустых отговорок прошло:

Здесь никого еще шквал не топил.
Чем еще может он нас упрекнуть?
Разве что снова свершит крестный путь.

Отдав нам себя всего,
Он принял муки и срам,
И было нашим грехам
Так искупленье дано;
Кто жизни желает там,
Пусть не жалеет для Господа сил
Здесь, ибо смертью он жизнь возвратил;
Смерти из нас не избегнет никто —
Горе тому, кто страх Божий забыл!
В жизни едва мы успеем мелькнуть,
Как предстоит нам навеки уснуть.

Люди о том, что темно,
Судят, подобно слепцам:
Хоть тело — лишь смертный хлам,
Всю жизнь они все равно
Хотят угодить телам,
Души же губят; спасительный пыл,
Их охранявший от смерти, остыл;
Был бы я горд, если б хоть одного
К действию словом своим побудил:
Хватит про бедность волюнку тянуть,
Каждый оденет пусть панцирем грудь!

Пусть будет сердце его
Годно к великим делам!
Король Арагонский, вам
Бог вверил заботу о
Том, чтоб внушить храбрецам,
Что вы — их броня, что крепок их тыл;
Если бы делу король изменил,
Он причинил бы и Господу зло;
Тем же, кто верно ему послужил,
Здесь иль на небе сторицей вернуть
Может он все — воздаянья в том суть.

Король Кастильский давно
Не должен верить глупцам,

Его хранящим от ям,
Ибо идти нелегко
Всем по Господним путям:
Кто с ним заодно, кто Богу вручил
Жизнь беззаветно, лишь тот ему мил,
Всякое дело без Бога — ничто,
Любит он тех, кто его возлюбил,
Спесь перед Богом не знатна ничуть,
К славе ведет не гордыня отнюдь.

Жизни высокой не зная, не добыв
Чести безумец, поскольку мостил
Тленом дорогу: чтоб нам повезло,
Строить прочнее должны мы настил;
Блага добившись, никто не забудь
Благодареньем Творца помянуть.

Славный Магнит, вас Господь отличил —
Срок, чтоб к нему вы пришли, он продлил:
Ваше спасенье — его торжество;
Гибельно плыть без руля и ветрил,
Богу легко нас заставить свернуть:
Ждет он, чтоб сами мы выбрали путь.

ПТ, с. 116—117

Раймбаут де Вакейрас

***

Начало мая,
Певуний стая,
Зеленый бук,
Лист иван-чая —
Но, увядая,
Цветенью края
Ваш, Дама, друг
Не рад, мечтая
Спастись от мук,
Услышав, злая,
От вас хоть звук,
Вы ж — как немая.

Как рая,
Желая
Близ вас
Быть, о благая,—
Лжеца я,
Ристая,
Сбил в грязь
Как негодяя.
Пред Богом стоя,
Молю его я,
Любовь чтоб спас
Он от разбоя,
Ревнивца злое
Дело расстроя.
Нет вовсе нас,
Коль нас не двое,
Ибо без вас
Ни то ни се я;
Сияньем глаз
Не удостоя,
Какое
Былое
Мне вы
Вручили б! Но и
Средь боя
Пустое —
В любви
Искать покоя.

Как получу я
Ту, в ком впустую
До этих пор
Счастья взыскую?
Ведь вхолостую
О поцелуе
Грезить — позор!
Напропалую,
С бою ваш двор
Все ж не возьму я:
Губит ваш взор
Все подчистую.

Не все
Нагую
Вас зреть
Я б стал, ликуя;
Другую,
Не лгу я,
Иметь
И не могу я.

Вместо привета —
Горечь запрета.
Бель-Кавальер,
Прошу ответа:
Чистая это
Разве монета,
Коль лицемер,
Щеголей света
Ставя в пример,
Множит клеветы,
Взяв столько мер
Скрыть суть предмета?

О, где-то
Те лета!
Жду я,
Жертва навета,
Совета;
Без света
Жизнь вся
В траур одета.

Сравнить бы надо
Сверканье взгляда
На Беатрис
С цветеньем сада!
Мне мука ада —
Ваша досада.
В вас все сюрприз
И все отрада,
Любой каприз —
Мне лишь привада,
Когда я близ
Такого клада.

Награда
Вне ряда —
Сердца
Вашего склада.
Измлада
Улада
Певца —
Поиски лада.

Кто, к вам лишь идя,
Близ вас лишь сидя,
Мог в смертный грех
Не впасть при виде
Вас — тот в Аиде,
Вас ненавидя,
Сгинет. В успех
Верю я, видя
Радость утех
В каждом флюиде:
Вы лучше всех —
Я рад планиде!
Предвидя
Бесстыдые,
Служу,
Как тот Эниде,
Но, выйдя
В обиде,
Скажу
Стоп эстампиде.

ПТ, с. 147—149

Пейре Видадь

* * *

Мне петь от тоски невмочь,
Ибо недужен мой граф.
Король зато жив и здрав
И столь до лесея охоч,
Что новую я сложу:
С ней в Арагон отряжу

Пильема, и Бласко тоже,
Их вкусы в музыке схожи.

Никто певца не порочь
За то, что, все потеряв,
Желает он не забав,
Но песней скорбь оболочь;
Признаньем я дорожу
Той, по которой тужу,
Она же со мной все строже,
Как тяжки разлуки, Боже!

Ею забыт, я точь-в-точь
Как тот, кого оболгав,
Лишили чести и прав;
Что толку в ступе толочь
Воду, — позор заслужу
Покорством, но так скажу:
Почтенней еврей, похоже,
Чем тот, кто проник к ней все же.

Мне страсть не может помочь:
Там чист золотой расплав,
Где жарки угли, — но нрав
Той, что меня гонит прочь,
Чем я верней ей служу,
Тем тверже, — и вот хожу
К другой, чей прием дороже
Мне поклоненья вельможи.

Трон радости я не прочь
Принять: я стал величав,
Как император, начав
Любить комторову дочь;
Снурки Раймбауды свяжу
В один: в Пуатье и Анжу
Властвовал Ричард, и что же —
С ним были дамы построже.

Готов я, таясь обочь
Дорог, быть целью облав,

Чтоб пастухи, закричав:
«Волк!» — стали гнать меня в ночь;
Я счастлив, когда брожу
По лесу и нахожу
В траве, а не в замке ложе
И снег примерзает к коже.
Кой с кем, Цимбелин, дружу
Я ради вас, но скажу:
Дружить — не одно и то же,
Что стынуть в любовной дрожи.

Волчице принадлежу,
И если еще кружу,
То знаю: раньше иль позже —
Натянуты будут вожжи.

ПТ, с. 157—158

Кастеллоза

***

Зачем пою? Встает за песней вслед
Любовный бред,
Томит бесплодный зной
Мечты больной,
Лишь муки умножая.
Удел и так мой зол,
Судьбины произвол
Меня и так извел...
Нет! Извелась сама я.

А вы, мой друг, плохой вы сердцевед,
Любви примет,
Сдружившейся со мной
Тоски немой
Во мне не замечая.
Всеобщий же глагол
Вас бессердечным счел:
Хоть бы приветил, мол,
Несчастной сострада.

Но я верна вам до скончания лет
И чту обет
(Хоть данный мной одной!),
Свой долг святой
Безропотно свершая.
Вас древний род возвел
На знатности престол,
Мою ж любовь отмел, —
Для вас не столь знатна я.

Вы для меня затмили целый свет, —
Отказа нет
Для вас ни в чем от той,
Кто день-деньской
Все ждет, изнемогая,
Чтоб ожил тихий дол
И вестник ваш прибрел
Иль пыль клубами взмел
Скакун ваш, подлетая.

Украд перчатку, милый мне предмет,
У вас, мой свет,
Но потеряв покой,
Своей рукой
Ее вам отдала я, —
Хоть грех мой не тяжел,
Но он бы вас подвел,
Коль ревности укол
Не стерпит... та, другая...

Гласят замёты стольких зим и лет:
Совсем не след,
Чтоб к донне сам герой
Ходил с мольбой.
Коль, время выжидая,
Сперва бы сети сплел,
С ума бы донну свел,
То в плен не он бы шел —
Спесивица младая!

Ты б к *Самой Лучшей* шел
И песню спел, посол,

Как некто предпочел
Мне ту, с кем не чета я.

Друг Славы! Мир не гол
Для тех, кто зло из зол —
В вас холодность обрел,
Но страстью расцветая!

БВЛ, с. 115—116

Аймерик де Пегильян

* * *

В моей любви — поэзии исток,
Чтоб песни петь, любовь важнее знания,—
Через любовь я все постигнуть мог,
Но дорогой ценой — ценой страданья.
Предательски улыбкой растревожа,
Влекла меня любовь, лишь муки множа.
Сулили мне уста свое тепло,
Что на сердце мне холодом легло.

Хоть жалость и не ставится в упрек,
Но не могу сдержать свое роптанье:
Ведь не любя жалеть — какой тут прок?
Чем медленней, тем горше расставанье.
Нет, в жалости искать утех негоже,
Когда любовь готовит смерти ложе.
Так убивай, любовь, куда ни шло,
Но не тяни — уж это слишком зло!

Смерть жестока, но более жесток
Удел того, кто жив без упования.
Как грустно брать воздержности урок
Из милых уст, расцветших для лобзанья!
За счастья миг я все бы отдал, боже, —
Чтоб жизнь опять на жизнь была похожа
(Лишь сердце бы сомнение не жгло,
Что пошутить ей в голову пришло).

Меня в беду не Донны нрав вовлек, —
Сам виноват! Я сам храню молчанье,
Как будто бы, дав гордости зарок,
О днях былых прогнал воспоминанье.
Меж тем любовь одна мне в сердце вхожа,
В нем помыслы другие уничтожа.
Безумен я — немею, как назло,
Когда молчать до боли тяжело!

Она добра, и дух ее высок,
Я не видал прекраснее созданья,
И прочих донн блистательный кружок
С ней выдержать не в силах состязанья.
Она умна не меньше, чем пригожа,
Но не поймет меня по вздохам все же, —
Так что ж тогда узнать бы помогло,
Как властно к ней мне душу повлекло?

Но я судьбой еще наказан строже,
С той разлучен, что мне всего дороже.
Ах, и в тоске мне стало бы светло,
Лишь бы взглянуть на светлое чело!

И в Арагон шлю эту песню тоже.
Король, вы мне опора и надежа,
Да ваших дел столь выросло число,
Что в песню бы вместиться не могло!

БВЛ, с. 148—149

* * *

- Дама, зачем эта пытка так зла?
- Сеньор, речь безумца мне не мила.
- Дама, молю хоть о капле тепла.
- Сеньор, бесплодным мольбам нет числа.
- Дама, немолчна моя вам хвала.
- Сеньор, я желаю вам только зла.
- Дама, тоскою душа изошла.
- Сеньор, а моя зато весела.

- Дама, утешьте последний мой час.
- Сеньор, долго ждать вам, вот весь мой сказ.

- Дама, сиявший мне светоч угас.
- Сеньор, это нравится мне как раз.
- Дама, скорбями чреват ваш отказ.
- Сеньор, разве есть любовь на заказ?
- Дама, единый ваш взор меня б спас.
- Сеньор, не должно быть надежд у вас.

- Дама, я прав не повсюду лишен.
- Сеньор, в добрый путь! Иль ждете препон?
- Дама, любовь к вам мне ставит заслон.
- Сеньор, я не знаю, зачем ей он.
- Дама, со мной слишком резок ваш тон.
- Сеньор, он для вас и изобретен.
- Знать, Дама, непоправим мой урон.
- Сеньор, для меня ваша речь — закон.

- Амор, к равнодушию привел ваш путь.
- Друг, выбрав цель, я не вправе свернуть.
- Амор, зло сразит вас когда-нибудь.
- Друг, вам жалеть не придется отнюдь.
- Амор, не любим я Дамой ничуть.
- Друг, я хотел бы вас с лучшей столкнуть.
- Амор, но боль разрывает мне грудь.
- Друг, я найду, как убытки вернуть.

- Амор, вас к краху ведет ваша прыть.
- Друг, нет причин так меня честить.
- Амор, вы хотите нас разлучить.
- Друг, жить в разлуке милей, чем не жить.
- Амор, я не в силах Даму сменить.
- Друг, вам придется желанья смирить.
- Амор, впредь могу ль я радость вкусить?
- Друг, для того надо ждать и служить.

ПТ, с. 167—168

* * *

Мне б тыщу марок звонким серебром,
Да и червонцев, столько — не беда,
Амбары бы с пшеницей и овсом,
Коров, баранов и быков стада,
В день — по сту ливров, чтобы жить широко,
Да замок бы, воздвигнутый высоко,
Да порт — такой, как любят моряки,
В заливе, при впадении реки.

Но мудрость Соломонову притом
И здравый смысл мне б сохранять всегда,
А давши слово, вспоминать о нем,
Когда придет для дела череда;
Вовек не ведать скупости порока,
Чтоб рыцари не слали мне упрека,
Не пели бы жонглеры-шутники,
Что не видать щедрот моей руки.

Вот стать бы мне красавицы дружком, —
Да чтоб была мила и не горда!
Мне б сотню рыцарей, они б верхом
За мною вскачь неслись туда-сюда,
Блестя бронею и с мечом у бока —
В вооруженье я, признаться, дока!
Да и купцы б везли ко мне тюки —
Тюки бы скоро делались легки!

Кто пропитанья ищет день за днем,
Униженно, сгорая со стыда,
Тех бы созвать к себе в богатый дом —
Пусть не гнетет их горькая нужда, —
Кормить их сытно до любого срока,
А платы с них не требовать жестоко.
Одна помеха — грезам вопреки,
Доходишки мои невелики!

Зато уж вам, любовию влеком,
Я, Донна, отдал сердце навсегда,

А будь я всемогущим королем,
Весь мир принадлежал бы вам тогда.
Но я и так прославлю вас далёко,
При всех дворах, до самого Востока.
Вам посвящу все песни, до строки,
О мой источник счастья и тоски!

БВЛ, с. 153—154

Пейре Карденаль

* * *

Хоть клирик ядовит
И злобою смердит,
А в пастыри глядит, —
Он за одежды чтим.
Смекнул же Изенгрим:
Овечью шкуру надо —
И псам сторожевым
Не убережь их стада.
В овцу преображен,
В овечий влез загон
И власть наелся он, —
Вот тем и поп силен!

Наш император мнит,
Что всюду он царит,
Король свой трон хранит,
А граф владычит с ним
И с рыцарством своим, —
Поп правит без парада,
Но поп неодолим,
Нет с этим вором слада.
Поповский трон — амвон,
И под церковный звон
Даятель обольщен,
А поп обогащен.

Тем выше он сидит,
Чем меньше башковит,
Тем больше лжет и мстит,

Тем меньше укротим,
Тем больше риска с ним.
Попы—не Церкви чада:
Враги один с другим,
Они — исчадье ада.
Попами осквернен
Всевышнего закон, —
Так не был испокон
Господь наш оскорблен.
Поп за столом сопит, —
Уже настолько сыт! —
А сам на стол косит,
В жратве неудержим,
Тревогой одержим,
Что жирная услада
Сжуется ртом чужим.
Да для какого ляда,
Не зван, не приглашен,
За стол к нам лезет он?!
Для нищих есть канон,
Вот, получай — и вон!

Арабов защитит
Их мусульманства щит,
Арабам не грозит,
Что поп вотрется к ним,
Смирен, как пилигрим.
А где у нас ограда,
Коль так попов мы чтим
Лишь из-за их наряда?
Но нынче посрамлен
Их черный легион:
Был Фридрих принужден
Поставить им заслон.

Кто ими охмурен,
Да будет упрежден:
Мерзавцев всех времен
Сей сброд затмить рожден!

БВЛ, с. 140—141

Всем суждено предстать на Страшный суд, —
 И сирвентес тому хочу сложить,
 Кем был я сотворен и пущен жить, —
 Пускай мои стихи меня спасут
 И от кромешного избавят ада!
 Я Господу скажу: «Ужели надо,
 Перетерпев при жизни столько бед,
 В мучениях держать за все ответ?»

Блаженных сонмы дерзостью сочтут
 О воле всемогущего судить,
 Но я, речей не обрывая нить,
 Все выскажу, уста мне не замкнут!
 Какая вседержителю отрада
 Прочь от себя гнать собственное стадо?
 Пускай и грешник по скончанье лет
 Увидит Божьей благодати свет.

Пусть от усопших рай не стерегут —
 Ворота настезь надо бы открыть,
 Пришельцев же улыбкою дарить.
 Апостол Петр хоть свят, да слишком крут!
 К чему красоты царственного града,
 Коль кара ждет одних, других — награда?
 Хоть царь царей и славою одет,
 На ропот мой молчать ему не след.

Ад сатанинский несказанно лют,
 Его давно бы надо упразднить,
 И ты, владыка, властен так решить —
 Освободи ж туда попавший люд!
 Тогда чертей бессильная досада
 Заставит нас смеяться до упада.
 Пусть Сатана не ведает побед
 И дел его исчезнет самый след.

Вот я стою, земной окончив труд.
 На Господа привык я уповать:
 Пускай земные муки мне дадут
 Хоть адских мук за гробом не узнать!

А коль не так, зачем же вся надсада
Работнику земного вертограда?
Нет, поверни мне вспять течение лет,
Чтоб вовсе не рождался я на свет.

В ад низвергать — ни смысла в том, ни лада,
То грех, Господь, то дьявола привада.
На грозный приговор скажу в ответ:
Знать, и в суде Господнем правды нет!

Ты, Приснодева, нам во всем ограда,
И сына умолить ты будешь рада:
Да обретают рай и внук, и дед, —
Сам Иоанн да будет им сосед!

БВЛ, с. 144—145

* * *

Я ненавижу лживость и обман,
Путь к истине единственно мне гожд,
И, ясно впереди или туман,
Я нахожу, что он равно хорош;
Пусть сплошь и рядом праведник бедней
Возвышенных неверьем богачей,
Я знаю: тех, кто ложью вознесен,
Стремительнее тянет под уклон.

Любить, как Каин Авеля, крестьян
В самой природе у больших вельмож, —
Бордельным девкам мил чужой карман
Не столь, сколь этим хищникам грабеж;
Будь дырка в теле у таких людей,
Не правду обнаружили б мы в ней,
Но фальшь, ибо в сердцах их заключен
Источник лжи, не знающей препон.

Известен мне баронов целый клан
Цены такой, как со стекляшкой брошь:
Сказать, что это малый лишь изъян,
Не то же ли, что волк с ягненком схож?

Людей пустейших все они пустей
Душой, денье фальшивый их ценней:
Крест, и цветов, и сверху посребрен,
А переплавь — дешевле меди он.

Свой новый изложу Востоку план
И Западу, ждате дольше невтерпеж:
Дать честному согласен я безан,
Коль мне бесчестный — гвоздь ценою в грош;
Дам щедрым марку золота быстрей,
Чем мне су турецкое — союз рвачей;
Правдивым будет слиток мной вручен,
Будь лживыми яйцом я награжден.

Пергамента клочок и мал, и рван,
Перчатки палец невелик — и все ж
Я напишу на них закон всех стран,
Ибо не труден пирога дележ
Меж честными — их мало: кто щедрей,
Зовет к столу достойных, а гостей
Стекается толпа со всех сторон —
Считает всяк, что он был приглашен.

Нельзя, чтоб урожай похвал с полян
Добра — тот собирал, кто сеет ложь,
Недаром говорят, что коль баран
Ободран, то его не пострижешь;
Нельзя, чтоб где-то трус иль дуралей
Был храброго иль мудреца знатней,
Чтоб праведный был правдой уличен
И мог законник уличать закон.

Хочу сказать сирвентою моею,
Что правды избегающий злодей
Ни здесь, ни там, как ни старайся он,
Не будет к лику славных сопричтен.

Файдит, ступай с сирвентою моею
В Торнель немедля: эн Гигон славней
Всех был бы в мире, но такой, как он,
И мой сеньор эн Эбле де Клермон.

В путь, Раймондет! Сирвенты суть моей
Узнают лишь храбрец и книгочей;
Не пой ее мужлану, ибо он
И слыша не поймет, откуда звон.

ПТ, с. 194—195

* * *

Любовь я ныне славлю всласть:
Она дает мне спать и есть,
Меня не жжет, не студит страсть,
Я не блуждаю где-невесть,
    Вдаль не гляжу, зареван,
Не мучит душу мне разлад,
Я не унижен, не распят,
    К посланцу не прикован,
Предать меня не норовят,
Дела мои идут на лад.

Против меня не ставят снасть,
Не страшно мимо стула сесть,
Не надо ни изменниц клясть,
Ни грубого ревнивца мечь,
    Никем не атакован,
Ничьей внезапностью не смят,
Не гнусь под грузом глупых лат,
    Не гол, не обворован,
Не говорю, что я объят
Любовью, ни что в сердце ад.

Не говорю, что должен пасть,
Что мук любви не перенесть,
Встреч не ищу, не славлю власть
Той, что могла мне предпочесть
    Любого, будь готов он;
Нет дела до ее наград,
До сердца, сданного в заклад;
    Не бит, не ошельмован,
Любовью в кандалы не взят,
Напротив, ускользнул и рад.

Благую победитель часть
Избрал: его венчает честь,
А побежденного ждет пасть
Могилы, страшно произнестъ,
    Но высший тем дарован
Удел, кто из души разврат
Изгнал, кто армией услад
    Не мог быть завоеван;
Победа эта им стократ
Важней, чем городов захват.

Хочу на тех охулки класть,
Чья речь — ручей, чьих чар не счесть,
Кто скор корысть красавиц красть,
Вливая ловко в ласку лесть;
    Их раж и жар рискован,
Они о нас надменно мнят;
Визг розг и грязь грызне грозят,
    Но зря тот арестован,
Чья явь — любовь, а яства — яд;
Плачь, коль оплачен оптом клад.
    Курс волей облюбован
Такой, что чувства наугад,
Но не куда хочу летят.

ПТ, с. 196—197

Сордель

***

Не мудрено, что бедные мужья
Меня клянут. Признать я принужден:
Не получал еще отказов я
От самых добродетельных из донн.

Ревнивца склонен пожалеть я вчуже:
Женой с другим делиться каково!
Но стоит мне раздеть жену его —
И сто обид я наношу ему же.

Муж разъярен. Да что поделать, друже!
По нраву мне такое баловство —
Не упушу я с донной своего,
А та позор пусть выместит на муже!

***

— Сеньор Сордель! Так вы опять
Графиню стали осаждать?
С Блакацем вместе вам страдать!
Ведь он, я слышал, ей одной,
Прием встречая ледяной,
Обязан ранней сединой.

— Пейре Гильем! Всевышний, знать,
Чтоб горестям меня предать,
Задумал ей красу придать
Превыше всей красоты земной!
Коль умысел таю дурной —
Болтаться мне в петле тугой!

— Сеньор Сордель, как странны вы!
Досель не слышал я, увы,
Чтоб были чувства таковы.
Молва гласит: кто полюбил,
Тот счастья с донной не вкусил,
Коль с нею ложе не делил.

— Пейре Гильем, что суд молвы!
Нет, без мечты сердца мертвы.
Я счастлив выше головы,
Что в ней доверье пробудил,
А взгляд ее мне все б затмил,
Когда бы лаской подарил.

— Сеньор Сордель, в ваш скромный нрав,
Быть может, и поверит граф,
Но, осторожность потеряв,
Как бы не каялся затем!
У вас, простите, кое с кем
Уже так вышло между тем!

— Пейре Гильем, как был я прав,
Врага любви в вас угадав!
Ведь, помня вежества устав,

Граф должен быть и глух, и нем
И мирно спать. Да и зачем
То, что сокрыто, видеть всем!

— Насчет супруга буду нем,
Но все ж готовьте щит и шлем!

— Любовь чревата тем да сем,
Но я не отступлю, Гильем!

БВЛ, с. 155—157

* * *

По эн Блакацу плач я на простой мотив
Начну скорбя; увы, оправдан мой порыв:
Он добрым другом был моим, пока был жив;
Рок злобно поступил, сеньора нас лишив
И в землю вместе с ним все доблести зарыв,—
Ущерб смертельный! Тем спасительней призыв
Взять сердце у него и всем, кто сердцем лжив
Иль боязлив, отдать, их вдосталь накормив.

Пусть первым съест его тот, чья держава — Рим,
Коль мстью праведной к миланцам одержим,
Поскольку не они ему — он сдался им
И обездолен, хоть германцами и чтим.
Король французский пусть откусит вслед за ним,
Чтоб вновь Кастилию владением своим
Считать; но матери его силен нажим,
Он не рискнет, им пуще чести мир ценим.

Стою с мольбою пред английским королем,
Пусть сколько может съест и станет храбрецом
И разоренный им самим по лени дом
Возвысит, славою покрыв, а не стыдом.
И должен за двоих Кастилец съесть потом;
Два королевства — не король он ни в одном.
Но и решаешь, пусть это сделает тайком,
А то узнает мать — побьет его дрючком.

И Арагонец, съев, воинственную дрожь
Почувствует, а то его все стяги сплошь

Покрыл позор, а он бездействует — хорош!
Или Марсель с Милло не ценятся ни в грош?
От сердца пусть вкусит король наваррский тож,
Он не на короля — на графа тянет; что ж,
Из тех, кто и труслив, и ни на что не гожд,
Бывает, иногда Бог делает вельмож.

Побольше должен граф Тулузский сердца съесть,
Чтоб земли бывшие и нынешние счесть:
Коль в нем не пробудит другое сердце месть, —
Тем менее у нас надежд на то, что есть.
И граф Прованский съест, чтоб знать, что предпочесть
Чему: жить в бедности иль в гущу боя лезть?
Лишь съев, утраченное мог бы он обрести,
Иначе бремени утрат ему не снести.

Вельможи не простят мне то, что произнести
Решился я, хоть им, как мне, противна лесть.

Подай о милости, Утешник Милый, весть —
Ничей отказ мою не уязвил бы честь.

ПТ, с. 188—189

Гиравт Рикьер

***

Дама к другу не была
Столь строга на этот раз:
Слово встретиться дала
С ним на днях, в вечерний час.
Срок желанный наступил,—
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

Страсть жестоко сердце жгла,
Нестерпимая подчас.
День сиял, и ночь не шла.
Бедный друг совсем угас,—
Ждать недоставало сил!

Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

И любовь его могла
Всем открыться напоказ:
За слезой слеза текла
У несчастного из глаз.
Ясный день не уходил,
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

Если встреча нам мила,
Ожиданье мучит нас, —
От него так тяжела
Даже и любовь подчас.
День лишь душу бередил.
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской?!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

БВЛ, с. 180—181

* * *

Пора мне с песнями кончать!
Без радости и песни нет.
А радоваться мне не след, —
Чего от жизни ожидать?
В былом не помню светлых дней,
Но нынче дни еще темней.
Ничто надеждой не манит,
Лишь плакать хочется навзрыд.

Нет, песня мне и не сулит,
Что обрету отраду в ней.
Хотя по благости своей
Господь уменье мне дарит

Все в звуках мерных воссоздать:
Веселья хмель, тоски печать,
Скорбь неудач, восторг побед,—
Но поздно я рожден на свет!

На песни — чуть ли не запрет,
Презренью стали подвергать
Высокий дар стихи слагать.
Мил при дворах фиглярский бред,
Нестройный крик и гнусный вид,
А трубадур везде забыт.
Что в век разнузданных вралей
Его удела тяжелей!

Лжехристиане всё наглей,—
Ужель злодейством мир не сыт?
На них одних вина лежит,
Что в правом гневе на людей
Господь послал нам столько бед
И счастьем ратному вослед
Нам час пришел — за ратью рать
Святую землю покидать.

Вдвойне нам надо трепетать:
И мавра грозного побед,
И ада — по скончанье лет
Там нашим душам пребывать.
На свете нет греха лютей,
Чем распри меж земных властей,
И дух вражды столь ядовит,
Что вскоре всех нас изъязвит.

Великий Боже, царь царей!
Свои творенья пожалей
И ниспошли безумцам стыд —
Их от греха да отвратит.

О Богоматерь! Поскорей
Сердца надеждой отогрей,
Что сын твой с высоты воззрит —
И мир любовью озарит.

XXVII верс сеньора Гиравта Рикьера, год 1292

БВЛ, с. 181—182

Однажды лугами
 К реке в полдень знойный
 Я брел наугад,
 Настроен дарами
 Любви беспокойной
 На песенный лад,
 И встрече со стройной
 Пастушкой, достойной
 Беседы, был рад:
 Веселый, спокойный,
 В манере пристойной
 Мне бросила взгляд
 Склоненная над
 Одним из ягнят.

Спросил я у девы:
 «Искусны ль в любви вы?
 Любили ли вас?»
 Ответила: «Все вы,
 Сеньор, столь учтивы,
 Что труден отказ».
 «Вы, дева, красивы,
 И, коль не гневливы,
 Тогда всё за нас!»
 «Сеньор, те порывы
 Безумны и лживы,
 Где пыл напоказ».
 «Страсть видно на глаз».
 «Слепа я как раз».

«О дева, упрямы
 Вы стали и строги,
 Влюбленность гоня».
 «Но вы — данник Дамы,
 И ждет на пороге
 Друг нежный меня».
 «Все это — предлоги;
 Без вашей подмоги
 Не жить мне и дня».

«По старой, в итоге,
Пойдете дороге,
Ей верность храня».
«Вы тверже кремня».
«Ваш стиль — болтовня».

«О дева, нет сладу
Мне с чувством, чьи новы
И жар, и задор».
«Сеньор, так осаду
Ведут празднословы —
Окончим наш спор».
«Прелестница, что вы!
Хоть вы и суровы,
Я — ваш с этих пор!»
«Сеньор, вы готовы
На все: ваши ковы
Сулят лишь позор».
«Я, дева, хитер».
«Претит мне напор».

«О дева, напротив,
Причина не вы ли,
Что здесь я простерт?»
«Себя озаботив,
Вы лишь углубили
Душевный комфорт».
«Пленять в этом стиле
Меня научили
Уста Бель-Депорт».
«Что ж, вы победили,
По-прежнему в силе
Бесед этих сорт».
«Победой я горд».
«Мой голос нетверд».
«Что было примером
Вам в выборе тона,
Которым я пьян?»
«Сеньор, эн Рикьером
Пропета кансона,
Чей сладок дурман».

«Речь ваша мудрена,
А робость — препона
Исполнить весь план».
«Но Бель-Депорт с трона
Свергать — нет закона,
Вот плана изъян».
«Я ею не зван».
«Захлопнут капкан!»

«Не жду я урона,
Коль в роли патрона
Бертран д'Опиан».
«Сеньор, я от гона
Устала, и стона
Причина — обман!»
«Отныне мой стан —
Средь этих полян».

ПТ, с. 200—202

Жизнеописания трубадуров

Монах Монтаудонский

Монах Монтаудонский родом был овернский дворянин из замка под названием Вик, что близ Орлака, и был отдан в монахи в аббатство Орлакское. И поручил ему аббат приорат Монтаудонский, о каковом он весьма радел. Еще в монастыре стал он стихи слагать и сирвенты на злобы дня, и рыцари, и сеньоры округи той, забрав из монастыря его, стали ему оказывать всяческие почести, все ему даря, что ему ни понравится и чего он ни попросит; он же все это нес в Монтаудонский свой приорат. Не снимая одеяния, он между тем отстроил и весьма украсил свою церковь. После того возвратился он в Орлак к аббату своему и, доложив, как он украсил Монтаудонский приорат, благословения просил поступить в распоряжение эн Альфонса, короля Арагонского, и благословил его аббат. Король же потребовал, чтобы он мясо ел, ухаживал за дамами, кансоны слагал и пел, и так он и стал

делать; и назначили его в Пюи Санта-Мария главой всего двора и распорядителем соколиного приза.

Долгое время правил он двором Пюи, пока сам двор сей не угас. Тогда отправился он в Испанию, где все короли и сеньоры превеликие ему оказали почести. И прибыл он там в приорат под названием Вилафранка, что в ведении аббатства Орлакского, и аббат приорат передал ему сей, он же, весьма его обогатив и украсив, дни свои там скончал и умер. Множество сложил он прекрасных кансон, из которых некоторые здесь написаны, как вы сейчас услышите:

Гостил я в раю на днях
И до сих пор восхищен
Приемом того, чей трон
Встал на горах и морях,
Кто свет отделил от теми;
И он мне сказал: «Монах,
Ну как там Монтаудон,
Где больше душ, чем в Эдеме?»

***

«Господь, в четырех стенах
Келейных я заточен;
Порвал не один барон
Со мной, пока я здесь чах,
Неся служенья Вам бремя;
Мне в милостях и благах
Не отказал лишь Рандон
Парижский вместе со всеми».

***

«Монах, ходить в чернецах
Не мною ты умудрен,
А также нести урон
В честолюбивых боях
Иль сеять раздоров семя;
Ты лучше шути в стихах,
А братией будет учтен
Барыш на каждой поэме».

***

«Господь, звучащий в строках
Песенных суетный тон —
Грех, а гласит Ваш закон,
Что мертв погрязший в грехах;
Я ключ не нашел к проблеме,
Лишь чувствую Божий страх
И, путь забыв в Арагон,
Об пол разбиваю темя».

***

«Монах, потерпел ты крах,
Когда не пошел вдогон
За тем, чей лен — Олерон;
Так вот: кто был с ним в друзьях,
Кого он спас в свое время,
Кто знал, что в его дарах
Вес стерлингов не сочтен, —
И предал! — король не с теми».

***

«Господь, это Вашей взмах
Десницы к тому, что он
Не встречен, ибо пленен,
Привел — все в Ваших руках;
Плывет сарацинов племя
К Акре на всех парусах,
И, значит, тот обречен,
Кто вдел для Вас ногу в стремя».

***

Хоть это и звучит не внове,
Претит мне поза в пустослове,
Спесь тех, кто как бы жаждет крови,
И кляча об одной подкове;
И, Бог свидетель, мне претит
Восторженность юнца, чей щит
Нетронут, девственно блестит,
И то, что капеллан небрит,
И тот, кто, злобствуя, острит.

Претит мне гонор бабы скверной
И нищей, а высокомерной;
И раб, тулузской даме верный
И потому ей муж примерный;
И рыцарь, о боях и проч.
И как до рубки он охоч,
Гостям толкующий всю ночь,
А сам бифштекс рубить не прочь
И перец в ступке натолочь.

Претит — и вы меня поймете —
Трус, ставший знаменосцем в роте,
И ястреб, робкий на охоте,
И если гущи нет в компоте;
Клянусь святым Мартином, не
Терплю я вкус воды в вине,
Как и участие в толкотне
Калек, ибо приятней мне
Быть одному и в тишине.

Претит мне долгая настройка
Виол, и краткая попойка,
И поп, кощунствующий бойко,
И шлюхи одряхлевшей стойка;
Как свят Далмаций, гнусен тот,
По мне, кто вздор в гостях несет;
Претит мне спешка в гололед,
Конь в латах, пущенный в намет,
И в кости игроков расчет.

Претит мне средь зимы деревней
Плестись, коль нет приюта мне в ней,
И лечь в постель с вонючкой древней,
Чтоб в нос всю ночь несло харчевней;
Претит — и даже мысль мерзка! —
Ждать ночью мойщицу горшка;
И, видя в лапах мужика
Красотку, к ней исподтишка
Взывать и тщетно ждать кивка.

Претят наследников уловки,
Клянусь Творцом, и без сноровки

Кикс, сделанный в инструментовке,
И ростовщик, что ждет поклевки;
Как свят Марсель, осточертел
Мне плащ в два меха, и прицел
Трех братьев на один надел,
Четырехгранность пик и стрел,
И кто богат, а не у дел.

И не терплю я, Боже правый,
Чтоб резал мясо мне лишавый,
И стол под скатертью дырявой,
И тяжкий груз кольчуги ржавой;
Мне тошно высадки в порту
Ждать в ливень на сквозном ветру,
И наблюдать друзей войну,
И, чуя в сердце маету,
Зреть в каждом равную вину.

Прибавлю, что мне также тяжки
Девицы уличной замашки,
Курв старых крашенные ряшки
И фат, в свои влюбленный ляжки;
Претит мне — о святой Авон! —
У тучных женщин узость лон,
Под ноль стригущий слуг барон;
И бденье, если клонит в сон, —
Вот худший для меня урон.

Но тем я полностью задрочен,
Что, в дом войдя, насквозь промочен
Дождем, узнал, что корм был сочен
Коню, но весь свиной проглочен;
Вконец же душу извело
С ослабшим ленчиком седло,
Без дырки пряжка и трепло,
Чьи речи сеют только зло,
Чьим гостем быть мне повезло.

Жизнеописания, с. 153—156

Эн Раймон де Кастель Руссильон был, как вы знаете, сеньор доблестный. Имел он женою мадонну Маргариту, прекраснейшую из дам, каких только знавали в те времена, одаренную всеми прекрасными свойствами, добродетелями и учтивостью. И вот случилось, что Гильем де Кабестань, сын бедного рыцаря из замка Кабестань, прибыл ко двору эн Раймона Руссильонского, предстал перед ним и спросил, не угодно ли тому, чтоб он поступил к нему на службу. Эн Раймон, видя, что Гильем красив и пригож, сказал ему, что тот будет желанным гостем и предложил остаться при дворе. Итак, Гильем остался и вел себя столь учтиво, что все, от мала до велика, его полюбили; и так он сумел отличиться, что Раймон пожелал, чтобы он стал пажом мадонны Маргариты, жены его, и так и было сделано. После того постарался Гильем отличиться еще больше и словом, и делом. Но, как обычно бывает в делах любовных, случилось, что Амор пожелал овладеть мадонной Маргаритой и воспламенил ее мысли. И так угодны стали ей поступки Гильема, слова его и повадка, что однажды она не смогла удержаться и спросила: «Гильем, если бы какая-нибудь дама сделала вид, что любит Вас, осмелились бы Вы полюбить ее?» Гильем же, догадавшись, в чем дело, отвечал ей, не таясь: «Да, конечно, сеньора моя, лишь бы видимость эта была правдивой». И сказала дама: «Клянусь святым Иоанном, Вы добрый дали ответ, как и подобает отважному мужу; но теперь я хочу Вас испытать, сможете ли Вы познать и уразуметь на деле, какая видимость бывает правдива, а какая нет». Гильем же, когда услышал эти слова, ответил: «Госпожа моя, пусть будет так, как Вам угодно».

И вот, меж тем как он пребывал после этого в задумчивости, Амор тотчас же повел против него войну. И мысли, какие Амор посылает слугам своим, проникли в самую глубину его сердца, и с того времени сделался он слугою Амора и стал слагать строфы, приятные и веселые, и дансы, и кансоны на приятный напев, что всем нравилось, а больше всего той,

для кого он пел. И вот Амор, который дарит слугам своим, когда ему заблагорассудится, должную награду, пожелал наградить Гильема: и начал он, Амор, доносить даму любовными мечтаниями и размышлениями столь сильно, что та ни днем, ни ночью не знала отдыха, все время думая о доблести и достоинствах, которые столь обильно находились и обитали в Гильеме.

Однажды случилось так, что дама позвала к себе Гильема и сказала ему: «Гильем, скажите мне, как Вы полагаете, — вид мой правдив или обманчив?» Гильем же ответил: «Мадонна, Бог мне свидетель, с того мгновения, как я стал Вашим слугою, в сердце мое ни разу не проникла мысль, что Вы не лучшая из всех дам, когда-либо живших, и не самая правдивая на словах и в обхождении. Этому я верю и буду верить всю жизнь». И дама ответила: «Гильем, говорю Вам, если Бог мне поможет, Вы никогда не будете мною обмануты, и Ваши мысли обо мне не будут тщетны или потрачены напрасно». И она протянула руку и ласково обняла его в горнице, где оба они сидели, и предались они утехам любви. Но вскоре наветчики, — да поразит их Бог своим гневом, — начали говорить и толковать об их любви, по поводу песен, которые слагал Гильем, утверждая, что он полюбил госпожу Маргариту, и до тех пор болтали об этом вкривь и вкось, покуда дело не дошло до ушей эн Раймона. Тот был этим весьма удручен и сильно опечалился, ибо ему предстояло потерять оруженосца, коего он любил, а еще больше из-за бесчестия своей жены.

Случилось однажды, что Гильем отправился на соколиную охоту с одним лишь стрелянным; и эн Раймон велел спросить, где он; и слуга ответил, что на соколиной охоте, а другой, знавший где он, сказал, что в таком-то месте. Тотчас эн Раймон спрятал под платье оружие, велел привести коня и направился совсем один к тому месту, где был Гильем, и скакал до тех пор, пока его не отыскал. Когда же Гильем его увидел, то сильно удивился, и тотчас пришли ему на ум злоешие мысли, и он отправился к нему навстречу и сказал:

«Сеньор, добро пожаловать. Почему это Вы совсем

один?» И эн Раймон ему ответил: «Гильем, для того ищущу я Вас, чтобы развлечься с Вами вместе. Вы ничего не поймали?» — «Я ничего не поймал, сеньор, ибо ничего не нашел; а кто мало находит, ничего и не ловит, говорит пословица». И сказал тогда эн Раймон: «Ну, так оставим эту беседу, и, помня о той верности, которою Вы мне обязаны, ответьте правдиво о тех вещах, о которых я хочу спросить Вас». И Гильем ему ответил: «Клянусь Богом, сеньор, если это такая вещь, какую можно сказать, я скажу Вам ее». И сказал эн Раймон: «Я хочу, чтобы полностью и без всяких уловок ответили Вы на то, о чем я спрошу Вас». И сказал Гильем: «Сеньор, о чем бы Вы ни пожелали спросить меня, я на все правдиво Вам отвечу». Тогда эн Раймон спросил: «Гильем, если дороги Вам Бог и святая вера, скажите: есть ли у Вас возлюбленная, ради которой Вы поете и к которой Вы охвачены любовью?» И ответил Гильем: «Сеньор, как бы мог я петь, если бы не нудил меня Амор? Узнайте же, сеньор, истину: Амор всего меня держит в своей власти». И эн Раймон ему ответил: «Охотно верю, ибо иначе как могли бы Вы так хорошо петь? Но я хочу знать, кто Ваша дама». И сказал Гильем:

«Ах, сеньор, ради Господа Бога, подумайте сами, чего Вы от меня требуете. Ведь Вы хорошо знаете, что негоже называть имя своей дамы и что Бернарт де Вентадорн сказал:

Чутье дает прямой совет:
Кто ни спросил бы об удаче,
Лги без зазренья, все иначе
Представь, запутывая след.
Ведь иногда хранитель тайн
И ненадежен, и случаен.
Ты лишь тому секреты объяви,
Кто сможет послужить твоей любви».

И эн Раймон ответил: «Даю Вам слово, что буду служить Вам, поскольку это в моей власти». И так он настаивал, что Гильем ему сказал:

«Сеньор, знайте, что я люблю сестру мадонны Маргариты, Вашей жены, и думаю, что она меня тоже любит. Теперь, когда Вы это знаете, прошу Вас по-

мочь мне или, по крайней мере, не чинить мне помехи». — «Вот моя рука и слово, — сказал эн Раймон, — я клянусь Вам и обещаю всю мою власть употребить в Вашу пользу». Тут он поклялся ему и, поклявшись, сказал: «Я хочу отправиться вместе с Вами в ее замок, ибо он отсюда близко». — «И я Вас очень прошу об этом», — отвечал Гильем. Итак, они направились к замку Льет. И когда прибыли они в замок, их очень хорошо приняли там эн Роберт Тарасконский, который был мужем мадонны Агнес, сестры госпожи Маргариты, и сама мадонна Агнес. И эн Раймон взял мадонну Агнес за руку, отвел ее в опочивальню и усадил рядом с собой на ложе. И сказал эн Раймон: «Теперь поведайте мне, свояченица, со всею правдивостью, которою Вы мне обязаны, любите ли Вы кого-нибудь любовью?» И она сказала: «Да, сеньор». — «А кого?» — спросил он. «О, этого я Вам не скажу, — ответила она. — О чем это Вы толкуете со мной?»

Но он так ее упрасивал, что она сказала, что любит Гильема де Кабестаня. Сказала же она это потому, что видела Гильема задумчивым и печальным и хорошо знала, что он любит ее сестру, и потому боялась, что эн Раймон замыслит злое против Гильема. Такой ответ доставил эн Раймону большую радость. Мадонна же Агнес все рассказала своему мужу, и тот сказал, что она очень хорошо сделала, и обещал предоставить ей свободу делать и говорить все, что только может спасти Гильема, и мадонна Агнес не преминула так и поступить. Она позвала Гильема к себе в опочивальню и оставалась с ним наедине столько времени, что эн Раймон подумал, что они предаются любовным утехам; и все это было ему приятно, и он начал уже думать, что все, что наговорили ему, было неправдой и что люди болтали это на ветер. Мадонна же Агнес и Гильем вышли из опочивальни, и тут подали ужинать, и все поужинали в большом веселье. А после ужина мадонна Агнес велела поставить кровати их обоих около самой ее двери, и Гильем и дама притворялись столь искусно, что Раймон поверил, что Гильем спит с нею.

И вот, на другой день пообедали они весьма весело в замке и после обеда уехали, отпущенные с пышнос-

тью и почетом, и вернулись в Руссильон. И эн Раймон, как можно скорее попросившись с Гильемом, пошел к своей жене и рассказал обо всем, что видел, о Гильеме и о сестре ее, от чего жена его всю ночь провела в большой печали. А на другое утро она велела позвать Гильема, обошла с ним плохо и назвала его неверным другом и изменником. А Гильем попросил у нее пощады, как человек, который совсем неповинен в том, в чем его обвиняют, и рассказал обо всем, что произошло, слово в слово. И дама призвала к себе сестру и от нее узнала, что Гильем невиновен.

И вот, приказала она по этому случаю, чтобы он сочинил песню, в каковой высказал бы, что никогда, кроме нее, ни одной женщины не любил, и тогда он сложил кансону, в коей говоритя:

Сладостно-злая
Грусть, что Амор мне дал,
Жжет, заставляя
Песней унять накал
Страсти: пылая,
Я б Вас в объятых сжал,
Но, столь желая,
Я Вас лишь созерцал.
Что ж, я в Ваших руках;
Видя гневный их взмах,
Превращаюсь я в прах,
Так как верен обету;
К Вам стремлюсь, будто к свету,
Я, блуждая впотьмах;
Вас я славлю в стихах.

* * *

Пусть, гнев являя,
Амор Вас охранял,
Премного зла я
Из-за него приял,
Радость бывая
Ушла, я грустен, шал:
Любви желая,
От ее плачу жал.

От любви я исчах,
С Вами я нежен в снах,
Наяву ж — не в ладах,
Напоказ всему свету,
За какую монету
Вы мой примете страх?
Ибо я вновь в бегах.

* * *

Эскиз к портрету
Я набросать хотел:
Улыбку эту,
Стан, что строен и бел.
Когда б воспету
Мной, как воспеть я смел
Вас, быть завету
С Богом — в Раю б я пел!
Вам я служить готов
Ради десятка слов;
Мне дарёных платков
Не храню, не ищите!
Нет во мне прежней прыти,
Нежных дам тщетен зов.
Мой алтарь — Ваш альков.

* * *

Я рад рассвету:
Едва он заалел,
Любви примету
Я в нем найти успел;
Не вняв запрету,
Я пал, лишь Вас узрел;
Увы, поэту
Любить — один удел.
Неприветлив Ваш кров,
Нрав Ваш тверд и суров.
Я лишен всех даров:
Что ж, кто может — берите!
Только мне разрешите
Ждать, что дрогнет засов,
Коль мой жребий таков.

***

Тоскою рвите
Сердце мне пополам,
Но в дом впустите
Амора — пусть он сам
В тайном укрьтье
Возведет себе храм;
Слух свой склоните
К слезным моим мольбам.
Причиняя мне вред,
Злом Вы полните свет;
Коль одну из бесед
Вы б вели с прямою,
Сказав, чего я стою,
Любите Вы иль нет,
Я б не ждал столько лет.

***

Я слаб в защите —
Крепость без боя сдам;
Милость явите —
Честь будет призом Вам;
Знать не велите
Зависти к королям:
Быть в Вашей свите
Мне приятней, чем там.
Коль пошлете мне вслед
Лишь прохладный привет,
Им я буду согрет.
Ах, любви полнотою
Душу мою — пустою
Оставлять Вам не след.
Что ни жест, то запрет!

***

Пусть Ваш ответ — запрет,
Вас считаю святою
И стремлюсь со тщетою
Свой исполнить обет,
Худших не чая бед.

Эн Раймон, красотою
В рабство взят Ваш сосед,
Жертва ее побед.

И когда эн Раймон де Кастель Руссильон услышал кансону, которую сложил Гильем для жены его, он призвал Гильема явиться к нему как бы для беседы довольно далеко от замка, и отрубил ему голову, и положил ее в охотничью сумку, а сердце вырезал из тела и положил вместе с головой. Вернувшись же в замок, он приказал изжарить сердце и подать его на стол жене, и заставил ее съесть его; а она не знала, что она ест. Когда же кончила она есть, встал эн Раймон и сказал жене, что съела она сердце эн Гильема де Кабестаня, и показал голову, и спросил ее, пришлось ли сердце Гильема ей по вкусу. И она как услышала, что он ей сказал, и увидела голову эн Гильема, и узнала ее, то, отвечая ему, сказала, что сердце было такое хорошее и вкусное, что никогда никакая пища и никакое питье не заглушат у нее во рту вкуса, который оставило сердце сеньора Гильема. И тогда кинулся на нее эн Раймон с мечом, она же побежала от него, бросилась с балкона и разбила себе голову.

Стало это известно по всей Каталонии и во всех землях короля Арагонского, и король Альфонс и все сеньоры тех мест погрузились в великую скорбь и великую печаль по поводу смерти эн Гильема и дамы его, которую эн Раймон столь гнусно умертвил. И собрались сородичи Гильема и дамы, и все куртуазные рыцари той округи, и все влюбленные, и объявили ему войну не на жизнь, а на смерть. И король Арагонский, узнав о смерти дамы и рыцаря, схватил Раймона, опустошив замок его и владение, а тела Гильема и дамы его положить повелел в гробницу, воздвигнутую перед входом в церковь города Перпиньяна, богатого града на равнине Руссильонской, что во владении короля Арагонского. И долгое время все куртуазные рыцари и дамы Руссильона и Серданыи, Колофена и Риполя, Пейралады и Нарбонны ежегодно устраивали им поминки, и все истинные влюбленные

молили Бога о спасении их душ. А эн Раймона де Кастель Руссильона король взял в плен и лишил всего, чем он владел, замок его опустошил, а самого его держал в тюрьме, пока тот не умер, а все его имение отдал сородичам Гильема и дамы, которая из-за него умерла.

Жизнеописание, с. 240—246

Мария Вентадорнская

Вы уже слышали о мадонне Марии Вентадорнской, как о наиславнейшей из дам, когда-либо живших в Лимузене, много творившей добра и бежавшей всякого зла. Во всех деяниях своих она руководствовалась законами вежества, и никакое бездумие не подбивало ее на необдуманные поступки. Одарил ее Господь прелестью лица и изяществом, коим не требовалось никаких прикрас.

Между тем Ги д'Юссель, как уже слышали вы в песне «Я, злая Дама, прогнан Вами с глаз...», лишился своей дамы и пребывал в великой тоске и кручине. Долгое время не пел и не слагал он песен, отчего все достойные дамы округи той скучали, а больше всех мадонна Мария, ибо ее-то Ги д'Юссель и славил во всех своих кансонах. Графу же Марки по имени эн Уго ло Брюн, бывшему ее рыцарем, оказывала она всю любовную честь, какую может дама оказать рыцарю своему.

И вот однажды, когда граф Марки проводил с нею время в куртуазном ухаживании, вышел и у них спор. Граф утверждал, что всякий истинно влюбленный, доколе он даме своей верен, и ежели дама любовь свою ему отдала, рыцарем его избрав или другом, столько же власти имеет над дамой своей, сколько и та над ним. Мадонна же Мария отрицала, что друг может иметь над нею власть. Случилось тогда же быть при дворе мадонны Марии эн Ги д'Юсселю, и та, желая вернуть его к песням и уладам, сложила строфу, в которой вопрошала его, может ли друг дамы иметь над нею столько же власти, сколько она над ним. Так вызвала его мадонна Мария на куртуазное прение, и сложили они такую тенсону:

Ги д'Юссель, сердит мой упрек:
Почему, о пенье забыв,
Вы молчите? Талант Ваш жив,
И к тому же Вы любви знаток:
Так ответьте, должно ль даме в обмен
На страстность представленных другом сцен
С ним столь же страстный вести разговор?
С такой точкой зренья возможен спор.

На Мария, изящный слог
Позабыт мной, как и мотив
Сладостный, но на Ваш призыв
Я откликнусь десятком строк:
Итак, дать обязана Дама взамен
Любви — любовь, ту назначив из цен,
Чтоб равенство соблюдал договор
Без счетов, кто кем был до этих пор.
Ги, влюбленный, подав намек
Даме, должен быть терпелив
И благодарить, получив
Милость в должном месте в свой срок;

Пусть просит, не поднимаясь с колен:
Она — и подруга, и сюзерен
Ему; превосходство же ей не в укор,
Поскольку он друг ей, но не сеньор.

Дама, или Вам невдомек,
Что учтива, как друг учтив,
Дама быть должна: ведь порыв
Одинаковый их увлек;

Если ж попала к нему она в плен,
Пусть подчиняется, из-за измен
Не начиная с возлюбленным ссор, —
Должен быть весел всегда ее взор.

Ги д'Юссель, но свершить подлог
Может всякий, кто сердцем лжив:
Вот влюбленный, руки сложив,
Молвит Даме, упав у ног:
«Молю Вас мне выделить в сердце лен!»
Поднимут же — буркнет: «Любовь — лишь тлен!»
Кто нанят слугой, не будь столь хитер,
Чтоб хозяин с тобой делил свой двор!

Дама, Вы лишь то, сколь жесток
Нрав Ваш, явите, прав лишив
Друга, с кем — сердца ваши слив —
Одарил Вас поровну рок;
Хотите ль, чтоб он пред Дамой согбен
Стоял всю жизнь и не ждал перемен?
Признайтесь, что мысль такая — позор,
Он равен любой из ваших сестер.

Жизнеописания, с. 119—120

ФЛАМЕНКА

* * *

(Амор, посетивший Гильема, на время погрузил его
в любовное забытье)

Любовь, свой нанеся визит
²¹⁷⁰ Гильему, возвращает телу
Рассудок; предается делу
Дневному вновь оно; светло,
Хоть веки смежены, чело
И все лицо, столь яростно пыл
Зари; когда же он открыл
Глаза, сияя, солнце встало.
Гильем прекрасен, щеки алы.
Из мест, где был, выходит он,
Как будто удовлетворен,
²¹⁸⁰ Что отдохнул, трудом тяжелым
Измучившись, и встал веселым.
Слуга так плакал, что потоки
Слез замочили лоб и щеки
Гильемовы.
«Сеньор, вы спали
Так долго, что в большой печали
Я был», — он молвил и утер
Глаза салфеткою. Сеньор
Ему в ответ: «Твоих скорбей
Источник — в радости моей».
²¹⁹⁰ Впрямь, то, что в горе ты великом,
Напрасно выражать лишь криком,
Рубаху и штаны Гильем

Надел; на беличью затем
 Накидку сел он у окна.
 По руку правую стена
 Той башни. Смотрит, обуваясь,
 Он на нее не отрываясь;
 Одет изящно: на ногах
 Не башмаки, но в сапогах
 2200 Любил ходить он остроносых,
 Должно быть, из Дуэ привез их.
 Не станет шерстяных чулок
 Носить, коль не обтянут ног.
 Он ахи испускал и охи
 И прибавлял при каждом вздохе:
 «Держать ее в плену — злой грех.
 О, существо прекрасней всех,
 Достоинств редких средоточье.
 Не дайте умереть, воочью
 2210 Узреть вас перед тем не дав!»
 Велит нести кафтан. Стремглав
 Бежит за ним слуга, в ком толку
 Не на одну б хватило пчелку,
 Кто деятельней и живей,
 Чем ласочка иль муравей.
 Принесен таз с водой. Сперва
 Гильем умылся; рукава
 Затем пришил изящным швом
 Иглой серебряной; потом
 2220 Накинул плащ из шерсти черной
 И оглядел себя — зазорный
 Не мог замечен быть изъян
 В наряде тех, кто шел из ванн.

* * *

(Гильем вместе с хозяином гостиницы отправляется в церковь)

Тут входит Пейре Ги как раз:
 «Сеньор, дай бог, чтоб всякий час
 Дня, доброго уже вначале,
 Был добр для вас. Вы рано встали!
 А мессу между тем поздней
 Начнут: быть пожелав на ней,

- 2230 Опаздывает госпожа».
Гильем отвечает, дрожа:
«Пойдемте лучше прямо в храм
И совершим молитву там,
А после воздухом подышим,
Покуда звона не услышим». —
«Не откажу, — тот молвит, — славный
Сеньор, вам в этом; в мере равной
Во всем, что вам придет на ум».
Гильем хранил в одной из сум
- 2240 Дорожных новый пояс: в пряжке,
Французской ковки, без натяжки
На марку серебра почти,
Коль на весы ее снести.
На славу пояс был сработан,
Хозяину его дает он.
Тот кланяется куртуазно:
«Сеньор, столь дар несообразно
Богат ваш, помоги мне Бог,
Что буду думать, чем бы мог
- 2250 Вас отблагодарить: роскошен
Подарок, я им огорошен.
Словно гостинец новогодний,
Он всех полней и превосходней:
С массивной пряжкой вещь из кожи
Ирландской стоит здесь дороже
Любых сокровищ; больше им
Доволен я, чем золотым».
Хозяин был отменных правил,
Женитьбой же себя избавил
- 2260 Удачно он от всех хлопот
О тех, кто у него живет.
Хоть в монастырь они вдвоем
Идут, но каждый о своем
Задумался: ведь у Гильема
Любовь — единственная тема,
А у другого постоянны
Две темы — прибыли и ванны,
И мысль, что гость принять захочет
Хоть завтра их, его уж точит.
- 2270 Встал на колени, как вошел

Во храм, Гильем и на престол
Апостола Климента строго
И пылко стал молиться Богу;
Марию-Деву помогать,
Святого Михаила рать
И всех святых усердно молит,
Три раза *Отче наш* глаголет,
Затем молитовку— творенье
Отшельника — перечисленье
2280 Семидесяти двух имен
Творца, в каких открылся он
Евреям, римлянам и грекам.
Молитва эта человеком
Руководит, любить творца
Настраивая и сердца
Уча добру. Кто с нею дружит,
От Бога милости заслужит;
Для тех немислим злой конец,
Кто отдает ей пыл сердец
2290 Иль, записав, у сердца носит.
Гильем молитву произносит
И открывает наугад
Псалтырь, и попадает взгляд
На стих знакомый: *Возлюбих*.
«Бог знает нужды чад своих»,—
Шепнув, отводит от страниц
Глаза и опускает ниц.
Затем осматривает храм;
Но он, гадая, где бы там
2300 Сидеть удобно было даме,
Не знал, что помещали в храме
Ее в курятне на запор.

* * *

(В храм приходит Фламенка в сопровождении
своего ревнивого мужа эн Арчимбаута)

Гильема сердце сильно бьется,
Никак он дамы не дождется.
Он видит в каждой новой тени,
Пересекающей ступени,

Эн Арчимбауга. Люди в храме
Выстраиваются рядами.
Но вот вся паства подошла
И третьи бьют колокола,
²⁴⁴⁰ И тут-то после всех возник
В дверях безумец, видом дик,
В щетине, ряжен как попало,
Рогатины недоставало,
Чтоб стал он чучелом вполне,
Какое ставят на холме
Крестьяне против кабанов.
И рядом с тем, чей вид таков,
Красавица Фламенка шла,
Хоть сторонилась, как могла,
²⁴⁵⁰ Настолько был ей гадок он,
Вот стала на порог — поклон
Отдать смиренный. В этот миг
Гильем Неверский к ней приник
Впервые взором — хоть плохая
Была возможность; не мигая,
В томленье, на судьбу в обиде,
Вздыхал он, черт ее не видя.
Но тут Amor шепнул: «Ее
Спасти — намеренье мое.
²⁴⁶⁰ Но покажи и ты свой норов,
Однако не бросая взоров,
Чтоб не заметил кто-нибудь.
Я научу, как обмануть
Ревнивца так, чтоб проклял он
Тот день, когда на свет рожден.
И за вуаль, и за тебя
Я отомщу». Гильем, скорбя,
Поскольку дама в то мгновенье
Зашла в закут, стал на колени.
²⁴⁷⁰ Священник начал *Окропи мя*,
Гильем, призвав Господне имя,
Прочел весь стих; клянусь, доселе
Здесь ни читали так, ни пели.
Священник с клироса к народу
Сошел, ему крестьянин воду
Свяченную принес, и он

Направо двинулся, в загон
Эн Арчимбаута. Пенъем всем
Вдвоем с хозяином Гильем
2480 Руководил; но были зорки
Его глаза, и вид каморки
Сквозь узкий ход ему открыт.
Иссопом капеллан кропит,
Лия подсоленную влагу
Фламенке на голову, благо
Открыла волосы сеньора,
Чтоб омочить их, до пробора;
И кожа у нее была
Нежна, ухожена, бела.
2490 Горели волосы светло,
Поскольку в этот миг взошло
Любезно солнце и по даме
Скользнуло беглыми лучами.
Гильем, хотя узрел лишь малость
Сокровища — Амора шалость, —
Возликовал в душе, столь славен
Был *signum salutis*¹ и явен.

Фламенка, с. 70—72, 72—75, 79—80

ПЕСНЬ О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ

*Часть первая,
написанная клириком Гильемом из Туделы*

* * *

(Начало Крестового похода)

ЛЕССА 2

Мои сеньоры! Эта песнь писалась для людей...
Живой александрийский стих был образцом для ней,
Чтоб мог ее пересказать сказитель-грамотей.
Начнем же. Ересь поднялась, как гад со дна морей
(Господь ее да поразит десницею своей!),
Попал весь Альбигойский край в охват ее когтей —

---

¹ Знамение спасения; приветственный знак.

И Каркассонн, и Лорагэ. Легли по шири всей —
От стен Безье до стен Бордо — следы ее путей!
К неложно верящим она пристала как репей,
И были там — я не совру — все под ее пятой.
Сам папа римский сник от бед и потерял покой,
И весь его богатый клир охвачен был тоской,
Ведь ересь с каждым днем росла, являя облик свой.
Немало пастырей святых отправилось на бой
С Великой ересью! И все пошли туда толпой...
Цистерцианский орден был там первой головой.
Там проповедовал Осма (старик, прелат святой),
А супротив болгарин был, поклонник веры злой,
На каркассонских площадях перед толпой людской.
Из Арагона сам король там был со свитой всей,
Но удалился он, едва почувял смысл речей,
И о коснеющих во лжи, узнал он гонор чей,
Послал в Ломбардию письмо — в Рим, для святых
властей.

Скажу, коль Бог благословит, что эти люди злей,
Чем яблоко грызущий червь, гнилых плодов гнилей,
Ведь слышим мы уже пять лет их непотребный лай.
Совсем у Господа от рук отбился этот край!
Чем в схватке яростней глупцы, тем ближе бездны
край,
Ведь им, пока идет война, не будет, так и знай,
Пощады на земле.

ЛЕССА 4

Аббат цистерцианцев (тот, кого Господь любил),
Носивший имя брат Арнаут, опорой братьям был
(Тем, что отправились пешком или на мулах пыл
Сбивать с упорствующих в лжи и с тех, кто в ересь
впал).

Но хоть словами каждый брат упрямец побивал,
Сей люд свою неправоту ни в чем не признавал!
Пейре де Кастельно тогда Господень путь привел
В Прованс, где он своим трудам последний счет расчел
С Тулузским графом и того от Церкви отлучил,
Ведь граф соседей разорял и грабежи чинил.
Но графский конюший один все в темноте бродил

И, сердцем злобу возлюбя, от графа милость ждал.
Он свой предательский кинжал прелату в бок всадил,
Убил де Каастельно, затем, дурных наделав дел,
Избрал убежищем Бокэр, лен графа и удел.
Но перед смертью к небесам всё руки возводил
Благочестивый Каастельно и Господа просил,
Чтоб неразумному слуге тот смертный грех простил;
И перед Богом и людьми убийство отпустил.
Он причастился, лишь петух вновь утро возвестил;
Его душа слетела с уст, лишь край небес зардел, —
И всемогущий наш Господь ее в раю призрел.
Над мертвым телом в Сен-Жиле всю ночь огонь горел,
И на святых похоронах весь клир молитвы пел.

ЛЕССА 5

Когда известье, что легат заколот, в Рим пришло,
То папа чуть не умер сам, узнав про это зло,
Печаль, испытанную им, представить тяжело.
К святому Якову воззвал, оставив все дела,
Святейший папа — и к Петру, чья в раке плоть была, —
И для анафемы свечу возжег, взяв со стола.
Цистерцианец брат Арнаут, чье сердце горе жгло,
Там был, а также латинист и клирик мэтр Мило,
Двенадцать кардиналов вокруг, склонив в тоске чело.
Там и подписан был указ, на деле злой зело.
По коему людей, что кур, взрезали на земле —
И знатных девушек, и дам! Уж не найти в золе
От них ни юбки, ни плаща, ни броши, ни колье
От стен далекого Бордо до башен Монпелье,
Поскольку папа приказал те земли сжечь дотла.
Вот так об этом рассказал магистр Понс де Мила,
Которого послал король, властитель Тюдела,
Сеньор Памплоны, господин и в замке Эстелла,
И лучший рыцарь среди всех, садившихся в седло.
Что знал султан Мирамелис, коли на то пошло!
Альфонс и Педро, короли, поправ врагов тела,
Сломали копий без числа, за что им и хвала;
О том еще я напишу, взяв, коль пошли дела,
Получше пергамен.

Когда, потупив взор, аббат Арнаут с колен
 Поднялся после всех и встал возле колонн,
 Он рек такую речь: «Будь благ, святой Мартин!
 Живущим на земле ты, папа, господин...
 Пошли скорей приказ на языке латин,
 Чтоб с ним и я бы мог уйти от этих стен
 В Гасконь и Перигор, Овернь и Лимузен,
 И славный Иль-де-Франс, сам королевский лен,
 Поскольку время мстить, поставив злу заслон.
 Пускай ничьей души не тронет вражий стон
 От той земли до той, где правил Константин.
 А если в ратный строй не встанет паладин,
 На скатерти он есть не будет и в помин,
 Ни пробовать вина, ни одеваться в лён,
 И гроб его вовек не будет освящен».
 И согласились все с тем, что промолвил он,
 Советчик умудренный.

(Штурм и взятие Безье)

Под праздник, что дарует нам святая Магдалина,
 Войсками, что привел аббат, была полна долина
 У стен Безье и вдоль реки с ее песчаным лоном.
 Зашлись сердца у горожан, к тому досель не склонных,
 Ведь в годы древних битв и свар, чему виной — Елена,
 Такого войска Менелай не собирал в Микенах,
 Столь пышной знати не могла иметь ничья корона
 Кроме французской, не нашлось ни одного барона,
 Кто б здесь не пробыл сорок дней (лишь кроме
 графа Брена).
 Удар судьбы для горожан был словно в сердце рана,
 Лишились разума они, столь поступая странно.
 Кто им советовал? Кому вручили жизнь мужланы?
 Бедняги были, видит Бог, глупы определенно
 И не разумнее Кита, в чьем чреве плыл Иона,
 Пошли на вылазку они, держась такого плана:
 На пики вздернув белый холст, как белый флаг,
 смутьяны,

Горляня, мчались на войска. Так от межи овсяной
Гоняют птиц, пугая их маханьем тряпки рваной
При свете утренней зари.

ЛЕССА 19

Встав поутру, вожак всех слуг себе сказал: «Смотри!»
Как раз напали на войска, горляня, бунтари,
И в ров барона одного, обсев, как детвора,
Всем скопом сбросили с моста, отважны несдобра.
Вожак собрал своих людей, босых по той поре.
«Пойдем на штурм!» — вскричали те, собравшись на
бугре.

Потом готовиться пошли подраться мастера.
Я полагаю, не имел никто и топора:
Босыми шли они сюда от своего двора,
Пятнадцать тысяч было их — и вор был на воре!
Пошла на город рать в штанах с дырою на дыре,
С собою лишь дубинки взяв да палки поострей,
Одни устроили подкоп, другие — голь храбра! —
Ворота начали ломать, затеяв бой с утра.
Всех горожан прошиб озноб, хоть и была жара.
Кричала чернь: «Идем на штурм! Оружие бери!»
Была такая кутерьма часа два или три.
Ушли защитники в собор и спрятались внутри,
Детей и женщин увели, укрыв за алтари,
И стали бить в колокола, как будто им пора
Звонить за упокой.

ЛЕССА 20

Безьерцы видели со стен весь лагерь боевой
И чернь, к воротам городским валившую толпой,
Бесстрашно прыгавшую в рвы, потом под ор и вой
Долбившую дыру в стене, рискуя головой.
Когда же зазвучал сигнал к атаке войсковой,
Заговорило сердце в них, что час настал лихой.
К собору бросились они, всех ближних взяв с собой,
Прелаты, в ризы облачась, пошли за аналой,
И звонам к мессе звонари такой придали строй,
Как будто, плача о родных, оделся в траур край,

Ведь знали все: пришла беда, ворота отворяй.
Безьерцы думали, что их укроет кров святой
От черни, грабившей дома, пустившейся в разбой,
Ведь утварью семи домов мог овладеть любой.
Но чернь, зверея от резни, кроя на свой покрой,
Без счета погубила душ, заполнив ад и рай,
Был ей доступен каждый дом, какой ни выбирай,
И стал бы Крезом каждый вор, что в драке храбр порой,
Когда в руках бы удержал все, что набрал горой.
Но все себе забрала знать, под полог тьмы ночной
Слуг выгнав из-под крыш.

ЛЕССА 21

Вся знать из Франции самой, оттуда, где Париж,
И те, кто служит королю, и те, кто к папе вхож,
Решили: каждый городок, где угнездилась Ложь,
Любой, который ни возьми, сказать короче, сплошь,
На милость должен сдаться им без промедленья; те ж
Навек закаются дерзить, чья кровь зальет мятеж.
Всех, кто услышит эту весть, тотчас охватит дрожь,
И не останется у них упорства ни на грош.
Так сдались Монреаль, Фанжо и остальные тож!
Ведь силой взять, я вам клянусь, Альби, Тулузу, Ош
Вовек французы не смогли б, когда бы на правож
Они не отдали Безье, хоть путь сей не хорош.
Во гневе рыцари Креста велели черни: «Режь!» —
И слуг никто не удержал, ни Бог, ни веры страж.
Алтарь безьерцев уберег не больше, чем шалаш,
Ни свод церковный их не спас, ни крест, ни отче наш.
Чернь не щадила никого, в детей вонзала нож,
Да примет Бог те души в рай, коль милосерд к ним
все ж!

Столь дикой бойни и резни в преданьях не найдешь,
Не ждали, думаю, того от христианских душ.
Пьяна от крови, чернь в домах устроила грабеж
И веселилась, отхватив себе изрядный куш.
Но знать воришек и бродяг изгнала вон, к тому ж
Ни с чем оставив босяков и в кровь избив невеж,
Чтоб кров добыть для лошадей и разместить фураж.
Лишь к сильным мир сей благ.

Сперва решили босяки, чернь и ее вожак,
 Что век им горя не видать, что стал богатым всяк,
 Когда ж остались без гроша, они вскричали так:
 «Огня, огня!» — ведь зол на всех обманутый дурак.
 Они солому принесли, сложив костры вокруг,
 И разом вспыхнул город весь от этих грязных рук,
 И шел огонь во все концы, сжимая страшный круг.
 Вот так когда-то сам Камбрэ богатый город сжег
 И хуже сделать сгоряча, я вам скажу, не мог,
 За что его бранила мать, а он, себе не друг,
 Ей чуть пощечину не дал, как бьют в досаде слуг.
 Вся рать, спасаясь от огня, бежала в дол и лог,
 Французской знати не пошла ее победа впрок,
 Ведь все пришлось оставить им, а был там не пустяк.
 Все, чем богат подлунный мир — и Запад, и Восток! —
 Вы там смогли бы отыскать, не будь пожар жесток.
 Собор, что строил мэтр Жерве, уж верно, долгий срок,
 Внезапно треснул, что каштан, который жар допек,
 Лишь камни собирай.

По мненью тех, кто там бывал, в Безье был сущий рай,
 Французы всякого добра нашли там через край,
 И столько взяли бы с собой, что хоть из рук бросай,
 Когда б не предводитель слуг, не сброд его босой.
 Но те Безье сожгли дотла, дома, собор святой,
 Церковный хор, что мессы пел, и женщин, и детей,
 Прелатов в ризах дорогих и остальных людей.

*Часть вторая,
 написанная тулузским Анонимом*

(Подготовка к сражению, поражение южан в битве
 при Мюре и гибель короля Педро II Арагонского)

Король встал первым, ведь с людьми он говорить умел.
 «Сеньоры, — людям рек король, — граф де Монфор
 посмел

Наш вызов рыцарский принять, войти в Мюре
рискнул.

Так примем меры, чтобы враг от нас не ускользнул!

Еще до ночи грянет бой. Мир злее сеч не знал!

Так бейте ж грозного врага, валите наповал,

Дабы в бою и ваш отряд от вас не отставал,

И час победы над врагом быстрее наставал».

И так сказал Тулузский граф, когда черед настал:

«О сир! Коль вы хотите знать, что скажет Ваш вассал,

То вот что я бы в этот час исполнить приказал.

Не нужно долго говорить, сколь враг свиреп и зол,

Давайте вокруг своих шатров поставим частокол,

Когда бы недруг одолеть преграду захотел,

То стали б воины врага добычей наших стрел

И мы бы гнали остальных по грудам мертвых тел».

«О граф! — воскликнул дон Мигель. — Да кто Вам

право дал

Столь сомневаться в короле? Коль скоро миг предстал

Сойтись с врагом лицом к лицу, Господь бы не

простил,

Когда б из трусости король победу упустил».

«Что я могу еще сказать? — вновь граф заговорил. —

Когда мы грянем на врага, являя ратный пыл,

Весь мир увидит, кто из нас презренным трусом был!»

«К оружию!» — тут раздался крик. И всяк свой меч

схватил;

Бароны шпоры в скакунов вонзили, что есть сил,

Спеша в погоню за врагом, что в город уходил.

Сдается мне, что хитрый враг сию атаку ждал,

Войти в ворота за собой как будто приглашал.

И створ распахнутых ворот сраженью не мешал.

Тот бил противника копьем, тот тяжкий дрот метал;

И с той, и с этой стороны никто не уступал,

Покрылась кровью вся земля и створ ворот стал ал.

Но дело кончилось ничем, никто не победил.

Тулузцы в лагерь отошли. Враг в город отступил.

Настало время отдыхать, баронов зной томил,

Но тут тулузцев граф Монфор в ловушку заманил,

Он повелел седлать коней, к атаке дал сигнал,

И каждый рыцарь скакуна взнуздal и оседлал.

Граф недостаток сил и средств коварством возместил,

Он войско вывел из ворот и с Богом отпустил,
Однако прежде вот о чем баронам возвестил:
«Внемлите, рыцари мои. Враг нас врасплох застал.
Какой могу я дать совет? Ведь я вас всех призвал
Затем, чтоб каждый шел вперед и жизнью рисковал!
Глаз не смыкая ни на миг, я в эту ночь не спал,
О деле думал до зари, до света размышлял,
И вот, сеньоры и друзья, какой я план избрал.
Спешите к лагерю врага, пересекая дол,
Дабы тулузцы, увидав сих копий частокол,
Все разом бросились на вас, ища себе похвал,
И будь что будет, а не то для нас весь край пропал».
«Бароны, надо рисковать, — граф Бодуэн сказал, —
Не тот плох рыцарь, кто в бою на землю мертвым

пал,

А тот, что век свой в нищете позорно прозябал!»
Епископ рыцарей Креста на бой благословил,
На три отряда граф де Бар баронов разделил,
Оруженосцев и пажей сеньорам ставя в тыл.
И по тропинке через топь враг тайно поспешил
К палаткам и шатрам.

ЛЕССА 140

Враги к палаткам и шатрам пошли по хлябям блат,
Свои знамена развернув, сверкая сталью лат,
И был отделкой золотой украшен каждый щит,
И так сияли те мечи, будто заря горит.
Король, кого за доброту я здесь восславить рад,
Увидев рыцарей Креста, скажу не наугад,
Сам поспешил навстречу им, взяв небольшой отряд.
Толпой валил за королем и весь тулузский люд,
Безумцам детскою игрой казался ратный труд,
Никто не слушался старшин, не знал, что делать тут.
Когда в делах порядка нет, то плох и результат.
Король воскликнул: «Все ко мне!» — но был сметен и

смят,

И не нашелся ни один сеньор или солдат,
Кем бы услышан был король и под защиту взят.
Уж ранен доблестный король, уж он в крови лежит,
Та кровь струится по земле и, как ручей, бежит.

У тех, кто видел ту резню, померк от горя взгляд,
Народ решил, что тут виной измена и разлад,
Все в страхе бросились бежать куда глаза глядят,
Никто себя не защищал и не глядел назад,
Бегущих в спину враг разил тем больше во сто крат,
Вплоть до Ривеля шла резня, как люди говорят.
Далмат спасенье от меча искал среди бурных вод.
Он крикнул: «Горе и беда, спасайте свой живот:
Погиб наш доблестный король, опора и оплот,
И пало Рыцарство во прах, как перегнивший плод,
И тех, кого оставил Бог, сегодня гибель ждет».
Когда же реку пересек отважный рыцарь тот,
Тулузцы, рыцари и знать, и весь простой народ
Всем скопом бросились к реке, ища надежный брод.
Счастливец, реку перейдя, тем самым жизнь спасет,
Но многих бурная река в могилу унесет!
Достался рыцарям Креста весь лагерь, скарб и кладь,
И весть по свету разнеслась, что арагонцев рать
Погибла, столько храбрецов, что и не сосчитать,
Досталось воронью.

Перевод со староокситанского И. Белавина

СЛУЖЕБНИК КАТАРОВ

(Обряд посвящения верующего в число избранных, именуемых
«добрыми людьми»; правила принятия молитвы;
обряд литургического утешения)

Прибыли мы к Господу и к вам, и ко святой Церкви, ибо желаем покаяться во всех грехах наших, содеянных на деле и на словах, в мыслях и в поступках, с рождения и до дня сегодняшнего, и просим милости у Господа и у вас, дабы вы молили святого Отца милосердного простить нас.

Помолимся Господу и покаемся в прегрешениях наших многих и тяжких по отношению к Отцу, и Сыну, и почитаемому Святому Духу, и почитаемым нами святым заповедям евангельским, и почитаемым святым апостолам, и с молитвою, и с верою, и с упованием на спасение, кое ожидает христиан добродетельных и достославных, и блаженных усопших предков,

и братьев, здесь присутствующих, и молим Тебя, Господи, дабы Ты простил нам все грехи наши. *Benedicite parcite nobis (1)*.

Ибо велики грехи наши, кои совершали мы ежедневно и еженощно, велики каждодневные прегрешения наши против Господа, содеянные нами и на деле, и на словах, и в мыслях, вольно или невольно, а более всего по собственной воле, кою злые духи внушили плоти нашей, в которую мы облечены. *Benedicite parcite nobis*.

Господь своим святым словом наставляет нас, а также святые апостолы и братья наши духовные; они говорят нам, чтобы отбросили мы всяческие желания плоти и очистились от всякой грязи, и исполняли бы волю Господа, и творили бы благо и добро; но мы, служители нерадивые, не только не исполняем наставлений сих как подобает их исполнять, но часто потакаем желаниям плоти нашей и мирским заботам предаемся, нанося тем самым вред духу нашему. *Benedicite parcite nobis*.

В миру мы ходим вместе с людьми разными, и пребываем вместе с ними, и разговариваем, и едим, и прегрешений совершаем множество, чем причиняем вред братьям нашим и душе нашей. *Benedicite parcite nobis*.

Слова наши суетны, беседы пусты, смеемся мы и хохочем, и лукавим, и злословим о братьях и сестрах, коих ни судить, ни осуждать мы недостойны, и грехи братьев и сестер не дано осуждать нам, ибо среди христиан мы доподлинно являемся грешниками. *Benedicite parcite nobis*.

Служение, кое было нам заповедано, мы не исполняли так, как следовало его исполнять, не соблюдали ни пост, ни молитву; днями, отведенными нам для дел благочестивых, мы пренебрегли, и часы, для молитв предназначенные, не соблюли; когда мы творим святую молитву, чувства наши заняты плотским, а мысли исполнены мирских забот, и до того поглощены мы мирским, что уже не знаем, какое слово возносим мы к Отцу всех праведных. *Benedicite parcite nobis*.

О, Боже, святой и добродетельный, во всем, в чем повинны чувства наши и мысли, исповедуемся Тебе, святой Господь наш; премного согрешили мы, но уповаем мы на милость Господню и на святую молитву (2) и на святое Евангелие (3), ибо тяжки грехи наши. *Benedicite parcite nobis.*

О, Боже, осуди и покарай пороки плоти нашей, пусть не будет в Тебе сострадания к сей плоти, что рождена из тлена, но возымеи сострадание к душе, что заключена в тюрьме плоти, и дай нам дни и часы, и *venias* (4), и посты, и молитвы, и наставления, как это заведено у добрых христиан, дабы на Страшном суде нас не судили и не покарали вместе с нечестивцами. *Benedicite parcite nobis.*

Если верующий (5) уже проходит испытание (6), предназначенное для тех, кто готов принять посвящение, и христиане согласились дать ему молитву, они должны вымыть руки, и прочие верующие, если таковые есть среди них, тоже. Тот же из «добрых людей», кто следует за старейшиной, должен трижды поклониться старейшине, затем приготовить стол, снова трижды поклониться, потом постелить на стол скатерть, опять трижды поклониться, а затем положить на скатерть Книгу. Потом же он говорит: *Benedicite parcite nobis.*

После верующему надо перед всеми исповедаться и взять Книгу из рук старейшины. А старейшина должен прочесть ему наставление и назидание по всем правилам, так, как это пристало делать. И если верующего зовут Петр, старейшина обратится к нему так:

«Знайте же, Петр, когда стоите вы перед Церковью Божией, вы стоите перед Отцом, и перед Сыном, и перед Духом Святым. Ибо Церковь означает собрание, а там, где находятся истинные христиане, там пребывает святой Отец, и Сын, и Дух Святой, ибо так говорится об этом в Священном Писании. И сказал Христос в Евангелии от Матфея (18:20): «Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, так я посреди них». И в Евангелии от Иоанна (14:23) сказал он: «Кто любит

меня, тот соблюдет слово мое; и Отец мой возлюбит его, и мы придем к нему и обитель у него сотворим». И святой Павел сказал в Послании к коринфянам (2 Кор. 6:16—18): «Ибо вы храм Бога живого, как сказал Бог: «вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом». И потом выйдете из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и я прииму вас. И буду вам Отцом, и вы будете моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель». И еще сказал он в другом месте (2 Кор. 13:3): «Вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне: он не бессилен для вас, но силен в вас». И в Первом послании к Тимофею (3:14—15) говорит святой Павел: «Сие пишу тебе, надеясь вскоре прийти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины». И в Послании к евреям говорит он (Евр. 3:6): «А Христос — как сын в доме Его; дом же Его — мы». Да пребудет Дух Божий с уверовавшими в Иисуса Христа. Христос говорит об этом в Евангелии от Иоанна (14:15—18): «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди, и Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. Не оставлю вас сиротами; приду к вам». И в Евангелии от Матфея (28:20) говорит он: «Уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». И святой Павел в первом Послании к коринфянам (1 Кор. 3:16,17) говорит: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм — вы». Также Христос говорит это в Евангелии от Матфея (10:20): «Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас». И святой Иоанн говорит в своем Первом послании (4:13): «Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего». И святой Павел говорит в Послании к галатам (4:6): «А как вы — сыны, то

Бог послал в сердца ваши Духа Сына своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Поэтому знайте, что ваше введение во храм... перед лицом сынов Иисуса Христа крепит веру и заповеди Церкви Божьей, как говорит нам о том Священное Писание. Ибо народ Божий давно отделился от своего Господа Бога. А отделился он от совета и от воли святого Отца своего по той причине, что дал обмануть себя злым духам и подчинился их воле. Но дозволено и разрешено нам узнать, что святой Отец пожелал помиловать свой народ и принять его к себе в мире и согласии; для этого послал Он сына своего Иисуса Христа, чтобы тот проповедовал. И вот теперь вы стоите перед учениками Иисуса Христа, в том месте, где находится духовная обитель и Отца, и Сына, и Духа Святого, о чем уже было сказано выше, и стоите здесь, чтобы получить святую молитву, которую Господь Иисус Христос дал ученикам своим, дабы молитвы ваши и слова, обращенные к нашему святому Отцу, были бы услышаны. Поэтому знайте, что если хотите вы получить эту святую молитву, вам надо покаяться во всех грехах ваших и всем простить. Ибо Господь наш Иисус Христос сказал: «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Матф. 6:15). И если Господь по милосердию своему дозволит вам эту молитву получить так, как заведено в обычае Церкви Господней, и вместе с ней чистоту и истину, и все прочие достойные добродетели, коими Господь пожелает вас наградить, должны вы дать обещание, что станете хранить ту святую молитву в сердце своем всю жизнь. Поэтому просим мы доброго Господа нашего, дозволившего ученикам Иисуса Христа получать эту святую молитву, ибо верили они твердо и были исполнены добродетели, чтобы и вам Он оказал ту же милость и дал вам святую молитву, кою вам надлежит принять, будучи крепким духом и почитая Его и ради спасения вашего. *Parcite nobis.*

И после того, как старейшина произнесет молитву, верующий должен последовать его примеру. Затем старейшина скажет: «Даем вам эту святую молитву,

примите ее от Бога и от нас, и от Церкви; читайте ее в любое время, пока живете, и днем и ночью, и в одиночку и с товарищами; и не садитесь теперь ни есть, ни пить, прежде чем не прочтете эту молитву. Если же вы этого не будете делать, за это примете вы покаяние». И верующий должен ответить: «Я получаю молитву от Бога, и от вас, и от Церкви». Потом он исповедуется перед собравшимися и всем прощает, а потом христиане совершают покаяние и *veniae*, а верующий после них.

И если настало ему время получить духовное крещение, он должен перед всеми исповедаться, а потом взять Книгу из рук старейшины. Старейшина же должен прочесть ему наставление и назидание, по всем правилам, так, как это пристало делать, и произнести слова, необходимые при крещении духовном. Должен же старейшина сказать так: «Петр, желаете ли вы принять крещение духовное в Церкви Божьей, дабы был дан вам Дух Святой вместе со святой молитвой, кою “добрые люди” дадут вам посредством наложения рук». О крещении этом Господь наш Иисус Христос говорит своим ученикам в Евангелии от Матфея (28:19, 20): «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». Также говорит он в Евангелии от Марка (16:15): «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари». И в Евангелии от Иоанна (3:5) сказал он Никодиму: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие». И святой Иоанн Креститель (Иоанн, 1:26, 27) говорил об этом святом крещении, когда сказал: «Я крещу в воде, но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то, идущий за мною, но Который стал впереди меня; я не достоин развязать ремень у обуви Его». И в Деяниях апостолов Иисус Христос говорит (1:5): «Ибо Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым». Это святое крещение, получаемое посредством наложения рук, было

установлено самим Иисусом Христом; так говорит об этом святой Лука; и святой Марк тоже говорит об этом, когда пишет, что друзья его станут делать так же: «Возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16:18). И Анания дал такое крещение святому Павлу, когда тот обратился. А потом Павел и Варнава делали так во многих местах. Святой Петр и святой Иоанн дали святое крещение самарянам. Святой Лука так говорит об этом в Деяниях апостолов (8:14,17): «Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышавши, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, пришедши, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святого, ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого». Таким крещением дается Дух Святой, и Церковь Божия сохранила его со времен апостолов и до настоящего времени, и с тех пор до дня сегодняшнего передают его одни «добрые люди» другим «добрым людям», и так будет до скончания мира. Также знать вам надо, что власть дана Церкви Божьей связывать и развязывать, и прощать грехи и их оставлять, как сказано об этом в Евангелии от Иоанна (20:21—23): «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся». И в Евангелии от Матфея (16:18,19) говорит Господь Симону Петру: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (19). И дам тебе ключи Царства Небесного; а что свяжешь на земле, то будет связано на Небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». В другом месте (Матф. 18:18—20) также говорит Он своим ученикам: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я по-

среди них». А еще в другом месте говорит он: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте» (Матф. 10:8). И в Евангелии от Марка (16:17,18) говорит Христос: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения; именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы». И в Евангелии от Луки говорит Он (10:19): «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов, и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам». А вы, если хотите получить такую власть и такую силу, должны соблюдать все заповеди Христа и Нового Завета, приложив для этого все свои силы. И знайте, что заповедал Господь человеку не совершать ни прелюбодеяния, ни убийства, ни лжи, не давать ложных клятв, не красть и не брать чужого, и не делать другому того, чего не хотел бы, чтобы сделали ему самому, и прощать того, кто причинил ему зло, и любить врагов своих, и молиться за хулителей своих и благословлять их, и если его ударят по одной щеке, подставить другую щеку, и если отнимут у него рубашку, отдать весь плащ, и не судить и не осуждать, и многие другие заповеди, которые дал Господь своей Церкви. И должны вы презреть этот мир и дела его, и все, что принадлежит миру. Святой Иоанн говорит в своем Первом послании (2:15—17): «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира (сего). И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек». И Иисус Христос говорит разным народам: «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Иоанн, 7:7). И в книге царя Соломона написано: «Видел Я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа! (Ек, 1:14). И Иуда, брат Иакова говорит нам в послании своем, дабы мы знали: «Гнушайтесь даже одеждою, которая осквернена плотию» (Иуд. 23). Многие примеры мы привели, и

можно привести еще множество, а потому надобно вам исполнять заповеди Господни и не любить этот мир. И если вы станете соблюдать все, что я говорю вам, мы можем надеяться, что душа ваша обретет вечную жизнь». На это верующий должен ответить: «Хочу я так поступать, поэтому молитесь за меня Бога, дабы дал Он мне на это силы». Тогда один из «добрых людей» исповедуется вместе с верующим старейшине, а потом «добрый человек» должен сказать: *Parcite nobis*. Добрые христиане, во имя Господа просим вас поделиться тем благом, кое Господь дал вам, с нашим другом, который здесь стоит. «Затем верующий должен исповедаться и сказать: *Parcite nobis*. За все грехи, кои мог я сотворить или сказать, или помыслить, или совершить, прошу прощения у Господа и у Церкви, и у всех вас». И тогда христиане (7) должны ответить: «Именем Господним, и нашим, и Церкви нашей, пусть грехи будут вам отпущены, а мы станем молить Господа, чтобы он отпустил их вам». Затем они должны дать ему духовное крещение. Старейшина возьмет Книгу и возложит ее ему на голову, а другие «добрые люди» возложат ему на голову правую руку каждый и прочитают *parcias* (8) и трижды *adoremus*, а затем скажут: *Святый Отче, прими раба твоего в царствие твое, и да пребудет с ним милость твоя и дух святой*. И станут они обращаться к Господу с молитвою, а тот, кто руководит божественным обрядом, должен тихо прочесть *sezena* (9), а когда *sezena* будет прочитана, он должен трижды прочитать *adoremus* и один раз громко молитву, а затем Евангелие. Когда же Евангелие будет прочитано, все должны трижды произнести *adoremus*, и *gratia*, и *parcias*. А затем все должны примириться (поцеловаться) между собой и поцеловать Книгу. А если среди христиан находятся верующие, они также должны примириться, а если среди них есть женщины, то и они тоже должны поцеловаться в знак примирения друг с другом и поцеловать Книгу. Затем принимающий посвящение должен обратиться к Господу, прочитав *dobla* и совершив *veniae*, после чего христиане дадут ему молитву.

Совершать *dobla* и произносить молитву не следует доверять мирянину.

Если путь христианина лежит через места опасные, ему надо помолиться Господу и прочесть *gratia*. А если он едет через эти места на лошади, ему надо прочесть *dobla*. Также должен он произносить молитву, когда вступает на палубу корабля или входит в город, или ступает на мостки или переходит по большому мосту. И если христиане встречают человека, с которым им надо поговорить, в то время, когда они обращаются с молитвой к Господу, то надо им прочесть восемь молитв, и молитвы эти будут засчитаны им за молитву «простую»; а если они произнесут шестнадцать молитв, эти молитвы будут засчитаны им за молитву «двойную». А если христиане найдут на дороге какую-нибудь вещь, они ее трогать не должны, если не знают, кому ее вернуть. Но если они знают, что перед ними прошли люди, которым можно эту вещь вернуть, они должны взять ее и отдать, если это можно сделать. А если они сделать этого не могут, пусть оставят вещь лежать на прежнем месте. Если же они увидят животное в ловушке или птицу в силке, то пусть пройдут мимо. Когда христианин среди дня захочет пить, пусть прежде помолится, а потом попьет, или же попьет, а затем помолится вдвойне. Если христиане попили после ночной *dobla*, надо еще раз совершить *dobla*. Когда среди христиан есть верующие, то они должны стоять, пока христиане станут произносить молитву перед тем, как попить. Когда же христиане молятся Господу вместе с христианками, то вести молитву всегда должен христианин. Если же верующий, которому была дана молитва, молился вместе с христианками, ему надо отойти в сторону и помолиться самому, отдельно от христианок.

Если христиане, которым доверено вести богослужение, получили известие, что недужный верующий желает получить утешение, они должны прийти к нему и спросить у него с глазу на глаз, как он ведет себя по отношению к Церкви с тех пор, как он принял ве-

ру, и не считается ли он должником по отношению к Церкви, и нет ли у него перед Церковью какой-либо вины. Если же он что-либо должен и может долг заплатить, он должен это сделать. А если он не захочет этого сделать, ему не следует давать утешение. Потому что когда молятся Господу за человека виновного или бесчестного, такая молитва не приносит пользы. Но если верующий заплатить не может, его нельзя отталкивать.

Христиане должны рассказать ему об испытании и об обычаях Церкви. Затем, если утешение ему может быть дано, они должны спросить у него, имеет ли он намерение соблюдать заповеди Господа. Если же у него нет твердого намерения соблюдать их, он не должен давать обещание напрасно. Ибо святой Иоанн говорит, что «всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою» (Откр. 21:8). Однако, если говорит верующий, что чувствует он в себе достаточно твердости, чтобы пройти испытание, и христиане согласны принять его, они должны подвергнуть его испытанию, спросив его, намеревается ли он воздерживаться ото лжи и клятв, и соблюдать остальные заповеди Господа, и соблюдать обычаи Церкви, и отдать сердце свое и свое имущество, все, каким он владеет, а также будет владеть в будущем, в распоряжение Господа и Церкви, поставить на службу христиан и христианок, отныне и навсегда, насколько он сможет это сделать. И если он скажет, что согласен, они ответят: «Мы налагаем на вас это испытание, примите же его от Господа и от нас, и от святой Церкви, и соблюдайте обещанное вами до тех пор, пока живы; если станете вы достойно соблюдать все, что следует и что вы пообещали, и делать все, что следует вам делать, мы уверены, что душа ваша обретет вечную жизнь». А верующий должен ответить: «Я получаю молитву от Бога и от вас, и от Церкви».

Затем они должны вновь спросить его, желает ли он получить молитву. И если он согласен, то пусть они облачат его в рубашку и штаны, если это возможно сделать, и помогут ему сесть, если он в состоянии поднимать руки. Потом они должны положить ска-

терть или какой-либо иной кусок ткани перед ним на кровать. На эту скатерть им надо положить Книгу, а затем один раз прочесть *venedicite* и трижды *adoremus patrem et filium et spiritum sanctum*. И потом он должен взять Книгу из рук старейшины. Далее же, если он может ждать, тот, кто ведет службу, должен наставить его и прочесть ему назидание, со всеми надлежащими словами, кои по такому случаю требуются. Потом тот, кто ведет службу, снова должен спросить у него, намерен ли соблюдать обещание, которое дал, и сдержать его. Если верующий обещает соблюдать данное им обещание, христиане должны попросить его подтвердить это. А потом они дадут ему молитву, и он прочтет ее следом за ними. Затем старейшина должен сказать ему: «Эту молитву Иисус Христос принес в мир и обучил ей «добрых людей». И теперь всегда должны вы, прежде чем есть или пить, прочесть эту молитву. А если вам случится пренебречь ею, вам придется принять покаяние». И верующий должен ответить: «Я получаю молитву от Господа и от вас, и от Церкви». А затем они должны приветствовать его, как если бы он был женщиной. Потом должны они обратиться к Господу с *dobla* и с *veniae* и затем положить перед верующим Книгу. Далее они должны трижды произнести: *adoremus patrem et filium et spiritum sanctum*. Потом верующий должен взять Книгу из рук старейшины, и старейшина должен его наставить и произнести назидание, сказав слова, кои говорить необходимо при утешении. Потом старейшина спросит у верующего, имеет ли он намерение сдержать и соблюсти данное им обещание, а тот должен свое обещание подтвердить.

Затем старейшина должен взять Книгу, а недужный должен поклониться и сказать: «*Parcite nobis*. За все грехи, кои я содеял, на деле или мысленно, прошу прощения у Господа и у Церкви, и у всех вас». А христиане должны ответить: «Именем Господним, и нашим, и Церкви нашей, пусть грехи будут вам отпущены, а мы станем молить Господа, чтобы он отпустил их вам». Затем они должны дать ему утешение, возложив ему на голову книгу, и сказать: «Благослови нас и

помилуй. Аминь. Да будет с нами второе слово твое. Да простятся вам все грехи ваши и Отцом, и Сыном, и Святым Духом». А после трижды произнести: «*Adoremus patrem et filium et spiritum sanctum*», а потом: «Святой Отче, прими раба твоего в царствие твое, и да пребудет с ним милость твоя и Дух Святой». А если утешение принимает женщина, они должны сказать: «Святой Отче, прими служанку твою в царствие твое, и да пребудет с нею милость твоя и Дух Святой». После же они молятся Господу и тихими голосами читают *sezena*. И когда *sezena* будет прочитана, они должны трижды произнести *adoremus patrem et filium et spiritum sanctum* и один раз прочесть молитву громко, а потом Евангелие. Когда Евангелие будет прочитано, они должны трижды сказать: *adoremus patrem et filium et spiritum sanctum* и еще раз громко прочесть молитву. А потом они должны приветствовать ее, как если бы она была мужчиной. Затем должны они совершить обряд примирения друг с другом (поцеловать друг друга) и поцеловать Книгу. А если среди них находятся еще верующие или верующие женщины, то они также должны совершить этот обряд. Затем христиане должны просить спасения и давать его.

А если недужный умирает и оставляет им или отдает какую-нибудь вещь, они не должны ни сохранить ее для себя, ни взять ее себе, а должны отдать ее в распоряжение духовного лица. Если же недужный выживет, христиане должны представить его духовному лицу и молиться, чтобы он снова принял обряд утешения и сделал это как можно скорее и по собственной воле.

Примечания

1. *Benedicite parcite nobis* («благослови и сохрани нас»), формула, произносившаяся по-латыни.

2. Главная молитва катаров — «Отче наш».

3. Главным Евангелием катаров было Евангелие от Иоанна, «любимого ученика Христа», возвестившего третье пришествие — пришествие Святого Духа.

4. *Venias* — поклоны либо преклонения колен во время богослужения.

5. «Верующими» катары называли тех, кто ознакомился с основами их веры, но не прошел обряд посвящения, то есть не стал настоящим «христианином».

6. Испытание — принятие «верующим» аскезы на определенное (ограниченное) время, дабы подготовиться к принятию молитвы «Отче наш».

7. «Христианами» называли тех, кто уже принял посвящение.

8. *Benedicite, parcias, gratia, adoremus* — названия молитв.

9. *Sezena, dobla* — именование молитвы Господней «Отче наш», читаемой, соответственно, шесть раз и два раза.

Перевод со староокситанского Е. Морозовой

Гийом Тирский

«ИСТОРИЯ ДЕЯНИЙ В ЗАМОРСКИХ ЗЕМЛЯХ»

(О взятии Иерусалима в 1099 году во время Первого крестового похода, где одним из вождей крестоносцев был Раймонд IV Тулузский)

С наступлением дня все войско в полном вооружении, согласно полученному приказу, подступило к городу, чтобы начать его атаку. У всех было единственное намерение: или отдать жизнь за Христа, или возвратить городу христианскую свободу. В целом войске нельзя было найти старика или больного, или какого-то совсем еще незрелого юношу, которые не горели бы священным пылом битвы; даже женщины, забыв свой пол и обычную слабость, брались за оружие, принимая на себя непосильный мужской труд. Вступив с таким единодушием в битву, они старались изо всех сил приблизить к стенам приготовленные осадные орудия, чтобы можно было легче атаковать тех, кто оказывал им мужественное сопротивление, стоя на крепостных стенах и башнях. Но осажденные, решив сопротивляться врагу до кон-

ца, пускали копья и бесчисленное множество стрел, метали камни руками и из метательных орудий, прилагая все силы к тому, чтобы отогнать наших от их стены. Наши, в свою очередь, еще более рьяно бросались вперед и, прикрывшись щитами и плетенками, непрерывно пускали стрелы из лука и баллисты, метали камни величиной с кулак и бесстрашно пытались продвинуться к стене, чтобы тех, кто стоял на башнях, лишит мужества и спокойствия. Другие же, стоявшие в осадных башнях, то старались при помощи шестов придвинуть подвижную башню к укреплениям, то пускали из метательных орудий огромные камни в стену и пытались непрерывными ударами и частыми сотрясениями ослабить ее так, чтобы она рухнула. Некоторые при помощи малых метательных орудий, называемых манганами, из которых стреляли камнем меньшего веса, сбивали тех, кто охранял от наших внешние укрепления стен.

Но ни те, которые пытались протолкнуть осадные башни к стенам, не могли должным образом выполнить их намерение, ибо продвижению препятствовал огромный и глубокий ров, прорытый перед стенами, ни те, которые пытались метательными орудиями пробить в стене брешь, не достигли удовлетворительных результатов. Ибо осажденные спускали со стен мешки с соломой и отрубями, а также канаты и ковры, громадные балки и тюфяки, набитые ватой, чтобы этими мягкими и упругими вещами ослабить удары камней и свести на нет все усилия наших. Более того, они и сами поставили у себя орудия, притом в гораздо большем количестве, чем у нас, из которых забрасывали наших стрелами и камнями, чтобы препятствовать их действиям.

И вот, когда обе стороны, предельно напрягая свои силы, сражались со всей ожесточенностью, разгорелся такой беспощадный бой, длившийся с раннего утра до вечера, что стрелы и дротики сыпались на людей с обеих сторон, подобно граду; пущенные камни сталкивались в воздухе, и сражающиеся умирали во множестве и самой разной смертью. Напряжение и опасность были совершенно одинаковы на

полях сражений и герцога, и Танкреда, и графа Тулузского, и других князей, ибо город, как упоминалось выше, был атакован с одинаковым рвением и пылом с трех сторон. Наши были более всего озабочены тем, чтобы, забросав ров щебнем, камнями и землей, можно было выровнять дорогу для продвижения осадных машин; напротив, усилия осажденных были направлены к тому, чтобы воспрепятствовать нашим в этом намерении. Тем, кто намеревался исполнить сие, они оказывали упорное сопротивление и наперебой бросали на орудия атаки горящие головни, огненные стрелы, вымазанные серой, маслом, смолой, и все то, что обычно служит горючим, чтобы поджечь их. Кроме того, они направляли на наши машины из своих громадных орудий, стоявших позади укреплений, такие ловкие удары, что у наших осадных башен едва не разбили основание, пробили бока, и одним сотрясением чуть не сбросили на землю тех, кто стоял наверху, чтобы сражаться оттуда. Но наши бросались на падающие головни и заливали их потоками воды, пытаясь укротить беспощадный пожар.

Итак, как мы уже сказали, полки герцога и графов, атаковавшие город с севера, с Божьей помощью добились того, что утомленные враги уже не осмеливались сопротивляться долее, а после того как глубокий ров был засыпан и укрепления перед стенами разрушены, они могли беспрепятственно приблизиться к стене; и лишь изредка неприятель осмеливался предпринять против них что-либо через бойницы стен. Те же, которые находились в подвижной башне, по команде герцога бросали в матрацы, набитые ватой, и в мешки с соломой огонь; и тотчас дуновение северного ветра раздуло его в яркое пламя и погнало в город. Такой густой дым, надвигавшийся все беспощаднее, что защитники стен не были в состоянии открыть ни рот, ни глаза, и ошеломленные и приведенные в замешательство потоком густого дыма, оставили стены без защиты. Узнав об этом, герцог приказал тотчас же принести те балки, которые были отняты у неприятеля, положить их одним концом на осадную башню, а другим на стену и опустить от-

кидную сторону башни, которая и легла на них, образовав нечто наподобие моста с весьма крепкой опорой. Таким образом, то, что враги придумали для своей защиты, обернулось им на гибель... Как только они увидели, что наши овладели стеной и герцог со своим войском уже ворвался в город, то покинули они свои башни и укрепления и бросились бежать в узкие улицы.

Между тем герцог и те, кто был с ним, объединив свои силы, пробегали туда и сюда по улицам и площадям города с обнаженными мечами и разили безо всякого различия всех врагов, каких только могли найти, невзирая ни на возраст, ни на чин. И такое повсюду было страшное кровопролитие, такая груда отрубленных голов лежала повсюду, что уже невозможно было найти никакой дороги или прохода, кроме как через тела убитых. Уже наши вожди различными путями достигли почти середины города, совершая бесчисленные убийства, и огромная толпа народа, и без того склонная к убийству, да еще возбужденная жаждой крови неверных, следовала за ними, а граф Тулузский и другие вожди, которые сражались с ним в окрестностях горы Сион, еще ничего не знали о том, что город захвачен и победа в руках наших.

Но громкие крики наших, вступивших в город, и ужасные вопли, которые доносились с места избияния неверных, возбудили удивление в тех, кто оставался еще в той стороне города; они спрашивали себя: что бы значили эти необычные крики и смятение кричавшего народа? Наконец они узнали, что город захвачен и наши войска вступили в него. Тотчас покинули они башни и укрепления и бежали по разным направлениям, заботясь только о собственном спасении. Большинство из них бросились в крепость, так как она была поблизости, и там укрылись. И вот воины через мост, который без всякого труда был положен на стену, и по приставленным к стене лестницам наперебой бросились в город, не встретив ни малейшего препятствия. Как только они оказались в городе, они тотчас открыли южные ворота, которые находились поблизости с ними, чтобы ос-

тальные без труда могли войти сюда. Так вошли в город знаменитый и храбрый граф Тулузский, Исодр — граф Дийский, Раймунд Пеле, Вильям из Сабраны, епископ Альберийский и многие другие знатные люди, чьи имена история для нас не сохранила, как и число их. Все они, собравшись в единое войско, вооруженное до зубов, ринулись через середину города, творя ужасное кровопролитие. Ведь те, которые, избежав герцога и его людей, думали, что смогут избежать и смерти, если побегут в другие части города, попали теперь в еще большую опасность, встретив этих; избежав Сциллы, они натолкнулись на Харибду. Такая страшная резня врагов была учинена во всем городе, столько было пролито крови, что даже сами победители, должно быть, испытывали чувство отвращения и ужаса.

Большая часть народа бежала под портики храма, потому что он был расположен в отдаленной части города и еще потому, что был огражден стеною, башнями и крепкими воротами. Однако это не принесло спасения людям, ибо Танкред отправился туда немедленно со значительной частью всего войска. Он силой ворвался в храм и, уничтожив там бесчисленное множество народа, унес, говорят, оттуда несметное количество золота, серебра и драгоценных камней; правда, позже, когда улеглось смятение, возвратил все, как полагают, в целости. Потом и прочие предводители, перебив всех, кто встречался им в различных частях города, отправились, в ограде которого, как они слышали, укрылось много людей. Они вступили туда с толпой всадников и пеших воинов и, не щадя никого, перекололи мечами всех, кого нашли там, и залили все кровью. Произошло же это по справедливому указанию Господню, чтобы те, кто осквернял святыню своими суеверными обрядами и сделал ее чужой верному народу, собственной кровью очистили ее и искупили свое преступление смертью. Невозможно было смотреть без ужаса, как валялись всюду тела убитых и разбросанные части тела и как вся земля была залита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы пред-

ставляли страшное зрелище, но еще более приводило в содрогание то, что сами победители с головы до пят были в крови и наводили ужас на всякого встречного. В черте храма, говорят, погибло около десяти тысяч врагов, не считая тех, что были убиты там и сям в городе и устлали улицы и площади; число их, говорят, было не меньше. Остальные части войска разбежались по городу и, выволакивая, как скот, из узких и отдаленных переулков несчастных, которые хотели укрыться там от смерти, убивали их. Другие, разделившись на отряды, врываются в дома и хватали отцов семейств с женами, детьми и всеми домочадцами и закалывали их мечами или сбрасывали с каких-либо возвышенных мест на землю, так что они погибали, разбившись. При этом каждый, ворвавшись в дом, обращал его в свою собственность со всем, что находилось в нем, ибо еще до взятия города было согласовано между крестоносцами, что по завоевании его каждый сможет владеть на вечные времена по праву собственности, без смущения, всем, что ему удастся захватить. Потому они особенно тщательно осматривали город и более дерзко убивали граждан. Они проникали в самые уединенные и тайные убежища, вламывались в дома жителей, и каждый вешал на дверях дома щит или какое-либо другое оружие как знак для приближающегося — не останавливаться здесь, а проходить мимо, ибо место это уже занято другими.

Памятники, с. 381—384 (Пер. Т. И. Кузнецовой)

Арнольд из Виллановы

САЛЕРНСКИЙ КОДЕКС

***

б. Ты за еду никогда не садись, не узнав, что желудок пуст и свободен от пищи, какую ты съел перед этим. Сам по желанию есть ты получишь тому подтвержденье: а указанием будет слюны пробежавшая струйка.

7. Персики, яблоки, груши, сыры, молоко, солонина, мясо оленье и козье, и заячье мясо, и бычье: все это черную желчь возбуждает и вредно болящим.

8. Свежие яйца, багряные вина, супы пожирнее, хлеб из тончайшей муки — доставляют телесную крепость.

9. Сыр молодой, молоко и пшеница полнят и питают, бычьи тестикулы также, свинина и мозг всевозможный, спелые смоквы и свежие грозди от лоз виноградных.

10. Ценятся вина по вкусу, по запаху, блеску и цвету. Доброго хочешь вина — непременно пять признаков эти: крепость, краса, аромат, охлажденность и свежесть, конечно.

11. Сладкие белые вина гораздо питательней прочих. Красного если вина ты когда-нибудь выпьешь не в меру, то закрепится живот и нарушится голоса звонкость.

12. Рута, чеснок, териак и орех, как и груши, и редька противоядием служат от гибель сулящего яда.

13. Воздух да будет прозрачным и годным для жизни, и чистым. Пусть он заразы не знает и смрадом клоаки не пахнет.

14. Если принятье вина ввечеру для тебя вредоносно, пей его в утренний час и послужит оно исцелением. Лучшие вина у нас вызывают и лучшие соки. Вялость почувствуешь, если вино окажется темным. Светлым пусть будет оно и созревшим, и тонким, и старым. Смешанным также с водою, игристым и выпитым в меру.

15. Пиво не кислым должно, но прозрачным в достаточной мере быть, и из зерен отборных, а также, как следует, старым. Пиво такое, коль выпьешь, не будет обузой желудку.

16. Должен умеренность в пище себе ты назначить весною. В летний же зной особенный вред от пиршеств чрезмерных. Осенью будь осторожен с плодами: беда не стярлась бы. Сколько захочется — ешь без опаски ты в зимнюю пору.

Кодекс, с. 19—21 (Пер. с лат. Ю. Ф. Шульца)

ПЕСНЬ О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

Увы! Любовь, зачем ты мне велела
В последний раз переступить порог
Прекраснейшей, которая умела
Так много лет держать меня у ног!
Но вот настал разлуки нашей срок...
Что говорю? Уходит только тело,
Его призвал к себе на службу Бог,
А сердце ей принадлежит всецело.

Скорбя о ней душой осиротелой,
В Святую землю еду на Восток,
Не то Спаситель горшему уделу
Предаст того, кто Богу не помог.
Пусть знают все, что мы даем зарок:
Свершить святое рыцарское дело
И взор любви, и ангельский чертог,
И славы блеск стяжать победой смелой!

Мы восхваляем наши имена,
Но станет явной скудость суесловий,
Когда поднять свой крест на рамена
Мы в эти дни не будем наготове.
За нас Христос, исполненный любви,
Погиб в земле, что туркам отдана.
Зальем поля потоком вражьей крови,
Иль наша честь навек посрамлена!

Земная жизнь была забот полна,
Пускай теперь при первом бранном зове
Себя отдаст за Господа она.
Войдем мы в царство вечных славословий,
Не будет смерти. Для прозревших внове
Блаженные наступят времена,
А славу, честь и счастье уготовит
Вернувшимся родимая страна.

Те, кто остался дома поневоле:
Священники, творящие обряд
За упокой погибших в бранном поле,
И дамы те, которые хранят
Для рыцарей любви заветный клад, —
Все к нашей славной приобщатся доле,

Но низким трусам ласки расточат
Те дамы, что себя не побороли!

Господь сидит на царственном престоле,
Любовь к нему отвагой подтвердят
Все те, кого от горестной юдоли
Он спас, прияв жестокий смерти хлад.
Простит он тех, кто немощью объят,
Кто в бедности томится иль в неволе,
Но все, кто молод, волен и богат,
Не смеют дома оставаться в холе.

Потоки слез мне щеки бороздят, —
Я еду вдаль, предавшись Божьей воле,
Я не боюсь страданий и преград,
Одна любовь причина тяжкой боли...

Хрестоматия, с. 208—209 (Пер. Е. Васильевой)

Данте Алигьери

О НАРОДНОМ КРАСНОРЕЧИИ

Кн. I, X. А другой язык, то есть «ок», доказывает в свою пользу, что мастера народного красноречия впервые стали сочинять стихи на нем, как на языке более совершенном и сладостном, как, например, Петр Альвернский и другие старейшие мастера.

Кн. II, II. Отсюда, так как та речь, которую мы называем блистательной, есть наилучшая из других народных речей, следует, что быть изложенным этой речью достойно лишь то, что мы считаем наиболее достойным изложения. Теперь исследуем, что же это такое. Для того чтобы это стало ясно, следует знать, что, поскольку человек одушевлен трояко, а именно душой растительной, животной и разумной, он идет и тройным путем. Ибо, поскольку он растет, он ищет пользы, в чем он объединен с растениями; поскольку он живое существо — удовольствия, в чем он объединен с животными; поскольку он существо разумное, он ищет совершенства, в чем он одинок или же объединяется с естеством ангельским. Этими тремя началами определяются все наши действия. И так как в каж-

дого рода действиях одни оказываются значительнее, другие наиболее значительными, то наиболее значительные должны излагаться наиболее значительно и, следовательно, наиболее значительной народной речью. Но следует разъяснить, что такое наиболее значительное. Во-первых, в смысле пользы: здесь, если хорошенько разобраться, мы найдем, что целью всех ищущих пользы оказывается не что иное, как спасение. Во-вторых, в смысле удовольствия: здесь мы говорим, что наибольшее удовольствие состоит в том, чтобы удовлетворять наши желания самым из них ценным, то есть любовным наслаждением. В-третьих, в смысле совершенства, а это вне всякого сомнения — добродетель. Поэтому эти три предмета, а именно спасение, любовное наслаждение и добродетель, являются первенствующими, и говорить о них, как и о том, что ближайшим образом к ним относится, то есть о воинской доблести, любовном пыле и справедливости, следует с наибольшей значительностью. Только это, если память нам не изменяет, и воспевали народной речью блистательные мужи, именно Бертран де Борн — брани, Арнальд Даниель — любовь, Герард де Борнель — прямому [...] Вот говорит Бертран: *Я песней не могу не разразиться*. Арнальд: *Роц густолиственных побеги обнажил / Холодный воздух*. Герард: *Чтоб пробудить веселье, / Что сон сковал глубокий*.

Кн. II, III. Теперь же попытаемся проследить поскорей, каким образом следует нам слагать в стихи то, что достойно столь высокой народной речи. И вот, желая разъяснить размер, каким оказываются достойны слагаться эти стихи, нам прежде всего надо напомнить, что творцы поэтических произведений на народной речи сочиняли их разнообразными размерами; кто канцонами, кто баллатами, кто сонетами, кто вне законов и правил стихосложения.

Кн. II, V. Из всех этих стихов более величавым является одиннадцатисложный, как по продолжительности, так и по простору для мысли, для строя речи и для слов; и выразительность всего этого сильно в нем возрастает, что совершенно очевидно; ибо при возрастании веского возрастает и вес. И это отлично взвешив-

вали все мастера, начиная канцоны с этого стиха, как Герард де Борнель: *Услышите вы песен совершенство.*

И мы говорим, что следующим за этим, самым знаменитым стихом, идет стих семисложный. После него мы ставим пятисложный, а затем трехсложный. А девятисложный, из-за того, что является утроенным трехсложным, либо никогда не был в почете, либо вышел из употребления как надоедливый. Стихами же с четным числом слогов пользуемся мы лишь в редких случаях, ибо они верны сущности своих чисел, стоящих ниже чисел нечетных, подобно тому, как материя стоит ниже формы; подводя итог вышесказанному, мы видим, что самым величавым оказывается стих одиннадцатисложный.

Кн. II, X. Поэтому, чтобы иметь познание канцоны, которого мы жаждем, обсудим теперь вкратце определители ее определения; и осведомимся сначала о напеве, затем о расположении и, наконец, о стихах и слогах. Итак, мы говорим, что всякая станца должна быть слажена для восприятия некоего голоса. Но метрически они строятся по-разному, так как некоторые идут до самого конца на один и тот же голос, то есть без повторения каждой модуляции и без дизезы, а дизезой мы называем переход, ведущий от одного голоса к другому; обращаясь к людям необразованным, мы называем это оборотом; и такого рода станца обычна почти во всех канционах Арнальда Даниеля, и мы следовали ему, сказав: *На склоне дня в великом круге тени.*

Данте Алигьери, с. 270—304

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

***

Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неисчетный раз,

И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала.

Он сам себе светил, и было два
В одном, единый в образе двойного,
Как — знает Тот, чья власть во всем права.

Остановись у свода мостового,
Он кверху руку с головой простер,
Чтобы ко мне свое приблизить слово,

Такое вот: «Склони к мученьям взор,
Ты, что меж мертвых дышишь невозбранно!
Ты горших мук не видел до сих пор.

И если весть и обо мне желанна,
Знай: я Бертран де Борн, тот, кто в былом
Учил дурному короля Иоанна!

Я брань воздвиг меж сыном и отцом:
Не так Ахитофеловым советом
Давид был ранен и Авессалом.

Я связь родства расторг пред целым светом;
За это мозг мой отсечен навек
От корня своего в обрубке этом:

И я, как все, возмездья не избег».

Ад, песнь XXVIII, 118—142

***

«Но видишь — там какой-то дух сидит,
Совсем один, взирая к нам безгласно;
Он скажет нам, где краткий путь лежит».

Мы шли к нему. Как гордо и бесстрастно
Ты ждал, ломбардский дух, и лишь едва
Водил очами, медленно и властно!

Он про себя таил свои слова,
Нас, на него идущих, озирая
С осанкой отдыхающего льва.

Вождь подошел к нему узнать, какая
Удобнее дорога к вышине;

Но он, на эту речь не отвечая,
Спросил о нашей жизни и стране.
Чуть «Мантуя...» успел сказать Вергилий,
Как дух, в своей замкнутый глубине,

Встал, и уста его проговорили:
«О мантуанец, я же твой земляк,
Сорделло!» И они объятья слили.

Чистилище, песнь VI, 58—75

***

«Брат, — молвил он, — вот тот (и на другого
Он пальцем указал среди огней)
Получше был ковач родного слова.

В стихах любви и сказах он сильней
Всех прочих; для одних глупцов погудка
Что Лимузенец перед ним славней.

У них к молве, не к правде ухо чутко,
И мненьем прочих каждый убежден,
Не слушая искусства и рассудка».

***

Я подошел к указанному мне,
Сказав, что вряд ли я чье имя в мире
Так приютил бы в тайной глубине.

Он начал так, шагая в знойном вире:
«Столь дорог мне учтивый ваш привет,
Что сердце я вам рад открыть всех шире.

Здесь плачет и поет, огнем одет,
Арнаут, который видит в прошлом тьму,
Но впереди, ликуя, видит свет.

Он просит вас затем, что одному
Вам невозбранна горняя вершина,
Не забывать, как тягостно ему!»

И скрылся там, где скверну жжет пучина.

Чистилище, песнь XXVI, 115—148
Данте, с. 196—197, 248—249, 340—341

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Морозова. Трубадуры: поэзия и повседневность</i>	6
ВВЕДЕНИЕ	
«Трубадур» и «двор»: неразрывное единство	18
Земля в окружении морей и гор, ее согревает солнце и овевают ветры	23
В чьих руках власть	25
КУРТУАЗНЫЕ ДВОРЫ ОКСИТАНСКИХ СЕНЬОРОВ	
Хороший двор и куртуазная служба	
Власть сеньора	28
Двор переменчивый и непостоянный... ..	29
Двор щедрый и веселый... ..	31
Двор юных	33
Дворы и меценаты	34
Куртуазная служба	42
«Куртуазность — это любовь»	43
Трубадуры поют во славу Женщины	
Дочери Евы	44
И женщина становится дамой	46
Куртуазная любовь	47
Дама в комнате и в саду	49
Женщина среди дикой природы	51
Трубадурки (trobairitz)	53
Женская любовная лирика	57
Дамы-меценатки	59
Призрачная власть женщины: история Эрменгарды	61
Женщина в повседневной жизни	63
Сражения и игры	
Власти и война в XII столетии	67
Куртуазность и рыцарство	72
«Мой друг конь»	74
Праздники, календарь, времена года	75
Церковные праздники	78
Чудесный сезон мирских праздников	79
Сеньор на празднике; щедрость сильных мира сего	81
Под звуки музыки: танцы и баллады	85
Светские игры: шахматы, кости, триктрак	87
ТРУБАДУРЫ И ИХ ИСКУССТВО	
Роль трубадуров в жизни общества юга Франции	
Феодалная лестница	90
Ранние биографии	92
Высшая ступень социальной лестницы: Гильем IX, первый трубадур	94

Знатный трубадур в семейном кругу: Раймбаут Оранский ...	97
Трубадуры: короли и сеньоры	100
Трубадуры, владеющие замками	102
Семейство трубадуrows: Ги д'Юссель и братья	103
Женщина-трубадур: изображение на миниатюрах	104
Трубадуры из неимущих и простолюдинов	106
Между дворянами и простолюдинами: Бернарт де Вентадорн	108
Поэты, в старости ставшие монахами, и почтенные клирики, вступившие на стезю трубадуrows	110

Ученичество и ремесло

Статус жонглера и трубадура	112
Как становились трубадурами	117
«Инструменты» трубадуrows и Церковь	119
О куртуазных добродетелях	123
Музыка	125
Музыкальные сочинения и нотная запись	128
Музыкальные инструменты	132
Исполнение, или Перформанс	134
Коммуникативное ремесло: трубадуры и меценаты	138

Странствия трубадуrows

Бродяги и авантюристы	141
На дорогах Юга	142
Поэтическая кавалькада Гаусельма Файдита	143
Заморские путешествия: Крестовые походы и паломничества	145
Отплытие на корабле	146
«Нет! Хватит волн морских...»	147
Млечный Путь: дорога святого Якова	151
Дороги	153
Препятствия и дурные встречи	155
Выгодно переодеваться паломником	159

ОБЫДЕННОСТЬ И РОСКОШЬ

От замка к замку

Городские жилища	160
Замки трубадуrows	163
Замки Аквитании и Лангедока	164
Селение Омела, или Детство трубадура	167
Омела, или Детство двух наследниц	171
Замок: зал и комната	173
Обеденное меню: будни и праздники	176
Заморские продукты и пряности	178
Поварское искусство	179
Пиршество в замке сеньора	180
Распорядитель пиршества	181
Поведение за столом	183

Забота о внешности и красоте тела

Благопристойная умеренность	185
Мода «варварская» и экстравагантная	186
Роскошь в одежде	188
От красного к синему	190
Волосы и борода	191
Фламенка и бани	193
Старухи и дамы, злоупотребляющие косметикой	195

Смерть и погребальные обряды

Медицина на юге Франции	198
От жизни к смерти: достойный переход	200
Демоны и чудеса	203
Недостойная смерть	204
Благостная кончина	205
«Скитальца плащ с собой беру соболей мантии взамен» ...	207

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА И ТРУБАДУРСКОЕ ИСКУССТВО

Трубадуры на Голгофе

Великая трагедия XIII века	208
Год 1200-й катары на юге Франции	210
Год 1200-й катары и трубадуры	211
Трубадуры и религия	213
От Альби до Монреала: первые диспуты	215
Крестовый поход против альбигойцев: замысел	219
Крестовый поход и его первые летописцы (1209—1229) ...	221
Инквизиция и король	225

Гуманизм завоевывает Европу

В тоске, в печали	229
Сирвенты в защиту Благородства	231
Мятеж против власти: Римская церковь и французский король	232
Безумный дождь: перевернутые ценности	234
Новые ценности — новые функции трубадура	236
Молитва трубадура: внутреннее пристанище	237
Новым ценностям — новые формы: роман, новелла, жизне- описание и комментарии	239
Святая Дева: образ идеальной дамы	242
Файдиты при дворах Италии и Испании	244

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наследие трубадуров	247
Примечания	251
Библиография работ на русском языке	266
Хронологический указатель трубадуров	267
Алфавитный указатель трубадуров	278
Глоссарий	280

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПЕСНИ ТРУБАДУРОВ И СОЧИНЕНИЯ ИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Поэзия трубадуров

Безымянные песни	284
Гильем IX Аквитанский, граф де Пуатье	288
Маркабрюн	291
Серкамон	294
Джауфре Рюдель	296
Клара Андузская	297
Бернарт де Вентадорн	298
Пейре Овернский	303
Графиня де Диа	306
Раймбаут Оранский	312
Гираут де Борнель	315
Арнаут Даниэль	316
Бертран де Борн	319
Ричард Львиное Сердце	326
Дофин Овернский	327
Фолькет Марсельский	328
Раймбаут де Вакейрас	332
Пейре Видаль	335
Кастеллоза	337
Аймерик де Пегильян	339
Пистолета	342
Пейре Карденаль	343
Сордель	349
Пейре Гильем и Сордель	350
Гираут Рикьер	352
Жизнеописания трубадуров	
Монах Монтаудонский	357
Гильем де Кабестань	362
Мария Вентадорнская	370
Фламенка	372
Песнь о Крестовом походе против альбигойцев	377
Служебник катаров	386
Гийом Тирский	399
Арнольд из Виллановы	404
Конон де Бетюн	406
Данте Алигьери	407

**Брюнель-Лобришон Ж.
Дюамель-Амадо К.**

Б 89 Повседневная жизнь во времена трубадуров XII—XIII веков/ Пер. с фр., предисл. Е. Морозовой. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 414[2] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02477-X

Трубадуры — певцы Любви и Прекрасной Дамы — создали не только замечательную поэтическую культуру, но и своеобразную культуру любви, возвысили любовное переживание до степени искусства. Главной темой, содержанием и сутью поэзии трубадуров является любовь к Даме, любовь, которую принято называть «куртуазной». Книга Женеьевы Брюнель-Лобришон и Клоди Дюамель-Амадо дает основание для размышлений на самые разные темы, так или иначе связанные с трубадурами и их эпохой: «трубадуры и катары», «трубадуры и Церковь», «куртуазия и служение»...

Для более полного представления «повседневной жизни во времена трубадуров XII—XIII веков» книга дополнена переводами из старооксиканской поэзии.

**УДК 882-1(4)
ББК 84-5(4Фра)**

**Брюнель-Лобришон Женеьева
Дюамель-Амадо Клоди**

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЕНА ТРУБАДУРОВ XII—XIII веков

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **Т. А. Бахвалова**

Художественный редактор **К. Г. Фадин**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 04.02.2002. Подписано в печать 29.11.2002. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 15,21+0,84 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ 22196.

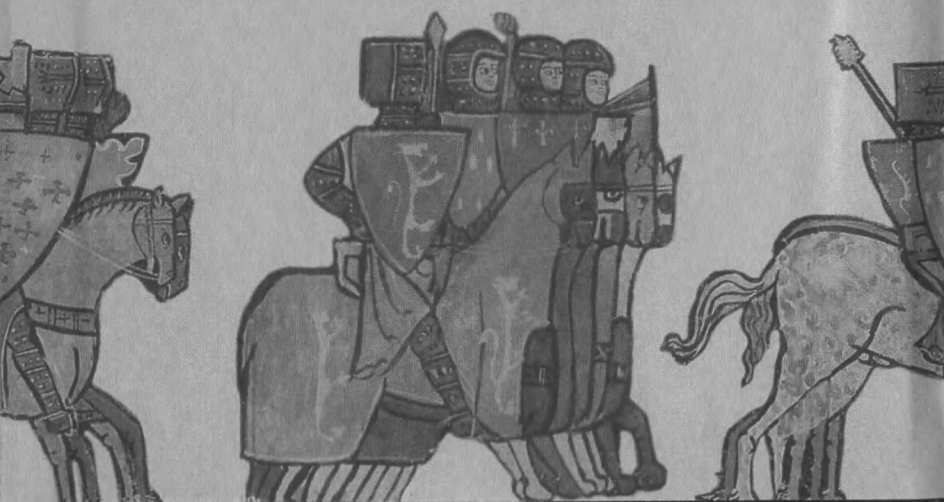
Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru.

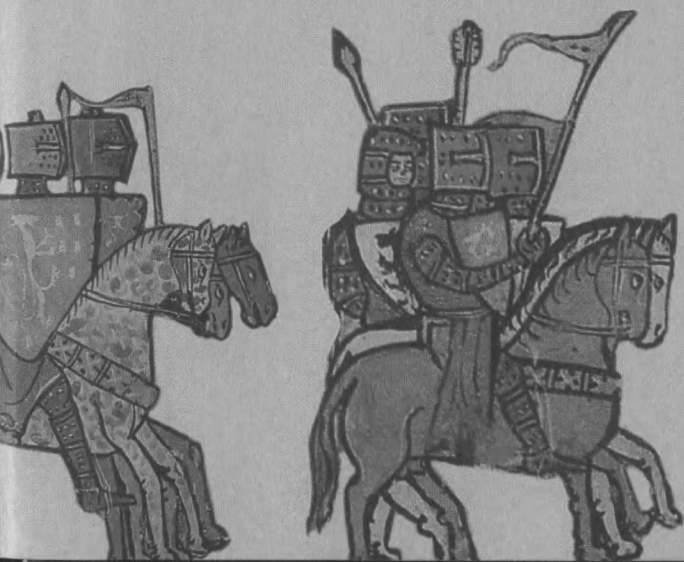
Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02477-X

Conomplati ossious eltar
Nunquexa en home aut
ihuc, i en home mit
i libri quon, te resco, aut
un repus legon q' dicit eir
o emis uonnuena de peccat

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Л. Мулен

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО
МОНАШЕСТВА

Л. Флэм

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРЕЙДА
И ЕГО ПАЦИЕНТОВ

С. Охлябинин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОЙ АРМИИ
ВО ВРЕМЕНА
СУВОРОВСКИХ ВОЙН

Ж. Марабини

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЕРЛИНА ПРИ ГИТЛЕРЕ

А. Зверев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПАРИЖА

ISBN 5-235-02477-X

9 785235 024779

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ